

Лучьян Смолоз. Том III. На заслуженном отдыхе

Никита Меньков

2024-05-06

Contents

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ. НА ОСТРОВЕ ХОРТИЦА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НА НОВОМ МЕСТЕ

На середине пути двигатель корабля стал барахлить, и Лучьян, обеспокоенный, взял курс на пояс астероидов и подлетел к Церере — карликовой, малонаселённой планете, где всё же можно было починить судно. Он посадил корабль в единственном её космопорте.

Пока механики чинили двигатель, наши путники находились в кабинете главного диспетчера. Их приняли по высшему разряду, накормили обедом и напоили чаем. Лучьяна хорошо знали здесь, как и в любом уголке Солнечной системы.

Диспетчер получил информацию о том, что мимо пояса астероидов движется почтовый корабль с Земли в сторону Юпитера. Связался с ним, узнал, что это доставка письма Лесмяна Смолоза брату, и сообщил, что Лучьян находится на Церере. Вскоре судно прибыло ненадолго на Цереру, и Лучьян получил письмо.

Лесмян, узнав о свержении брата с поста Президента и его травле, возмущился не только действиями врагов Лучьяна, но и его бездействием. «Ты что, не мог разобраться с этими чиновниками? — писал он. — С тобой была полиция, армия, народы Солнечной системы! А чиновники — это всего лишь горстка людей!..» Он упрекал брата в трусости и нерешительности. Прочитав письмо, Лучьян только вздохнул: его брат не был в той ситуации и не подвергал ежедневно опасности себя и близких, ему легко рассуждать... С письмом ознакомились Виникуляр и Галлус, и Лучьян сказал им:

— Лесмьян ошибается, по прибытии на Землю я всё ему объясню...

— Почему ты должен перед ним объясняться? — возразил Виникуляр. — Дядя Лесмьян — тяжёлый человек, нам лучше не видеться и не общаться с ним. Полетим, как и собирались, на Землю, но не к нему.

— Как же не к нему? — встревожился Лучьян. — Мне жалко его, он маленького сына потерял. Три года прошло, но для родительского горя нет срока...

— Твой брат сведёт тебя в могилу своим занудством, — ответил Виникуляр. — Хоть сейчас поживи тихо и спокойно... Дальше корабль поведу я сам.

Виникуляр посадил корабль тёмной ночью на острове Хортице, в балке, заросшей кустарником. Они с Лучьяном и Галлусом частично закопали корабль в землю, нарубили веток и забросали его ими.

Ночлег путники нашли в маленькой деревушке на острове, у одинокого рыбака Тихона. Там их приняли за крестьян, скрывавшихся от польских панов. Тихон удивился, увидев молодую женщину (Радмилу) — уже несколько десятков лет это была территория Запорожской Сечи, где жили одни мужчины.

— Что же нам теперь делать? — задумался Лучьян, узнав об этом.
— Куда идти?

— Никуда, — ответил Тихон. — Поставим вам здесь хату — и живите. Никто вашу дивчину не тронет. А если вдруг казаки запротестуют — отправим её к моей матери в Суботов.

В последующие дни Лучьян, Виникуляр и Галлус с помощью мужиков из деревни срубили избу и несколько построек, поставили забор. Ворота сделали из вековых деревьев, над ними, как крышу, закрепили толстую доску. Окна прорубили большие, вставили слюдяные стёкла. Двускатную крышу устлали тонкими досками. Ступеньки для крыльца вытесали из брёвен. Мужчины сложили печь и уступили её Радмиле, а сами расположились на лавках. Лучьян сколотил столики, приделал к стенам полочки, обменял у людей некоторые свои вещи на инструменты, кухонную утварь, лучину и тканый половик. Изба получилась светлой и просторной: сени и основное помещение. В красном углу находилась божница с иконами. А рядом — маленький закуток — кухня. Там поставили и треног для воды. Во дворе был сарай, амбар, погреб с отдельным

домиком, баня, колодец-журавель, пригон и сарай для скота и сосновая колода для его кормёжки. Лучьян хотел завести корову, ухаживать за ней и пить вкусное молоко. Вместе с сыном и внуком он распахал огород.

Работы здесь было очень много. Виникуляр и Галлус быстро выучили русский и украинский языки. Они сильно тосковали по прежней жизни на Сатурне и Юпитере, со всеми удобствами, электричеством, где они могли пользоваться телефонами и планшетами.

— Нет, здесь лучше, — говорил им Лучьян. — Здесь настоящая жизнь. Мы хорошо работаем вместе, общаемся вживую, а не по компьютерам и телефонам... А какая природа, какой воздух!..

Когда выдавался свободный часок, он шёл гулять. Хортица вытянулась с северо-запада на юго-восток, разделив Днепр на два рукава. На левом рукаве река сильно обмелела и образовалась коса, по которой люди стали ходить на другой берег. На севере и северо-западе острова берега были высокие, скалистые, а на юго-востоке — пологие. Здесь расположились и степи, и луга, и густые леса. Лучьян гулял в тени клёнов, дубов, вязов, тополей, наслаждался ароматом полевых цветов — ирисов, васильков, ромашек, подкармливал уток отваренной крупой, наблюдал за чайками, цаплями, совами, за лосями, лисами, зайцами и другими животными. Однажды он увидел широкий, могучий, ветвистый дуб, которому было уже три с половиной века. Запорожцы собирались возле него на совет и молились перед походом на неприятеля. Лучьян тоже стал бывать здесь — юпитериане, вычислив его местонахождение по кораблю, начали доставлять ему пенсию из Каллир-Кадена, уже переведённую в здешние деньги — через каждые двадцать дней по ночам на Хортицу прилетал маленький почтовый корабль, и старик встречался с почтальоном возле дуба и получал пенсию. Её хватало, чтобы прокормить семейство, и оставалось больше половины суммы, но мужчины всё равно стали выращивать овощи, купили телят. Лучьян помогал нуждавшимся деньгами, одеждой, вещами и едой.

Тихон возил Лучьяна и его семейство к себе на родину — на хутор Суботов, там они познакомились с его пожилой матерью Олесей. Её покойный муж был купцом, она воспитывала пятерых детей и вела хозяйство. Теперь её сыновья и дочери разъехались, но время от времени навещали мать.

В Суботове жил со своей семьёй двоюродный дядя Тихона — сотник Богдан Хмельницкий. Он родился в 1595 году

в дворянско-шляхетской семье, имевшей герб «Абданк». Обучался в иезуитском коллегиуме во Львове. Его отец Михаил служил у королевского гетмана Жолкевского, потом у его зятя Яна Даниловича. И ему дали во владение этот хутор. В 1620 году в Цецорской битве с турками в Молдавии он погиб, а сын был взят в плен. Через два года мать выкупила Богдана. Он служил в Чигиринском полку сотником, потом войсковым писарем, затем вновь его сделали сотником. Имел большую семью: жену, трёх сыновей и четырёх дочерей. Его мать жила в Беларуси со вторым мужем и сыном.

Виникуляр крепко подружился с Богданом и во время визитов в Суботов подолгу гостил у него. Они были одного возраста, с твёрдым и властным характером, оба любили музыку и интересовались оружием, и даже внешне походили друг на друга — оба плотного телосложения, черноглазые, с усами, но Виникуляр был рыжим, а Богдан — шатеном. Иногда заходил к Хмельницкому в гости и Лучьян. Хозяин много рассказывал им о засилии польской шляхты на Украине и о казачестве.

Два века назад по Кревской унии Польша и Литва объединились, польская шляхта стала пользоваться украинскими землями, поляки принесли сюда свой духовный мир, потеснив украинскую культуру, православную веру, обычаи, традиции, язык. Люблинская уния семьдесят лет назад создала Речь Посполитую и узаконила политику притеснения украинского народа. Польские магнаты захватили Холмщину, Галичину, Подолье, Волынь, Брацлавщину, Киевщину, Левобережье и другие земли. Они создали здесь латифундии, к которым прикрепили крупные города, десятки небольших городков и сотни сёл. Эти магнаты занимали высшие должности в государственной администрации и имели неограниченную власть в своих землях. Вместе с ними на Украину прибыла мелкая польская шляхта, надеясь тоже пожить здесь. Сюда пришли и евреи, которые были барскими агентами и факторами, брали в аренду разные заведения. Латинское духовенство основало свои епископства в нескольких украинских городах. Против колонизации выступали украинские аристократические роды, пытавшиеся сберечь родную культуру, веру, образование; они создавали образовательные учреждения в своих поселениях. Большую роль в развитии украинского просвещения и культуры сыграл киевский митрополит восстановленной православной церкви Пётр Могила.

Шляхта всё больше закабаляла крестьян налогами и барщиной. Местные жители стали уходить на восток, в низовья Днепра. Там и сформировалось казачество. Почти век назад за Днепровскими

порогами появился его военный центр — Запорожская Сечь. Шляхтичи сделали крестьян бесправными, считали рабочим скотом, быдлом. И те вместе с обедневшими горожанами убегали к казакам.

В конце XVI века начались активные выступления крестьян против гнёта поляков. В 1591 — 1593 годах проходило восстание под руководством К. Косинского, в 1594 — 1596 годах — восстание под началом С. Наливайко и Г. Лободы, в 1630 — 1638 годах случилось несколько восстаний — под предводительством Т. Федоровича, И. Сулимы, П. Павлюка, Д. Гуни и Я. Острянина. Но все они были подавлены.

В дальнейшем Лучьян хорошо ознакомился с бытом и традициями казаков. Они исповедовали православие. Носили жупаны, широкие рубахи, шаровары и сапоги. Жили в избах, называвшихся куренями. У каждого была лошадь, копье, ружье, пистоль и сабля. Лучьян видел в Сечи и пушки. Заметил, что головы у всех побриты, только чубы болтаются на макушке и огромные усы украшают лицо. Они рассказывали старику о походах в Крым, в Турцию. Этим свободолюбивых людей не страшила смерть, о неё воины спокойно говорили: «Сегодня пан, а завтра пропал...» Лучьяна познакомили и с кошевым атаманом, и с войсковыми судьёй, писарем и есаулами, и с куренными.

Радмила родила сына на хуторе Суботове, в доме бабы Олеси, и хозяйка приняла у неё роды. Мальчика по святцам назвали Стёпой. Там же, на хуторе, его и крестили; крёстным стал Богдан Хмельницкий, а крёстной — баба Олеся. Старушка очень хотела, чтобы мама с малышом жили у неё, и они остались с ней. Лучьян и Виникуляр жили на Хортице, Галлус большую часть времени проводил с ними, но вместе с Тихоном почти каждую неделю ездил в Суботов, и Лучьян передавал с ними молоко, урожай с огорода и другие подарки для Радмилы, Стёпы, бабы Олеси, Богдана и его семьи и других жителей хутора.

Стёпа был похож на мать и внешностью — такой же темноволосый и темноглазый, — и спокойным характером. Первый год жизни он провёл в зыбке — плетёной люльке, подвешенной к потолку. Научившись ходить, малыш много передвигался по избе, в одной короткой рубашонке, играя с разными вещами, которые попадутся под руку. Мать и баба Олеся по очереди приглядывали за ним. Всё холодное время года Стёпа находился в избе, так как не было хорошей зимней одежды, а в тёплое выходил погулять, тоже под присмотром. Радмила кормила его грудью, в полгода баба Олеся стала давать ему молочную

гречневую кашу, а в год он попробовал похлёбку. В три года мальчик ел то же, что и взрослые, спал на полатах и был вполне самостоятельным. Любил играть в мяч или «лошадку», скача на палке. И мечтал, когда вырастет, стать казаком, воином Запорожской Сечи.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТРАГЕДИЯ

Лучьян переживал за брата и решил написать ему письмо, спросить о его здоровье, душевном состоянии. Он рассказал в послании, как на него покушались на Сатурне и на Юпитере, как бежал с семьёй на Землю и Винукуляр посадил корабль на Хортице, где они и живут теперь. Признался, что очень устал от должности Президента и мечтал отдохнуть, просил прощения за то, что всё так получилось.

Прошло несколько месяцев после отправки письма брату, а от него всё не было ответа, и Лучьян уже совсем отчаялся, но в один прекрасный день письмо всё-таки пришло. Лесмьян сообщал, что умерла мать его сына Саввочки, женщина, с которой он прожил в мире и согласии почти двадцать лет, хоть и не был официально женат на ней. Он вспоминал о том, как воспитывал маленького сына и вместе с ним — царских детей:

«...Саввочку я по-отечески, по-доброму называл малюткой, а он обижался: мол, не малютка я. Когда подавали обед, я по обыкновению брал ложку и кормил его. И сказал ему однажды: «Как же ты не малютка, когда сам не держишь ложку». Он взял её у меня и с тех пор ел сам.

Мы часто гуляли по Москве, и я следил за тем, чтобы он не угодил под какую-нибудь повозку или не упал в канаву — сын был подвижной, резвый. Один раз убежал от меня, и я кликал-кликал его, спрашивал людей, не видели ли малыша, а потом этот проказник сам вышел — прятался от меня за деревом, забавлялся...

Бывало, и царская семья выходила на прогулку. Михаил и Евдокия радовались, глядя, как резвятся детишки. Зимой мы катались с горки, лепили снежную бабу, играли в снежки. Детки так отделявали друг друга, что сами становились похожими на снеговиков. Все потом счищали снег друг с друга.

По вечерам, перед сном, я показывал детям кукольные представления. Кукол изготавливал сам из материи — то были разные сказочные персонажи: люди, звери, птицы, рыбы. Детишкам очень понравились истории об Иване-Царевиче и Емеле, который лежал на печи. И я показывал им сказки, говоря голосами разных людей, рыча как волк и заливаясь

соловьём, и много ещё кого изображал, а самого меня не было видно за загородкой. Детки приходили в восторг, им казалось, что всё это происходит само собой...

У Михаила было десять детей, Алексей — третий из них, наследник престола. Он рос здоровым ребёнком, спокойным, ласковым. Я обучал его грамоте по азбуке и счёту, читал мальчику Псалтирь, и он занимался с большим интересом. Другие учителя преподавали ему географию, историю России, рассказывали о династии Романовых.

Алёше понравилась Священная история, и каждый вечер перед сном он просил меня рассказать что-нибудь о русских правителях. Я много уже пережил и повидал на своём веку и поэтому говорить мог бесконечно. Но всё равно не мог так интересно рассказывать, как ты, ведь ты в России жил больше, чем я, и повествование ведёшь превосходно — с добротой в голосе, имитируя интонации и голоса героев.

Когда он повзрослел, я стал пересказывать ему роман-эпопею, которую писал двадцать с лишним лет; это произведение из двадцати четырёх томов посвящено династии Рюриковичей. Чтобы создать его, я вспомнил много событий, очевидцем или участником которых был сам, прочёл немало документов, книг, летописей. В романе приводится много твоих воспоминаний, высказываний...»

Вместе с письмом Лесмян прислал картинку, на которой были изображены три мальчика в нарядных кафтанах: впереди — царевич Алексей, темноглазый, с густой шапкой каштановых волос, за ним — русоволосый Миша Долгоруков, сын стольника, а позади — Савва со светлыми-светлыми волосами.

Лучьян, поняв, как брат нуждается в нём, тут же написал ему новое письмо. Он рассказал о Хортице, о своём хозяйстве, о казаках, живших по соседству. Не скрыл своих опасений по поводу грядущей войны: украинцы, притеснённые и побитые польской шляхтой, вот-вот обрушат на неё свой праведный гнев...

Второе письмо от Лесмяна пришло уже быстрее. Он рассказывал о набегах татар на южнорусские земли, о борьбе русских и турок за Азов и о строительстве новых городов на южных рубежах для защиты населения.

Однажды жарким летним днём, пася коров на лугу, Лучьян встретил нескольких казаков и узнал от них, что умер русский царь Михаил Фёдорович. Престол отошёл к его сыну Алексею, воспитаннику Лесмяна...

Ранней весной, когда ещё не начались работы на огороде, Лучьян решил навестить своего брата. Он собрал вещи в дорогу и стал ждать возвращения Виникуляра и Галлуса, которые уехали в Суботов, чтобы они помогли ему откопать и привести в готовность корабль. Но их не было уже больше двух недель. Словно в воду канули... У старика сжималось сердце в тяжёлом предчувствии.

И вот как-то утром во дворе раздался топот копыт. Лучьян вышел встретить сына и внука, они слезли с лошадей, оба были измученные, белые как мел, только глаза покраснели.

— наших Радмилы и Стёпы... больше нет, — тихо сказал Виникуляр.

— Их убили! — воскликнул Галлус. — Мерзавцы...

Он заплакал и обнял деда. У Лучьяна всё поплыло перед глазами, ноги подкосились, и он упал. Очнувшись в своей постели; сын и внук хлопотали возле него.

Он узнал, что на Суботов в отсутствие Богдана Хмельницкого напал его враг Чаплинский, чигиринский подстароста, с зятем Ясинским, и забрал всё его имущество, скот и хлебные запасы. Слуги Чаплинского забили до смерти его десятилетнего сына Остапа, который пытался помешать им, и выкрали служанку Елену. Потом Ясинский разграбил двор бабы Олеси, пытался надругаться над Радмилой, но она отчаянно сопротивлялась, баба Олеся и пятилетний Стёпа пытались защитить её — и всех троих убили. После этого разбойники скрылись. Приехавшие вскоре на хутор Богдан, Тихон, Виникуляр и Галлус были потрясены случившимся. Они оплакали и похоронили погибших. Вскоре умерла и больная жена Богдана Анна, не выдержав потери сына.

— Как же земля носит таких негодяев... — вздохнул Виникуляр.
— Нападать на беззащитных, грабить, убивать... Это выродки, а не люди.

— Они лишили меня семьи, — говорил Галлус, и слёзы катились по его лицу. — Моё сердце теперь окаменело. Я не успокоюсь, пока не уничтожу это чудовище — Ясинского. Я его из-под земли достану! Он умрёт страшной смертью...

Лучьян весь вечер плакал и убивался по погибшим, и сын с внуком не отходили от него...

На следующий день Галлус ушёл куда-то, потом вернулся и сказал отцу:

— Мы с Тихоном наведаемся домой к Ясинскому, пройдемся по его усадьбе огнём и мечом. Отомстим за наших родных и накажем эту сволочь.

— Будь осторожен, сынок, как бы тебя самого не убили, — предупредил его Виникуляр. — Храни тебя Господь...

Галлус посмотрел на дедушку: тот спал, и лицо его выражало страдание — наверное, снилось что-то плохое...

— Пусть спит, — шёпотом сказал Виникуляр. — Он всю ночь проплакал, утром ему совсем плохо было. Я сделал ему отвар из валерианы, напоил. Ему нужно набраться сил...

Глубокой ночью Галлус и Тихон подъехали к усадьбе Ясинского возле деревни Красноселья. Спешившись за полверсты от неё в роще и привязав коней к деревьям, двинулись к имению пана. Затаившись в кустах возле плетня, стали высматривать, есть ли кто во дворе. Один сторож стоял у ворот, другой ходил по двору. В окнах огромного терема горел свет, слышались пьяные голоса — видно, Ясинский гулял со своими друзьями-панами. Галлус, пробравшись к плетню, постучал по нему ладонью, и один из сторожей двинулся в его сторону, с опаской вглядываясь в темноту. Медленно и осторожно приблизился и остановился шагах в двадцати от мужчин. Галлус поскрёб по плетню пальцами и, когда сторож подошёл ещё ближе, сразил его ударом кистеня. Второй тоже бросился в их сторону, но Тихон метко поразил его копьём. Однако тот громко вскрикнул, и это услышали в доме.

На крыльцо выбежали испуганные, взволнованные паны и слуги Ясинского, тревожно переговариваясь. Галлус и Тихон зашли во двор, открыли по ним огонь из ружей, и те один за другим повалились на землю. Паны были пьяны, слуги растерялись, и никто не смог защититься или спрятаться. Но потом стали стрелять из окна дома. Засвистели пули, Галлус почувствовал сильное жжение в руке, его рукав пропитался кровью. Тихону попали в голову, и он повалился на землю. Галлус, укрывшись в кустах, стал ждать. Огонь затих, и через некоторое время из приоткрытой двери терема выглянул Ясинский, исчез, его долго не было, потом он вновь появился, и Галлус застрелил своего врага.

Он прождал около часа — никто больше не появлялся, всюду была тишина. И двинулся к дому, зашёл внутрь, оглядел комнаты. В зале на столе стояла посуда с остатками еды, недопитые кубки, сильно пахло спиртным. Галлус собрался уйти, но под лавкой послышался шорох, и он нагнулся и вытащил оттуда молодую женщину в шелковом платье.

— Ты кто? — спросил он.

— Не убивайте... — испуганно прошептала она. — Я жена пана Ясинского...

— Жена Ясинского? Этот мерзавец убил мою жену и сына, я отправил его к дьяволу. И тебя тоже сейчас отправлю к нему...

— Нет, нет, не убивайте! Ради Бога Милосердного, сжальтесь!

Трясаясь от страха, она встала на колени и припала к его ногам. Он постоял немного в раздумье, потом брезгливо отбросил её от себя. Подошёл к столу, вылил из бутылки водку, опрокинул свечи, и комнату осветило яркое пламя. Галлус вышел из дома, женщина выбежала за ним.

Во дворе он ударил огнём о камень, высек огонь и стал поджигать всё вокруг. Огромное пламя охватило имение убитого Ясинского. Галлус взвалил на плечи тело Тихона и вышел со двора. Женщина, спасаясь от пожара, двинулась за ним. Они дошли до коней, и Галлус положил тело друга на одного из них.

Теперь он хорошо рассмотрел женщину. Она была невысокого роста, с чёрными, как смоль, волосами и большими зелёными глазами. «Похожа на колдунью», — подумалось ему.

— Пойдём со мной, — вздохнул он. — Теперь тебе всё равно идти некуда...

Богдан Хмельницкий, тяжело переживший смерть жены и сына, прибыл на сейм в Варшаву и рассказал там о страшных делах Чаплинского, надеясь, что паны восстановят справедливость и накажут его. Но пострадавшему никто не помог, даже не посочувствовал; некоторые, наоборот, посмеялись над ним. И он, оскорблённый, добился встречи с королём Владиславом IV. Тот был очень болен, лежал при смерти и стал жаловаться Богдану, что магнаты унижают и его. Потом сказал:

— Вы, казаки, воины храбрые, меч и силу имеете, так что же вам мешает постоять за себя?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Путники благополучно добрались до Хортицы. Рассказав о расправе над Ясинским, Галлус представил отцу и деду его вдове Весту. Виникуляр вытащил у него из руки пулю, а Лучьян перевязал рану. Они приготовили тело Тихона к погребению и похоронили.

Лучьян в сопровождении Виникуляра отправился в Суботов, навестил семью Богдана и побывал на кладбище. Радмила и

Стёпа лежали в одной могилке, рядом с ними покоилась баба Олеся.

— Почему смерть забрала вас, а не меня, старого? — сказал он, плача.

Они с Виникуляром посетили церковь, поставили свечи за упокой погибшим и помолились об их душах.

В Суботове и окрестных селениях все разговоры были о нападении на усадьбу Ясинского. Польская шляхта сильно возмущалась убийством Ясинского и нескольких вельможных панов, находившихся с ним, и грозилась найти и жестоко покарать убийц. Местные жители видели, как после той трагедии на рассвете молодой человек с огненно-рыжими волосами уходил от усадьбы Ясинского, вёл за собой двух коней, на одном лежало чьё-то тело, и за ними шла вдова пана. Чаплинский понял, что это был Галлус, часто прежде появлявшийся в Суботове, что это он отомстил за жену и сына. Подстаросту удивило, что его дочь шла сама за убийцей мужа. Он молил шляхту найти Галлуса и расправиться с ним, вернуть похищенную Весту.

Лучьян велел Виникуляру быстро скакать на Хортицу и предупредить Галлуса об опасности, чтобы был начеку и мог укрыться от врагов. Сын не хотел бросать отца, но тот стоял на своём, и он двинулся быстро на остров. Старик вскоре тоже выехал с хутора и за два дня не спеша добрался до дома. Виникуляр застал дома только Весту, она сообщила, что Галлус теперь стал казаком и живёт со своими товарищами. Когда отец навестил его, то не поверил своим глазам: сын побрил голову, оставив только рыже-красный чуб, и надел казацкие черкеску и шаровары.

— Не волнуйся, папа, меня теперь не найдут никакие паны, — сказал он. — Если я и погибну, то только в честном бою.

Чаплинский написал Галлусу письмо, в котором с угрозами требовал вернуть ему дочь. Прочитав его, тот отправился на Хортицу, показал послание Весте и спросил, хочет ли она вернуться к отцу.

— Нет, не отдавай меня ему, — стала просить она. — Он насильно выдал меня за пана Ясинского, а тот грубо обращался со мной, часто напивался и бил меня. Когда я рассказывала об этом отцу, он даже не пытался заступиться. Я очень боялась мужа... А здесь мне очень хорошо, никто не трогает меня...

Галлус нервно засмеялся и притянул её к себе.

— Я знаю, что ты теперь казак и тебе не позволено общаться с женщинами, — продолжила она. — Но я бы хотела служить тебе до конца своих дней. Ради тебя я на всё пойду...

— Сколько же ты натерпелась... — сказал он. — Теперь я тебя никому в обиду не дам...

В ответном письме Чаплинскому Галлус отказался вернуть его дочь, сообщил, что ей хорошо на новом месте, её никто не обижает. «Ты сам же украл у Хмельницкого девушку, которую он считал членом своей семьи, — писал он. — И другие дела пострашнее сделал. И добро, и зло возвращаются...» Получив это письмо, Чаплинский пришёл в бешенство...

Богдан Хмельницкий прибыл в Запорожскую Сечь и там начал создавать казацкое войско. Реестровые казаки перешли на его сторону. Он заключил союз с крымским ханом, врагом польской шляхты, и получил от него четыре тысячи воинов перекопского мурзы Тугай-бея. Богдана избрали гетманом, и на Сечи появились тысячи украинцев из разных земель, чтобы примкнуть к его войску.

— Братья! — сказал он на гетманских выборах. — Нет для нас правды в Польше. Переживаем мы тяжкие времена, но будут ещё грознее и хуже — сенат польский хочет погубить всё казачество до последнего человека. Должны ли мы и дальше терпеть наше рабство, позволять ковать себя в кандалы и цепи; позволим ли мы и дальше погибать всем нашим братьям на Украине?

Польская шляхта запрещала украинцам прибывать в Сечь, принимала строгие меры, наказывала, чтобы не допустить их туда, но они всё равно убегали к казакам, собирались в войско.

Коронный гетман Николай Потоцкий, узнав о деятельности Богдана Хмельницкого, сказал:

— Позор посылать большое войско против какой-то никчёмной шайки хлопов...

И отправил реестровых казаков, чтобы разобрались с ним, но и те перешли на его сторону.

Потоцкий собрал войско — двадцатитысячную армию и шеститысячный авангард сына Стефана. Авангард оторвался от основных сил и ушёл вперёд. Войско Хмельницкого, насчитывавшее до восьми тысяч человек, ждало противников у реки Жёлтые Воды, впадавшей в Ингулец.

— Рыцари-молодцы, славные запорожцы! — обратился Богдан к своим воинам перед сражением. — Пришёл час постоять грудью за православную веру. Бог вам поможет! Стойте смело против гордой польской силы. И чего вам бояться? Отцы наши били их наголову, а вы — сыны тех же могучих предков ваших! Покажите свою удасть, добудьте славы и рыцарства вечного. Кто за Бога, за того Бог!

Козаки атаковали польское войско и ворвались в самую его середину. Поляки не смогли дать им отпора и бросились бежать, но козаки и татары окружили их. Те безуспешно отбивались и падали, сражённые саблями и копьями. Галлус сначала едва не погиб в давке, потом его вытолкнули вперёд и он отчаянно дрался с поляками, был ранен в плечо и едва не лишился руки. Козаки захватили пушки врага и стали расстреливать из них польское войско, и оно превратилось в гору трупов. Только немногие их начальники попали в плен к татарам. Сын Потоцкого получил ранение и на следующий день скончался.

Сам Потоцкий, добравшийся до Чигирина, узнал о разгроме авангарда и двинулся обратно, думая, что у казаков большее по численности войско. Вскоре пришло известие о смерти короля Владислава...

После два войска встретились ещё под Гороховым урочищем, где козаки устроили полякам ловушку в болотистой местности, разгромили их и взяли в плен вместе с артиллерией и военными запасами.

Богдан Хмельницкий опубликовал в Белой Церкви универсал, в котором объяснил, почему начал эту войну, и призвал народ сплотиться и восстать против польской шляхты.

Крестьянские восстания прошли в Галицкой, Волынской, Белорусской землях. К началу лета козаки освободили от врагов всё Правобережье, а в июне — и Левобережье. Поляки ударились в панику, целыми семьями бежали в другие страны.

Богдан Хмельницкий, обосновавшись в Белой Церкви, стал организовывать армию. В основе её были шестнадцать полков, проявивших себя в сражениях, насчитывавших около сорока тысяч человек. В их главе гетман поставил своих соратников — Ивана Выговского, Семёна Морозенко, Ивана и Данилу Нечаев, Максима Кривоноса, Ивана Богуна, Василия Золотаренко и других. А всего в армии было сто тысяч человек.

Богдан написал царю Алексею Михайловичу письмо, в котором сообщал о победах над польским войском и просил принять Украину

под власть России. Он хотел, чтобы две земли с одной культурой и верой, разделённые на многие годы, соединились вновь.

Галлуса за необыкновенную отвагу в первых битвах сделали десятником, а затем — сотником. Казаки дали ему прозвище Червоный Пивень за рыже-красный чуб, напоминавший гребешок. Поляки боялись его, считая очень опасным человеком, шляхта назначила большую награду за его голову.

Войско у поляков пополнилось, стало примерно таким же, как у казаков. На сейме избрали трёх гетманов: Доминика Заславского, Николая Остророга и Александра Конецпольского. Первый любил отдых и забавы, второй получил хорошее образование, знал латынь, но не имел таланта полководца, а третий был ещё очень молод. Богдан прозвал их «периной», «латыной» и «дытыной».

Состоялись переговоры сторон, и поляки потребовали от казаков освободить пленных дворян, оставить татар и вновь поклясться в верности Речи Посполитой, а зачинщиков бунта выдать для отправки в Варшаву. И хотели сами определить права и привилегии для казаков. Но те только осмеяли их и не согласились.

В августе Богдан с отборными казачьими полками двинулся на Волынь, к реке Случь. Две стотысячные армии встретились возле села Пилявцы. Три польских гетмана не сомневались в своей лёгкой победе над «хлопской толпой» и шли на поле боя в роскошной одежде, с дорогим оружием, богатой посудой, хорошей едой, питьём и даже постелями и ваннами. Они постоянно спорили друг с другом и не находили согласия. И утром 8 сентября Хмельницкий атаковал их спереди, а татары — с боков. Бросились наутёк и гетманы, и конница, и пехота. Пять дней казаки преследовали их и брали в плен. Взяли и оружие, и все богатства, оставленные ими.

Богдан Хмельницкий двинулся к Львову, где находился магнат Иеремия Вишневецкий, жестоко подавлявший восстания украинцев, и осадил город. Крестьяне Галичины и Западной Волыни подняли восстания, и Вишневецкий сбежал из-под носа у казаков. Богдан с войском пошёл дальше на запад и остановился у города Замостье, осадил его. В Варшаве должны были состояться выборы нового короля, и Хмельницкий через послов потребовал дать престол брату покойного Владислава — Яну Казимиру. И поставил ему условия: амнистировать всех участников войны, подчинить себе гетманов, отменить церковную унию, восстановить и обновить казацкие права, увеличить реестр казаков, позволить им выходить в море и

дать Украине территориальную автономию.

Казаки не смогли взять Замостье. Подождав две недели, они получили известие о том, что королём стал Ян Казимир. Дальше войско не пошло: многие были обессилены, болели, приближалась зима, да и местное население могло напасть...

Ян Казимир прислал Богдану письмо, в котором обещал поддержку и помощь казакам и просил остановить их поход. И Хмельницкий с войском ушёл на восток.

В начале января 1649 года они прибыли в Киев. Народ встречал их с почестями, как героев-освободителей. Иерусалимский патриарх Паисий, находившийся тоже там, нарёк Хмельницкого «князем Руси-Украины» и «главой независимого украинского государства».

Через месяц в Переяславле прошли польско-казацкие переговоры. Поляки, согласившись дать совсем небольшие уступки казакам, требовали вернуть бежавших крестьян помещикам. А казаки требовали восстановить их древние привилегии, изгнать из Украины иезуитов, увеличить реестр до сорока тысяч человек, выдать им Чаплинского и отстранить Вишневецкого от командования польской армией. Стороны не приняли условий друг друга и подписали перемирие на три месяца.

— Не останется у меня и ноги князя или паненки в стране, — сказал Богдан полякам. — А если кто захочет к нам и отведать хлеба-соли — пусть войску запорожскому будет послушный!

Галлус, приехав на Хортицу навестить отца и деда, увидел на косе и берегу верстах в трёх от их дома следы сапог нескольких человек, среди которых выделялись следы с изображением стрелы и полукруга.

«Это же герб «Дрогослав»! — понял он. — Чаплинский! Ищет свою дочь...»

Пришпорив коня, прискакал к дому деда и вздохнул с облегчением: дед, отец и Веста были в порядке, Чаплинский ещё не нашёл их. Галлус рассказал им всё и решил прислать сюда казаков из своей сотни, чтобы изловить подстаросту, а близких отправить куда-нибудь на восток. Но Лучьян не захотел уезжать:

— У меня здесь дом, хозяйство... Куда мне ехать? Пусть Виникуляр и Веста едут, а меня никто здесь не тронет, зачем я, старик, нужен этому Чаплинскому...

И никто не захотел уезжать. Галлуса удивляла беспечность

родных, но ему пришлось смириться с этим. Он надеялся, что присланные им казаки надёжно защитят, укроют их от врага в случае опасности.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ЗБОРОВСКИЙ МИР

Но перемирия не случилось. Крестьяне на Волыни и Подолье боролись со шляхтичами — нападали на их имения, крепости, костёлы и разрушали. А поляки, собравшись в войско, жестоко подавляли восстания. Много крови пролилось в этих столкновениях. Против казаков поднялось всеобщее польское ополчение — «посполитное рушение». А всё взрослое мужское население Украины двинулось в лагерь Хмельницкого.

Польское войско переправилось через Случь и пошло по Южной Волыни, опустошая селения. Крестьян паны не боялись, а встретив на пути казаков и татар, испугались и отступили к замку Збаражу. Находившийся там Вишневецкий стал руководить его обороной. Целый день казаки наступали на поляков, но взять замок им не удалось. По приказу Хмельницкого они насыпали высокий вал, подняли на него пушки и обстреляли лагерь противника. Галлус призывал своих воинов к атаке, и они прыгали в окопы неприятеля, уводили в плен солдат и забирали их припасы. Паны сидели в уготованной им западне среди разлагавшихся трупов и голодали. Съестные припасы закончились, и им пришлось питаться собаками, кошками и мышами, жевать землю, пить воду с гнилью. А казаки, видя это, смеялись над ними...

Хмельницкий велел своим воинам пробраться к траншеям противника, делая подкопы, и они загнали поляков в тупик под стены крепости. Те несколько раз отправляли к королю гонцов за подкреплением, но казаки перехватывали их. Только один изворотливый шляхтич, переодевшись в казака, пробрался через окружение и вскоре встретился с королём. Узнав обо всём, Ян Казимир с войсками двинулся на помощь панам. Богдан, оставив Галлуса и его воинов у Збаража, пошёл с остальными казаками навстречу королю.

Возле Зборова они атаковали поляков и многих перебили, в том числе и из знатных родов. Паны обратились за помощью к крымскому хану Ислам-Гирею, и тот, угрожая объединиться с поляками, заставил Хмельницкого заключить с ними Зборовский мир.

По его условиям реестр казацкого войска установили в сорок тысяч человек, позволили их семьям поселиться в королевских и помещичьих имениях Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, не завися от правительственной администрации и

помещиков. Там польскому войску нельзя было находиться. Хмельницкий получил в управление староство Чигиринское. Уния должна была повсюду уничтожиться. Но шляхетское право сохранялось, и большинство населения паны обязывали вернуться к ним.

Крымскому хану выплатили дань, и он ушёл в свою землю, король — в Варшаву, а Хмельницкий — в Белую Церковь.

Когда Богдан приехал туда, народ под звон колоколов выходил к нему с хлебом и солью. Он радовался, что смог чего-то добиться в этой борьбе. Потом радость его утихла... Поляки не хотели принимать условия Зборовского мира, считая их унижительными для себя. Шляхтичи вновь устраивали расправы над крестьянами, а те восставали. Паны собирали отряды для их подавления...

У казаков теперь появилась своя территория, где можно было создать новое государство. Высшая власть досталась гетману и казацкой раде. При Богдане находились писарь, обозный, два есаула и два судьи. Писаря Ивана Выговского он сделал своим главным советником. Есаулам дали в управление войско, обозному — артиллерию и снабжение. Страну разделили на полки и сотни.

Крестьяне убегали от панов, создавали отряды и нападали на имения, сжигали их, чтобы поляки ушли к себе на родину. Но те нанимали жолнеров и уничтожали восставших. Крестьяне толпами уходили за Днепр, в Слободскую Украину.

Хмельницкий, понимая, что казацкая армия пока значительно слабее польской, стал искать ещё союзников. Он просил московское правительство помочь, взять под защиту Украину. И пытался договориться о союзнчестве с турецким султаном, трансильванским князем и шведским королём.

Лесмян в письмах рассказывал брату о придворных делах, о разных событиях в Москве. В первые годы своего правления Алексей Михайлович мало интересовался государственными делами, он изучал богословие, читал книги, ездил на охоту и устраивал военные игры. Его воспитатель, боярин Морозов, ставший главой правительства, увеличил налог на некоторые продукты и в особенности — на соль, и из-за этого в столице народ взбунтовался, и царь отсрочил взимание налога.

К Лучьяну прибыл Галлус с хорошей новостью: его назначили полковником и определили с полком в Харьковское городище, где собирались строить новую крепость. После осады Збаража,

когда он навёл ужас на панов, казаки стали считать его своим героем, прозвище Червоный Пивень было у всех на слуху и внушало огромный трепет и уважение. Вишневецкий, до которого он совсем чуть-чуть не успел добраться, грозился поймать его и сжечь живьём в медном быке, как полвека назад сожгли Наливайко.

— Сжечь живьём? — ужаснулась Веста. — Какой же изувер этот Вишневецкий!

— Вся польская шляхта такая, — ответил Галлус. — Их пытки, казни бунтовщиков страшны, бесчеловечны. Эти нелюди могут не только спокойно смотреть на истязания, но и развлекаться ими! Только меня они всё равно живым не возьмут... Что, Чаплинский не появлялся больше здесь?

— Нет, весной и летом никого не было, поэтому я и отправил твоих казаков обратно, — ответил Лучьян. — Но несколько дней назад опять видел чужие следы на берегу...

— Вы должны уйти с острова, — твёрдо сказал Галлус. — Этот Чаплинский не даст нам теперь покоя... Мне скоро нужно ехать на новое место, может быть, поедете со мной?

— Бери с собой папу и Весту и езжай, — сказал Лучьян. — Меня тут никто не тронет...

— Ты плохо знаешь польских панов, — вздохнул Галлус. — Они расправляются и с невинными...

— Ладно, мы с отцом остаёмся, — решил Виникуляр. — В самом деле, Чаплинский же не знает, что Веста была здесь, у него не может быть никаких претензий к нам. А вы езжайте побыстрее на новое место.

— Я построю там домик для нас, — сказал Галлус Весте. — И мы поженимся.

Их собрали в дорогу, и на следующий день они отбыли в Харьковское городище. Веста хорошо обучилась верховой езде и теперь ехала на своём коне.

— Храни вас Бог, — сказал Лучьян внуку и его невесте на прощание и поцеловал обоих в лоб.

— И тебя тоже, дед, — ответил Галлус и крепко обнял его.

Потом сын и будущая сноха попрощались с Виникуляром, сели на резвых коней и двинулись в путь.

ГЛАВА ПЯТАЯ. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ МИР

Весной 1650 года казаки совершили поход на Молдавию, князь которой — Василий Лупул — был союзником Польши. Войско добралось до Ясс и там заключило с ним мир, он пообещал перейти на их сторону и выдать свою дочь Розанду за сына Хмельницкого — Тимофея. Турецкий султан одобрил этот поход и велел крымскому хану содействовать казакам в борьбе с Польшей. Но тот, потомок Чингисхана, не хотел подчиняться запорожскому гетману, да и поляки готовы были хорошо заплатить за переход на их сторону.

В том походе у Галлуса случилось несчастье. Он взял с собой Весту, которая была хорошим лекарем, выхаживала раненых и своему мужу снимала головные боли массажем. Её охраняли несколько казаков. Но на обратном пути, когда войско остановилось на ночлег недалеко от города Бельцы, она вдруг пропала. Хватившись её глубокой ночью, Галлус допросил сторожей, солдат, но никто не знал, куда делась его жена — словно в воду канула. Он разослал воинов на поиски по ближайшим селениям, потом с полком обыскал Бельцы, но Весту нигде не обнаружили. Галлус сильно прогневался на своих подчинённых, хотел казнить сторожей, упустивших его супругу, но потом передумал и просто выгнал их из войска. Он замкнулся в себе и почти перестал общаться с казаками. Те не раз слышали по ночам его бормотание:

— Я всё равно тебя найду, как бы трудно мне ни было... Найду, Веста...

Он был почти уверен, что её украли люди Чаплинского. Но утешал себя, что всё-таки тот — родной отец Весты и не сделает ей зла...

В феврале 1651 года Николай Потоцкий собрал войско под Каменец-Подольском. Гетман Калиновский в селении Красном под Баром разбил полк Данилы Нечая. Он двинулся дальше на восток и под Винницей попал в ловушку, устроенную казаками Богуна: те прорубили лёд на реке, дали воде немного замёрзнуть и посыпали её соломой, и польская конница провалилась, многие потонули, а те, кто выжил, отступили к Бару, оставив противнику обоз и артиллерию.

В июне польское войско пришло на Волынь, перебралось через реку Стырь и остановилось возле городка Берестечко. Вскоре туда прибыл и Хмельницкий с казаками и татарами. Там случилась жестокая битва. Гремели пушки и самопалы, в дыму кричали раненые и стонали умиравшие, лежали груды мёртвых тел... Казаки с огромным трудом перешли в наступление, но с поля боя бежали татары. Хмельницкий и Выговский

попытались их вернуть, но безуспешно. Поляки стали наступать и преследовать отходивших казаков, и многие из них были убиты и утонули в болоте.

В конце июля литовский гетман Радзивилл захватил Чернигов и Киев. Хмельницкий прибыл в Белую Церковь и начал готовиться к новой битве, собирать войско. Украинский народ продолжал бороться с поляками на своей земле, уничтожая продукты, сжигая дома и разрушая дороги. В это время умер Иеремия Вишневецкий, говорили, что его отравили. Крестьяне шли в Московское царство, в Слободскую Украину, в лагерь Хмельницкого, скрываясь от поляков в лесах и иногда вступая в схватки с ними. Осев на новом месте, основывали города — Харьков, Сумы, Ахтырку, Лебедин, Белополье. Приблизившись к Белой Церкви, польская армия встретила новое войско Хмельницкого, и обе стороны, не решаясь вступить в бой, начали договариваться о перемирии.

Был заключён Белоцерковский мирный договор, по которому реестр казаков сократили вдвое, для жительства им отвели Киевское воеводство, Хмельницкого отдали под власть коронного гетмана, разорвав его союз с татарами и запретив общаться с другими государствами, а польская шляхта теперь получала обратно свои имения. Богдан согласился на эти условия, только чтобы дать своей армии отдохнуть и восстановить силы.

«Украина лишилась свободы, которую кровью и потом добивалась много лет... — писал Галлус отцу и деду. — Шляхта вновь наводит свои порядки. Крестьяне и помещики избивают друг друга. По всей стране проливается кровь. Некоторые крестьяне выступают против Хмельницкого. Он опять заключил союз с крымским ханом и просит русского царя принять Украину под свою власть...»

Лучьян был расстроен известиями, приходившими от Галлуса — и тем, что Весту похитил неизвестно кто и уже больше года о ней ничего не слышно, и тем, что казацкое войско не может выстоять против шляхты. Потом он узнал от казаков о трагедии Богдана Хмельницкого: тот вызволил прислугу Елену у Чаплинского, который был уже женат на ней, и сам обвенчался с девушкой, но его родственники и приближённые не любили её, называли «ляшкой», поговаривали, что она переписывается с бывшим мужем, и однажды сын Богдана Тимош в отсутствие отца уличил её в любовных связях с казначеем и краже денег из казны и повесил их обоих на воротах.

— Казаки много говорят про исчезновение Весты, — сказал Виникуляр отцу. — Чаплинский, как я слышал, был удивлён и отрицал, что это он украл дочь... Кто же её тогда похитил? Очень загадочная история...

— Может быть, кто-то из шляхты? — предположил Лучьян. — Она женщина красивая, обаятельная, была прежде знакома со многими шляхтичами, вот кто-то и выследил её...

Переписываясь с Лесмянном, он старался не распространяться о своих бедах и больше сообщал о каких-то приятных мелочах из жизни. Брат в одном из писем рассказал, как участвовал в Земском соборе и царь Алексей Михайлович принял Соборное уложение — свод законов, который прикрепил податное население к определённой земле или посаду и юридически оформил крепостное право. Лесмян выступал за то, чтобы крепостные были не рабами, а свободными наёмными работниками, но их всё равно прикрепили к хозяевам.

«В соборе заседало более трёхсот человек, и моё мнение затерялось среди многих других... — писал брат. — Но лично наш царь Алексей очень даже прислушивается ко мне и часто обращается за советом...»

«Казаки, хотя и выиграла несколько битв, всё ещё не могут противостоят польской шляхте, — сообщал Лучьян в ответном письме. — Паны залили страну кровью, измучили украинский народ... Прошу, донеси до царя Алексея Михайловича всё, что я тебе рассказывал, убеди его принять Украину в своё подданство... Русские люди — не поляки, это братский народ, и они никогда не будут относиться к украинцам так же, как шляхта...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

Василий Лупул не захотел выдать свою дочку за сына Хмельницкого и попросил поляков укрыть его от казаков. Войско гетмана Калиновского стало охранять границы Молдавии. Возле горы Батог оно встретилось с казаками. Те обстреляли поляков, прорвались в их лагерь. Калиновского и всю армию уничтожили, не беря пленных. Помогли в этом крестьяне, устроив пожар и наведя панику на шляхтичей. А Тимоша Хмельницкого всё-таки женили на Розанде.

В Польше свирепствовала моровая язва, она умертвила гетмана Потоцкого, в городах случались пожары, в полях — наводнения, люди голодали. Лучьян видел в этом наказание Божье за то, что творили поляки на украинской земле.

Весной 1653 года коронный обозный Стефан Чарнецкий

с войском напал на Украину, стал громить города и уничтожать население. Под Монастырщиной казаки Ивана Богуна разбили их, тяжело ранили предводителя, он едва сбежал. В народе сложили про это песню: «Налетел Чарнецкий на Украину словно хищный чёрный ворон, но как стоячий оказался перед Богуном-орлом и упорхнул словно оципанный воробей...». В Молдавии при осаде Сучавы погиб Тимош Хмельницкий.

Лучьяну пришло долгожданное письмо от брата. Тот писал, что не раз говорил с царём о присоединении Украины к России. Московское правительство потребовало от Польши вернуть более благоприятные для казаков условия Зборовского мира, но получило отказ. 1 октября Земский собор решил присоединить Украину к Русскому государству и объявить Польше войну «за оскорбление царской чести и православной веры». Лесмян рассказывал также, что в Москве уже давно готовились к этой войне. Алексей Михайлович увеличил и усилил русскую армию — элитную московскую поместную конницу Государева полка, состав стрельцов и пушкарей. Были созданы полки нового строя: гусарский, рейтарские, солдатские и драгунские. Для этого на русскую службу взяли многих европейских военных специалистов.

Московское посольство во главе с боярином Василием Бутурлиным, окольным Иваном Олферьевым и дьяком Ларионом Лопухиным прибыло в Переяславль и встретилось с Хмельницким 6 января 1654 года.

8 января там созвали Раду, на которой присутствовали Хмельницкий со своей старшиной, полковники, сотники, казаки. Они заявили о своей готовности стать подданными московского царя. Послы зачитали царскую грамоту, в которой Алексей Михайлович обещал украинцам свою поддержку и защиту. Все пошли в церковь и там присягнули на верность ему. «Хмельницкий сказал: „Кроме царской высокой руки, мы не можем найти лучшего пристанища, и, если кто с нами не согласен, тот иди куда хочешь — вольная дорога“, — поведал Галлус в письме отцу и деду. — „Волим под царя восточного, православного!“ — ответил ему народ и принёс присягу в верности русскому царю...»

Московские послы отправили в разные селения своих людей, чтобы привести украинцев к присяге. В марте послы Хмельницкого — Павел Тетеря и Самуил Зарудный — обговорили с царём дела, в которых Украина получала свободу. Согласно «Мартовским статьям» Хмельницкого, украинцы сами могли выбирать

гетмана, реестр казаков устанавливался в шестьдесят тысяч человек, гетман мог общаться со всеми странами, кроме Польши и Турции, но обязательно сообщать царю, если другие государства будут замышлять что-то плохое.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. НАЧАЛО РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Весь 1653 год Москва готовилась к войне с Речью Посполитой, формировала и сосредотачивала войска. В июне царь провёл смотр Государева полка на Девичьем поле. 23 октября он в Успенском соборе объявил своим подданным о предстоявшей войне с Польшей. И к концу года назначил командующих армиями и отправил их на сборы.

Для похода на Речь Посполитую были сформированы три армии. На Смоленск наступала центральная (Смоленская) армия численностью более сорока тысяч человек во главе с царём. На Невель, Полоцк и Витебск — северо-западная (Новгородская) армия численностью до пятнадцати тысяч человек. От Брянска на Рославль, Мстиславль и Борисов шла юго-западная (Севская) армия. Ей помогали войска Хмельницкого.

Центральная армия выдвинулась из Москвы 15 мая 1654 года. Она легко взяла Дорогобуж и Белую. В конце июня — начале июля осадила Смоленск; часть войск продолжила наступление. В конце июля была захвачена Орша, в начале августа — Могилёв. Осада Смоленска затянулась, но в конце сентября горожане заставили гарнизон капитулировать и войска вошли в город.

В это время юго-западная армия взяла Рославль и Мстиславль, разбила польское войско под Борисовым и овладела Дубровкой, Шкловом и Горами. Казаки захватили Гомель, Чечерск и Новый Быхов.

Северо-западная армия взяла Невель, Полоцк, Дисну, Друю и Усвят. Витебскую крепость смогли захватить лишь после двух месяцев осады. С помощью летучих отрядов было занято всё Лифляндское воеводство.

Осенью армию частично распустили до весны. Поляки объединились с татарами и перешли в наступление на Украине, но были разбиты под Ахматовым.

Во второй половине мая 1655 года центральная армия стала наступать дальше, к Вильне. К ней примкнул казацкий полк. И в течение июля они захватили Минск и Вильно. В августе были взяты Ковно и Гродно. Части армии прорвались к Бресту, но овладеть им не смогли.

Юго-западная армия несколько месяцев осаждала Старый

Быхов и Слуцк, но безуспешно. Русские захватили Клецк, Мышь, Ляховичи, Столовичи, Миргородок и другие селения. Погиб в одном из боёв Золотаренко. Старый Быхов казаки взяли только в 1657 году. Русско-украинские войска овладели Туровом, Давыдовым (Давидгородком), Столином и Пинском.

В это время шведская армия вторглась в Польшу и захватила Варшаву и Краков. Шведский король присвоил себе Великое княжество Литовское. Русское правительство заключило перемирие с Польшей и начало войну со Швецией...

Перед Новым годом вдруг ударил мороз и всю Хортицу засыпало снегом. Лучьяну и Виникуляру пришлось расчищать огромные сугробы и утеплять курятник и хлев, чтобы скотина и птица не перемерзли. Всю осень стояла тёплая погода — и тут вдруг такая стужа...

Как-то в полдень скрипнула дверь и на пороге появился Галлус с мальчиком на руках — тому было года три, его укутали в тёплую шубу, а на голову надели шапку, почти закрывавшую ему глаза.

— Здравствуйте! — сказал Галлус. — Принимайте гостей!

Лучьян и Виникуляр бросились к нему и заключили в объятия. Потом раздели мальчика; он был хорошеньким, с карими глазами и светлой шапкой волос.

— Это Митенька, сын погибшего казака из моего полка, — объяснил Галлус. — Круглым сиротой остался...

Все сели за стол, и Лучьян подал борщ и вареники. Прибывшие путники с аппетитом поедали обед. Потом, насытившись, Галлус разговорился, рассказал, как долго сюда добирался по колено в снегу. Они с отцом заметили, как изменились за время разлуки: папа похудел, постарел, морщины покрыли лицо, в волосах появилась седина, а сын, несмотря на бесконечные походы и сражения, поправился, лицо его округлилось, он отрастил усы. Только дедушка, казалось, совсем не менялся — таким худым, с добрым лицом в морщинах, с длинной белой бородой, они помнили его всю жизнь.

Потом Митю уложили поспать на лавку, Лучьян укрыл его своим тулупом. Мужчины ушли в другой угол, и там Галлус шёпотом поведал о боях с поляками, в которых участвовал.

— Под Ахматовым погиб наш казак Александр Родионов, — сказал он. — Храбрый и благородный был воин... Вернувшись в Харьков, я узнал, что умерла и его жена. Мальчик остался совсем один. Люди подкармливали его, но никто не взял к

себе. Такое время — все живут впроголодь, зачем им ещё один лишний рот... И я забрал его. Хотя мне тяжело сейчас, но ничего, воспитаю...

— Оставь малыша с нами, — попросил Лучьян. — Ты снова уйдёшь в поход, а его куда денешь? Здесь он будет под присмотром, в тепле, не голодный...

Галлус подумал и согласился:

— Ладно, дед, спасибо тебе! И у вас будет помощник по хозяйству!

Виникуляр стал расспрашивать его о Богдане, и Галлус рассказал, что тот женился на сестре полковника Золотаренко Анне, любит её и счастлив с ней, но состарился и болен.

Ночью Лучьян заметил, что Галлус не спит — тот ворочался с боку на бок и вздыхал.

— Тоскуешь по Весте? — спросил дед.

— Ещё как, — ответил внук. — Куда она могла деться?.. Где мне её искать? Словно в воздухе растворилась, и неизвестно, кто же её украл... Не верю я, что она сама от меня сбежала...

— Ничего, скоро всё прояснится. Ваши войска будут дальше брать города Речи Посполитой и освободят Весту, если она у какого-нибудь пана... Спи, внучек...

— Теперь будет война со Швецией, и неизвестно, сколько она продлится... И спать не хочу, мне постоянно снится Веста, а потом исчезает...

На Новый год мужчины приготовили запорожский суп — капустняк, холодец, голубцы и винегрет. Галлус поставил на стол привезённую с собой бутылку горилки. Около полуночи все четверо сели за стол, Лучьян разлил горилку в кружки, налил Мите молока и сказал:

— Дорогие мои, как же хорошо, что мы встречаем этот праздник вместе... Пусть войны поскорее закончатся и наступит мир, в котором каждый будет счастлив... С Новым годом!

Они чокнулись кружками и выпили. Потом мужчины долго вспоминали свою жизнь на Сатурне — как работали, ездили в командировки, как Галлус учился в школе и институте... А Митя увлечённо слушал их истории.

Через несколько дней снег растаял и Галлус уехал, оставив Митю с отцом и дедом. Мальчик оказался очень расторопным и трудолюбивым, помогал хозяевам и по дому, и ухаживать

за скотиной и птицей, а когда пришла весна, то и в работе на огороде. Лучьян много разговаривал с ним и узнал, что отца малыш почти не помнит, а мать помнит хорошо и очень тоскует по ней... Он рассказывал, как мама, умирая, хваталась за грудь — видимо, что-то случилось с сердцем... Лучьян жалел малютку и старался отвлечь его каким-нибудь делом.

Летом Виникуляр каждую неделю ходил на рыбалку и брал Митю с собой. Лучьян водил мальчика на прогулки. Они побывали на других островах, соединённых с Хортицей косами, и видели там валуны интересной формы: один назывался «Люлькой» и походил на казацкую трубку с чубуком и протычкой, а другой именовался «Лижко» — в нём сделали углубление для лежания человека.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ВТОРАЯ ТРАГЕДИЯ

Шведская армия была очень сильной, побеждала превосходившие её по численности армии противника. Однако русские разбили шведов в Прибалтике и захватили большую часть Эстляндии и Лифляндии. Правда, взять Ригу не смогли. Войну приостановило Велиесарское перемирие 1658 года.

Алексей Михайлович вновь реформировал русскую армию. Стало больше полков нового строя и стрелецких приказов, большую часть старой конницы, состоявшей из помещиков, перевели в рейтары, гусары и копейщики. Появилось новое оружие — ручные гранаты, начали повсюду применять «надолбы» — полевые заграждения на основе полупик.

Пока шла русско-шведская война, крымские татары на Украине стали нападать на русские войска и казаков. 27 июля 1657 года от инсульта скончался Богдан Хмельницкий, и новым гетманом избрали Ивана Выговского. Стремясь к союзу с Польшей и довольствуясь уступками казакам Яна Казимира, желавшего отделить Украину от России, он в сентябре 1658 года заключил Гадячский договор о подчинении Украины польскому королю с сохранением её свободы во многих делах. Но этот договор не признали ни сейм, ни казачество. Из-за измены Выговского Россия теряла большие украинские и литовские территории.

Русское правительство поторопилось возобновить войну с поляками. Некоторые литовские города, находившиеся под властью Выговского, отказались присягать на верность Алексею Михайловичу. И в Смоленске собралась новая армия для похода на Литву. В марте 1659 года она взяла Мстиславль и разгромила польско-литовское войско, а в декабре — захватила Старый Быхов.

С апреля по июнь юго-западная армия осаждала Конотоп и была вынуждена отступить. Объединённые силы Выговского и крымского хана разбили под Конотопом русское войско и устроили страшный погром и разорение в украинских и южнорусских землях.

В течение 1660 года Московское правительство наращивало силы своих армий и планировало наступление на Варшаву. Во время этой кампании новгородская армия в короткие сроки овладела почти всем Великим княжеством Литовским, взяла Брест, но была разбита польско-литовским войском возле местечка Полонки. Противники сражались на реке Басе, и никто не победил, не перешёл в наступление. В битве под Шкловом русские одержали победу. Но в бою под местечком Чудновым они потерпели крупное поражение.

Казачество восстало против Выговского и выбрало вместо него другого гетмана — Юрия, младшего сына Хмельницкого. Но и тот оказался изменником: заключил Слободищенский трактат, подчинявший Украину польскому королю. Многие казаки не захотели признавать этот договор и считать Юрия своим гетманом. Они до последнего отстаивали Киев, когда польско-татарское войско пыталось его взять. Левобережная Украина осталась верной России.

В 1661 году русские одержали победу под Друей и были разбиты близ села Кушликовы Горы, противник взял город Вильно.

Тогда же закончилась война со Швецией, стороны заключили Кардисский мирный договор, по которому Россия вернула противнику завоёванные у него территории.

В следующий раз Галлус приехал на Хортицу, когда Мите было уже семь лет. В тот летний вечер Лучьян с его верным помощником только-только пригнали коров с пастбища — и вслед за ними во двор въехал на коне полковник с огненно-красным чубом и усами. Он слез с коня, обнялся с отцом и дедом, потом прижал к себе Митю.

— Вырос-то как, а был совсем-совсем маленький, как воробушек! Помнишь меня?

— Помню... — ответил мальчик.

— Работяга растёт, — похвалил Митю Лучьян. — Я без него теперь как без рук. Осенью буду его грамоте обучать — пора уже...

За ужином Галлус вспоминал о предательстве Выговского, перешедшего на сторону поляков, и сетовал на то, что на его стороне теперь немало казаков.

— Под Конотоп вместе с ним пришло десять полков, шестнадцать тысяч человек! — говорил он. — Сколько предателей появилось... И это среди казаков, которые столько лет терпели притеснения шляхты!

Когда они с Лучьяном разговаривали перед сном, Галлус сказал:

— Каждый день вспоминаю моих Радмилу и Стёпу, иногда вижу их во сне... Сейчас бы мой сын был уже взрослым, настоящего воина вырастил бы из него...

На следующий день он уехал. Лучьяну не хотелось отпускать его, старик даже заплакал, провожая внука в дорогу, зная, что они расстанутся надолго, может быть, и навсегда...

Вскоре Виникуляр и Митя пошли на рыбалку и вернулись домой встревоженные.

— Папа, мне нужно с тобой поговорить, — сказал Виникуляр. — Мы встретили на берегу казаков, и они рассказали нам о Весте — она попала в беду...

— Что случилось? — спросил Лучьян, испугавшись.

— Её привезли в Варшаву и вот-вот должны будут судить... Весту во время того похода украли люди Иеремии Вишневецкого, который давно был к ней равнодушен. Тот долго держал её взаперти и много раз пытался добиться близости с ней, но она отчаянно сопротивлялась. Он потерял терпение и стал просто брать пленницу силой. Женщина вроде бы смягчилась и стала лучше к нему относиться, и магнат выпустил её из-под замка, но приставил к ней стражу. И однажды он отравился во время обеда. В отравлении заподозрили Весту. Но гетман Потоцкий замял дело и увёз её с собой. Он тоже держал нашу невестку под стражей и хотел близости с ней, грозясь выдать её правосудию. И однажды так же внезапно скончался. Веста бежала из его дома, хотела добраться до Галлуса, но при попытке угнать коня у какого-то пана в Хмельнике была задержана. Её допросили и поместили в тюрьму; на всех допросах она называлась другим именем и рассказывала выдуманную биографию, говоря, что является сиротой, у которой шляхта побила всю родню. Судья решил помочь ей и с помощью одного влиятельного пана вернуть бедняжке хотя бы имущество, которое, по её словам, отняла шляхта. Но пан узнал в ней женщину, давно разыскиваемую по подозрению в убийстве Вишневецкого и Потоцкого... Весту

вновь заковали в кандалы и отправили в Варшаву... Боже, что её теперь ждёт!

Лучьян сел за стол и обхватил голову руками.

— Надо срочно ехать в Варшаву, — сказал Виникуляр. — Может быть, как-то удасться её спасти...

— Тебе тоже опасно там появляться, — предупредил отец. — Шляхта знает, что ты друг Хмельницкого и отец Галлуса, тебя тоже могут арестовать... В Варшаву поеду я. Возьму все деньги, что накопил с пенсий, и постараюсь выкупить Весту...

— Нет-нет, для тебя будет очень трудна эта поездка, — возразил сын. — В Варшаву поедем мы с Митей. Прикинемся слепым кобзарем и его поводырём, я надену беретку и чёрную повязку с дырочками на глаза, и меня никто не узнает; в дороге купим бандуру. А там попробуем выкупить Весту. Ты оставайся дома и следи за хозяйством.

На следующее утро Виникуляр и Митя попрощались с Лучьяном, поцеловали его и, сев на коня, двинулись в путь.

Старик долго не мог успокоиться — днём его одолевали тревожные мысли и дела валились из рук, а ночью мучила бессонница и кошмары в короткое время сна. Он молился о благополучии своих путников и Весты и надеялся, что к Новому году они вернутся. Но миновала осень, прошла долгая и скучная зима, наступила весна, а их всё не было...

В один из мартовских дней Лучьян попросил соседей присмотреть за его хозяйством, собрал вещи в дорогу, сел на коня и поехал в Варшаву. Он добирался туда около трёх недель, миновал Белую Церковь, Житомир, Ровно, Луцк и Люблин, видел и казаков, и польских солдат, но его никто не трогал.

Прибыв в Варшаву, старик поспешил в ту тюрьму, где находилась Веста, и там долго пытался добиться встречи с начальником тюрьмы, но стража гнала его оттуда, говоря, что тот занят, а один привратник, узнав, зачем Лучьян прибыл туда, сказал:

— Уходи отсюда поскорее, дедушка! Нет уже твоих близких в живых! Женщину признали виновной в измене Речи Посполитой из-за её перехода к казакам и брака с их воеводой, в отравлении Вишневецкого и Потоцкого и в колдовстве — у неё нашли амулеты, бумажки с заклинаниями, мешочки с какими-то травами... Её сожгли во дворе тюрьмы, перед казнью она всё говорила о любви к супругу... А мужчину, прикидывавшегося слепым бандуристом, разоблачили, признали в нём отца казацкого воеводы, обвинили в шпионаже и казнили здесь

же. С ним был мальчик, но он бежал... Так что уходи отсюда, иначе и тебе худо придётся!

С этими словами стражник вытолкнул Лучьяна на улицу. Тот пошёл куда-то наугад, не разбирая дороги. Слова привратника всё звучали в голове, повторялись и били больно, словно молоток... Старик останавливался, чтобы не налететь на прохожих, спешивших куда-то, и утирал слёзы, и шептал: «Виникуляр, сынок, как же так... Веста...» Уже где-то на окраине города его стало тошнить от голода, он упал в какую-то канаву и потерял сознание...

А очнулся в какой-то маленькой комнатке в постели, женщина средних лет, худая, с добрым, приветливым лицом, кормила его куриным бульоном. Придя понемногу в себя, он узнал, что находится в таверне пани Корнелии и разговаривает с хозяйкой; её сын Валентин нашёл Лучьяна в канаве еле живого и приволок домой. Старик рассказал пани и её сыну, красивому темноволосому юноше, о своём горе. За пару дней он окреп, встал на ноги и вместе с Валентином вновь посетил тюрьму, пытался выяснить, где похоронены Виникуляр и Веста, но стражники не знали или не хотели говорить, куда дели их останки. Видя, как измучен старик, юноша посоветовал ему больше не связываться с тюремщиками, иначе будет только хуже. Тот с трудом покинул здание тюрьмы, ругая и проклиная и суд, и стражников. После этого путники исходили все улицы Варшавы, ища Митю и спрашивая о нём людей, но не смогли его найти и ничего о нём не узнали.

Ни с чем вернулись они в таверну. Пани Корнелия пыталась успокоить Лучьяна, который всё время плакал.

— Нам самим надоела эта война, которую ведёт шляхта с другими странами, — сказала она как-то за обедом. — Ненасытные паны хотят прибрать к рукам как можно больше земель... Но не все поляки такие, у нас много добрых и бескорыстных людей...

Старик пробыл у пани Корнелии несколько дней, потом собрался в обратную дорогу. Валентин нашёл его коня, оставленного на улице. Отдав хозяйке и её сыну все деньги, которые у него были, настояв, чтобы они их взяли, Лучьян сказал:

— Спасибо за вашу доброту. Вы меня вытащили с того света. Хорошие люди есть везде, в этом я снова убедился... Дай вам Бог мира и здоровья...

Он обнялся с ними на прощание и, сев на коня, двинулся в обратный путь.

Пан Чаплинский долго ничего не знал об участи дочери, узнал только, когда она уже была в варшавской тюрьме. И он пытался освободить, выкупить её, но тщетно — судьи понимали, какая большая вина лежит на ней, и боялись гнева короля и шляхты. Узнав о казни дочери, подстароста слёг в постель с большим сердцем и через месяц скончался.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ОДИНОЧЕСТВО

Обе стороны устали от долгой войны и в 1662 году копили силы для дальнейших кампаний. Битвы сменились мелкими стычками. В июне поляки захватили Черкассы и подошли к Чигирину.

В ноябре 1663 года король со своим войском и татарами вторгся в Левобережную Украину. В январе следующего года они осадили Глухов, но защитники сильным артиллерийским огнём отбросили их оттуда. Русские потерпели поражение на Десне, но их общее наступление продолжилось...

Летом в Дубровичах начались мирные переговоры. Они затянулись из-за того, что Речь Посполитая не хотела возвращать России Смоленск, Украину с Киевом и её завоевания в Великом княжестве Литовском. Стороны не могли прийти к соглашению, но и воевать дальше у них не было сил, и переговоры отложили на год.

Они продолжились в апреле 1666 года в деревне Андрусово и проходили так же тяжело. 30 января 1667 года было подписано Андрусовское перемирие. Смоленская и Северская земли, Киев и Левобережная Украина остались у России.

После возвращения домой Лучьяна ещё долго мучило свалившееся на него горе. Он вспоминал, как растил, обучал, поддерживал во всём своего сына... И всегда беспокоился за него как за маленького мальчика. «Хорошо, что судьба дала нам побыть вместе, не разлучила, как с его мамой...» — думал старик. Он очень ждал приезда Галлуса и в то же время боялся, что тот, узнав страшную новость, наложит на себя руки. Ждал и Митю, надеясь, что мальчик как-нибудь найдёт к нему дорогу и вернётся. Но дни пролетали за днями, месяцы — за месяцами, а никто не приходил...

Некоторое время спустя Лучьяна стали навещать казаки, узнавшие о его большом горе, и помогать по хозяйству. Они приносили полученные письма от Лесмьяна, и старик читал их. Брат рассказывал ему о деятельности Алексея Михайловича, который поддерживал православную церковь — и русскую, и вселенскую, помогал ей материально и собирал книги, иконы и

реликвии из православных стран, захваченных иноверцами. И о церковных реформах патриарха Никона, о борьбе старообрядцев и новообрядцев и бунте в Коломенском из-за новых медных денег...

Прошло четыре года, как Лучьян потерял близких людей, и вот к нему пришли казаки — снова с недоброй вестью:

— Мужайся, дедушка... Твой внук, доблестный атаман Галлус, погиб возле деревни Пироговка под Новгородом-Северским в бою с армией польского короля Яна Казимира. И похоронен там же.

Лучьяну стало нехорошо, ноги подкосились, казаки довели его до скамьи, усадили и дали воды напиться. Он долго молчал, потом сказал:

— Даже слёз нет — всё, видно, выплакал... Вот и остался я один...

— Мы будем приходить к тебе, — пообещали запорожцы. — Поговорим, поможем по хозяйству...

— Спасибо, сыночки...

Но у него оставались ещё слёзы... В первые минуты старик был поражён страшным известием, а потом много дней и ночей плакал по любимому внуку... Его подушка и покрывало не высыхали от слёз. Он вспоминал Галлуса мальчишкой — взбалмошного, озорного, но с добрым сердцем... Таким тот остался на всю жизнь.

В деревне жили почти одни старики — и с годами она опустела: умер сначала один сосед, потом — другой, третий, кто-то уехал насовсем. Потом у Лучьяна заболел конь, чем-то заразились коровы и все померли в одночасье. Куры во время выгулов стали травиться чем-то и по одной передохли. Деревня вымерла...

Наступившее одиночество и тишина пугали Лучьяна больше смерти. Он с нетерпением ждал казаков, оставлял их у себя на ночь, но они приходили всё реже — воевали с поляками и татарами, не желавшими оставить их истерзанную землю... Старик ходил гулять, слушал пение птиц, следил за лисами, зайцами, совами и другими животными, виделся на берегу с рыбаками и радовался каждой живой душе.

Больше всего его пугали ночи — тёмные, длинные, страшные... Он подолгу не мог заснуть, а когда засыпал, то видел кошмары. То ему снилась Веста в пламени огня и её пронзительный крик, то виделся Виникуляр, истекавший кровью, то Галлус появлялся с огромной раной в груди... Лучьян просыпался в холодном поту и больше не мог заснуть.

Пенсию с его родины давно уже перестали доставлять, однако он ходил к дубу каждую ночь в надежде, что почтальоны прилетят и заберут его с собой. Но они больше не появлялись...

Старик ходил туда, где был спрятан космический корабль Виникуляра, но в том месте сильно разлился ручей и судно затопило. Пробравшись в кабину, Лучьян долго пытался его завести, но безуспешно...

Он написал ему Лесмяну письмо о своих горях, отправил через казаков и стал ждать ответа. Но ответа не приходило. «Неужели с ним тоже что-то случилось? — думал Лучьян. — Братик мой, ответь мне... Только ты у меня остался...» Одиночество сильно давило, терзало его, он начал разговаривать сам с собой и боялся, что лишится рассудка.

Однажды старик сам добрался до казацкого куреня, откуда ему передавали письма, и там получил залежавшееся послание от Лесмяна. Тот сообщал, что путешествовал по Волге, успокаивал брата и просил приехать к нему насовсем. «Ты жив-здоров, любимый братик! — заплакал от радости Лучьян. — Еду, конечно, еду к тебе, мой родной!»

Последняя ночь на Хортице была уже совсем не страшной. Старик собрал вещи в дорогу и немного поспал. Утром, как только стало светать, он поел и двинулся в путь. Выйдя на улицу, бросил прощальный взгляд на избу, постройки, огород... Потом помолился Богу, чтобы благополучно добраться до Москвы. И пошёл пешком, намереваясь в пути купить нового коня.

Лесмян, тяготившийся однообразной, скучной жизнью при дворе, отправился вместе с купцами в путешествие по Волге и проплавал два года.

Он посетил Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Чебоксары, Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Царицын, небольшие селения. От местных жителей услышал много преданий об этих городах и их героях. В деревне Семёново познакомился с мастерами-ложкарями, несколько лет назад бежавшими туда из села Пурех, где преследовали старообрядцев. Крестьяне рассказали ему о талантливом живописце Андрее Лоскуте, жившем отшельником в лесной избушке и погибшем при пожаре — тот был зачинателем хохломской росписи. Лесмян научился вытачивать из дерева вазы и кувшины.

Когда он находился в Царицыне, город окружили войска Степана Разина, донского казака, восставшего против крепостничества.

Горожанам не хватало воды, скоту — корма. Но царицынский воевода Тимофей Тургенев успокаивал народ, говоря, что скоро на помощь придут стрельцы. Однако разинцы пустили слух, что стрельцы хотят перебить царицынцев и вместе с Тургеневым уйти под Саратов. Жители взбунтовались и открыли ворота. Повстанцы захватили город. Разин нашёл Тургенева, скрывавшегося в башне, и утопил в реке.

Ночью Лесмян с одним купцом бежали из города, увели у татар двух коней и поскакали на север. Под Камышином они расстались: купец двинулся к Дону, а Лесмян поехал в Москву. Уже в двухстах вёрстах от неё, в городе Михайлове, он встретил стрельцов царя, которые были отправлены за ним на Волгу. Они отдали ему письмо от Лучьяна, в котором говорилось о смерти его близких, и Лесмян в ответном послании попросил брата перебраться к нему, зная, как тяжело ему одному...

«Мой брат теперь прибыл в Киев, откуда мне пришло его письмо, — писал Лесмян в дневнике по приезде в Москву. — Он обещает приехать совсем скоро. И я очень жду встречи с ним после долгих лет разлуки и очень скучаю по нему...»

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ПЕТРОВСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИ ДВОРЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Вечерело. Выйдя из ворот княжеского двора, Лесмян присел на скамью и стал смотреть на дорогу. Уже полмесяца он так ждал Лучьяна по вечерам. Ему не терпелось увидеть брата, обнять его, поговорить с ним. Как же затянулась их разлука!

Одна за другой проезжали мимо повозки, но Лучьяна не было видно. Лесмян думал, что он приедет в кибитке, запряжённой парой-тройкой лошадей. И как же удивился, когда увидел скакавшего на лошади старика с развевавшейся белой бородой и это оказался его брат! Лучьян был в тулупе и папахе.

Он остановил лошадь, и братья, не говоря ни слова, бросились друг к другу в объятия. Оба плакали от радости: наконец-то встретились! И после долгих объятий Лесмян увидел, как постарел и осунулся Лучьян, каким дряхлым стал — ведь сколько всего перенёс за последний век, да и было ему уже более семисот лет.

Они пришли во двор, и Лесмян привёл коня Лучьяна на конюшню и вместе с братом отправился в палаты. Когда они появились в прихожей дворца, перед ними предстал тучный мужчина с тёмно-русыми волосами и бородой и карими глазами.

— Алексей, это мой брат Лучьян, о котором я тебе так много рассказывал, — улыбнулся Лесмян.

Старик чуть приклонил голову в знак приветствия, и царь кивнул в ответ и спросил:

— Путник, верно, устал с дороги и хочет отдохнуть? Или голоден?

— Благодарю, отдохнуть не помешает, — ответил Лучьян. — Я ехал три недели от Киева и почти не спал. Но прежде хотел бы узнать: как идут дела у государя?

— Теперь наступило затишье, — ответил Алексей Михайлович. — Закончились войны. Но вместе с тем плохо мне. Умерла моя любимая супруга Мария Ильинична, и я в скорби великой уже больше года. Не стало и сына Алексея. Как же это тяжело — потерять своё дитя! Но я мужаюсь, ведь надо как-то и дальше управлять страной...

После вечерней трапезы, за которой царь не промолвил ни слова, Лесмян повёл Лучьяна в приготовленную ему комнату. Там они ещё долго разговаривали, рассказывали друг другу о своей жизни. Старший брат поведал о последнем путешествии в систему Альфа Центавра и свержении с поста Президента, а младший внимательно выслушал его и после спросил:

— Значит, теперь ты насовсем перебрался на Землю?

— Насовсем. Да, моя родина — Юпитер, но мне не нравится то, что сейчас там происходит. Общество сошло с ума. Каждый хочет прославиться любой ценой и потуже набить карманы деньгами... Хорошо, что на Земле к такому ещё не пришли. Поначалу я даже хотел отказаться от заслуженной пенсии, но затем понял, что лучше отдавать её нуждающимся.

— Ладно, поступай как знаешь. Я тоже первое время буду жить здесь, но потом, может быть, вернусь в Ганакору. Там ведь наша родина.

— Там из-за проклятых чиновников на меня ополчилось всё общество. И я покинул родную планету. В России же люди встретили меня радушно. Расскажи мне, что ещё нового случилось здесь за последнее время?

— Алексей, хоть и пребывает в скорби по супруге и сыну, продолжает заниматься государственными делами. Всем интересуется, что происходит в государстве. Издал книгу «Уложения царя Алексея Михайловича» — собрание русских законов. Послы царя ездят в разные страны. Недавно я посетил Нерчинск и Иркутск — это новые города в Сибири, построенные

для торговли с Китаем. Сделки, как я заметил, проходят успешно, прибыль хорошая. И как-то мы задумались о том, чтобы улучшить вид денег, и царь основал монетный двор, на котором стали чеканить серебряные деньги. Завтра мы туда сходим. И ещё в новую академию — Заиконоспасскую.

— Завтра обязательно прогуляемся по Москве. Мне хочется посмотреть, как обновился один из моих любимых городов.

— Но прежде отдохни, — Лесмян встал и подошёл к двери. — Спокойной ночи.

— И тебе доброй ночи, — ответил Лучьян и в ту же минуту забылся глубоким сном.

Весь следующий день они гуляли по Москве, беседовали, вспоминали былое. А когда вернулись во дворец, Алексей Михайлович напомнил Лесмяну о предстоявшей поездке к дворянину Матвееву.

— Кто это такой? — спросил после Лучьян.

— Артамон Сергеевич Матвеев — близкий друг царя, — ответил Лесмян. — Очень благородный человек, верой и правдой служащий ему. Алексей иногда навещает его. Но сегодня он почему-то поздно собрался...

Лучьян остался отдыхать в своих покоях, а Лесмян поехал с царём к Матвееву. Они прибыли к нему поздно; тот уже не ждал гостей и собирался ужинать со своим семейством. Увидев его растерянность, Алексей Михайлович пошутил:

— Очень хорошо, что стол уже накрыт. Я как раз проголодался и с удовольствием поужинаю вместе с тобой и твоей семьёй.

На ужине, кроме хозяев, их сына и двух гостей, присутствовала молоденькая, красивая девушка, на которую царь с интересом поглядывал: никогда он прежде не видел её в доме Матвеева. И жадно ловил каждое её слово: говорила она мало, но так умно, что каждое слово вызывало у него восхищение.

— Какая у тебя прекрасная дочь... — сказал он Матвееву.

— Это моя воспитанница, — ответил тот. — Её отец жил очень бедно, и мы с супругою взяли Наталью к себе, когда она была маленькой. Вырастили её в большой любви и постарались дать ей хорошее образование.

— Только бы она вышла замуж за хорошего человека... — сказала его жена. — И тогда мы были бы совершенно спокойны за неё.

— И, кажется, она уже в том возрасте, когда ей можно искать жениха, — добавил Матвеев.

— Да, конечно, — кивнул Алексей Михайлович, вставая из-за стола и собираясь ехать домой. — Благодарю вас, дорогие хозяйева, за ужин.

Когда они ехали во дворец, царь молча думал о чём-то, потом признался Лесмяню, что сам решил жениться на девушке, пленившись её красотой, умом и воспитанностью.

На той же неделе Алексей Михайлович вновь приехал к Матвееву и объявил о своём решении. Он устроил смотрины невест, но собрал их только потому, что так было положено: царь уже сделал свой выбор. Наталья удивилась даже тому, что её занесли в их список, а потом узнала, что выбор государя пал на неё... И вскоре состоялась их свадьба.

Церковный деятель и писатель, главный воспитатель царских детей Симеон Полоцкий предсказал рождение сына у Алексея Михайловича. Он увидел ночью недалеко от Марса новую звезду, поведал об этом государю и объявил, что через девять месяцев на свет появится мальчик. И предрёк ему огромную славу. Так и случилось. Царица забеременела. Незадолго до нужного срока у неё начались схватки, царь был обеспокоен, но Полоцкий сказал, что всё обойдётся, через два дня родится малыш и его следует назвать Петром. Роды оказались очень трудными, однако закончились благополучно. Наталья Кирилловна произвела на свет здорового крепыша, которого так и нарекли — Петей.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕТСТВО ПЕТРА

Лучьян остался жить при дворе Алексея Михайловича. Увидев в нём умного и справедливого человека, царь сделал его своим приближённым. На глазах старика проходило детство царевича Петра.

Мальчику нравились военные игрушки — солдатики, сабли, пушки, и Лучьян, когда бывал в поездках, непременно доставал для него что-нибудь такое. Или сам мастерил из дерева. Петруша рос проворным, мамы и няньки не могли за ним уследить. Только отвлекутся, как малыша уже и след простыл — убежал играть с мальчишками во двор.

Видя интерес сына к военным занятиям, Алексей Михайлович собрал нескольких его сверстников, повелел изготовить для них маленькое оружие и обучить всему, чему учат солдат. Пётр с удовольствием играл и учился со своими друзьями.

Когда ему было четыре года, отец умер. На престол взошёл его пятнадцатилетний сын Фёдор. Лучьян включился в политическую деятельность, понимая, что молодому царю необходима поддержка. Фёдор болел с детства; он рассказывал старику, как в детстве упал с лошади и по нему проехали сани и с тех пор его мучали боли в груди. Он по многу дней не мог выйти на улицу. Лучьян с другими слугами несли его на носилках на коронацию. Фёдор слышал, как люди перешёптывались, обсуждали слабое здоровье нового государя. И, преодолевая боль, он поднялся с носилок и медленно стал подниматься по ступеням к трону; Лучьян поддерживал его под руку.

Сделавшись государем, Фёдор продолжил дела своего отца и провёл собственные реформы. Каждый день он принимал у себя всех нуждавшихся в его помощи и делал много благих дел: прощал многим казённые подати, обращал в христианство своих подданных-мусульман, выкупал пленников у турок.

В годы его правления в Москве появлялись новые училища, богоугодные дома, больницы, была основана Славяно-греко-латинская академия. Царь любил лошадей и увлекался верховой ездой, и многие вслед за ним стали заводить их.

Но одно событие омрачило спокойное его царствование. Боярин Милославский оклеветал Артамона Матвеева, обвинил в оскорблении иностранного посла, и Фёдор, поверив этому, отправил его в Пустозёрский острог. Лесмян рассказал об этом случае в письме к брату, который в то время был послом в Китае. «Я навещал Артамона Сергеевича в остроге, — писал он. — Наш друг горевал не о том, что теперь оказался в неволе и бедности, а о том, что больше не может творить добрые дела. Благородный человек!»

Петруша рос и креп. При Алексее Михайловиче его воспитывал Лесмян, а затем к нему приставили дьяка Никиту Моисеевича Зотов, который учил мальчика читать и писать, обучал истории, в особенности отечественной. Он не был так образован, как Лесмян, и не знал, в отличие от него, иностранных языков, но имел огромный талант в преподавании наук и усердие и знал, как интереснее рассказать ученику ту или иную тему. Слушая его, пятилетний Пётр уже стал понимать, что государю следует знать историю для успешного управления страной и очень полюбил эту науку. Все дивились его большому уму и способностям.

Однажды Лесмян увидел из окна брата, прибывшего из Китая — тот шёл по двору с каким-то другим стариком. Выйдя им

навстречу, он получше разглядел спутника Лучьяна.

— Здравствуй! — приветствовал его брат. — Вот я и вернулся. Ты узнаёшь его? — он кивнул на старика.

Лесмян стал осматривать его. Сначала не узнал, но затем начал угадывать в его глазах, в чертах его лица что-то знакомое, очень знакомое...

— Это наш с тобой друг Зил! — улыбнулся Лучьян, и все трое крепко обнялись.

Зил сильно болел, в последние годы стал немощным и едва мог ходить. После встречи Лучьян отправился к царю поведать о своём посольстве в Китай, а Лесмян с Зилом присели поговорить в одной из комнат.

Пётр как раз пришёл к государю, и Лучьян подарил мальчику статуэтку китайского солдата. Среди вещей, которые он привёз, были какие-то листья, и старик объяснил, что это чай. Китайцы заливали их кипятком, давали настояться и пили, чтобы взбодриться. В тот же вечер царь с приближёнными отведали этот напиток и нашли его очень вкусным.

Пётр вслушивался в беседы Фёдора с Лучьяном и боярами.

— Люди из знаменитых родов не хотят служить тем, кто выше их по чину, но чьи предки менее знатны, — говорил царь. — Из-за этого много споров случается. В Разрядном приказе бедным чиновникам приходится разбирать множество их. Причём часто причина такой распри — сущий пустяк. Мои дед и отец пытались устранить этот предрассудок, я же не только продолжу их дело, но и завершу его совсем.

По его приказу из дворца вынесли и сожгли все разрядные книги дворян со сведениями о знаменитости родов. Фёдор объявил боярам и церковным служителям, что с этого момента прежние споры о чинах и службе не дозволяются; вместо разрядных книг дворянам разрешалось иметь их родословные, начатые не ранее царствования Ивана Грозного. Так и уничтожили местничество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СТРЕЛЕЦКИЙ БУНТ

Фёдор был настолько слабого здоровья, что все понимали: недолго ему осталось жить и царствовать. Да ещё его подкосила смерть супруги Агафьи и маленького сына Ильи... Спустя какое-то время он женился снова, но со второй супругой — Марфой — успел прожить всего два месяца до своей смерти...

Царь был очень привязан к своему младшему брату Петру. Радовался его успехам, восхищался способностями, беспокоился

о здоровье мальчика. И, несмотря на то, что брат Иван был ближе к нему по родству, видел наследником престола не его, а Петю.

Фёдор не успел составить завещания, умер скоропостижно. Его оплакивали все в царском доме. Он оставил о себе добрую память. И Лесмян, утешавший Наталью Кирилловну и Марфу Матвеевну, сетовал на то, что судьба забирает таких молодых людей, а глубокие старики, подобно ему, остаются жить. И понимал, как много сделал бы ещё юноша и сколько радости познал, если бы болезнь не свела его в могилу. На смертном ложе царь лежал бледный, но людям казалось, что он просто спит...

Лучьян не смог присутствовать на погребении Фёдора — он не отходил от постели своего друга Зила, который был болен и доживал последние дни: уже не мог ходить, перестал говорить и даже мыслить, истощал. Бедняга мучился, стонал, вода глазами по сторонам. Перестал узнавать друга, ухаживавшего за ним. Потом лицо его перестало двигаться, побелело, на нём резче выделились скулы. Зил умирал медленно и мучительно...

Он пережил Фёдора на четыре дня и отошёл в мир иной в первый день мая. Лучьян отправился сообщить прискорбную весть Лесмянну. Тот в своих покоях отдыхал после погребения царя. Узнав о смерти друга, он обнял своего брата и тихо сказал:

— Зил прожил долгую и достойную жизнь. Пусть земля ему будет пухом.

— Это был мой лучший друг, — ответил Лучьян. — Теперь из тех ребят, что учились со мной когда-то в школе никого не осталось в живых... Хорошо, что у меня есть ты, мой брат.

Они вдвоём обмыли тело Зила и приготовили его к погребению. Вечером стали пить вино и вспоминать своего друга.

— В детстве мы виделись с ним каждый день и потом, когда я уехал в другой город, всё равно общались, — рассказал Лучьян. — Конечно, были длительные разлуки из-за моих и его путешествий, но в конце концов судьба вновь нас сводила. И каждая встреча с ним была для меня праздником. Мы понимали и поддерживали друг друга...

— Он был другом всей нашей семьи, — добавил Лесмян. — Часто навещал нас, когда ты был в дальних странствиях, и спрашивал, может ли чем-то помочь. Хотя сам жил бедно — у него ведь было огромное семейство, и Зил помогал всем своим потомкам.

— Надо бы сообщить на Юпитер о его смерти, — задумался

Лучьян. — Может, родственники захотят посетить могилу...

— Когда я прилетел на Землю во время твоего президентства, то спрятал корабль на берегу Азовского моря, — вспомнил Лесмьян.
— Можно будет его откопать и, если он не сломался, совершить полёт на Юпитер.

На другой день они похоронили Зила.

Вскоре Лучьян понял, что не сможет никуда полететь в ближайшее время: ему пришло письмо от лорда Джулиана Смолоза из Англии с приглашением в гости. Тот был далёким потомком его внука Власа, который в начале XIII века поселился в Англии. В отличие от своих предков, Джулиан особенно интересовался родословной Смолозов и пытался узнать как можно больше о её представителях. И недавно узнал, что жив его далёкий предок, необычайно известный... «Мне очень захотелось познакомиться с Вами, — писал Джулиан. — Приглашаю Вас к себе в замок, что находится на берегу Темзы недалеко от Лондона. Если согласны, то в следующих письмах договоримся о встрече. Вы прекрасно проведёте время, встретитесь со своими родственниками, нам будет о чём поговорить. Если кто соизволит приехать с Вами — я и моя семья будем рады любому гостю. Ждём Вас».

— Мне нужно ехать, — сообщил Лучьян брату, показав ему письмо. — Я забыл своих потомков, а это непростительно. Надо хотя бы теперь познакомиться с ними. Ты поедешь со мной?

Лесмьян не горел желанием знакомиться с дальней роднёй, о которой и не слышал прежде. Но вслух сказал:

— Наверное, не получится... Я должен как можно быстрее лететь на Юпитер, оповестить родственников Зила о его кончине. Передавай нашей родне наилучшие пожелания от меня.

Умирая, Фёдор назначил своим наследником Петра, но не подтвердил этого письменно. После его смерти патриарх Иоаким с государственными и церковными деятелями явился к Ивану и Петру и спросил, кто из них станет царствовать теперь. Иван, у которого было слабое здоровье, ответил, что уступает корону младшему брату, так как сам не в состоянии хорошо управлять государством. И все присягнули десятилетнему Петру.

Вскоре Лучьян и Лесмьян покинули Москву. Первый отправился в Англию, а второй — к Азову, чтобы найти корабль и улететь на Юпитер.

После того, как духовенство, бояре и весь народ присягнули в верности Петру, старшая сестра Софья возненавидела его, ведь она намеревалась единолично управлять страной. Но надеялась получить власть с помощью своих помощников — боярина Милославского и стрельцов. Стрельцы были против преобразований полков на европейский лад, введённых Алексеем Михайловичем, и Софья с боярином Милославским пообещали им, что отменят эти порядки, а заодно и перемены патриарха Никона, сделанные в церковных книгах, и те, будучи староверами, поддержали их. Чтобы ещё более заручиться поддержкой воинов, Софья и Милославский распустили слухи о том, что Нарышкины умертвили и Фёдора, и Ивана. Стрельцы пришли в ярость. Милославский и несколько его сообщников раздали им списки людей, с которыми надо было расправиться.

Рано утром 15 мая зазвонили колокола и стрельцы, ворвавшись в Кремль, потребовали выдать им боярина Матвеева и Нарышкиных. Иван вышел из своей комнаты уверить их, что он жив и никто на него не покушался, но было уже поздно: бунтовщики успели убить и Матвеева, который незадолго до этого вернулся из острога, и доктора фон Гадена, и князя Долгорукова. Да и то, что Иван жив, не остановило стрельцов — они и дальше стали творить беспредел. Многих убили — братьев царицы Ивана и Афанасия Нарышкиных, князей Ромодановских и Черкасских, бояр Языкова и Салтыкова и ещё полсотни человек.

Три дня спустя, когда закончилась расправа, стрельцы прибежали во дворец, восклицая: «Да здравствует царь Иван и царица Софья!» Но Иван объявил, что не будет царствовать без настоящего наследника — Петра. Софье и её воинам пришлось согласиться с этим требованием.

Через три недели после бунта братья были коронованы в Успенском соборе Кремля. Для двух царей соорудили двойной трон. Позади трона находилось место, закрытое парчой с окошечком, где при приёме послов пряталась Софья и диктовала братьям то, что они им нужно говорить. Она стала при них правительницей.

Иван, страдавший косноязычием, не всегда мог справиться со своими обязанностями. Пётр, обладавший хорошим здоровьем, справлялся лучше, но ему мешала скованность при незнакомых людях. После стрелецкого бунта сильно ухудшилось его душевное состояние.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПОТЕШНОЕ ВОЙСКО

Несколько лет Пётр с Натальей Кирилловной жили в подмосковном селе Преображенском, куда их отправила Софья. У мальчика

началась вольная жизнь. Он занялся любимым делом — продолжил военные игры со сверстниками. Это было по большей частью забавой, увеселением, потехой, поэтому войско называли потешным.

Здесь Пётр познакомился с образованным дворянином родом из Женева — Францем Лефортом, служившем при его брате. Лефорт очень любил Россию и прекрасно знал русский язык. Как-то юный царь узнал, что он говорит по-голландски, и попросил его научить этому языку. Тот стал проводить занятия, на которых они и изучали основной предмет, и обсуждали ещё многое. Учитель, посетивший много государств и познакомившийся с их обычаями и традициями, оказался интересным собеседником.

— Расскажи мне, как устроены войска в тех странах, где ты побывал? — обратился однажды к нему Пётр. — Как-то я спрашивал у Лучьяна про армию его бывшей великой империи, но он не любит говорить о войне и оружии...

И Лефорт поведал ему о вооружении, об одежде солдат и об их учениях. Его истории были длинными и обстоятельными, но у Петра всё равно возникало много вопросов во время повествования учителя. Однако тот сказал:

— Завтра ты сам всё увидишь.

Он выбрал полсотни потешных воинов, одел и вооружил их европейски и на следующее утро привёл ко дворцу. Вышедший им навстречу Пётр с восторгом разглядывал своих товарищей в новых мундирах. Он подошёл к Лефорту, обнял его и поцеловал.

— Спасибо, Франц! Теперь я всё увидел собственными глазами. С этого дня ты — командир новой роты, а я буду простым солдатом в ней. Хочу в совершенстве овладеть военным искусством!

Начались учения под руководством Лефорта. Пётр хотел познать все трудности, научиться всему на собственном опыте. Он спал в общей палатке солдат, обедал с ними за одним столом и работал со всеми. Сделав тележку, возил на ней землю к возводившейся крепости. И командир наградил его за отличную службу чином сержанта.

Пример Петра побудил многих записать своих детей в потешные полки, примкнули к ним и бояре, и солдат набралось столько, что они уже не помещались в Преображенском и часть их пришлось перевести в другое село — Семёновское. Так были сформированы Преображенский и Семёновский полки.

Каждый день по несколько часов Пётр занимался военно-

математическими науками. Его обучал артиллерийский поручик Франц Тиммерман, офицер Пушечного двора.

Пётр почти не покидал Преображенское, и это радовало его сестру Софью, которая хотела сама управлять государством. Она надеялась, что Пётр, увлечённый, казалось бы, детскими забавами, ещё больше отдалится от престола.

Правительница заключила союз с Польшей и Австрией против Турции. К нему давно стремились польский король и австрийский император, которых пугали завоевательные походы турок. Они надеялись на помощь сильного государства — России. Польский король Ян Собеский отказался от претензий на Смоленск, Киев и все земли, присоединённые к России по Андрусовскому перемирию. После этого Софья два раза отправляла войско под начальством князя Голицына в Крым — освободить его от турок и бороться с крымским ханом, их союзником. Оба похода прошли неудачно, но начальников всё равно богато одарили за них, наградили офицеров и солдат. Софья хотела привязать к себе войско, добиться его преданности.

Под барабанную дробь Пётр скакал на коне, обнажив саблю. Отроки наблюдали, как он поглядел куда-то в сторону, потом спрыгнул на землю и побежал к какому-то старику, наблюдавшему за его потехами.

— Лучьян! — он обнял своего воспитателя, и тот крепко прижал его к себе.

— Петруша, как ты вырос! Уже выше меня! Я бы и не узнал тебя, если бы сам не прибежал...

Тот и вправду уже превзошёл ростом почти двухметрового Лучьяна.

К ним подошёл мужчина лет пятидесяти в широкой шляпе, с седыми волосами и весёлыми зелёными глазами.

— Мы создали войско по европейскому образцу, — сказал Пётр. — Как прошла твоя поездка в Англию?

— Прекрасно, — ответил Лучьян. — Я очень хорошо отдохнул у Джулиана. Познакомься, это он. Приехал погостить в Россию.

Джулиан снял шляпу и поклонился царю. Тот кивнул в ответ.

— Я приехал в Москву, и мне сообщили, что ты находишься здесь, — поведал Лучьян. — Надеюсь, для нас найдётся местечко в

вашем селе?

— Да, конечно, — улыбнулся Пётр. — Отдохните с дороги. Сашка!

К нему подошёл паренёк с живыми, бегающими глазами.

— Это мой друг Алексашка Меншиков, — представил его Пётр. — Он разыщет Лефорта, и для вас найдут дом.

Их поселили в просторном доме, и Лучьян с Джулианом начали разгружать багаж. Алексашка смотрел, как они достают из мешков какую-то одежду, книги, безделушки.

Когда пришёл Пётр, Лучьян подарил им с другом целый набор игрушечных солдатиков оружием, лошадками и пушками. Юный царь так обрадовался, что тут же заключил старика в объятия и расцеловал.

— Теперь будем изучать на игрушечном войске стратегию!

— У меня к тебе просьба, — сказал Лучьян. — Джулиан очень хочет записаться в твоё войско, примешь ли ты его?

— Конечно, приму, — ответил довольный Пётр.

Позже он узнал, что игрушечное войско изготовили ремесленники по заказу Джулиана. Тот как раз хотел поведать царю об устройстве европейских армий, но узнал, что он уже давным-давно создал такое войско.

Ночью в Преображенское прискакали на лошадях два стрельца — Михаил Феокистов и Дмитрий Мельнов — и сообщили о готовившемся против Петра заговоре. Повзрослевший царь незадолго до этого женился на выбранной матерью Евдокии Лопухиной — дочери его стольника и окольного, потом выступил против самовластия сестры, и теперь она, чтобы удержать власть, вновь подговорила стрельцов расправиться с ним.

— Софья велела умертвить меня? — Петру казалось, что он ослышался.

— Да, государь, — ответил Мельнов. — Она сказала стрельцам, что ты, вводя немецкое войско, хочешь переменить веру и пойти против своего брата Ивана...

— Как она могла! — в гневе воскликнул Пётр.

— Она оклеветала тебя перед твоим братом, — сообщил Феокистов. — Но он не поверил ей.

— Тебе надо бежать отсюда, — сказал Лучьян Петру. — Прямо сейчас.

Тот послушался и вместе со своим семейством вскоре отбыл в Троице-Сергиев монастырь. Лучьян и Джулиан пока оставались в Преображенском.

Когда стало светать, слышался топот копыт и Лучьян увидел в окно нескольких людей на конях. Джулиан вышел на улицу, там переговорил с ними о чём-то и вернулся в дом. Всадники тут же ускакали.

— Это были стрельцы, их начальник Шакловитый спрашивал меня, где Пётр, — сказал он. — Я ответил, что царь уехал неизвестно куда.

— Какой же коварной оказалась его сестра... — задумчиво проговорил Лучьян. — А ведь она была любимицей Лесмяна.

Солдатские и стрелецкие полки не захотели служить Софье, замыслившей такое злодеяние, и перешли на сторону Петра. Бояре выявили её сообщников в этом заговоре, и главных, в том числе Шакловитого, казнили, а остальных сослали в Сибирь. Софью лишили звания правительницы и постригли в монахини под именем Сусанны в московском Новодевичьем монастыре.

Через несколько дней после окончания суда над заговорщиками Пётр со своей армией въезжал в Москву. Здесь было и потешное войско, и регулярный отряд под командованием генерала Гордона, и стрельцы, и примкнувший к ним народ. Лучьян и Джулиан шли рядом с конём, который вёз их пожитки.

На крыльце дворца всех встречал Иван. Подъехав к нему, Пётр спрыгнул с коня, и они с братом обнялись.

— Про нас говорили, что мы в ссоре друг с другом, — обратился Иван к собравшимся. — Знайте же, что это неправда! И в подтверждение своей преданности брату объявляю при всех: я отказываюсь от участия в управлении государством и уступаю власть Петру! Теперь он — единственный правитель России.

Пётр молчал. Собравшиеся выжидательно смотрели на него.

— Я согласен, — сказал наконец он. — Но хочу, чтобы Иван председательствовал в Думе боярской и чтобы его имя во всех государственных бумагах было выше моего.

Лучьян увидел вдалеке ещё одну толпу, которую вёл... его брат Лесмян! Когда тот подошёл, два старика обнялись, как и Иван с Петром только что.

— Это родственники Зила, — указал на толпу Лесмян. — Они прилетели со мной, чтобы посетить могилу предка и, возможно, забрать его останки на Юпитер. Я потом познакомлю тебя с каждым из них. А из твоих потомков сюда прибыл Лука — внук Льва.

Из толпы вышел старик с длинной бородой, с посохом в руках и поклонился. Лучьян ответил тем же. И после того, как Лесмян переговорил с Петром, всех родственников Зила повели размещаться во дворец.

ГЛАВА ПЯТАЯ. НАЧАЛО РУССКОГО ФЛОТА

Лучьян стал провожатым для большой компании гостей с Юпитера. Он много куда их водил, показывал достопримечательности Москвы, ездил с ними в Преображенское и Коломенское.

Лесмян же был приближен к Петру и сопровождал его в поездках. Однажды они с учителем Францем Тиммерманом отправились в село Измайловское, в дом прапрадеда Петра — боярина и стольника Никиты Ивановича Романова. Осматривая старые вещи, Пётр заметил судно, напоминавшее лодку.

— Франц, что это такое?

— Это английский бот. Он используется при хождении на кораблях. Если приладить к нему паруса, то можно плавать по ветру и против ветра.

У Петра загорелись глаза.

— На парусах... по ветру и против ветра...

Он стал переворачивать бот, и Францу с Лесмянном даже помогать не пришлось — сам быстро справился.

— Сейчас бы по Яузе пуститься на таком-то судне! — нетерпеливо сказал царь. — Надо приладить паруса и спустить его на воду!

— Не в парусах дело, — возразил Лесмян. — Он сильно прохудился...

Тут и Пётр заметил трещины в боте.

— Надо сейчас же починить его, — поспешно ответил он.

Царь и приближённые нашли плотника, который построил этот бот — голландца Брандта. И он залатал трещины, оснастил и спустил бот на воду. И поплыло судно по зеркальной глади озера, сияя на солнце белоснежными парусами. Управлял им Брандт, а Пётр смотрел с берега. И, когда бот причалил, царь сел в него и стал рулить сам, и очень хорошо у него это получилось. После водной прогулки он сказал Лесмянну, что

будет у России не только армия, но и флот. И признался, что на реках Яузе и Москве ему места мало — надо идти, а вернее, плыть дальше.

Едва только «посольство» с Юпитера забрало останки Зила и отбыло к себе на родину, у Лучьяна появились другие заботы — под руководством голландского мастера Арриена он стал с голландцами строить корабельную верфь на озере Переяславском. Незадолго до этого у него началось онемение тела, и старик боролся с недугом, работая физически: когда трудился, тот отступал на время. Но каждый вечер подолгу не мог уснуть — в голове его раздавался стук молотков и скрип досок.

Пётр заинтересовался строительством кораблей, и Арриен стал обучать его этому. Царь всё делал сам — клал доски, забивал гвозди. Он сделал яхту быстрее, чем его учитель, и её спустили на воды Переяславского озера. Такие плавания сильно увлекли его и вскоре переросли в морские учения.

Лучьян, навещавший Наталью Кирилловну, выслушивал её беспокойства:

— Ох, зря он всё это затеял... Всё сердце изболелось из-за него — а вдруг что-то случится, не дай Бог утонет или простынет... С водой ведь не шутят. Да и кому, кроме него, эти плавания нужны?

Лучьян успокаивал её, говорил, что с Петром ничего страшного не случится. А самому ему нравилось то, что царь хочет испробовать столько нового, полезного. По этому поводу у старика возникали разногласия с царицей Евдокией. Когда он навещал её и маленького царевича Алёшу, она говорила ему о ненужности, бесполезности того, что делает Пётр. Наш герой, слушая её, не спорил, а только качал головой.

Наталья Кирилловна скончалась от болезни сердца. Лучьян вспоминал, как она упрашивала сына оставить кораблестроение и морские дела, но тот был непреклонен.

Джулиан, постигавший азы морского дела, переписывался с женой и детьми, но пока оставался в России. Он считал, что страна далеко пойдёт при таком правителе. Однажды ему довелось сопровождать царя в путешествии в Соловецкий монастырь, находившийся на острове Соловки в Белом море. Когда они плыли туда, поднялась страшная буря и многие

запаниковали. Джулиан в страхе метался по судну. Даже Пётр растерялся. Один только кормщик, звавшийся Антипом Пановым, проявил самообладание — миновав подводные камни, он вывел яхту к берегу, — за что был щедро награждён. Позднее Пётр поставил там выточенный им самим деревянный крест с надписью на голландском языке: «Dat kruvs maken Captein Peter, van A. Cht. 1694» («Этот крест сделан капитаном Петром, 1694 год»).

Об этом событии Лучьян узнал, когда закладывал вторую корабельную верфь в Воронеже.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

— Это был позор, — говорил Пётр Джулиану во время следующего плавания по морю. — Моя сестра совершенно не умела управлять страной! И когда я вспоминаю про Крым, то думаю: как русские могли отступить от врага, который уже сам почти сложил оружие? Да ещё и наградили этих вояк как самых достойных! Надо заставить и Россию, и другие страны забыть всё это...

И вскоре он объявил народу, что собирается отнять у турок Азов: в том городе построена крепость, из которой татары совершают набеги на русские земли, и нужно отрезать им путь.

Весной 1695 года тридцатитысячное войско двинулось в путь. Об этом походе Джулиан писал в письме Лучьяну: «...Нас было четыре отряда, я состоял в отряде Головина. В Бомбардирской роте капитаном стал Пётр. Видел бы ты его удаль! Он бесстрашно бросался в самую гущу сражения и своим примером вдохновлял на подвиги других воинов. Мы пока добились небольших успехов: захватили у турок лишь две каланчи, которые не давали проходить кораблям по Дону. Может, продвинулись бы и дальше, если бы Яков Янсон (помнишь этого инженера?) не перешёл на сторону неприятеля, повздорив с генералами. Одна ссора, одна измена — и всё пошло прахом. Мы вынуждены были отступить. Теперь сидим в бездействии и ругаем проклятого изменника...»

Лучьян работал до седьмого пота: складывал доски, прибывал гвозди, смазывал дерево смолой. Он подолгу сидел над чертежами новых кораблей, обсуждая детали с другими работниками. Ему пришло ещё одно послание от Джулиана, в котором тот описывал судостроение в Англии — когда-то ведь сам был моряком. «...Корпус лучше делать для большей прочности из дуба. Если форма детали будет повторять форму

дерева, получится меньше отход древесины. Осторожнее с железными гвоздями: они ржавеют, когда намокают, и уменьшаются в размерах, поэтому в подводной части судна лучше использовать деревянные шипы. Обшивку нужно смазать тиром и смолой...» Вместе с письмом были присланы чертежи разных судов.

За зиму работники успели соорудить по два фрегата и галиота, четыре брандера и двадцать три галеры. В феврале к Лучьяну приехал Алексашка Меншиков и сообщил о смерти брата Петра — Ивана, который сильно болел и был парализован. «Хороший был человек, — думал Лучьян, и слёзы катились по его лицу. — Ещё бы жить и жить...»

В мае 1696 года состоялся второй поход на Азов. Адмиралом нового флота стал Лефортов. Сухопутным войском командовал генерал Шеин.

Царь обещал освободить холопов, вступавших в войско, и армия стала быстро увеличиваться; прибывали донские и украинские казаки, калмыцкая конница. Армия двинулась к Азову и осадила его. Казаки в устье Дона почти полностью уничтожили караван турецких судов. Русский флот кружил крепость со стороны моря, армия — со стороны суши.

19 июля Азов был взят. Пётр пощадил его жителей и дал им свободу, позволив забрать своё имущество и уйти, взамен на выдачу Янсона. Увидев предателя, толпа зароптала, солдаты снова начали ругать его и освистали.

— Запомните, — сказал Пётр солдатам после, — моя заслуга во взятии Азова ничтожно мала в сравнении с заслугой моих полководцев и воинов.

Но все понимали, что царь проявляет излишнюю скромность: он был одним из самых смелых и в этом походе.

30 сентября Лучьян с другими жителями Москвы встречал армию из похода. Выглядывая из-за обступивших дорогу стрельцов, он с нетерпением ждал её. И вот наконец появились первые всадники, один за другим проехали мимо, пронеслись повозки. Старик увидел колесницу в виде раковины и сидевшего в ней Лефортова, и они поприветствовали друг друга. Следом шли морские офицеры и матросы, иностранцы. Под звуки труб пронесли знамена. Проехали несколько воевод. И вот Лучьян

увидел Петра и Джулиана, шедших пешком. Царь был в простом офицерском мундире.

— Всё, навоевались, — сказал Джулиан, обнимая старика. — Теперь на покой...

Толпа, которая возликовала, увидев Петра, вскоре презрительно зароптала: последним везли на телеге Янсона с петлёй на шее и табличкой с надписью «Злодей».

— Вот и послужил я России как мог, — сказал Джулиан. — Пора теперь домой ехать.

— Не торопись, — ответил Пётр. — После вместе поедem, я хотел побывать в вашей стране.

Он стал награждать всех участвовавших в походе. А вечером устроил празднество, на котором зажёл фейерверки, которые сам изготовил, и простые люди удивлялись: что за разноцветные огни и как они могут так летать?..

В Азове поселились русские крестьяне и ссыльные стрельцы. На берегу Азовского моря стал возводиться новый город и новая крепость Таганрог. И по велению царя был создан флот из крупных морских кораблей. Прозвучало решение Боярской думы: «Морским судам быть».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЕВРОПУ

Изучая карту Европы, Пётр обсуждал с Джулианом возможные пути, по которым можно отправиться в Европу. Он хотел плыть по морю. Взгляд его остановился на Балтийском...

— Пожалуй, вот это море больше всего подходит! — обрадовался царь, указав на него. — Посмотри: оно близко и к Германии, и к Англии, и к Дании, и к Голландии! По нему куда хочешь можно быстро доплыть.

— По этому морю может быть самая лучшая и быстрая связь России с этими странами, — согласился Джулиан. — Мы с Лучьяном плыли по нему в Россию.

— И ведь правда! Как хорошо бы было построить на берегу этого моря гавань, куда бы могли приходить иностранные корабли!

— Всё бы получилось, да только там шведы живут...

— Мы решим этот вопрос. Сейчас же надо подумать о другом. Я хочу сам увидеть европейское просвещение, о котором так слышан. Не буду принимать опрометчивых решений и переносить европейское образование в Россию, а дам своей стране только нужное и полезное.

Вскоре в Москве заговорили о том, что Пётр отправляется в чужие края. Он ехал без церемоний, переодевшись в простого дворянина, под именем десятника Петра Михайлова. Посольство собрал большое. В нём были и Лефорт, и Меншиков, и Головин, и Джулиан, и Лучьян с Лесмьяном и Лукой. Управление государством поручили надёжному человеку — боярину Фёдору Юрьевичу Ромодановскому.

«Лифляндцы и шведы смотрели на нас дико, — писал в путевом дневнике Джулиан. — Почему-то боятся русских... И наше пребывание в Риге прошло под слежкой людей графа Дальберга. Идешь по городу — и чувствуешь, как тебя высматривают из-за угла. Когда встречаешь стражей порядка, они подозрительно косятся и шепчутся... Петра едва не застрелили часовые, когда он шёл смотреть городские укрепления. „Не хотят, чтобы я видел укрепления Риги! — сказал он. — Я надеюсь некогда увидеть их с меньшим для меня затруднением и отказать шведскому королю в том, в чём отказывает мне нынче Дальберг“. Но мы уже едем дальше и скоро будем в Германии».

В Ганновере на приёме у двух принцесс велись светские беседы. Лучьян и Лесмьян рассказывали придворным о порядках и обычаях русских, о том, как Россия обновляется. Джулиан наблюдал, как Пётр, рассказывая принцессам о судостроении, показывает им мозоли на руках. Они попросили обучить их русскому танцу, и царь привёл своих музыкантов и заплясал под звуки инструментов. Потом вдруг поднял десятилетнюю принцессу Софию-Доротеею за голову.

— Боюсь, Пётр прославится здесь большим чудачком, — прошептал Джулиан Лучьяну. — Его небрежность всё портит...

— Да, он не так обходителен, как немецкие принцы, — ответил Лучьян, — но ещё не поздно всё исправить... Мы постепенно обучим его всему недостающему. В России ведь эти манеры не так важны, как здесь...

Путники прибыли в Амстердам, а оттуда Пётр, Лучьян и Лесмьян поехали в Саандам. Там царь снял квартиру у одной вдовы, а старики разместились в том же доме, в каморке. Они посетили мастерскую и до позднего вечера плотничали.

Наутро у Лучьяна разболелось всё тело. «Странно, — думал он, — сколько времени до этого я трудился — и всё было нормально. Эх, старость...» Три дня он лежал в постели и читал принесённые братом пьесы Кальдерона де ла Барка, Корнеля, Мильтона и

других писателей. И ещё три дня притворялся больным, чтобы продолжить любимое чтение.

Потом, старики, вернувшись с Петром в Амстердам, наблюдали за тем, как он бегаёт из одной мастерской в другую и учится разным ремёслам — ткачеству, кузнечному делу, бумагоделанию. По вечерам они с Лучьяном посещали лекцию какого-нибудь профессора, затем покупали еду на рынке и готовили ужин на кухне.

Джулиан с нетерпением ждал, когда же Пётр посетит его родину — хотелось принять царя у себя, познакомить со своим семейством и друзьями. И наконец этот счастливый момент настал — посольство отправилось в Англию.

Пётр был радушно принят в старинном замке. Его познакомили с семьёй хозяина — женой, сыном, невесткой и маленькой внучкой. У Джулиана было шестеро детей; остальные обучались в Лондоне. Царя и его свиту угостили разными сытными блюдами и вином.

Пётр обратил внимание на большой портрет мужчины в средневековых латах, висевший на стене, и спросил о нём.

— Это наш предок Влас Смолоз, его внук, — указал Джулиан на Лучьяна. — Он был благороднейшим, умнейшим человеком. Узнав, что Руси грозит опасность, приплыл туда, чтобы драться с татаро-монголами, но погиб от рук других врагов — тевтонских рыцарей.

— Тогда были страшные, мрачные времена... — кивнул Лучьян.

— В замке есть целая галерея с портретами наших предков, — сказал царю Джулиан. — Если ты не против, я расскажу тебе о славном роде Смолозов.

Они отправились в галерею, а Лучьян задремал. Когда они вернулись, беседуя о кораблестроении в Англии, то Пётр в шутку надел на старика бумажную корону, которую сам изготовил на фабрике.

Сын Джулиана преподнёс царю в подарок рыцарский меч, сказав: «Наш предок Ник Смолоз некогда завещал подарить это оружие смелому человеку, который однажды посетит нас, и вот он здесь...» Пётр был очень рад такой чести.

На другой день их принимал у себя король Вильгельм III. Время прошло в приятных беседах, и все старались угодить Петру. А после Джулиан, который хотел познакомить его со своим другом

Исааком Ньютоном, повёл царя и свиту на Монетный двор, где тот работал.

— Мы с ним с детства вместе, — говорил Джулиан по дороге.
— Он бывает чудаковат, но я к тому привык. Скажем, может принять меня у себя и уйти в свой кабинет — и неизвестно, вернётся или нет. Но в целом замечательный человек...

Встретившийся им на Монетном дворе круглолицый мужчина был не кто иной, как Ньютон. И всех, даже Петра, удивило, как сдержанно он встретил своего друга после долгих лет разлуки — даже не улыбнулся, в то время как Джулиан повис у него на шее.

Пётр осведомился о деятельности нового знакомого, и тот рассказал ему о своей борьбе с фальшивомонетчиками. И при этом не проявлял никаких эмоций — равнодушно смотрел в одну точку...

— Непохоже, что он твой друг, — сказал Пётр Джулиану после.
— Вы слишком разные.

— У нас жизнь сложилась по-разному, — объяснил тот. — Он учёный, я мореплаватель; у него нет семьи, у меня есть, и очень большая. Но, несмотря на это, мы полвека дружим.

Когда посольство отбывало на континент, Джулиан стал прощаться со всеми — он оставался здесь, со своей семьёй. На прощание, обнявшись со всеми, сказал:

— Я обязательно буду приезжать.

— Мы тебе всегда рады, — ответил Лучьян.

Посольство направлялось в Вену, где Пётр собирался переговорить с императором Леопольдом о войне с турками, которая шла теперь. Гостей ожидал такой же тёплый приём, как и во всех других странах. В их честь было устроено несколько праздников, среди которых самым интересным и запоминающимся стал маскарад. Император, его семейство и придворные оделись в костюмы крестьян и ремесленников, фрейлина Турн — фрисландки, а Пётр — фрисландца.

— Ну что, Пётр Михайлов, выпьем-ка за здоровье царя московского!
— сказал император, протягивая гостю бокал вина. — Мне известно, что вы знакомы с ним!

— Очень хорошо знаком! — кивнул Пётр, поняв, что его здесь не узнали.

Долго говорили русский и австрийский правители о войне с Турцией и решили пойти на мир с ней, но при условии, что все земли, завоёванные русскими, останутся у них. Пётр был весел, и не только потому, что нашёл поддержку у австрийского императора, но и потому, что скоро посольству предстояло отправиться в Италию, которую он мечтал посетить.

Но этого не случилось. Прибывший от князя Ромодановского гонец сообщил: стрельцы вновь взбунтовались. И посольство двинулось в Россию...

Стрельцы были недовольны новым порядком в войске, просвещением, которое хотел ввести Пётр, считая, что оно портит человека. Ненависть к царю подогревала в них Софья, которая всё ещё надеялась отнять у него престол. Она наговаривала на брата и простому народу, который не понимал, зачем он вдруг поехал за границу. Начальники стрельцов подговаривали их к бунту, к тому, чтобы возвести на престол Софью. Их решимость подкрепляло то, что царица Евдокия тоже была против новых порядков.

Стрелецкие полки вышли из разных городов к Москве, чтобы объединиться, но генералам Шеину и Гордону удалось усмирить их. Вскоре приехал Пётр с посольством и устроил суд над бунтовщиками, участвуя в допросах и пытках. Он руководил их массовыми казнями, сам рубил головы и заставлял это делать своих приближённых.

Лучьяну и Лесмяну пришлось на какое-то время покинуть Москву и не являться Петру на глаза, чтобы тоже не стать палачами. Когда же они приехали во дворец, то застали царя в мрачнейшем расположении духа.

— Моя сестра опять пошла против меня, — сказал он. — Я казнил стрельцов и пытал её служанок. А на неё саму у меня рука не поднимается...

— Ты бы простил её, — ответил Лучьян. — Она и так несчастна...

— Нет, не могу простить, — вздохнул Пётр. — Пусть моя сестра не испытала телесных мук, но испытает душевные. Под окнами её монастыря поставили виселицы, на которые вздёргивают преданных ей стрельцов. Пусть теперь подумает над тем, что совершила... А Евдокию я велел постричь в монахини. Не супруга она мне более.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Лука и невысокий светловолосый паренёк с поклажей в руках миновали коридор и вошли в каморку с маленьким окошечком. Там возле двери стоял небольшой стол, у правой стены — топчан, а в углу — сундук.

— Складывай свои вещи в сундук, — сказал Лука, и юноша бросил всё туда.

В каморку вошёл Лучьян, и старики переговорили о чём-то.

— А это сын Дмитрия Родионова — Яков, — представил юношу Лука. — Отец отправил его на службу к государю.

Юноша учтиво поклонился. Лучьян кивнул ему:

— Ты, верно, утомился? — и обратился к Луке. — Надо накормить Яшу и уложить спать. Все дела — завтра.

— Нет, я вовсе не устал, — ответил Яков.

Они втроём присели на топчан, и Лучьян сказал:

— Я ведь помню твоего отца... Он рано остался сиротой, жил у меня, потом мой сын взял его с собой в Варшаву, там они попали в тюрьму, Винукуляра казнили, а Митя сбежал...

— Да, отец долго скитался по Польше, — кивнул Яков. — Поселился у какой-то семьи, потом приехал в Россию, служил на границе, воевал с турками. И меня вот решил отправить на ратную службу, да только я боюсь войны...

— Кто её не боится... — ответил Лучьян. — А где ты жил, чем занимался прежде?

И Яков рассказал о себе.

Он родился и провёл детство в селе Верходонском, находившемся возле места слияния Дона и Хопра. Два старших брата его умерли в детстве, и Яша остался у родителей один. Он помогал родителям ухаживать за скотом и домашней птицей, торговать на базаре мясом, молоком и яйцами, охотился и ловил рыбу. А когда возмужал, отец решил отправить его на службу к самому государю. Мать беспокоилась за сына, не хотела отпускать так далеко, но глава семьи твёрдо заявил, что тот пойдёт по его стопам и будет солдатом. И отправил Петру I письмо с просьбой взять его сына на службу.

Прошёл месяц, другой... И вот однажды к их дому подъехала повозка. Из неё вышел старик в ветхом кафтане. Это был гонец Лука, который вёз ответное письмо Дмитрию Александровичу. И тот прочитал его: Пётр принимал юношу в ряды своих воинов.

Якову стало радостно, но вместе с тем он чего-то боялся — то ли тягот службы, то ли самого царя, о котором так много слышал...

И теперь Лучьян и Лука рассказали юноше о нововведениях Петра после путешествия в Европу.

Царь хотел, чтобы русские походили на европейцев, а не на азиатов, и велел всем дворянам и военным брить бороду и носить европейское одеяние. А тех, кто не слушался, наказывал, штрафовал.

— Мы вот с Лукой и Лесмьяном не побрились, — сказал Лучьян. — Я уже привык к своей бороде и поэтому согласен был платить штраф за неё. Соотечественники вновь отыскивали меня и присылают пенсию сюда, но я отдаю её на государственные нужды, в больницы и беднякам и штраф тоже могу заплатить. Но Пётр ничего не потребовал с нас. Да и правда, зачем старику сбривать бороду...

Также царь отменил принудительные бракосочетания, основанные на воле лишь родителей жениха и невесты, приказав, чтобы пары венчали только с их собственного согласия и чтобы молодые люди знали друг друга до свадьбы хотя бы шесть недель. Они могли знакомиться на праздниках во дворце, публичных собраниях, на всех обедах и вечерах.

Преобразования коснулись и театра. Царь выписал из Германии актёров и сам часто присутствовал на их представлениях.

— Однажды прочитали мы в афише, что будут ставить новую пьесу, — вспомнил Лучьян. — Хорошая, мол, пьеса, нахваливали её. Мы с Петром пришли, когда зал уже наполнился людьми. Заиграла музыка, подняли занавес, а там... на белой стене написано: «1 апреля!». Зрители расстроились, только виду не подали. А государь смеялся: вот, мол, вольность комедиантов!

Помимо прочего, Пётр выступил против излишней пышности. Теперь знатные бояре перестали ездить в богатых каретах. Сам царь перемещался в небольшом двухколёсном экипаже или кабриолетке, притом часто без кучера.

— Я хотел ехать в Верходонское на коне, да мне дали повозку, пожалели старика, — вздохнул Лука.

— Пётр — большой труженик, — улыбнулся Лучьян. — Он не любит терять времени. Я ещё не видывал такого правителя — другим обычно прислуживают, а он сам всё делает: и обед готовит, и свои башмаки чинит, и даже корабли строит!

Якова всё больше удивляли рассказы стариков, но он понял, что государь справедлив, а значит, ему можно служить.

Вскоре в каморку пришёл Лесмян с листом в руках. Его познакомили с Яковым, и он сказал:

— Сегодня были с Петром в новой типографии. Там печатают его любимые книги — «Всеобщую историю» Пуффендорфа, «Землеописание» Гибнера и много других про судостроение и мореплавание. Теперь идут приготовления к празднику...

— Ах, да! Царь три дня назад объявил народу, что Новый год теперь будут праздновать 1 января, а не 1 сентября, — объяснил юноше Лука.

— А мы ведь на Хортице отмечали его тоже зимой, как и украинцы с поляками, — вспомнил Лучьян.

Яша уже клевал носом, и старики, пожелав ему спокойной ночи, ушли. Он повалился на топчан и сразу же уснул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В большой восторг пришёл Яков, увидев воочию государя — мужчину огромного роста, худощавого, кареглазого, очень энергичного. Юноша оказался очень сообразительным, легко всё запоминал, но был слишком пылким и часто давал волю эмоциям. Когда грянула новая война, он перепугался не на шутку. Чтобы успокоить его, Лучьян сказал, что тоже пойдёт с армией на запад, и стал вспоминать былые сражения, в которых участвовал.

— Сколько войн я видел — а всё-таки, как видишь, жив. Теперь против Швеции воюют Россия, Польша и Дания — у шведов всегда была большая тяга к завоеваниям, и эти страны хотят вернуть отнятые ими земли. К тому же шведы оскорбили нашего царя в Риге, грубо с ним обошлись, и он теперь всё им припомнит... А их полководец, король Карл XII, разве может сравниться с нашим Петром? Ещё мальчишка ведь, младше тебя, но мнит о себе Бог знает что! Хочет сравняться с Александром Македонским. А когда встретит наших — побежит, только пятки засверкают!

— Ты думаешь, война будет долгой? — спросил Яков.

— Наверное, — помолчав, ответил Лучьян. — Поначалу, может быть, противники и перейдут в наступление, но потом наши разгромят армию Карла. Пусть шведы и воинственны, однако русские умеют драться до последнего.

Он словно в воду смотрел. Первое время армия Карла XII

действительно побеждала. После сражения со шведами под Копенгагеном датчане отступили и согласились на все условия их короля.

Огромное войско проехало по улицам Москвы и покинуло её. Яша, находившийся в задних рядах, переговаривался с другим молодым солдатом — Пашкой.

— Мне страшно, — признался он. — Одно дело, если ранят; а если убьют? Я же тогда ни матушку, ни батюшку, ни родного села больше не увижу... Да и неохота умирать — ещё ведь мало пожил...

— Я тоже на тот свет не хочу, там меня-то точно черти зажарят, — кивнул Пашка и огляделся. — А давай сбежим? Тут такое большое войско, что нас и не хватятся...

— Ещё как хватятся! — возразил Яшка. — Царь, говорят, всех своих солдат в лицо знает. Обо мне он точно спросит. Если я сейчас сбегу — сам мне потом голову снесёт.

Пётр вынужден был оставить войско: его звал на переговоры в город Бирзен польский король. Он знал, что шведское войско состоит из восьми тысяч человек, в то время как русское почти впятеро превосходит его по численности, и полагал, что Карл не посмеет напасть на такую большую армию. Но просчитался: когда русские подошли к Нарве, на землю опустился туман, а потом завьюжило. Шведы незаметно подкрались к их лагерю и напали так быстро и неожиданно, что те не смогли оказать достойного сопротивления.

Когда завязалась битва с врагами, Яков испытал настоящий ужас. Он вскочил на коня и хотел укрыться, но увидел, как Лучьян, размахивая саблей, бросился навстречу противнику и за ним поскакали сотни русских солдат. Юноше стало до того стыдно, что он не раздумывая кинулся вперёд. Когда пробрался в самую гущу сражавшихся, его сильно кольнули в бок и он упал с лошади и потерял сознание.

...Очнулся Яша в своей каморке, возле его кровати стояла совсем молоденькая девушка.

— Кто ты такая? — спросил он, приподнявшись.

— Я Софья, служанка при дворе. Лежи, лежи, ты ещё очень слаб...

— Что-то я тебя раньше не видел... Погоди... Как я сюда попал? Мы же дрались со шведами под Нарвой...

— Ты в битве потерял сознание, и Лучьян подобрал тебя и привёз в Москву, теперь ухаживает за тобой. Ты до этого приходил в сознание, но, наверное, ничего уже не помнишь...

— А где Павел? Мы воевали вместе. Лучьян ничего про него не говорил?

— Он жив и тоже заботится о тебе.

Вскоре к Яше пришли и Лучьян, и Павел. Они рассказали ему об исходе битвы: шведы победили русских и взяли в плен военачальников — герцога де Круа и князя Долгорукого.

— Малая шведская армия разбила большую русскую? — не поверил Яков.

— Да, но в этом нет большого стыда для русских, — ответил Лучьян. — В армию набрали таких же молодых солдат, как вы с Павлом, у которых ещё не было опыта сражений. К тому же, если бы Пётр находился на месте битвы, наши солдаты дрались бы куда смелее. У Карла же войско состояло из опытных воинов, да и сам он приехал туда с ними.

— Говорят ещё, что один финский крестьянин привёл шведов к нашему лагерю, — Павел сжал руку в кулак. — Ух, попадись он мне, я бы его...

— А Пётр так сказал: «Шведы будут побеждать нас ещё не раз — они наши учителя в военном искусстве, но придёт время, и мы заплатим им за ученье!» — вспомнил Лучьян. — Всё как я и говорил...

Яша был благодарен старику за то, что тот подобрал его на поле боя и всё это время заботился о нём. Он решил написать письмо родителям, рассказать им о первой битве. Узнав, что Софья сшила ему варежки, юноша проникся к ней большой симпатией.

В какой-то момент Яков осознал, что война будет долгой, затяжной: шведы, победив русских однажды, уже не отступят...

Когда они с Лучьяном вновь собирались в поход против шведов, тот сказал:

— Карл теперь считает Россию слабым противником. Он разменялся пленными с русскими и направил все силы на Польшу. Но к этой битве мы готовы лучше и теперь не должны проиграть.

Яша видел, что Софья очень переживает за него.

— Ну что ты такая бледная? — спросил он.

— Я боюсь, что тебя убьют... — тихо ответила она. — Будь осторожен.

— Лучше я погибну в битве, чем умру здесь от позора, — твёрдо сказал он. — И так проявил трусость в первом походе!

Софья благословила его, дала с собой небольшую иконку, и он, перекрестившись, вышел из каморки.

...Из Москвы выезжала армия фельдмаршала Шереметева. Люди толпились, что-то кричали; Яша при свете факелов разглядывал взволнованные, испуганные лица солдат...

Проведя ночь и день в пути, к вечеру армия остановилась на берегу озера. Воины разожгли костры и стали варить в котелках похлёбку. Яша подошёл к воде, принялся черпать её ладонями и пить. Потом огляделся: всюду горели костры, мелькали люди и кони... Пройдясь немного по полю, Яша отыскал Лучьяна, тот накормил его похлёбкой, и оба вскоре уснули. А на рассвете войско отправилось дальше.

Все понимали — пора платить шведам за учение. И русские при первой же встрече рассчитались с ними. Сначала Яша держался в стороне, но затем, осмелев, кинулся в бой, рубя саблей одного противника за другим. Битва закончилась куда быстрее, чем он ожидал — на сей раз шведы бежали. Это привело его в сильнейший восторг. А следующие сражения — возле Дерпта, при Эрестфере и Гуммельсгофе — хоть и оказались долгими, но завершились так же удачно. Армия дошла до Лифляндии, взяв несколько городов. То был первый большой военный опыт Якова, приучивший его к солдатской жизни с её тяготами. За этот поход он получил серебряную медаль.

Вскоре русские захватили город с крепостью Нотебург, находившийся в устье Невы. Пётр решил отнять его у шведов и тем самым отрезать им путь от Балтийского моря к Ладожскому озеру, да и русским он был нужен для морской торговли. Царь участвовал в осаде Нотебурга как капитан Преображенского полка, и его присутствие так вдохновило солдат, что город был взят на одиннадцатый день. Меншикова, отличившегося в кампании, сделали генерал-губернатором той земли — Ингерманландии. Пётр говорил, что Нотебург — это ключ для входа в Лифляндию и Балтийское море, и потому называл его Шлиссельбургом (от немецкого слова «Schlüssel» — «ключ»).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. НАЧАЛО ГОРОДА НА НЕВЕ

Подбираясь к Балтийскому морю, Пётр велел взять ещё одну крепость — Ниешанц. Войска инженер-генерала Ламберта

окружили её и целую ночь вели стрельбу, после чего она сдалась.

На другой день солдаты увидели возле устья Невы несколько шведских военных судов и решили отогнать неприятеля от берегов, завоёванных русскими. Исполнить это взялся сам Пётр. Вместе с несколькими сотнями гвардейцев, с Меншиковым и Головкиным он поплыл к взморью. Их судна окружили шведские корабли и два взяли в плен, а остальные отогнали. Царя и двух его помощников наградили орденами Святого Апостола Андрея.

Вскоре после этого Яков, сопровождавший Петра, услышал, как тот говорил приближённым:

— Не нравится мне Москва... С самого детства не любил её. Хочу город у моря возвести, здесь, в этих краях...

Он уже будто видел перед собой величественный город, который хотел построить. Сейчас здесь болота и леса, но когда-нибудь вырастут дома, появится набережная, улицы наполнятся людьми... И местные жители, и приезжие будут восхищаться красотой города...

Царь отправился на яхте осмотреть новые владения. Его приближённые молча наблюдали за тем, как он внимательно разглядывал реку, любовался её правым берегом и предавался мечтам. «Да, здесь должен находиться город, который ещё больше прославит наш народ, — думал Пётр. — Пусть он расположится у моря и будет встречать иностранные корабли».

Для создания первой крепости города царь выбрал остров Луст-Эйланд. Сообщив об этом сподвижникам, сделал её чертёж, и вскоре началось строительство. Крепость назвали по заложенной там церкви апостолов Петра и Павла Петропавловской.

Для возведения нового города со всей страны выписали более двадцати тысяч работников. Царь и приближённые следили за их трудовой деятельностью. Пётр велел сколотить для него возле первой крепости деревянный домик и стал в нём жить. Лучьян, Яков и Павел ютились неподалёку в хибарке. Государь вставал каждый день ещё затемно и шёл смотреть на работы в крепости. Вскоре после неё был построен дом Меншикова, заложено Адмиралтейство и корабельная верфь.

Лучьян и Яша привозили камни, глину, трудились не покладая рук от зари до зари. Однажды царь застал Павла спящим посреди дня возле построек и хотел сурово наказать, но заступничество Лучьяна спасло зеваку. Яша видел, что рабочие, возводя город, буквально тонули в болотах, а нескольких при нём покалечило упавшими камнями.

— Всё, у меня больше нет сил... — вздохнул он, войдя в хибарку поздним вечером. — Этот город стоит слишком больших жертв...

Лучьян сварил похлёбку, накормил их с Павлом, и усталость начала проходить, и боль в суставах утихла. Молодые люди прижались к старику, а он погладил рукой обоих и сказал:

— Потерпите, сыночки... Служить царю трудно, а такому, как Пётр, — и подавно. Но он делает великие дела, и вместе с народом, наравне с простыми людьми. При нём Россия пробудилась, стала сильнее... Вот вернёмся в Москву — и погуляем, Яшку женим, он давно уже на Софью заглядывается... И тебя, Пашка, тоже обвенчаем с кем-нибудь, хочешь?

Тот покачал головой.

— Негоже, негоже тебе без жены, — улынулся Лучьян. — Надо только девку хорошую отыскать.

Этими разговорами он приободрил парней, и оба стали мечтать о возвращении в Москву.

Пётр распорядился, чтобы на острове Котлин, находившемся в двадцати пяти верстах от нового города, поставили дозорных с оружием. Несколько месяцев спустя на песчаной мели напротив острова возвели крепость Кроншлот. На берегу Котлина построили крепкие стены и поставили пушки. На острове соорудили две гавани — военную и купеческую, рядом с которыми находился город Кронштадт.

Лучьяна со многими другими тружениками до поры до времени отпустили в Москву. Когда он ехал на повозке с Павлом и Яковом, то сказал:

— Европейские государи диву дались, когда узнали о новом русском городе. Многие увидели, каким могущественным становится наше государство. А шведам обидно, что их отогнали от Балтийского моря...

По прибытии во дворец Яков встретился с Софьей. Она собиралась ехать насовсем к своей тётке в Новгород. Отдала связанный для него шарф и стала прощаться с ним. Но неожиданно он притянул её к себе и обнял.

— Софья, не уезжай... Прости, что был так холоден к тебе, не замечал твоей заботы. Ты такая славная... Спасибо за всё. Прошу, не уезжай! Пусть твоя тётя приедет сюда, мы будем заботиться о ней, только не покидай меня... Я очень хочу, чтобы ты стала моей женой.

Она внимательно посмотрела на него, улыбнулась. Яков поцеловал её и ещё сильнее прижал к себе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПРИДВОРНАЯ ЖИЗНЬ

Наступило затишье. Все занялись своими делами и на время успокоились после битв со шведами.

Вернувшись в Москву, Лучьян узнал о смерти Софьи — сестры Петра, жившей в монастыре. Он присутствовал на её погребении и потом долго вспоминал бессмысленную вражду между ней и братом...

Прошло немного времени — и к нему приехали Джулиан с сыном Ричардом. У Джулиана скончалась жена, и ему не хотелось больше оставаться в замке, где всё напоминало о ней, об их счастливой совместной жизни. Лучьяна и Петра удивило то, что из здорового, крепкого, жизнерадостного мужчины он за короткое время превратился в дряхлого старика — поседел, лицо покрылось морщинами, и в глазах была лишь грусть. У Ричарда тоже голова начала покрываться сединой. Но суета придворной жизни немного приободрила обоих, и они нашли себе занятия по душе: Джулиан стал работать на конюшне, а Ричард поступил на военную службу к царю.

Софья привезла из Новгорода свою тётю, познакомила её с Яковом, и они сразу же подружились. Яша очень хотел навестить родителей, он мечтал поселить их в Москве и заботиться о них в старости.

Лучьян спросил у царя разрешения отпустить молодого человека на время в родное село, и тот позволил. Собрав пожитки, Яша обнял своего доброго наставника, простился с Софьей и поехал на коне к родителям. Накануне выпал снег, замело дороги, и они с трудом пробирались через сугробы. Яков жалел своего друга, служившего ему уже не один год — большую часть пути шёл сам и вёл его за узду. Наконец на седьмой день пути вдали показалось родное село...

...Мама обнимала, целовала родного сыночка, а отец смотрел на них с улыбкой. Яша увидел, как обветшала, покосилась от старости их избушка. В печи мерцал огонь, и родители подкидывали туда поленья.

Накормив и напоив Яшу, они стали расспрашивать о его службе царю. Он поведал о боях, в которых принимал участие, о строительстве нового города, о своём добром заступнике

Лучьяне, не утаил и своего намерения в скором времени жениться на прекрасной Софье.

— Матушка, батюшка, прошу вас, поедemте со мной, — сказал Яков, взяв родителей за руки. — Я хочу, чтобы вы благословили нас с Софьей, чтобы присутствовали на нашем обручении. И мечтаю, чтобы вы остались в Москве насовсем; Лучьян сказал, что вам дадут комнату при дворе.

Но отец не захотел уезжать, и Яше пришлось долго его упрашивать. Он понимал, что в этом селе родители прожили почти всю жизнь и теперь им трудно будет покинуть дом, и просил у них прощения за это.

Наконец отец согласился, но сказал, что, скорее всего, вернётся в село после свадьбы. Яков помог родителям собрать вещи, и на следующий день они, заколов избушку, отбыли на повозке в Москву. Столица в те дни была вся в снегу — и дома, и дороги, и деревья.

Родителям очень понравилась светлая комната, которую им предоставили. Они познакомились со многими слугами царя, и отец Яши с Лучьяном узнали друг друга — давно, полвека назад, они жили вместе на Хортице. А мама подружилась с тётушкой Софьи, они много времени проводили вместе. Яков же усердно служил царю, желая отблагодарить его за все милости.

...Перед венчанием отец жениха благословил молодых. В церкви священник обручил их. И прочитал отрывки из Деяний апостолов и Евангелия от Иоанна. Затем хор исполнил песнопения. Жених и невеста отведали из чаши вино, разбавленное водой. Батюшка возложил им на голову священный покров и венцы, трижды обвёл их вокруг анаоя, и они обменялись обручальными кольцами.

Молодожёнов провезли на свадебном поезде по центральным улицам Москвы, потом — по окружным. Во дворце их встречали родители жениха: отец — с образом в руках, а мать — с караваем хлеба и солонкой. Яков и Софья поклонились, приняли от них благословение и три раза поцеловали родителей.

На свадебное застолье прибыл сам царь. Когда он подошёл поздравить молодых, невеста едва справилась с волнением и дрожащими руками налила ему в чарку вина и усадила за стол. Подали рыбу, мясо, холодные закуски, горячие блюда, раковый суп и пироги.

— Дети мои, живите в мире и согласии, любите и уважайте друг друга, — сказал молодым Лучьян, подняв чарку с вином. — Долгих и счастливых вам лет совместной жизни!

Гости выпили за их здоровье. Потом и сам царь, и многие присутствовавшие стали танцевать вальс. Скоморохи и шуты веселили народ. Лесмян и Павел с аппетитом ели яблочный пирог.

Лучьян много беседовал с родителями Яши; по вечерам они звали его к себе или сами приходили к нему в комнату. Им было интересно всё: и жизнь царя и приближённых, и отношения России с другими государствами, и нововведения Петра. Как-то их разговор коснулся личной жизни государя, и отец Якова спросил:

— Неужто у него нет жены? Не верится, что у такого умного, смелого мужчины нет спутницы жизни.

— Да, после того, как он развёлся с Евдокией, пока ещё не женился второй раз, — ответил Лучьян. — Они не ужились вместе. Она чтит старинные обычаи и не хотела принимать всё новое, что вводил её муж. И сына Алёшу настраивала против него. А царь души не чаял в сыне. Он редко видел мальчика, сами понимаете почему — то путешествовал, то воевал. Потом понял, что упустил его, когда тот тоже начал плохо отзываться о свершениях отца. И подумал, что ещё не поздно его спасти. Пётр стал брать его с собой повсюду, беседовать с ним, объяснять, что нововведения полезны для России. Но Алексей не хотел слышать и понимать его. И царь сильно огорчился. Хорошо, хоть шут Балакирёв веселил его — шутит он так, что все порой плачут от смеха. Порой говорит государю суровую правду о нём, но тот не обижается...

— Да, несчастен Пётр, несчастен... — вздохнул отец Якова.

— Нет, теперь он, наверное, счастлив, — улыбнулся Лучьян и жестом приблизил к себе своих друзей. — Я по секрету вам скажу вот что. Как-то царь пошёл к Меншикову и тот познакомил его с пленной лифляндкой — молодой женщиной, необычайно красивой и умной, и звали её Мартой Скавронской. Она рано осиротела, воспитывалась у пастора. Повзрослев, вышла замуж, но супруг её вскоре погиб. Пётр всё чаще стал навещать Меншикова, беседовать с Мартой, и они нравились друг другу всё больше и больше. И недавно царь сказал мне, что привык к ней так, что уже не представляет жизни без неё, и хочет жениться.

...Рассказ Лучьяна имел радостное продолжение: Марта приняла православие, получила имя Екатерины Алексеевны, и в ноябре 1707 года Пётр обвенчался с ней. Правда, они долгое время

хранили в тайне этот брак и даже приближённые не знали о нём.

Прожив два года при дворе, Джулиан скончался. Он сильно горевал по жене, и никто не мог утешить его. Перед смертью выпил много вина, отправился гулять по улицам, и его нашли под утро замёрзшим на дороге.

Ричард, и без того хлебнувший немало горя, не стал возвращаться в Англию к семье, а отправился в поход против шведов. Его сопровождали Яков и Павел, которым Лучьян велел следить за ним — как бы он не наложил на себя руки. Русские взяли Нарву, захватили всю Ингерманландию, победили шведов в битве при Калише, в которой отличился Меншиков и стал фельдмаршалом.

Однако армия Карла XII разбила поляков, свергла короля Августа II и посадила на престол своего человека — Станислава Лещинского. Шведы собирались идти на Россию, и там ждали их нападения, но не знали, откуда они появятся — с севера или запада...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

Богатый и именитый гетман Мазепа с молодости слыл умным и образованным человеком. И то, что он ради собственной выгоды способен на предательство, никому не могло прийти в голову, даже Петру. Царь доверял своему подданному, видя в нём отважного воина: тот проявил храбрость в битвах с турками при Азове и был награждён Орденом Андрея Первозванного, да и в начале войны со шведами оказывал России содействие.

Но имевшейся славы, влияния и богатств гетману оказалось недостаточно. Он хотел сделаться самостоятельным правителем и возродить Северское княжество, которое находилось прежде на месте Малороссии. Понимая, что Карл XII может исполнить его мечту, Мазепа решился предать русского царя, перейти на сторону Швеции. И отправил к королю своих людей с таким предложением, и тот охотно принял его и пообещал в случае поражения укрыть изменника от русских в своей стране. И, хотя их переговоры проходили в тайне, некоторые люди в Малороссии догадывались о замыслах гетмана. Он дерзко вёл себя с подчинёнными, и генеральный судья казаков Василий Кочубей, оскорблённый им, написал Петру письмо, в котором рассказал о планах предателя, и отправил с полковником Искрой. Но царь не поверил этому предупреждению, посчитал его клеветой и велел казнить и автора, и посыльного.

Карл с армией отправился в Малороссию. Он планировал соединиться с Мазепой и пойти к Петербургу. В помощь ему из Лифляндии отбыло шестнадцатитысячное войско под командованием генерала Левенгаупта.

Пётр выслал в Малороссию войско под командованием Шереметева, а сам напал на Левенгаупта под Могилёвом, разбил противника и отобрал всё оружие и запасы, что везли королю.

Через три месяца шведы прибыли во владения Мазепы. Король и гетман сообщили народу, что он больше не подчиняется российскому царю, и объявили о восстановлении Северского княжества. Но почти все украинцы запротестовали; к Мазепе перешло не больше трёх тысяч человек.

Пока стояла осень, шведские солдаты кормились урожаем с полей. Но вот наступила зима, грянули морозы, и воины стали замерзать. Весной, приближаясь к Полтаве, Карл надеялся возместить здесь всё, что потерял во время похода.

А Пётр готовился к решающей битве с ним. Узнав о предательстве Мазепы, он пришёл в страшный гнев и сильно раскаивался оттого, что погубил двух преданных ему людей, пытавшихся донести правду о гетмане. И велел предать изменника церковному проклятию и изготовить для него Орден Иуды.

В день отбытия из Москвы Яша долго прощался с матушкой, с Софьей; женщины плакали и не хотели его отпускать. Каково же было их удивление, когда они узнали, что отец Якова тоже едет на битву! Облачившись в военную форму, Дмитрий Александрович взял у оружейника Савки тяжёлую саблю и попросил дать ему коня.

— Ничего, что я уже старик, — сказал он жене. — Когда Отечество в опасности, с врагом должен драться каждый мужчина. Вот и Лучьян, который куда старше меня, тоже собирается биться с Карлом и Мазепой.

...В войске, выезжавшем из Москвы, были и Лучьян с Лесмьяном, и Яков с Павлом, и Ричард с Савкой. Солдаты останавливались на ночлег в селениях. В одном из них посетили церковь, и священник благословил воинов на битву.

— Пусть враги ваши уйдут ни с чем, — сказал он. — Вы же пощадите их, когда они будут побеждены.

Несколько дней спустя войско подъезжало к Полтаве, которую осаждали шведы. Противники встретились, и завязалась битва. Пётр скакал на коне от одного полка к другому, подбадривая солдат, и одна вражеская пуля пробила ему шляпу, другая

попала в седло, а третья — в крест, висевший на груди. Дравшихся воинов оглушал грохот пушек; повсюду разостлался дым. Всё смешалось в этой битве: гром орудий, свист пуль, крики солдат, ржание лошадей...

Рубя саблей шведов, Яков отчаянно пробирался вперёд. При нём сразило пулей Ричарда; где-то рядом дрался отец, и надо было ехать к нему на выручку, но ряды тесно сомкнулись, и Яша не мог вырваться из тисков. Его сильно ударили сбоку, он почувствовал резкую боль и ухватился за гриву коня. В это время вороной кое-как выбрался из гущи сражавшихся и стал убежать. Но седок не удержался и упал на землю. И, чувствуя страшную боль во всём теле, пополз куда-то. На короткое время потерял сознание и очнулся, когда его схватили шведы... Среди пленных был и его отец, и Павел, и Савка. Их привели в город, чтобы показать гетману, предавшему Отечество и царя. Этот неприятный худой старик с козлиной бородкой брезгливо оглядел их своими бегающими глазами и спросил:

— Хочет ли кто из вас перейти в мою армию и воевать за свободу украинского народа?

— Вам с вашим королём никогда не победить русских, — сказал ему Павел, кивнув головой в ту сторону, где шло сражение. — И ты сам, и твои люди — иуды, и твоё предательство скоро тебе аукнется.

Мазепа указал на него стражникам, и Павла закололи.

— Ирод! — крикнул Савка и плюнул в гетмана.

Его постигла та же участь... Яша тоже хотел выступить против изменника, но отец зажал ему рукой рот. Заметив это, шведские солдаты выкрутили старику назад руки. Поняв, что с пленниками бесполезно разговаривать, Мазепа велел бросить всех в темницу. Он надеялся на скорую победу и после этого собирался прилюдно пытать и казнить их.

Невольники разместились в тёмной, сырой комнате. Яков, изнурённый долгой дорогой и битвой, уснул, а Дмитрий Александрович не спал — сидел, глядя перед собою. Проснувшись, Яша вспомнил убийство Павла и Савки, подумал, что никогда больше не увидит мать и жену, и заплакал; отец прижал его к себе...

Прошёл час, другой... И вдруг на улице послышался цокот копыт, раздались голоса. «Поберегись!» — донеслось из коридора, дверь вышибли, и на пороге появились дюжие солдаты вместе с Лучьяном и Лесмяном. Яша с отцом бросились обнимать своих освободителей, и все окружили их... И те рассказали, что шведы

были разбиты и бежали и что Карл и Мазепа едва не попали в плен.

На другой день после битвы Пётр совершил молебствие в походной церкви. В одной большой могиле были похоронены погибшие русские воины, в другой — шведские. Над первой царь поставил крест.

После этого он устроил победный пир, на котором присутствовали и пленные шведы. Пётр старался ободрить побеждённых противников, научивших его военному искусству, и пил за их здоровье. Почти каждого, кто пировал с ним, царь награждал чином, поместьем, орденом или деньгами.

— А где же Лучьян? — спросил он, и все стали оглядываться, искать старика, но его не было уже и в самой Полтаве.

Лучьян с Яковом и его отцом скакали на конях по просторам Малороссии, заезжали в разные селения, покупали на ярмарках продукты. Прижимаясь к своему вороному коню, Яша радовался, что тот остался жив. Но тревожно глядел на отца, который сильно похудел и состарился за последнее время, сделался угрюмым и почти не разговаривал со спутниками. Где-то под Киевом он упал с лошади и сломал ногу. Яков с Лучьяном довели его до ближайшего хутора, там крестьяне стали выхаживать старика, но тот уже чувствовал, что умирает. И, позвав к себе сына, обнялся с ним и сказал на прощание:

— Скоро я умру. Прошу, если сможете, похороните в нашем селе. Поклонись за меня матушке. Никогда не оставляй её, люби и заботься о ней. Она у нас славная...

Яша заплакал и ещё раз обнял отца. А потом Дмитрий попрощался с Лучьяном. В ту же ночь его не стало. Любимый сын и верный друг усопшего увезли тело в Верходонское и там предали земле.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПРУТСКИЙ ПОХОД

Вернувшись в Москву, Яков сообщил матери прискорбную весть, и они вместе оплакали отца. А вскоре узнали, что Софья ждёт ребёнка, и стали отдавать ей всю любовь и заботу. Будущие мама и бабушка шили одежду для будущего малыша. Яша говорил, что родится мальчик, но ранней весной следующего года на свет появилась девочка, и её назвали Варенькой.

После поражения под Полтавой Карл XII и Мазепа бежали

в Османскую империю. Гетман вскоре умер. А король стал подговаривать султана начать войну против русских, и тот долго не соглашался на это, но Карл долго твердил, что турки должны остановить её возраставшее могущество для собственной безопасности. И Турция объявила войну России.

Пётр понял, что на сей раз противник может одолеть его — у турок большая армия, и к ней ещё примкнут толпы варваров, степняков. А с его армией кто пойдёт? Поляки, на которых нельзя надеяться, и два господаря — молдавский Кантемир и валахский Бранкован, просившие царя защитить их от османов и принять в своё подданство.

Незадолго до похода Пётр учредил Сенат — верховный орган управления страной. Его члены, избранные царём, вели надзор за судебными, финансовыми и военными делами. И государь, надеясь, что в его отсутствие там всё будет в порядке, со своей армией вышел в поход. С ними отправилась и Екатерина.

Три месяца спустя они прибыли во владения Кантемира, и он встретил их с войском, готовым к сражению. Все двинулись во владения Бранкована, но, едва перешли реку Прут, узнали, что тот предал царя и перешёл на сторону врага.

Теперь русскую армию с разных сторон окружали противники: турки, которых было почти впятеро больше, шведы, поляки (войско Станислава Лещинского), крымские и ногайские татары. Стычки с неприятелем ещё уменьшили войско, и Пётр пришёл в отчаяние. Но Екатерина созвала военачальников и сказала, что единственный выход теперь — заключить мир с противником. Те согласились, и царь, послушавшись жену, велел послать начальнику турецкого войска письмо с предложением о мире. Втайне от мужа царица отправила ему все свои бриллианты.

И он принял предложение, но потребовал от Петра вернуть все территории, которые тот отвоевал у Швеции, отдать Азов, Таганрог и несколько других крепостей, отозвать свои войска из Польши, позволить Карлу XII вернуться в Швецию и выдать туркам Кантемира. На последнее условие царь не согласился, сказав, что не может так поступить с преданным ему князем. Турецкий начальник понял его и отказался от этого требования. Был заключён мир, и царь с царицей и армия в целостности и сохранности вернулись в Россию.

Пока Пётр и Екатерина отсутствовали, Лучьян с няньками присматривали за их маленькими дочерьми. Девочки росли очень весёлыми, подвижными, и старик во время прогулок не

спускал с них глаз. Аня была тёмная, смуглая, как мать, а Лиза — посветлее, но всё же они сильно походили друг на друга.

На прогулках Лучьян напевал им песни, рассказывал сказки. Однажды он поведал о лисе, которая хитростью да лестью угождала волку, а сама потихоньку утаскивала его добычу. Но вот однажды тот подслушал, как она говорит про него медведю всякие нехорошие вещи, рассердился и бросился за ней. Убегая от него, лиса молила о защите всех лесных зверей, но никто не хотел её пускать в свою нору, потому что все тоже боялись волка. Только рыбы согласились принять плутовку у себя, и она подбежала к бурной реке, бросилась в воду и утонула. Нянька, которая гуляла вместе со стариком и девочками, догадалась, что под лисой он подразумевал гетмана Мазепу.

Как-то Лиза нашла на улице котёнка и взяла его к себе. У него были грустные глаза, и ей стало жаль бедняжку. Так он и остался при дворе. И по цвету шерсти был назван Рыжиком. Поначалу питомец всё время находился с девочками, а когда немного подрос, то стал разгуливать по дворцу и сделался любимцем всех придворных — его кормили, лелеяли, с ним играли.

Когда вечером Лучьян укладывал двух сестрёнок в кровати, Аня быстро засыпала, а Лиза прыгала, пела песенки, а бывало, и сбегала. Старик искал её в комнате, ходил по коридорам, а она сидела под стулом или за кроватью и тихо смеялась. Найдя её, Лучьян тоже посмеивался, но потом всё-таки укладывал спать, качал кроватку, напевал что-нибудь, и малышка погружалась в сон.

...Родители девочек приехали ранним утром, и те бросились встречать их в ночных платьицах, с чепчиками на головах. Мать прижимала их к себе и целовала. Лучьян узнал от Петра о мудром решении Екатерины, об итогах похода и ответил:

— Да, всё могло кончиться куда печальнее, если бы вы продолжили воевать... Тебе досталась прекрасная жена, береги её.

— Я с самого нашего знакомства знал, что мне не сыскать лучшей супруги, чем она, — согласился тот. — Иногда страдаю от припадков: судорога во всём теле, головные боли... И Екатерина сажает меня рядом с собой, берёт за голову, гладит, почёсывает её. Я засыпаю, и она долго сидит не двигаясь... А после просыпаюсь здоровый и в хорошем расположении духа.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. «ОКНО» В ЕВРОПУ

Лучьян приезжал в Санкт-Петербург, как называли новый

город, через три года после начала его строительства, затем — по возвращении из Малороссии. И каждый раз удивлялся, как тот быстро растёт.

Для этого Пётр приложил все усилия: собрал каменщиков со всей России, крестьян и даже ввёл «каменный налог» с каждого въезжавшего в город воза — нужно было привезти с собой определённое количество камня или заплатить специальный сбор. Люди работали посменно — по два-три месяца. За месяц платили один рубль.

И вот совсем новый город провозгласили столицей Российского государства. Туда переместился царский двор, переехали все официальные учреждения. Там жили солдаты, матросы, крестьяне, перебравшиеся из окрестных деревень.

Пётр хотел пожаловать поместья Лучьяну, Лесмяню и Луке за многолетнюю службу, но старики попросили дать им одно на троих, только чтобы огород был побольше. Царь выполнил их просьбу, и они переехали в своё новое владение в сотне вёрст от города и спокойно зажили в нём.

Русский флот одержал победу над шведским у мыса Гангут, на юге Финляндии. В морском бою умело взаимодействовали флот и сухопутная армия России, воины Петра верно оценивали тактику и погодные условия и понимали манёвр противника. В итоге страна получила выход к Балтийскому морю.

Победителей встречали в новой столице толпы людей. Народ долго ждал их появления, и наконец те, кто был у гавани, закричали:

— Едет! Едет!

К берегу причалили русские галеры и трофейные суда. Под радостные крики толпы и залпы пушек царь ступил на землю. Все русские воины и пленные шведы вышли на берег, миновали триумфальные ворота и двинулись к зданию Сената.

Там князь Ромодановский принял от Петра рапорт, поздравил его и произвёл в вице-адмиралы. Оттуда царь поехал во дворец, где повидался с женой, и направился к Меншикову, у которого устроили в честь победы, собралось очень много гостей, и старики тоже прибыли из поместья, чтобы поздравить государя и выпить за его успех.

Лучьян любил посещать такие празднества — здесь он радовался и забывал о своей старости, недугах. Пётр сам придумывал забавы для увеселения народа — однажды устроил

свадьбу двух карликов, а в другой раз была свадьба-маскарад с Никитой Зотовым в роли жениха.

А позже царь учредил ассамблеи — собрания общества для увеселения или дружеских бесед, со своими правилами поведения. Их стали проводить по очереди в знатных домах столицы, Пётр назначал для них время, выбирал занятия для людей, заказывал напитки и закуски. На ассамблеях он был весел, обходителен, прогуливался по залам, вступал в разговоры. С иностранцами часто общался на их языке, зная латынь, немецкий и голландский языки, понимая французский. Там устраивались и танцы. Царь любил танцевать, особенно в паре со своей супругой. Маленькие Аня и Лиза тоже кружились рядом с ними, одетые в белые платья с узорами, с ленточками на голове, и гости не могли на них налюбоваться.

Первая газета России — «Ведомости» — появилась ещё до начала строительства новой столицы. Её предшественником в прошлом веке были «Куранты» — рукописные известия, которые составлялись два — четыре раза в месяц в одном — трёх экземплярах — царю и самым высшим приближённым. Пётр I, ознакомившись с иностранными газетами, понял, что и ему нужно печатное издание для оповещения населения о правительственной политике, военных действиях, русской и заграничной жизни и пропаганды своих реформ. И в декабре 1702 года вышел указ о печатании «Ведомостей». Вскоре газета поступила в свободную продажу.

В первых её номерах сообщалось об осаде Нотебурга, о развитии русского просвещения и новых школах, о новых отлитых пушках и о многом другом. Государственные учреждения — приказы — присылали для неё сведения о своей деятельности. В каждом номере по военным письмам, донесениям, извещениям рассказывалось о боевых эпизодах. Заграничные новости брались из донесений послов и иностранных газет. Пётр иногда сам отбирал материалы, давал для печати документы, свои письма, редактировал целые номера. Первым редактором газеты был директор Печатного двора в Москве Фёдор Поликарпов-Орлов. А когда «Ведомости» перевели в Петербург, ими занялся директор столичной типографии Михаил Абрамов. Оба были образованнейшими людьми.

Лучьян знал наверняка, что развитие газетного дела здесь пойдёт по тому же пути, что и на его родине: сначала газеты будут только информировать и объединять людей, затем станут ещё и развлекать, и само содержание издания, и способ его

изготовления усложнятся; на Юпитере давно уже появились электронные газеты в сети, но многие всё равно покупали бумажные экземпляры.

Война со Швецией продолжалась. Вернувшись на родину, Карл взялся за старое — набрал новую армию и стал грозить войной соседним странам. Но против него сплотились Россия, Дания, Голландия, Пруссия и Ганновер, решили напасть на южные провинции Швеции. Однако союзники Петра медлили с отправлением войск, и он оставил это дело и отправился в Голландию.

Читая недавно утверждённый Воинский устав, Яков вспоминал, как в юности они с Павлом боялись войны, и жалел молодых солдат, которым трусость могла стоить жизни: теперь за бегство армии расстреливали каждого десятого по жребью...

Раньше ему казалось, что молодость будет длиться вечно, а теперь, глядя в зеркало и видя седину в волосах и проступавшие морщины на лице, он понял, что старость неизбежна — если только не придётся погибнуть где-нибудь или умереть от болезни; но молодым он теперь не станет никогда.

Порой думалось ему, что живёт не так, как велит обычай — когда видел грубый нрав царя, вспоминал строгого отца, который жил и воспитывал его по «Домострою». У них с Софьей родились ещё два мальчика — Ваня и Коля, и их воспитывали в доброте. Когда-то отец говорил словами из «Домостроя», что телесными наказаниями родитель спасает душу ребёнка, но мать не могла понять и принять этого и каждый раз заступалась за сына. А теперь и Яков не мог быть жестоким к своим детям. Когда мальчики баловались и не слушались его, порой хотелось хлопнуть их по затылку, но рука не поднималась. Однако и мать, и Софья с тётушкой, и Лучьян говорили, что детей нельзя бить, и совесть у него оставалась спокойной.

Когда очередной поход против шведов был отменён, он с лёгким сердцем возвратился в столицу, а оттуда с семьёй поехал в поместье стариков, о котором дальше пойдёт речь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ДРУЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Лучьян, Лесмян и Лука тихо и мирно жили в просторном доме, не спеша трудились, следили за хозяйством. Со слугами они дружили, общались на равных; все вместе и работали, и ели-пили.

Каждую весну хозяева проверяли, прочна ли ограда в поместье,

и укрепляли её где надо. Ворота на ночь запирались. Возле них была привязана собака, охранявшая двор.

По весне старики со слугами копали грядки на огороде и в поле, разбрасывали навоз, сажали семена и зёрна, поливали их, пропалывали грядки, обрезали яблони. Они выращивали новый овощ, который Пётр привёз из заграницы, — картофель. Поздней весной сажали его, а летом выкапывали, собирали семена, делали запасы на зиму. Также у них росли капуста, огурцы, морковь, дыни и другие культуры. По осени хозяева и слуги солили овощи, готовили рассольник.

Сад в поместье был просторным и уютным; здесь старики любили проводить вечера, беседовать, пить мёд. Они собирали яблоки и груши, ели их, заливали патокой или морсом. Ходили в лес за грибами, солили грузди и рыжики. Большую часть урожая посылали служителям церкви, монахам, нищим, больным и сиротам. А остальное хранилось в их житницах и закромах.

Поместье наполнилось разной живностью: хозяева купили лошадей, коров, коз, свиней, гусей, уток и кур. Им нравилось самим заботиться о питомцах, кормить, пасти.

По вечерам старики обходили поместье с фонарём, проверяли, всё ли в порядке, а утром Лучьян, который просыпался раньше всех, снова шёл осматривать двор, заглядывал в сад, на поле.

В город они выбирались, когда надо было поздравить царя с какой-нибудь датой, появиться на званом вечере или купить что-нибудь. Один раз были на ассамблее, потом ездили в Петергоф, куда перебралось семейство царя и где начали строить дворец.

У Петра родился сначала внук, а чуть погодя и сын, и обоих назвали в честь него; теперь они уже подросли. Девочки обрадовались приезду своего доброго воспитателя и повели его на прогулку по Царскому Селу. Они пришли в маленький домик, где царица и боярыни занимались рукоделием. Екатерина вела здесь хозяйство — смотрела за огородом и кухней и изготавливала сыр. Попробовав этот вкуснейший продукт, Лучьян удивился и спросил, как же его производят, где берут молоко? Девочки повели старика на улицу, и тут только он увидел пасшихся вдалеке коров, которых привезли сюда из Голландии.

Лесмян и Лука тем временем рассматривали портрет царской семьи, написанный художником Мусикийским: Пётр и Екатерина сидели в креслах, а подле них стояли Алексей, Анна с Елизаветой

и маленький Пётр. Царица и дочери были в пышных платьях с драгоценными камнями, а царь с сыновьями — в кафтанах.

Теперь Пётр делился со стариками своими переживаниями об Алексее.

— Мой первенец и службу, и поручения разные исполнял с неохотой, — говорил он, беспокойно ходя по комнате. — Я знал, что сын рассказывает своей матери, какой я негодяй и как ему ненавистно всё то, что делаю и заставляю делать его. Думал, женитьба его изменит — нет, таким же остался! И никогда уже не исправится...

— Будь с ним помягче, — попросил Лесмян. — У него умерла жена, совсем ещё молодая... Это огромное горе, он пока не пришёл в себя...

— Не защищай его, — махнул рукой Пётр. — Я полгода ему дал на то, чтобы решить — либо пусть изменит свой нрав, либо — уходит в монастырь! Он отказался быть моим наследником.

Царь сел в кресло и обхватил голову руками.

— Пусть хотя бы Пётр будет достойным наследником... Надо было Алексея по-мужски воспитать — а я другим занимался: воевал, за границу ездил, город строил... Да что теперь об этом говорить...

Вскоре пришли царица с девочками и Лучьян и отвлекли царя от тягостных раздумий. Старики пригласили семью царя к себе в поместье, но оказалось, что Пётр с Екатериной собираются ехать в Голландию, а вот дети смогут прибыть в гости.

И через несколько дней девочек и маленького Петра привезли к старикам. В поместье им было просторно, и здесь они смогли вволю побегать и поиграть, и даже няньки теперь за ними смотрели не так строго. А на следующий день приехал Яков со своим семейством, и стало ещё веселее. Дети резвились вместе, взрослые прогуливались на свежем воздухе, а старики смотрели на них и радовались.

Яков пристрастил хозяев к курению, и, собираясь в сад по вечерам, Лучьян и Лесмян дымили трубками, а Лука воздерживался — здоровье не позволяло. Раньше русские не курили, считали это грехом. Но с тех пор, как Пётр заключил в Англии договор о свободном ввозе табака в Россию и сам вернулся на родину заядлым курильщиком, это стало обычным занятием.

В тот вечер старики и Яков говорили об эликсире, который попробовали когда-то Лучьян и Лесмян — ведь они прожили уже по семьсот с лишним лет.

— Что это за снадобье? — спросил Яков. — Оно правда даёт бессмертие?

— Не знаю... Вряд ли, — пожал плечами Лучьян. — Нам с братом казалось, что учёный, который его сделал, — просто шарлатан. Но, когда о пользе эликсира заговорили сотни тысяч людей, мы продегустировали его. Однако нам и тогда уже было почти по пятьсот лет — наши соотечественники и так очень долго живут.

— Это светло-зелёная горьковатая жидкость, — вспомнил Лесмян. — Говорили, что она останавливает старение организма, продлевает жизнь на неопределённое количество лет и устраняет все болезни человека.

— Но в любом случае не спасёт от возможной трагедии, — ответил Лучьян. — Если человек упадёт с огромной высоты или окажется смертельно ранен, то не выживет. Да и не надо было пробовать: сейчас у меня всё тело болит и жить уже как-то надоело — а умереть не могу...

— Надо тебя женить, тогда и боль пропадёт, — улыбнулся Яков. — И вашему поместью хозяйка нужна.

— Не хочу больше жениться, — покачал головой Лучьян. — Я жён, детей и внуков пережил, и всё это огромное горе... Лучше уж быть одному.

Он вспоминал своих умерших родных, глядя на вившийся в сумраке дымок из трубки Якова. А тот тоже задумался — об эликсире: хорошо или плохо было бы, если бы все жили вечно?

Когда пришло время идти спать, Лука сказал собеседникам:

— Вы идите, я ещё немного тут подышу воздухом...

Он сидел под яблоней и гладил своего верного друга — пса Франца.

Лучьян долго не мог уснуть — его почему-то охватило сильное волнение. Поднявшись с кровати, он двинулся на кухню, выпил там воды и вышел на крыльцо. Ночную тишину прервал вой Франца — его хозяин скончался там же, под яблоней...

Обнаружив, что Лука мёртв, Лучьян разбудил Лесмяна и Якова, и они перенесли тело в дом и стали готовить к погребению.

«Вот как случается... — думал Яков. — Только что говорили о бессмертии — и в ту же ночь Луки не стало... Смерть не только

неизбежна — самое страшное, что она внезапна...»

Луку схоронили через два дня на ближайшем погосте.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ДЕЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Голландцы радостно встретили русского царя и его супругу; в Петре здесь видели прежнего мастера Михайлова. Гости побывали в именитых домах Саандама, где их ожидал пышный приём, объездили почти все города Голландии. Они увидели полотна знаменитых живописцев — Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта; царь купил и отправил в Петербург много картин.

Екатерина осталась в Гааге, а Пётр поехал во Францию. Там он приобрёл кабинет редкостей профессора Рюйша, кабинет аптекаря Себы, людерский мюнц-кабинет. В Париже царь прожил полтора месяца. Там его тоже приняли с большим почтением: поселили в королевском дворце Лувре, к нему приходил мальчик-король Людовик XV и многие знатные люди, для него устраивали празднества и пиры, его избрали членом парижских академий и на монетном дворе изготовили золотую медаль, на которой он был увенчан лаврами.

Но вскоре из России пришли тревожные известия о его сыне. Меншиков в письме сообщал, что Алексей с несколькими приближёнными отправился в Вену просить римского императора, чтобы помог отнять престол у отца. Пётр пришёл в ярость. Он послал в Вену гвардейского капитана Румянцева и тайного советника Толстого, но царевич уже уехал в Неаполь. Однако они разыскали его там.

Пётр в письме обещал сыну, что если он тотчас же вернётся в Россию, то будет прощён. Но Алексей не хотел возвращаться. И Толстому пришлось почти силою везти его в Россию.

Там царевича предали суду и во время следствия выявили многих его сообщников — мать, тётку Марию Алексеевну и других; раскрыли заговор — он намеревался, заполучив престол, уничтожить все начинания отца. Теперь же Алексей, боясь расправы, обвинял в этом своих приближённых, и главных сообщников казнили. Но его любовница Ефросинья сообщила, что он хотел использовать австрийскую армию для захвата престола, и царевич на очной ставке подтвердил это. После пяти месяцев следствия ему вынесли смертный приговор...

Вскоре Алексей скончался, и было объявлено, что это произошло от сильного нервного потрясения и что Пётр простил и благословил его накануне.

Яков тотчас же отправился к Лучьяну и Лесмяну, чтобы рассказать им о смерти царевича. Выслушав его, старики пришли в ужас.

— Я не верю, что он умер сам, — сказал Яков. — Мне кажется, его убили. И царь ничуть не скорбит о сыне — сегодня торжественно отмечал годовщину Полтавской битвы.

— Скорее всего, его пытали и он не выдержал пыток, — ответил Лесмян. — Нет, друзья мои, я больше не могу оставаться здесь и служить тирану и деспоту. Ему эта жестокость потом аукнется... Лучьян, я отправляюсь на нашу родину.

— Ты с ума сошёл... — Лучьян едва не выронил из рук топор, которым колот дрова. — На нашей родине не осталось нормальных людей — только испорченные цивилизацией идиоты, циничные и продажные, в них нет ничего человеческого! Если хочешь пополнить их ряды — лети, я тебя не держу. А мне здесь лучше.

— Как ты можешь так говорить, ведь там же наши родственники, друзья, там похоронены наши родители... — тихо ответил Лесмян. — Там нам, старикам, было бы уютно и спокойно, не то что здесь — среди войн и насилия...

— У нас на родине друзей не осталось, — вздохнул Лучьян. — Все умерли... И родственники меня не знают, да и тебя уже, поди, забыли. А родителей я помню, каждый день о них вспоминаю, упокой Господь их души... Но отсюда никуда не поеду, не полечу — и здоровье уже не то, и привык я здесь. Тут доживу свой век...

— Что ж, оставайся, — кивнул Лесмян. — А я поеду в Крым, где закопал корабль, и, если он будет в исправном состоянии, полечу на Юпитер.

— Может, одумаешься? — спросил Лучьян. — Чем тебе здесь плохо? В тишине и покое... Да и этот корабль не откопает, ты тоже уже весь больной... А если в пути что случится? До Юпитера ведь очень-очень далеко...

— Я справлюсь, — твёрдо сказал Лесмян и пошёл собирать вещи.

Сколько ни уговаривал его Лучьян остаться, он не послушался.

— Ничего, я ещё прилечу, — успокаивал брата Лесмян. — Не навсегда расстаёмся.

Когда он вышел во двор, Лучьян подозвал к себе Якова и сказал ему:

— Яша, прошу тебя, довези его до Крыма. И сломай к чертям корабль, когда вы его откопаете, чтобы этот упрямец не смог даже взлететь...

Яков подумал, положил руку на плечо старика и кивнул.

— Он старый, больной, если полетит, то непременно разобьётся, — объяснил Лучьян. — Ему какая-то дурь в голову взбрела, а я теперь буду волноваться...

— Не беспокойся, я ещё поговорю с ним в дороге, — ответил Яков. — Скорее всего, он одумается.

Следующим утром братья долго прощались. А после Лесмян и Яков уехали на повозке.

Путь был долгим. Яков, расспрашивая Лесмяна о полётах, пытался его утешить: дескать, корабль теперь испортился, заржавел и уже не взлетит, а если и взлетит, то до Юпитера точно не доберётся — расстояние слишком большое.

— Ничего, сколько раз долетал, и в этот раз долетит, — махнул рукой Лесмян. — Топлива хватит — я запасся им впрок!

«Вот неугомонный старик! — с негодованием думал Яков. — Надо всё это топливо вылить в море, чтобы он никуда не улетел!»

А тот уже догадывался о его замыслах...

В Киеве они купили еды на базаре и отправились ночевать на постоялый двор. Лесмян подождал, пока Яков уснёт, и написал ему письмо:

«Яша, прости, что уехал без тебя — так надо.

За меня не волнуйся и брату моему передай, чтобы не тревожился — всё будет хорошо. Спасибо за всё, дай Бог тебе здоровья, мира и счастья в семье.

Прощай, Яша, храни тебя Господь».

Положив письмо на стул возле спавшего друга, старик в последний раз взглянул на него, взял свой мешок и вышел на улицу. Там сел на коня, пришпорил его и ускакал.

Яков потом долго искал Лесмяна, добрался до Крыма, в разных селениях выпрашивая людей о нём, но никто ничего не смог рассказать. И, объехав берега моря, он ни с чем вернулся домой.

Узнав от него обо всём, Лучьян долго убивался, что отпустил брата. Но понимал, что и в неволе он не мог его держать. Узнав о смерти Луки и отъезде Лесмяна, Пётр предложил Лучьяну переехать в город, но тот решил остаться в поместье — здесь ему было спокойнее. К тому же его часто навещал Яков, у которого родился ещё один сын, и нарекли мальчика Федей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. НОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Горе не оставляло царя: через несколько месяцев после смерти Алексея не стало и младшего сына — Петра. Проводя время в молитвах, государь мужался; твёрдый духом, спокойно смотрел, как выносят тело его сына из дворца и хоронят. «Тот, кому я мог привить любовь к своему делу, кто мог стать достойным наследником и продолжателем моих дел, — его уже нет, — горестно думал он. — Пусть же Господь не оставит Россию...»

Ему было тревожно оттого, что вновь приходилось вести войну со шведами. Карл XII погиб во время похода в Норвегию, и престол заняла его сестра Ульрика Элеонора. Её племянник Фридерик, герцог голштинский, имевший больше прав на место короля, захотел породниться с Петром и стал добиваться его согласия на брак с дочерью Анной. Это испугало Ульрику Элеонору — ведь царь мог возвратить своему зятю престол. И она стала собирать союзников для новой войны.

Услышав об этом, Пётр сказал: «Я два раза предлагал Карлу мир — сначала по необходимости, потом из великодушия; теперь же силою заставлю шведов принять его!» Он составил из галер флот и отправил солдат через Балтийское море в Швецию, веля огнём и мечом опустошать селения, но запретив грабить и убивать людей.

Высадившись на сушу, они начали сжигать селения и замки, уничтожать заводы. Один город шведы, отступая, подожгли сами. Берега Швеции запылали так, что зарево стало видно за много вёрст. Пётр I приказал войскам идти к Стокгольму для угрозы нападения на столицу. Король и королева пришли в ужас и предложили мир, прося царя остановить армию.

По условиям заключённого в финском городе Ништадте договора к России отошли частично территории Карелии, Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии, острова Эзель и Даго, за эти земли шведам выплатили компенсацию; Швеции же возвращалась Финляндия. Обе стороны обменялись пленными, и всем «преступникам и перебежчикам», кроме сторонников Мазепы, объявили амнистию.

Первое время Якову не верилось, что война, которой были отданы годы его юности и молодости, окончена. Он удивлённо и радостно смотрел на драгун и трубачей в зелёных мундирах, ездивших по городу и извещавших жителей об этом радостном событии.

Пётр учредил вместо приказов коллегии — органы управления, занимавшиеся различными отраслями: внешняя политика, государственные доходы, суд, торговля, армия, флот, промышленность и другое. В отличие от приказов, они имели чётко выраженные назначения. Там решения принимал не один человек, а несколько — путём совещания. В каждой коллегии был президент, вице-президент, члены коллегии, секретарь, нотариус, переводчик и другие. Заседания длились по пять часов каждый день, кроме воскресных и праздничных. Вопросы решались большинством голосов; если же коллегии не могли принять решения, это делал Сенат, которому они были подчинены.

Царь упразднил патриаршество и ввёл вместо него коллегиальный высший управленческий церковный орган — Святейший Синод.

В знак признания этих преобразований и благодарности члены Сената и Синода нарекли Петра императором и попросили письменно подтвердить принятие этого титула. В тот день на улицах столицы было многолюдно и шумно; люди устремились к Троицкому собору, где вот-вот появится царь; там уже стояло войско. Увидев его с царицей и всем семейством, толпа радостно зашумела, стала приветствовать их. В церкви архиепископ Феофан Прокопович произнёс речь, в которой перечислил все великие дела Петра и удостоил его нового титула. Три раза воскликнул канцлер Головкин, а потом и народ, и войско: «Виват! Виват! Виват, Пётр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!» Зазвонили колокола, заиграли трубы и литавры, солдаты выстрелили из пушек и ружей.

Наградив своих приближённых — кого новых чином, кого именьями и деньгами, — Пётр стал праздновать окончание войны и получение императорского титула. Три дня веселился народ; для него были поданы жареные быки и птица, хлеб; все пили красное и белое вино, мёд и пиво, славя Россию и её правителя.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА ПЕТРА

Теперь для русских был открыт торговый путь во все страны Европы. Однако Пётр хотел вести торговлю и с Индией. В 1722 — 1723 годах он предпринял два похода, чтобы освободить армянский народ от власти Персии и Турции. Формальным

поводом для их начала стало нападение подданных персидского шаха на русских купцов на Кавказе. Русские войска, соединившись с казаками и татарами, двинулись на юг по суше, а затем — и по Каспийскому морю, провели несколько боёв с персами и захватили города Решт и Дербент. Но разразилась страшная буря и потопила их корабли с продовольствием, и дальнейший поход пришлось отложить. В следующем году сухопутные части добрались до Баку и после трёх недель осады взяли его. Походы окончились подписанием Петербургского мирного договора: России оставили занятые ею города и несколько персидских провинций. Пётр не захотел двигаться дальше на юг, так как в земли Кавказа вторгся серьёзный противник — Османская империя. Позже завоёванные русскими земли вернули Персии.

После возвращения в Петербург император стал проводить манёвры русского флота в Балтийском море и Финском заливе.

— Помнишь, как начинался наш флот? — спросил он у Лучьяна, который вместе с ним смотрел на корабли. — У нас был только маленький ботик, найденный мною в доме прапрадедушки. Это судёнышко стало «дедушкой русского флота». Всё начинается с малого, и лишь огромными усилиями малое можно сделать великим.

Вскоре по приказу Петра тот самый ботик привезли из Москвы в Кронштадт и в честь него устроили праздник. В тот день русский флот вышел в море, на всех кораблях стали стрелять из пушек и спускать флаги в честь «дедушки русского флота». И вот сам кораблик с главными морскими генералами на борту выплыл из гавани и обошёл вокруг всего флота. Лучьян с восторгом наблюдал за этим действием, слушая звуки труб, бой барабанов и крики «Ура!». Ботик вернулся в гавань, и за ним приплыли все суда.

...Пётр был уже слаб здоровьем, которое подорвал постоянный умственный и физический труд, подорвала вражда с Алексеем и смерть сыновей. Одна только Екатерина всегда находилась рядом и делила с ним все печали и радости. В знак своей любви и благодарности он решил короновать её на царство. Коронация торжественно прошла в Успенском соборе. Там Пётр возложил на свою супругу корону и мантию и подвёл её к алтарю для миропомазания и причащения Святых Тайн. И в тот же день учредил для неё охрану — роту кавалергардов, самых высокорослых солдат, выбранных из войска.

На торжественных празднествах, продолжавшихся после этого,

Пётр чувствовал себя плохо, ему не хотелось ни веселиться, ни есть, ни пить, он мечтал о тишине и покое. Лучьян на время перебрался во дворец, чтобы помочь императору справиться с недугами, и сопровождал его в поездке к Олонецким минеральным водам.

— Лучьян, ты всегда был моим преданным другом, — сказал Пётр, когда они вдвоём сидели на берегу источника. — Сначала — нянькой, потом — учителем, затем — сподвижником. Ты сопровождал меня во всех делах, в походах, отказываясь от наград и чинов. Ты любил и любишь моих детей как своих родных. Я очень благодарен тебе за всё... Конечно, с болезнью буду бороться. Но, если меня не станет, пообещай, что не дашь России погибнуть, что будешь заботиться о моих детях и внуках, направлять их на путь истинный. Вся надежда на тебя...

— Обещаю. Но ты не думай и не говори о смерти.

Немного подлечившись, Пётр поехал в Петербург, а оттуда — в Петергоф, посмотреть на строительство фонтанов и бассейнов. Потом отправился на реку Волхов, где шло строительство канала по берегу Ладожского озера. Во время бурь на озере тонули корабли, гибли люди, до столицы не довозили товары, и царь решил провести канал от Невы до Волхова. Его строили под руководством графа Миниха уже пять лет, проложили несколько вёрст. Ещё раньше каналом соединили реки Тверцу и Мсту, чтобы можно было доплыть до Петербурга из Астрахани.

После поездки на Волхов Пётр занялся планом создания Академии наук в Петербурге. Тем временем Лучьян исполнял его приказ — следил за перенесением мощей Александра Невского из Владимира в столицу. Здесь, на Неве, великий князь одержал победу над шведами. Пётр встретил на галере людей с мощами, помог перенести их на судно, а потом — в церковь Александро-Невского монастыря. В тот же день Лучьян выступил перед горожанами: рассказал о своём участии в Невской битве и Ледовом побоище, вспомнил погибшего внука Власа — благородного и смелого человека.

Однажды Пётр плыл на яхте из Петербурга в Систербек. Разыгралась буря, и матросы заметили вдалеке судно, с которого раздавались крики о помощи. Пётр отправил туда шлюпку с людьми. Оказалось, что бот с солдатами и матросами сел на мель. Посланные никак не могли сдвинуть его с места, и император бросился в холодную воду спасать тонущих.

Несколько часов он помогал снимать судно с мели...

По прибытии во дворец его стало знобить, на следующий день началась лихорадка, и Пётр потерял сознание. Через несколько дней, придя в себя, вновь занялся государственными делами. Но ему уже не удалось выправиться. Болезнь длилась три месяца, и, как только ему становилось лучше, он принимался за работу. Незадолго до смерти император освободил всех сосланных на каторжные работы и объявил прощение осуждённым за преступления. Потом соборовался, исповедался и причастился Святых Тайн.

Лёжа в своих покоях, глядя на образа, освещаемые лампадой, вдыхая аромат целебных трав, настоем из которых его растирали, Пётр сказал Лучьяну:

— Душа моя не пропадёт... Я спас её...

Он скончался, не успев составить завещания и назвать имени наследника...

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. В РОДНОМ ПОМЕСТЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА

Утро 28 января 1725 года надолго осталась в памяти Лучьяна: Екатерина плакала над телом супруга, а в соседнем зале уже спорили о том, кто будет править страной. Родовитые аристократы — князя Голицын, Долгоруков и Репнин — были за десятилетнего внука покойного императора — Петра Алексеевича. А Меншиков и граф Толстой — за Екатерину Алексеевну, боясь мести Петра за то, что когда-то участвовали в суде над его отцом.

Из уст в уста передавалось печальное известие: «Пётр I скончался». Глядя на царицу и обеспокоенных слуг, Лучьян прижимал к себе и утешал дочерей покойного.

Когда в зале появились офицеры и стали громко говорить о чём-то, он спросил у Якова, который находился тут же:

— Что им нужно?

— Они хотят видеть на престоле Екатерину Алексеевну, — объяснил тот. — Грозятся, что голову проломают, если кто-то помешает этому.

Чуть погодя офицеры вошли в покои к императрице и поклялись ей в верности. Военная сила была на её стороне, и это решило исход дела.

Больше месяца люди прощались с телом государя, которое находилось в дворцовой зале, а затем его похоронили в Петропавловском соборе. На погребении Феофан Прокопович произнёс речь о тяжкой, невозполнимой утрате для России, для каждого её человека, и люди плакали...

Екатерина была не готова управлять огромной империей. Не умея писать и научившись только ставить подпись, она подписала указы об основании Академии наук, о которой мечтал Пётр, и об организации экспедиции Беринга. За неё страной управляли фавориты во главе с Меншиковым. Они создали Верховный тайный совет — совещательный орган при императрице, имевший власть над Сенатом и коллегиями. Екатерина не приходила на его заседания и слушала доклады верховников всего один раз, в своих покоях, пока у неё не началась мигрень.

О Лучьяне и Якове все забыли: их не замечали, с их мнением не считались. Якова отстранили от службы, определили ему пенсию и пожаловали поместье всего в семи верстах от поместья Лучьяна, и они оба, собрав вещи, со всем семейством уехали туда и зажили спокойной жизнью.

Первое время Лучьян не находил себе места — ему было тревожно, и вся работа валилась из рук. Он тяжело переживал смерть Петра. По ночам ему не спалось, и старик ворочался с боку на бок, а утром, засыпая на короткое время, видел какие-то непонятные, беспокойные сны. Яков, часто приезжавший, видел его упадок духа и рассеянность.

— Что с тобой случилось? — спросил он однажды. — Ты всё время как в воду опущенный. Я бы на твоём месте был на седьмом небе от счастья. Ты управлял такой великой империей, что я даже представить себе не могу — царство Солнца или...

— Солнечная система, — сказал Лучьян.

— Вот именно. Ты путешествовал так много и бывал так далеко, что я представить себе не могу — летал к дальним звёздам! У тебя столько наград, что ими можно затмить всё небо, а твои труды не поместились бы во всех библиотеках Земли. Ты спас Солнечную систему от ужасных варваров — алгольцев; дал начало стольким славным родам! Как бы я гордился и радовался на твоём месте!

— Яша, я весь износился, — покачал головой Лучьян. — В чём дух ещё держится... Ночью не могу заснуть, а днём всё тело ломит.

Если бы не этот эликсир, давно бы спокойно в могилке лежал... Я стал таким слабым, что иной раз подняться с кровати не могу...

— А я к тебе с хорошим известием приехал: дочку замуж выдаю, — сообщил Яков. — Через месяц будем гулять и тебя развеселим. К Варе посватался мой бывший однополчанин, Костя Михайлов, хороший мужик!

— Так, может, чем помочь к свадьбе? — спросил Лучьян. — Вот пенсию пришлю с моей родины — я молодым подарок куплю и остальные деньги отдам.

— Что ты, не надо! — отмахнулся Яков. — Главное, чтобы ты сам пришёл на свадьбу... А как тебе присылают пенсию? Прилетают люди на железной птице?

— Да, но я их самих не вижу, — вздохнул Лучьян. — Ночью над поместьем пролетает корабль и во двор бросают мешок с деньгами. Почтальонам, видно, запретили общаться со мной — меня на Юпитере чуть не прокляли, когда начал бороться с чиновниками-паразитами. Но пенсию присылают — раньше во дворец мешок скидывали с надписью: «Лучьяну Смолозу», теперь вот сюда. Я всё отдаю нуждающимся, сам ни копейки не беру. Эх, хоть бы раз этот корабль сел на землю — мне так хочется расспросить юпитериан о моём брате Лесмяне...

— Я знаю, что нужно сделать, — ответил Яков. — Мы составим из дров надпись — просьбу срочно сесть на землю — и разведём костёр. Когда они появляются здесь, в какие числа месяца?

— Нет определённого дня — у них там своё расписание... Ну ничего, можно разводите костёр каждую ночь. Надпись должна быть на языке Ганакоры — вряд ли они понимают русский...

И друзья стали жечь костры каждую ночь, следя, чтобы все собранные буквы горели, подкладывая новые дрова вместо сгоревших. Прошло несколько дней, и вот однажды под утро Яков заметил в небе сооружение, похожее на птицу, и разбудил дремавшего у костра Лучьяна. «Птица», делая круги, медленно снизилась. Когда же она опустилась на землю, друзья подбежали к ней, дверь открылась и появились люди в служебной форме.

— Нам запретили общаться с вами, — сказал командир корабля, пресекая попытки Лучьяна заговорить с экипажем. — Возьмите свою пенсию — и мы сразу же отбудем.

— Умоляю, скажите только, добрался ли мой брат Лесмян до Юпитера, жив ли он? — спросил Лучьян.

— Да, ваш брат живёт в Грайюнкме, — сообщил командир корабля. — Он сам велел передать вам, что удачно добрался до Юпитера.

Лучьян с лёгким сердцем принял от него пенсию, и корабль улетел. Яков заметно удивился тому, что увидел, хотя и был наслышан о таких кораблях.

Подготовка к свадьбе приободрила и развеселила Лучьяна; он сделал молодым много подарков — посуду, ткани, хлеб, поросят и домашнюю птицу. Праздник получился великолепным, с изобилием подарков, угощений и напитков, веселья и забав. И после него старик вновь воспрянул духом.

До свадьбы и после неё Яков навещался в столицу и по возвращении рассказывал Лучьяну о делах при дворе:

— Императрица всё в пирах и гуляньях. Бокалы звенят, фавориты из бутылок вино наливают, пьют, что-то живо обсуждают... Костя рассказывал, что Екатерина тоже много выпивает, с любовниками гуляет, на балах танцует по ночам. Она ложится спать в десять часов утра — и почти до вечера.

— Так она всё здоровье испортит...

— Мне кажется, ей уже недолго осталось — у неё много болезней, и выглядит она неважно...

Чуть позже Яков сообщил, что Меншиков добился от императрицы завещания, в котором она назначила своим преемником Петра Алексеевича, с условием, что он женится на дочери Меншикова. Когда его недавние сторонники Толстой, генерал Бутурлин и генерал-полицмейстер Девиер задумали возвести на престол одну из дочерей Петра I — Анну или Елизавету, — Меншиков приказал арестовать их. Девиера и Толстого первоначально приговорили к смертной казни, но императрица смягчила им наказание, и всех троих отправили в ссылку.

6 мая 1727 года Екатерина скончалась. В памяти народа она осталась доброй и весёлой царицей, любимой женой и сподвижницей Петра Великого.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА II

Яков и Софья отдали мальчиков в школу при гарнизонном полку, и те, пройдя начальный курс, стали изучать дисциплины: Ваня и Коля — артиллерию и фортификацию, Федя — пение и музыку. Отец был недоволен двумя младшими сыновьями. Старший, Ваня, вырос парнем серьёзным, трудолюбивым, а Колю с Федей

избаловали: оба ленились и не хотели ни учиться, ни помогать взрослым по дому.

Любовь к праздному образу жизни, к развлечениям они переняли от своего друга, нового русского императора Петра II. У него тоже не было прилежания в учёбе, он не интересовался никакой наукой. Учителя смогли дать ему небольшие познания в истории, географии, математике, немного обучить его латинскому языку. Пётр говорил в основном на немецком и плохо понимал по-русски.

Вскоре после коронации он обучился с дочерью Меншикова — Марией, которая была старше его на четыре года. Император недолюбливал её и в письмах называл «каменной статуей» и «фарфоровой куклой». Яков и Меншиков и раньше недолюбливали друг друга, а теперь совсем возненавидели. На одной ассамблее Яков сказал, что Александр Данилович вертит малолетним правителем как хочет. И, чтобы оградить Петра от дружбы с сыновьями недруга и другими нежелательными людьми, Меншиков поселил его в своём дворце на Васильевском острове. Софья предупреждала мужа, чтобы помалкивал — иначе отправят в ссылку или, ещё хуже, казнят.

Но, едва Меншиков заболел и потерял контроль над Петром, тот сблизился с юным князем Иваном Долгоруковым и попал под влияние его семьи. Император переехал в Петергоф и расторг помолвку с Марией. Меншикова арестовали, лишили всех чинов и орденов, конфисковали имущество, поместья и отправили его в ссылку с семьёй — сначала в Раненбург, потом в городок Берёзов Тобольской губернии, где он и скончался два года спустя.

Избавившись от него, Пётр занялся любимым делом — охотой. Ему было неважно, на кого охотиться — юного государя увлекал сам её процесс: скачки на лошадях, ловля зверей и птиц... Часто он предавался кутежам с друзьями, и старшая сестра Наталья пыталась уберечь его от попоек, но вскоре она умерла. Пётр начал засматриваться на свою тётку Елизавету, и Коля тоже. Однажды Яков услышал, как тот перед сном шёпотом рассказывал Ване о своей любви к ней.

— У него одни девицы и потехи на уме! — пожаловался он однажды Лучьяну. — А ему всего тринадцать лет... Надо было в раннем детстве пороть его, а я жалел...

— Да не делай ты из этого трагедию, — махнул рукой старик. — Мальчик растёт и, ясное дело, заглядывается на девочек. Он ещё ребёнок, и тяга к развлечениям здесь естественна. Всё равно старается, учится...

— Не старается этот лентяй, — ответил Яков. — Его заставлять приходится. Вот Ваня не такой, ему ни о чём напоминать не надо, сам всё, что нужно, делает: и учится, и нам с матерью по хозяйству помогает.

— Все дети разные, — вздохнул Лучьян. — Вот мы с братом в детстве внешне совершенно одинаковыми были, а по характеру — ничуть не похожи. Ты не сердись на Колю и Федю, им и так сейчас трудно.

Однажды слуга Якова примчался к Лучьяну с печальным известием — мать хозяина умирала. Она давно уже болела, и сын с невесткой ухаживали за ней. Лучьян сел на коня и поскакал в поместье своего друга.

Яков и Софья сидели у кровати, прислушиваясь к дыханию старушки; она была уже без сознания. А после дыхание утихло... Яков сидел ни жив ни мёртв, и не мог даже заплакать, не веря случившееся. Софья обмыла тело. Мужчины сколотили гроб, выкопали могилу и через два дня похоронили усопшую. На поминках каждый вспомнил её добрым словом.

Долгоруковы забавляли Петра охотой. С двумя сотнями охотников и четырьмястами гончими собаками он охотился на зайцев, лисиц, волков, медведей, подстрелил их великое множество.

Императора сблизил с княжной Екатериной Долгоруковой, сестрой Ивана, потом девушку объявили невестой правителя и их обручили. Свадьбу назначили на 19 января 1730 года, но Пётр незадолго до этого простудился, заразился оспой и, промучившись несколько дней, скончался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРАВЛЕНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Верховники собрались на совещание, чтобы решить вопрос: кто будет править страной дальше? Князь Голицын предложил кандидатуру племянницы Петра Великого, дочери его брата — Анны Иоанновны, курляндской герцогини. Он знал, что в ней нет властолюбия и поэтому верховники смогут занять главенствующее положение. Предложение Голицына приняли, и на следующий день он и князь Долгоруков составили Кондиции — условия, на которых Анне Иоанновне передадут российскую корону. Ей запрещено было вступать в брак и назначать наследника, её обязали содержать Верховный тайный совет в восьми персонах. Она не могла объявлять войну и заключать

мир, вводить новые подати, использовать государственные доходы для личных целей и так далее. В Курляндию отправилось посольство в составе князей Долгорукова, Голицына и генерала Леонтьева, чтобы пригласить герцогиню на царство. Анна Иоанновна беспрекословно приняла предложение и подписала Кондиции.

В Москве образовалась оппозиция из множества людей, недовольных самоуправством верхушечных. Это был Сенат, генералитет, дворяне, чиновники, гвардия, духовенство и многие другие. Их возглавил граф Андрей Остерман; среди лидеров оказались также священник Феофан Прокопович, генерал-прокурор Павел Ягужинский, историк Василий Татищев, писатель Антиох Кантемир. Они считали, что самодержавие более справедливо, чем неограниченная власть аристократов, которых заботят лишь собственные интересы. Пока будущая императрица ехала в Москву, Прокопович и Остерман отправляли ей послания, сообщая о настроениях в обществе и давая советы, из которых она поняла, что что Кондиции уже не играют никакой роли и она сможет править сама, считаясь с Верховным советом.

Анна Иоанновна до семнадцати лет жила при дворе Петра Великого, получила кое-какое образование, обучилась немецкому языку, но по-русски писала неумело и неграмотно. Потом её выдали замуж за герцога Курляндского, Фридриха Вильгельма, и она уехала к нему. Но вскоре он умер. По настоянию Петра его племянница осталась в Курляндии.

На её стороне теперь была гвардия. Когда Анна Иоанновна приехала в Москву, верхушечные под угрозой офицеров отступили. А во время встречи императрицы с кругом сенаторов, генералов, дворян и гвардейцев ей подали петицию со ста шестидесятью шестью подписями против Кондичий. Она тут же порвала Кондиции и бросила на пол.

«...Моя кухня высокая и тучная, и лицо у неё скорее мужское, чем женское, — рассказывала в письме Лучьяну его любимая воспитанница Елизавета. — Она грубая, жестокая и глупая. Я стараюсь лишней раз с ней не встречаться — и её крупная фигура, и смуглое некрасивое лицо пугают и отталкивают. Если кто из слуг ей не угодил — может и рукам волю дать. Любит унижать людей, это приносит ей удовольствие.

Следом за ней в Москву прикатил её фаворит Бирон. Они живут как муж с женой, хотя он женат на другой женщине и у него трое сыновей. Анна Иоанновна занимается государственными делами утром всего один час, а всё остальное время ест, спит

и развлекается: играет в карты, стреляет по воронам, ездит на охоту, глядит на драки шутов. Без конца устраивает праздники, ужины на несколько сот гостей, маскарады с иллюминацией и фейерверками.

Видел бы ты, сколько иностранцев появилось при дворе — целый поток хлынул! Немцы заняли высокие должности и грабят нашу страну. Но больше всех набивают карманы и брюхо Бирон и его подмастерье Левенгольд...»

Лучьян встревожился. Ещё до этого он узнал, что императрица учинила расправу над Долгоруковыми, Голицыными и другими верховниками. Вся власть теперь была у Бирона, державшего под контролем деятельность Анны Иоанновны. При дворе стало обычным делом взяточничество и казнокрадство, угодничество и заискивание, слезка и доносительство.

Письма Елизаветы и Лучьяна друг к другу передавал Коля — их верный посыльный. Цесаревна рассказывала наставнику о своём скромном существовании, о друзьях — лейб-медике Лестоке, камер-юнкерах Михаиле Воронцове, Петре Шувалове и подруге Шувалова — Мавре Шепелевой, о двух кузинах, воспитание которых оплачивала.

Коля многое поведал своему отцу и Лучьяну о Бироне и его окружении. Тот был очень тщеславным, с переменчивым настроением. Он любил роскошь и удовлетворял свои вкусы, свободно владея государственной казной и выколачивая деньги из народа. Через своих подчинённых Бирон продавал государственные должности и доходные места, занимался ростовщичеством.

Внешними делами государства занимался Андрей Иванович Остерман, возглавивший Кабинет из трёх министров, который заменил Верховный тайный совет. На содержание царского двора тратилось денег в три раза больше, чем при Петре I, а на нужды императрицы их уходило в семь раз больше, чем на армию и флот вместе взятые. Члены созданной Тайной канцелярии преследовали недовольных, допрашивали и пытали.

Опасаясь восстаний и переворотов, Анна Иоанновна и Бирон организовали Измайловский пехотный и Конногвардейский полки. Императрица контролировала их деятельность и оказывала им большое внимание.

По инициативе графа Миниха была образована Военная комиссия для поддержания порядка в армии и сохранения петровских нововведений. Она ввела особые штаты для

военного и мирного времени, обеспечила пехоту и кавалерию оружием. На южных границах строили укрепительные линии и упрочняли крепости. Русская армия готовилась к предстоявшей войне с Османской империей и Крымским ханством.

При Анне Иоанновне срок службы дворян перед государством сократился с пожизненного до двадцати пяти лет. Теперь они могли владеть землями и крепостными людьми, в отличие от богатых людей других сословий. Помещику-крепостнику позволили самому определять меру наказания крестьянину за побег.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. В БЕСЕДАХ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ

Жизнь в поместье Лучьяна шла прежним чередом. Он целые дни трудился не покладая рук, а по вечерам гулял в саду, который в шутку назвал Садам Бесед и Размышлений. Часто к нему приезжал Яков. Они сидели на скамейке или на траве под яблоней, уставшие от работы, и тихо переговаривались о чём-то своём.

Лучьян вспоминал прошедший день, думал о делах завтрашнего, но чаще его мысли уносились в более далёкие времена, когда он был ещё не так стар и болен. «Когда-то я летал в другие звёздные системы, — думал он. — Теперь же у меня нет сил даже съездить в Москву...»

А перед Яковом проносились годы молодости — всё же это было лучшее время, хотя и прошло оно в походах и сражениях. Он участвовал в свершениях Петра Великого и теперь с горечью наблюдал, как без мудрого правителя страна разваливается и гниёт. И желание сына Коли совершить переворот и возвести на престол Елизавету казалось ему справедливым — надеялся, что дочь Петра сможет навести порядок в стране.

...Так друзья коротали вечера — в раздумьях и тихих, неспешных беседах, глядя, как заходит солнце и темнеет небо, появляются месяц и звёзды, слушая, как затихают звуки и природа погружается в дремоту. Лучьян определял по закату, каким будет завтрашний день: если алый — то ветрено, золотистый — к затишью.

Однажды вечером Яков прискакал радостный и сообщил, что у него родилась внучка. Её назвали Лукерьей — созвучно именам Лучьяна и Луки, наставников и покровителей отца. Друзья выпили мёда с пивом за здоровье девочки. Через месяц Лучьян и Софья стали её крёстными родителями.

Лукерья росла на глазах Лучьяна — Яков часто привозил внучку с собой к нему, и старик учил девочку ходить и говорить. В детских воспоминаниях перед ней предстал его просторный дом и двор, бескрайние поля вокруг, река и ёлочки, берёзки и кустарники на её берегах, а ещё — чистый, прозрачный воздух, тишина, румяные яблоки и парное молоко.

Им было чем заняться, когда Лукерья приезжала на всё лето. Надев лапти, они брали корзину и палку, на которую опирался Лучьян, и шли собирать грибы и ягоды. Лукеша, как называл её старик, срывала полевые цветы и каждый раз приносила домой букет. Иногда они ходили на рыбалку и к ним присоединялся Яков. Накопав в огороде червей, шли на реку закидывать удочки. Проводя часы на берегу в тишине, отдыхали душой, иногда купались.

У Лучьяна и его слуг летом было очень много дел. «Летний день год кормит», — любил повторять он известную поговорку. То сено в стог сложить надо, то огород полить, то траву выполоть. Старик делал всё, что позволяли ему силы. Иногда работал в мастерской — изготавливал или чинил что-нибудь.

Огромную радость ему доставляли письма дорогой и любимой Лизаньки. Её жизнь при дворе Анны Иоанновны была под пристальным наблюдением, но их с Лучьяном переписка сохранилась в тайне. Цесаревна и теперь осталась весёлой и приветливой, вела себя просто и естественно: прекрасно ладилась с людьми, любила общаться с гвардейскими солдатами, приходила на их свадьбы, крестила их детей. А Коля, влюблённый в неё, мучился, видя, что она не проявляет к нему особого внимания.

— И не даёт сблизиться с ней, и не отпускает меня, — сказал он как-то Лучьяну. — Может, я ей нужен только как посыльный?

— Женщины такие, — ответил тот. — Не поймёшь, что им нужно. А раз она не гонит тебя, так и оставайся возле неё. Ты пока слишком молод, только-только восемнадцать исполнилось, ещё найдёшь себе жену.

— Мне ни одна женщина, кроме Лизаветы, не нужна, — вздохнул юноша. — Нутром, сердцем чувствую, что всю жизнь буду её любить. Ради неё и погибнуть не страшно.

Не так давно на войну проводили его старшего брата Ивана, и теперь он часто думал о смерти — ведь не знаешь, где её заполучить. И на войне опасно, и при дворе — как на пороховой

бочке: всем вертит Бирон, который сегодня милостив к тебе, а завтра и повесить может...

На каждый Новый год Яков звал Лучьяна к себе. К нему съезжалось всё его семейство, кроме Ивана. Но канун 1736 года был необычно радостным: война с Польшей закончилась, и старший сын приехал к родителям на праздник. Все дружно накрыли стол, поели, выпили, поговорили. А когда на повозке приехал Лучьян, бросились во двор его встречать.

Он был радостным как никогда. Недавно издал свой учебник «История Средних веков» и теперь привёз экземпляр в подарок Якову и семейству, а также сладости для Лукешки. Поприветствовав всех, обняв Ваню, старик в сопровождении хозяев зашёл в дом.

За столом его расспрашивали о том, как проходила работа над учебником. Лучьян создавал его четыре года, основываясь на собственных воспоминаниях, на сочинениях Лесмьяна, друзей и знакомых, на документах тех времён. Он переписывался с европейскими учёными-историками — Жаном Гардуэном, Иоганном Петером Колем, Шарлем Жаном Франсуа Эно и другими, собирал материалы для книги. Яков пролистывал учебник, знакомясь с событиями, о которых слышал только краем уха: Великое переселение народов, Крестовые походы, Столетняя война...

Вечер прошёл в разговорах о прошлом, настоящем и будущем, потом открыли бутылку вина и наполнили бокалы, чтобы проводить старый год и встретить новый.

— Пусть в новом году жизнь простых людей станет лучше, справедливее, — сказал Яков, подняв бокал. — Пусть в стране восстановится порядок.

— Долой проклятую бироновщину! — воскликнул Коля.

— За вас, мои дорогие, — улыбнулся Лучьян, чокаясь бокалом со всеми. — Здоровья, благополучия, радости!

После полуночи все снова выбежали во двор — зажигать фейерверки.

Но в следующем году всё осталось по-прежнему: так же царила бироновщина; Иван вновь отправился на войну, на этот раз — с Турцией.

Масленица, как всегда, была с весёлым шумом и гамом и вкусным запахом блинов. И после Лучьян вспоминал прогулки с Лукешей по городу и всё, что они видели: нарядные тройки со звеневшими колокольчиками, сверкавшие купола церквей, дымившиеся медные самовары, ярмарки, гуляния и чаепития при свете лампадки у образов. Девочка долго каталась на санках с ледяной горы, играла в снежки с ребятами. Старик принимал у себя гостей и сам ездил к друзьям и знакомым, помня, что эту неделю нужно посвятить доброму общению с ближними и благотворению.

Когда Лукешу привезли к воспитателю на лето, у него гостил известный художник Григорий Мусикийский, который решил создать её портрет. На картине она получилась точь-в-точь как в жизни: светловолосая девчушка с румяными щеками, в синем бархатном платье, в туфельках, с корзинкой цветов в руке; стоит, приложив пальчик к губам, со смущённым и в то же время заинтересованным видом — немного стеснялась незнакомых людей, в том числе и Григория.

Портрет остался у Лучьяна, он повесил его в своей спальне. Когда Лукеша была далеко, старик между делами смотрел на картину, и ему казалось, что она с ним, и сердце его наполнялось радостью.

Поздним июньским вечером 1737 года в Москве случился страшный пожар. От свечи загорелся дом Милославских за Боровицким мостом, а после огонь перекинулся на другие дома. Не только страх и паника москвичей помешали им справиться с пожаром — время было сухое, дул сильный ветер, и пламя легко уничтожило весь центр города, даже Кремль. Большинство людей спаслось, но девяносто четыре человека погибли. После этого пожара Анна Иоанновна со своим двором переселилась в Петербург, повелев восстановить дворцовые и соборные церкви за счёт казны.

Лучьян увиделся с прибывшей в столицу Елизаветой и вернувшимся с войны Иваном. Теперь все были в сборе и уже ни за кого у него душа так сильно не болела.

В конце правления Анны Иоанновны случилось событие, удивившее народ: на Неве построили дом изо льда. Всё началось с того, что одна из шутих императрицы, калмычка Авдотья Буженинова, захотела выйти замуж. Правительница нашла ей жениха — князя Михаила Голицына, который попал в опалу и стал придворным шутом. Анна Иоанновна велела готовиться к свадебному торжеству, и камергер Татищев

высказал идею о Ледяном доме. Его решили возвести между зданием Адмиралтейства и Зимним дворцом, архитектор Еропкин сделал проект. За ходом строительства следил кабинет-министр Волынский.

Необычный дом сложили из ледяных блоков, доставленных с Невы. Его длина составляла семнадцать метров, ширина — пять, а высота — шесть. Он был с двух сторон окружён остроконечными пирамидами с круглыми окнами на двухъярусных постаментах, а внутри пирамид повесили бумажные разукрашенные фонари со свечами. Дом и весь комплекс украсили резьбой, декорациями, скульптурами. Он состоял из гостиной, буфета, опочивальни и туалета. И окна были изо льда, и мебель — кровать, диваны, кресла, табурет, столы, шкаф, — и посуда, и другие вещи.

Молодожёнов обвенчали в церкви и отвезли на праздничный обед в клетке, закреплённой на спине настоящего индийского слона. В церемонии, по велению Анны Иоанновны, участвовало сто пятьдесят пар мужчин и женщин разных народностей Российской империи, одетых в свой национальный костюм и со своими музыкальными инструментами. Все ехали на санях, сделанных в виде зверей, птиц и рыб, запряжённых оленями, верблюдами, волами, козлами, собаками, свиньями. Во время застолья каждая пара попробовала своё национальное блюдо, потом станцевала народный танец. После окончания обеда молодых поместили в Ледяной дом, и там они мёрзли всю ночь под караулом. Только наутро их повезли отогреваться.

ГЛАВА ПЯТАЯ. МЛАДЕНЕЦ НА РОССИЙСКОМ ПРЕСТОЛЕ

Лучьян знал, что сблизило Якова и Колю с Волынским: они хотели избавиться от бироновщины и засилья немцев при дворе. Волынский пытался стать влиятельнее Бирона и Остермана. В «Генеральном проекте о направлении государственных дел» он предлагал восстановить руководящую роль Сената, убрать иноземцев с государственных должностей и заменить их русскими дворянами, а также улучшить правосудие и образовательную систему.

Понимая, что этот человек может быть опасен для них, Бирон и Остерман организовали дело против него, основываясь на записках из «Генерального проекта...». Его и двух сподвижников арестовали, предали суду и казнили — им отрубили головы. Бирон отыгрался и на детях Волынского: сына отдали в солдаты и отправили служить на Камчатку пожизненно, а двух дочерей постригли в монахини и сослали в Сибирь.

Этот случай усмирил Якова и Колю, на какое-то время они

оставили свои замыслы.

В октябре 1740 года здоровье Анны Иоанновны сильно ухудшилось — у неё обострилась почечно-каменная болезнь. Страдая от боли, императрица слегла в постель и уже больше не встала.

В завещании она назначила наследником престола своего внучатого племянника, двухмесячного младенца Ивана Антоновича, и объявила Бирона его регентом до семнадцатилетия. «Ничего не бойся», — сказала правительница возлюбленному, когда тот плакал у её постели.

— Все годы своего царствования она грабила страну, — говорил Коля Лучьяну. — Видел бы ты, сколько у неё во дворце сундуков с драгоценными камнями, с мехами и тканями! Да только на тот свет всё это не возьмёшь.

Когда разговор зашёл о наследнике престола, Коля поведал, что Анна Иоанновна не хотела передавать власть потомкам Петра Великого и лишила Елизавету прав на престол. Мать младенца, Анна Леопольдовна, приходилась умершей императрице племянницей, дочерью сестры. А отец, Антон-Ульрих, принц Брауншвейгский, был тихим и неприметным человеком, без каких-либо способностей в государственных и военных делах. Коля вновь стал искать сообщников, чтобы свергнуть Бирона и возвести на престол Елизавету.

— Ты бы уже взял и женился на простой девке, — сказал ему Лучьян. — Оставь в покое Лизу, насильно мил не будешь. Вы все, три брата, холостыми остались, не хотите своей семьи. Ты только себя мучаешь...

— Мне никто, ни одна женщина, кроме Елизаветы, не нужна, — твёрдо ответил Коля. — Это на всю жизнь, неужели ты не понимаешь? Когда любишь одну женщину, то не смотришь на других, а разлюбить я не могу...

Через несколько дней после смерти Анны Иоанновны на улицах Петербурга собрались толпы людей, недовольных приходом к власти Бирона, и их волнения передались солдатам столичного гарнизона.

Испугавшись, новый правитель попытался задобрить народ: ввёл справедливый суд, помиловал многих преступников, снизил подушную подать, позволил солдатам надевать зимой шубы в караулах и заменил их шляпы тёплым картузом. Он

ограничил роскошь при дворе — запретил носить платья из материала дороже четырёх рублей за аршин.

— Воров и казнокрадов Бирон не помиловал, — сказал Коля отцу однажды. — А ведь, если говорить по справедливости, ему первому надо отсечь голову.

— Будь осторожен, — ответил Яков, зная, что сын подговаривает других солдат устроить бунт и свергнуть временщика.

Бирон притеснял и родителей императора-младенца, ограничив даже их выезды из дворца, а в противном случае грозился отнять у них сына и удалить обоих из России. Анна Леопольдовна обратилась за помощью к графу Миниху, стоявшему во главе русской армии. Тот понял, что, совершив удачный переворот, сможет сам стать первым лицом в империи, и сразу же решил действовать.

В ночь на 9 ноября он вместе с адъютантом Манштейном во главе отряда гвардейцев проник во дворец. Миних вошёл в спальню, где крепко спали Бирон с супругой, и крикнул: «Проснитесь!» Бирон очнулся, увидел его и рассердился: «Что? Что тебе нужно? Как ты смеешь?» Но тут на пороге появились солдаты, и он вскрикнул и полез под кровать. Сыновья Якова — Иван и Коля — вытащили его оттуда, заткнули ему рот платком, выволокли из дворца, посадили в сани и увезли на гауптвахту. Были арестованы также ближайшие родственники временщика и несколько его приближённых.

Бирона предали суду, обвинили в «захвате» регентства, «небрежении» о здоровье покойной государыни, желании избавиться от Романовых и самому завладеть престолом и в притеснении русских. Его приговорили к четвертованию, но по велению Анны Леопольдовны заменили казнь ссылкой в городок Пелым под Тобольском. Там он пробыл чуть больше месяца, после чего был переведён в Ярославль.

Бирона свергли, а Остерман остался. Он не дал осуществиться мечтам Миниха — сам встал во главе государства, а его отправил в отставку.

Удивительным было такое положение дел: император России — грудной ребёнок, не понимающий даже, кто он есть, и ни он, ни его родители никак не причастны к государственным делам. Всем управляет Остерман и те же иноземцы из Курляндии и Германии. А народ — от дворянства до низших слоёв общества — недоволен этим...

И доктор Лесток, и первые встречные люди жаловались Елизавете на произвол немцев, говорили, что она должна бороться за престол. Но бедная женщина не знала, что ей делать, как начинать эту борьбу...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

Однажды Елизавета твёрдо поняла: пришло время действовать. Она пригласила верных ей родственников и друзей к себе домой и поведала о своём намерении. Её дом был полон народа; собравшись небольшими компаниями, все переговаривались об одном: страной должна править дочь Петра. Лесток, пришедший чуть загодя, не нашёл Елизаветы в наполненных людьми залах, но, заглянув в одну из комнат, увидел её стоящей на коленях перед образами.

— Господи... если стану императрицей... не будет в государстве смертной казни, — долетели до доктора слова цесаревны.

Это обещание удивило и обрадовало его. Скольких людей погубили при прошлых правителях!

Выйдя из комнаты, она уверенно сказала:

— Идёмте.

Её привезли на санях к казармам Преображенского полка. Николай, ждавший цесаревну у ворот, созвал гвардейцев.

— Узнаёте ли вы меня? — спросила их Елизавета. — Знаете ли, чья я дочь? Меня хотят заточить в монастырь. Могу ли надеяться на вашу защиту?

— Можешь, матушка, мы твоих притеснителей перебьём! — ответили гвардейцы.

— Нет, никаких убийств, и не говорите об этом, — покачала головой она.

Наступило неловкое молчание. Цесаревна подняла крест и сказала:

— Даю слово, что умру за вас, если понадобится. Целуйте и мне крест на этом, но никого не убивайте понапрасну.

— Обещаем и клянёмся верно служить тебе, не щадя живота своего, — обратился к ней Николай от имени всех солдат, — и веления твои по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

И гвардейцы стали целовать крест.

— Самим вам известно, каких я натерпелась нужд и теперь терплю и народ весь терпит от немцев, — добавила Елизавета.
— Освободимся от наших мучителей.

После присяги она в сопровождении солдат прибыла в Зимний дворец. Караульные безмолвно пропустили их туда. Лесток выслал отряды для ареста Миниха, Остермана и других влиятельных лиц. Войдя в комнату Анны Леопольдовны, Елизавета позвала её:

— Сестрица, вставай!

Та удивилась спросонья. Но, увидев гвардейцев в дверях, поняла, в чём дело, и стала молить о пощаде для её семьи. Цесаревна пообещала быть милосердной. Когда очнулся маленький Иван Антонович, она поцеловала его и вздохнула:

— Бедное дитя! Ты вовсе невинно: твои родители виноваты.

Арестованных увезли в крепость, а к Елизавете пришли многие петербургские вельможи. Они тоже боялись наказания, но с ними обошлись мягко: в опале оказалось мало людей, и их отправили в Сибирь.

Новая императрица радовалась, чувствуя, что получила сама и даёт людям заслуженную свободу. С её воцарением из России стали уезжать иностранцы, особенно немцы.

Роту Преображенского полка, совершившую переворот, переименовали в лейб-компанию, а Елизавета по просьбе солдат стала её капитаном. Всех рядовых пожаловали в дворяне и наградили их именами. Доктора Лестока назначили директором Медицинской коллегии с огромным жалованием и подарили ему усыпанный бриллиантами дарственный портрет императрицы. Николай, получивший поместье под Выборгом и крепостных крестьян, не появлялся там до конца следующего года — уехал вслед за правительницей и всем двором в Москву и там присутствовал на её коронации, на бесконечных празднествах и торжествах, балах и маскарадах.

В те дни, когда он отводил душу, умирал от болезни его отец. Яков простудился во время прогулки в начале января и пролежал два месяца в постели. Его бил озноб, всё тело болело, и рвало часто. Лучьян, бывший рядом с ним всё это время, с ужасом видел, как тот превратился в бледного худощавого старика. И, почувствовав приближение смерти, Яков обрадовался: теперь он не будет больше мучиться. Обнялся с Лучьяном, потом — с женой Софьей и так и умер в её объятиях. Она рыдала...

В поместье собрались дочь Варвара, зять и внучка умершего, его сыновья Иван и Фёдор. Послали гонца в Москву за Николаем, но тот не приехал — настолько был увлечён своей новой жизнью. Пока мужчины сколачивали гроб, прогревали землю и копали могилу, женщины готовили тело к погребению. Лукеша расчёсывала седые волосы дедушки.

С Яковом пришло проститься много людей — помещиков, крестьян, солдат и других. Его похоронили рядом с матерью...

Когда Николай, сопровождая императрицу и двор, вернулся в Петербург, братья и сестра не захотели с ним видиться. Он покаялся перед матерью, и она пожалела его. Они вместе сходили на могилку отца. А потом Софья упросила дочь и двух сыновей простить Колю, и вскоре её дети помирились.

Государственные дела были в руках помощников и исполнителей императрицы, а сама она занималась только подписанием высочайших указов и дипломатическими вопросами внешней политики. Но здраво понимала российские государственные интересы и умела находить и приближать ко двору способных и знающих людей. Её интересовало не происхождение, не знатность кандидата на ту или иную должность, а его образованность и способности. А когда назначали иностранца, она спрашивала: «Разве нет у нас русского?» И добавляла: «Надо лучше искать способных русских людей, а иноземцев приглашать только в крайнем случае». К каждому решению подходила осторожно, внимательно слушая мнения советников и тщательно их обдумывая. Зная о придворных интригах и вражде, Елизавета Петровна оберегала каждого своего приближённого. А данное обещание — никого не приговаривать к смертной казни — она твёрдо держала всю жизнь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. В НОВОЙ КВАРТИРЕ

В квартире на Невском проспекте шёл ремонт: клали паркет, штукатурили стены, отделявали потолок и так далее. Новое жилище Лучьяна было светлым и просторным: огромная зала и несколько комнат, а полы, стены и потолки — в узорах. Живя в поместье, старик часто сюда заглядывал — беседовал с рабочими, смотрел, как они трудятся, помогал им. К его переезду ремонт закончили.

Он переселился в город, заскучав по своим умершим друзьям и решив сменить обстановку. Его крестьяне остались в поместье, и хозяин, уезжая в начале весны, пообещал им вернуться к лету. С собой взял только глухонемого отрока Гришку — лакея

и посыльного. Елизавета Петровна пожаловала ему новых слуг, городских — дворецкого, камердинеров, стряпчих, горничных и других.

В день своего переезда в Петербург Лучьян был на званом вечере у императрицы, и она, оставшаяся для него любимой воспитанницей Лизанькой, за все заслуги присвоила ему титул Почётного жителя Российской империи; он единственный удостоился этого титула и привилегий, с ним связанных. А через несколько дней старику привезли из поместья пенсию и письмо от брата с далёкого Юпитера.

Лесмян жил на ферме под Грайюнкмом, получал большую пенсию, владел обширными плантациями, где работали тысячи людей, выращивая табак, хлопок, овёс, пшеницу и другие культуры, овощи и фрукты, и всё это продавали. Он стал одним из богатейших людей в Ганакоре, но не довольствовался жизнью: потомки забыли о нём, их поглотил огромный мегаполис, в котором деньги заменили обычные человеческие отношения. Имя Лучьяна там по-прежнему было под запретом...

Прочитав письмо, старик написал ответ брату. Это письмо, датированное 5 апреля 1743 года, Лесмян хранил у себя до конца жизни...

«Здравствуй, мой дорогой братец!

Прочитал твоё письмо и немного расстроился. Что ты сидишь в своей пещере как бирюк? Уж не знаю, насколько изменилось общество в Ганакоре, но не должно оно ещё сильнее испортиться — где же совесть у людей? Однако напрасно живёшь затворником — надо хотя бы со слугами общаться. Я вот жил и живу со своими крестьянами в дружбе и согласии, и ты не возносись — держись со всеми на равных, по-простому.

У меня в жизни есть всё: и горе, и радость. Год назад скончался Яков: простыл, у него внутри всё воспалилось, и два месяца умирал — то жгло, то легче становилось... Теперь я в город перебрался — Лизанька позвала сюда. Она ведь стала императрицей. Квартиру мне дали — любо глянуть, назвали меня Почётным жителем Российской империи и дали книгу в красной обложке — в ней перечислены все привилегии, которыми могу пользоваться. Только зачем дряхлому старику всё это?

Лизанька так похорошела! Хотя она всегда была красавицей, ты же знаешь. С тех пор, как вступила на престол, идут балы: сначала в Москве, а теперь — здесь. Начал возрождаться

театр — ставят французские пьесы, которые наша правительница так любит. Она обожает роскошные платья. Раньше, при Анне Иоанновне, не могла позволить себе лишнего наряда, и даже тех денег, что я присылал, не хватало. А теперь у неё — батюшки! — тысячи платьев в гардеробе.

Она человек верующий, вместе со свитой ходит в церковь, много времени там проводит. Хоть и любит вкусную еду, но постится. Жертвует деньги на строительство богаделен и инвалидных домов, выкупает наших солдат из турецкого плена.

Теперь я бываю у неё часто, она угощает меня тем, что сама состряпала — будь то салат или мясное блюдо, — а готовит Лиза вкусно. Сама то весело щебечет, как птичка, а то вдруг делается задумчивой. Как-то сказала своему фавориту Алексею Разумовскому, что вся жизнь её — это Божий подарок...

Алексей ей уже почти как муж, а наш Коля — сын Якова — от этого страдает, даже выпивать начал. И ни на кого больше не смотрит — Елизавету ему подавай, и всё. Недавно его в подворотне пьяного нашёл, еле-еле к себе приволок. Душа болит за него — хоть бы уж он с собой ничего не сделал...

Часто меня навещает Лукеша — внучка Якова, хорошенькая светловолосая девчушка. Она при мне росла, на всё лето, бывало, в поместье приезжала. А сейчас живёт с родителями всего через две улицы от моего дома. Зимой у неё с подружками и парнями из деревни были посиделки — игры, забавы, во время которых они приглядываются друг к другу, находят себе пару. За ними всегда присматривают взрослые, и вот в этот раз таким зрителем оказался я — дело происходило у меня в поместье. Потом спросил у Лукешы в шутку: «Ну что, нашла жениха?» — а она головой качает. Да и рано ей ещё — всего-то тринадцать лет будет. Она просто хотела позабавиться...

О чём бы тебе ещё рассказать, братец?..

Недавно встретил Мишу Ломоносова — работника Академии наук. Помню, когда вышел мой учебник по истории Средних веков, тот заинтересовался им, задал мне много вопросов. Мы так хорошо с ним поговорили, и он просто поразил меня своими знаниями и устремлениями в разных областях; я понял, что парень далеко пойдёт. Миша — сын крестьянина-помора из Архангельской губернии, с детских лет стремился к знаниям и в девятнадцатилетнем возрасте ушёл с обозом в Москву. Учился там в Славяно-греко-латинской академии, потом — в академическом университете в Петербурге, изучал в Германии химию и металлургию, после вернулся на родину

и его назначили адъюнктом Академии наук по физическому классу. Я уверен, он много сделает для науки в нашей стране.

Ну, буду потихоньку прощаться. Мой дорогой братишка, мне очень хочется увидеться с тобой, только вот здоровье не позволяет никуда полететь, да и ты тоже жаловался в письме на плохое состояние. Если уж больше не увидимся, то знай, что я тебя очень люблю и каждый день о тебе вспоминаю, молюсь о твоём здравии и благополучии. Желая долгих-долгих лет жизни и побольше радости.

Твой брат Лучьян».

Он отправил письмо в поместье, а там его подхватили посыльные с Юпитера, доставлявшие пенсию.

Лучьян жил в городе, пока не было огородных и полевых работ, а в конце апреля он перебирался в поместье, чтобы поработать на земле, и находился там обычно до конца октября. Но, конечно, и зимой мог наведаться туда, а летом — приехать в город по каким-нибудь делам.

Однажды по Петербургу поползли слухи, что Елизавета обвенчалась с графом Разумовским в Москве. Услышав об этом, Николай испытал сильную досаду и ревность, напился водки и бросился с моста в реку. Хорошо ещё, двое солдат, проходивших мимо, нырнули за ним и вытащили бедолагу. Он нахлебался воды, но его смогли откачать. Этот поступок широко обсуждался в полку, и Николая обвиняли в слабости, которое не должно быть присуще солдату, но в конце концов оставили страдальца в покое.

До этого, в 1742 году, Елизавета Петровна вызвала из Голштинии своего племянника, четырнадцатилетнего герцога Карла-Петра-Ульриха. Он был сиротой и получил плохое образование и воспитание. Наставник плохо с ним обращался, ругал и бил, внушал неуважение к России и ко всему русскому. По прибытии туда его объявили наследником российского престола и назвали великим князем Петром Фёдоровичем. К нему приставили опытных педагогов и воспитателя. К гуманитарным наукам у него интереса не было, а вот военные — фортификацию, артиллерийское дело — он любил. Всё свободное время отрок играл в оловянных солдатиков, пил вино и немецкое пиво в большом количестве. В семнадцать лет его женили

на ангальт-цербстской принцессе Софье Фредерике Августе, которую в России нарекли Екатериной Алексеевной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. В ГОРЕ И В РАДОСТИ

С тех пор, как Яков умер, в его семействе всё пошло наперекосяк: сыновья запили, перестали друг с другом ладить, и даже увещевания матери тут не помогали.

У Софьи стало болеть сердце. И Лучьян, пытаясь примирить строптивых братьев, начал собирать их у себя дома и беседовать с ними. Они спорили из-за отцовского наследства — Яков завещал всё состояние жене и младшему больному сыну Феде, а Иван с Николаем были недовольны, что он их так обделил. Лучьян упрекал их в мелочности, говорил, что сам им поможет всем, чем нужно. Но братья продолжали враждовать между собою. На именинах сестры Варвары Иван много выпил, опять поссорился с Николаем, полез драться, и его пришлось связать, чтобы перестал буянить. После этого Софья ещё больше разболелась и через месяц скончалась.

На её похоронах Иван с Николаем не могли смотреть людям в глаза, и Лучьян видел, как им больно, и сам будто чувствовал все их страдания. После этого он больше не упрекал братьев ни в чём и вообще перестал с ними разговаривать. И, когда они приезжали к нему, почти всё время молчал — не мог простить им того, что свели мать в могилу. А на похоронах Феде, внезапно умершего от сердечного приступа, он подумал: «Всё, теперь отцово наследство ваше. Распоряжайтесь им как хотите». Но вслух не сказал — братьям и так было скверно...

Через несколько месяцев после этого Николай узнал, что у Елизаветы Петровны появился новый фаворит — Иван Шувалов, и у него совсем угасла надежда, понял, что никогда уж она его не полюбит. «А за что ей меня любить? — думал он, опустошая очередной бокал в кабаке. — Мало быть верным — надо оставаться порядочным, а мы столько грызлись с братом из-за каких-то безделушек, мать и Фёдора в могилу свели...» И так возненавидел себя, что, придя домой, достал пистолет, зарядил и уже в состоянии какого-то беспамятства выстрелил себе в висок.

В елизаветинское время только образованный человек мог продвинуться по лестнице государственной службы и занять достойное положение в обществе, при царском дворе.

Граф Иван Шувалов много сделал для развития просвещения и культуры. По указанию Елизаветы Петровны в 1747 году был

принят новый устав и утверждены новые штаты Петербургской Академии наук. Она стала не только научным, но и учебным заведением, с учёными, преподавателями и студентами, а также воспитанниками, которых готовили к поступлению. Лучьяну не раз предлагали занять почётное место в её штате, но он отказывался, хотя и сотрудничал с университетом — писал научные работы. Ему не нравилось, что туда не могут поступить податные люди, впрочем, старик был недоволен и крепостным правом в целом.

К нему нередко обращался Ломоносов — как к человеку с несметным запасом знаний во всех науках. Иногда по вечерам они прогуливались в парке или на набережной, и Михаил Васильевич интересовался жизнью Лучьяна, рассказывал о своей деятельности. Он уже давно стал академиком, профессором химии, и для него построили первую в России химическую научно-исследовательскую лабораторию. Но делал успехи и в других науках: первым начал читать лекции по физике на русском языке, исследовал атмосферное электричество, изобрёл телескоп, открыл существование атмосферы у планеты Венера, выплавлял цветные стёкла и делал из них мозаики, доказал органическое происхождение почвы, торфа, каменного угля, нефти, янтаря и так далее.

Отец подыскал для Лукерьи мужа — бравого солдата Родиона Яковлева, и их сосватали. Свадьба прошла весело, и Лучьян радовался, видя, что молодые полюбили друг друга и готовы быть вместе и в горе, и в радости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. МЕЧИСЛАВ И ПЕЧЕНЕГИ

Однажды Лучьян с Михаилом Васильевичем отправились в библиотеку. Ломоносов работал над «Древней Российской историей от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года». Будучи свидетелем некоторых событий тех лет, старик вызвался помочь своему другу и коллеге. Хотя годы правления князя Владимира помнились ему уже очень смутно...

— Я тогда молодой был, только прилетел на Землю, — рассказывал Лучьян, когда они сидели за столом. — Долго странствовал с друзьями, пока мы наконец не добрались до Руси. Эту страну я сразулюбил, увидев, какие добрые, душевные здесь люди. Поначалу жил в деревне, задумал жениться, но, когда мы с другом ездили в город, на деревенских напали разбойники, многих поубивали, девушек в плен взяли. Мы всю ночь и весь день хоронили погибших. Как я тогда убивался —

ведь так любил Федору, а после набега и не знал ведь, куда её увели...

Михаил внимательно поглядел на него, потом опустил голову, стал дальше просматривать книгу.

— Ты что так побледнел? — насторожился Лучьян.

— Да так, кое-что вспомнил... — вздохнул Михаил. — Понимаете, я исследовал множество источников о восточных славянах и Древнерусском государстве и в одном из них, малоизвестном, нашёл предание о печенежском вожде Мечиславе. Вы слышали о таком?

Лучьян покачал головой, а Михаил продолжил:

— Это был предводитель печенегов, один из ярых противников Руси, хотя сам происходил из русских. И имя у него под стать характеру — он решал все дела мечом, а не миром. Его мать, которую звали как раз Федорой, печенеги выменяли у каких-то кочевников, когда она ещё носила малыша в животе. И с ранних лет мальчик жил в суровых условиях — спал под открытым небом, ел сырое мясо, совершал набеги на чужие земли вместе со взрослыми воинами. Наставники внушали ему ненависть к русским, а мать говорила обратное — что русские люди самые лучшие. И, хотя Мечислав не слушал её в этом, он очень любил и уважал свою родительницу. Она дожила до глубокой старости и пережила сына, который погиб в одном из походов.

Лучьян поразился: неужели у него был сын, о котором он не знал? Хотя это и очень старое предание, но всё вполне могло так сложиться: наверное, Федора и вправду забеременела (он ещё тогда догадывался об этом), а потом её с другими девушками взяли в плен и выменяли на кого-нибудь или что-нибудь...

— Миша, прошу тебя, покажи мне это предание, — взмолился старик, чувствуя дрожь во всём теле.

Ломоносов отыскал какую-то книжку, открыл её на нужном месте, и Лучьян жадно впился в строки...

...Когда только начало образовываться Древнерусское государство, печенеги — кочевники заволжских степей и Приаралья — впервые пришли в южнорусские степи. Они двигались на запад, вытесняя венгров, пока те не укрепились в Паннонии. Устав от набегов кочевников, хазары побили и изгнали их в Причерноморские степи.

Печенеги пошли дальше и, продолжая вытеснять венгров, овладели землями до нижнего течения Дуная. С Русью и Херсонесом они жили мирно, а вот хазар не любили.

Византийцы, видя в лице кочевников сильных союзников, завоёвывали их расположение богатыми подарками — тканями и золотом.

Соседями печенегов были поляне, древляне, уличи и волыняне, и несколько десятилетий они со славянами жили мирно. Внешне представители этого народа мало чем отличались от темноволосых и смуглых русов, да и понимали друг друга хорошо — многие русские люди знали язык степняков. А когда князь Игорь шёл на Византию, и те, и другие примкнули к его войску. Византийцы откупились, и русские с печенегами честно поделили добычу. Степняки также сопровождали князя Святослава в походе на Хазарию.

Но после всё переменялось. Когда Святослав отправился в поход на Болгарию, с ним пошли только те печенеги, которые жили по правому берегу Днепра. А левобережные годом позже приблизились к Киеву и осадили его (возможно, подговорённые к этому византийцами) — это стало началом их вражды с русскими. Но первое столкновение окончилось без кровопролития: воевода Претич быстро прибыл в город и заключил с печенегами мир. Однако те ополчились именно на Святослава, а не на весь его народ. Когда после неудачного похода на Византию войско князя плыло по Днепру в Киев, степняки перехватили его у порогов, перебили всех, а из черепа Святослава их вождь Куря сделал чашу, из которой пил на пирах.

После этого долго не было конфликтов печенегов с русскими. В то время родился и вырос будущий вождь Мечислав — очень смыслённый и физически сильный мальчик. Его растили и воспитывали наравне с детьми степняков, ничем не обделяя, но в то же время он жил в суровых условиях, обучаясь военному делу и трудясь. Федора стала наложницей одного из приближённых Кури, и мальчик, по некоторым сведениям, много общался с вождём и от него перенял враждебное отношение к русским.

Через год после Крещения Руси князь Владимир построил по берегам южных рек заградительные сооружения против печенегов и устроил поход на юг, захватил и разграбил Херсонес. И степняки возненавидели киевского князя и его союзников, да к тому же Византия стала натравливать их на Русь.

Первый поход, в котором участвовал Мечислав, печенеги предприняли с целью утверждения мира. Придя с войском на реку Трубеж, мальчик с волнением ждал первого в жизни сражения, но оно не состоялось — степняки предложили

прибывшему Владимиру заменить сражение поединком богатырей и в случае победы русского борца обязались оставить Киев на три года. И Владимир нашёл могучего витязя, который победил печенежского силача. После этого кочевники, как и обещали, три года не появлялись на Руси.

Но, когда пришло время для заключения нового мирного договора и их войско встретилось под недавно построенным городом Василевым с дружиной Владимира, тот почему-то не захотел мира и вступил в сражение с печенегами. Мечислав отличился в этой битве необыкновенной отвагой — призывая других к атаке, четырнадцатилетний отрок смело бросался на сильных и опытных русских воинов и дрался с ними. Их разбили и обратили в бегство; князь чудом остался жив, спрятавшись под мостом.

Отвага и выносливость Мечислава впечатлили его наставников, и через год он сам повёл печенегов на Русь. Они осадили новый город Белгород. Владимир тем временем собирал ратников на борьбу с ними в северных княжествах. Белгородцы мужественно вытерпели все невзгоды и голод и даже проявили смекалку, показав печенежским послам, что сама земля даёт им не только воду, но и кисель с мёдом. Те поняли, что не смогут взять этот город, и ушли, а русские люди потом смеялись, что они «бежали от киселя».

Страшным и более сильным врагом для Мечислава стал русский богатырь Александр Попович, с которым он столкнулся в следующем походе — на Киев. Осада города закончилась неудачно — войско под предводительством Поповича разбило печенегов, и сам Мечислав едва унёс ноги с поля боя, чувствуя своё бессилие перед врагом. Год спустя уже русские пошли на степняков и снова разбили их.

Через три года после поражения Мечислав с войском вновь двинулся на Белгород, но, услышав имя Поповича, решил даже не связываться с ним и вернулся в степи.

Долгое время он не ходил в походы, а занимался ремёслами — кузнечным, гончарным, плотницким и другими. Женился на дочери знатного печенега, в браке родились два сына — продолжатели его военных дел. А позже, овдовев, прижил от наложницы третьего сына — знаменитого сказителя Бояна, появившегося на свет уже после смерти отца. По одним сведениям, тот погиб в битве под Любечем на берегу Днепра — был втянут в войну между сыновьями умершего к тому времени Владимира; по другим — убит ещё раньше вражеским лазутчиком.

А сыновья Мечислава участвовали в дальнейшей усобице между князьями Ярославом и Святополком на стороне последнего, в битве у Листвена — тоже против Ярослава. Они вели себя осторожнее, чем отец, и не решались возобновлять походы на Русь. Однако, когда князь Ярослав начал возводить оборонительные рубежи значительно южнее, чем строил их его родитель, второй сын Мечислава пошёл на него с войском, но был разбит. Потом ходил с на Византию, добрался до Константинополя, а после стал гулять с печенежскими ордами по всему Балканскому полуострову. На этом сведения о семействе Мечислава обрывались...

Лучьян сидел ни жив ни мёртв: перед глазами проносились события далёких лет, вспоминалось давным-давно забытое — и не верилось в то, что они с сыном (старик был уверен, что Мечислав — его сын) оказались противниками в тех битвах, но ещё больше не верилось, что он совсем не знал о сыне — а теперь правда всплыла через семь с половиной веков...

Всю зиму Лучьян мечтал найти могилу сына, погребённого, по преданию, на берегу Чёрного моря, однако не знал точного места захоронения. И всё же ближе к весне он начал планировать поездку на юг с этой целью. На поиски с ним отправился Ломоносов, два Ивана — Родионов и Шувалов, граф Кирилл Разумовский и некоторые из крестьян.

Но, приехав в Таганрог, Лучьян стал понимать, что затеял бессмысленное дело: сведения о Мечиславе в немногих источниках были не совсем ясными и иногда противоречили друг другу. Где-то говорилось, что его похоронили неподалёку от современного Очакова, где-то — что возле Перекопа. Местные жители ничего не знали о Мечиславе и его могиле, да и сами печенеги остались в давнем прошлом. И тем не менее поездка принесла старику пользу: он пожил у моря, хорошо отдохнул и набрался сил для следующего, очень важного свершения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ОТКРЫТИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лучьян вместе с Гришкой и Ломоносовым поехал не в Петербург, а в Москву, где ему предоставили жильё. Михаил Васильевич пригласил его к себе на квартиру и за ужином поведал о своих великих планах.

— Моё мнение таково, что университет нужно учредить здесь, — сказал он. — Москва уже давно является центром русской культуры и просвещения. Она занимает исключительно удобное положение по отношению ко всем частям нашего государства. Здесь студентам легче, чем в Петербурге, найти квартиры, да и

их содержание дешевле обойдётся. Я ведь сам когда-то начинал тут учиться...

Он показал Лучьяну свои записи: в университете должно быть три факультета — юридический, медицинский и философский.

— Нашему будущему университету, всей нашей стране нужны великие умы для продвижения науки вперёд, обучения и наставления будущих учёных, — говорил Михаил Васильевич. — А все профессора мира, вместе взятые, не знают и сотой доли того, что знаете вы. И я хочу просить вас стать преподавателем в нашем учебном заведении.

Лучьян задумался, проговорил:

— Стар я слишком, здоровье неважное... Но для блага России, для науки с большой радостью исполню эту важную миссию.

— Обещаю со своей стороны обеспечить вам самые хорошие условия для работы и отдыха, — ответил довольный Михаил Васильевич. — Ваше преподавание не будет занимать слишком много времени, но принесёт огромную пользу университету, студентам.

Они договорились, что Лучьян будет читать лекции по истории на философском факультете, однако позже он стал преподавать ещё и древности и критику.

Лучьян узнал, что Шувалов и Ломоносов спорят о составе студентов и гимназистов, которых будут готовить к поступлению: первый не хочет допускать к обучению крепостных, а второй борется за бессловную школу. Позже благодаря убедительности доводов Михаила, ссылавшегося на бессловное обучение студентов в западноевропейских университетах, благодаря вмешательству Лучьяна податные сословия получили право поступать в гимназию и университет. И, кроме того, дворянами и разночинцам, обучавшимся там, платили одинаковое жалование. Дети крепостных, поступившие в университет, получали вольную навсегда.

— И студенты, и гимназисты, и профессора, и учителя у нас будут русские, — продолжал Михаил Васильевич. — И вы, несмотря на то, что прибыли когда-то издалека, самый что ни на есть русский.

...Императрица и Сенат одобрили открытие университета. Для него предоставили большое старинное здание, находившееся у Воскресенских ворот. Его стали приводить в порядок. Время от времени Лучьян появлялся там и следил за ремонтными работами: в доме перестилали полы и лестницы, перекладывали

печи, перекрывали крышу, красили стены снаружи и внутри и делали множество других работ. Но здание оказалось очень тесным: разместить в нём университет и насчитывавшую несколько сот учащихся гимназию не представлялось возможным.

Лучьян, любивший гулять на Воробьёвых горах, упомянул о них на одном собрании, и другие высказали идею: там можно было построить новое большое здание, в котором разместились бы не только учебные и научные учреждения университета, но и квартиры для преподавателей, студентов и гимназистов.

12 января 1755 года Елизавета Петровна подписала доклад Сената об открытии Московского университета. Его кураторами стали Иван Шувалов и статский советник Лаврентий Блюментрост, а директором — коллежский советник Алексей Аргамаков.

В феврале Лучьян ездил в Петербург: всё навалилось на него в одночасье — и похороны Ивана, умершего от пьянки, и лечение Лукешы, потерявшей уже второго ребёнка, и переезд в Москву...

Поручив поместье своим крестьянам, он наказал им вести хозяйство прилежно, трудиться так же усердно, как и прежде, и пообещал приезжать каждое лето и зиму. Квартиру оставил Лукеше и Родиону; в то время они жили с её родителями, но позже переехали на новое место. А Лучьян со слугами отправился в Москву.

Сенат выдал пять тысяч рублей на нужды университета, а Академия наук помогла составить список учебных книг. Лучьян принял участие в обустройстве библиотеки. Открылась гимназия, прибыли первые студенты, набранные в Славяно-греко-латинской академии и в семинариях нескольких городов; среди них не оказалось ни одного дворянина. Учащимся стали платить жалование и давали сверх него деньги на еду, одежду и обувь.

Летом Лучьян ездил в своё поместье, а осенью начал читать лекции по истории. Это занимало три часа в день, а остальное время старик вёл общественную работу и писал научные труды. Студенты сразу его полюбили, он прослыл добрейшим из преподавателей. И с коллегами был дружен. Сблизился с ректором гимназии Николаем Поповским, который преподавал начала философии, читал лекции по философии и ораторскому искусству в университете. Он был настоящим патриотом, добросовестно относился к своим обязанностям и от других требовал того же. Лучьян недолюбливал только Шувалова, переименовавшего проект Ломоносова в угоду дворянству и резко

сократившего расходы на образование.

Профессора-иностранцы читали в университете лекции на латинском, немецком и французском языках, и многие студенты не понимали их. Ломоносов, Поповский и Лучьян общались на русском. Один из преподавателей, Антон Барсов, составил «Азбуку» — учебник для начальной школы — и впервые в России издал собрание пословиц и поговорок.

Некоторые речи профессоров печатались в университетской типографии, о них извещала газета «Московские ведомости», издававшаяся университетом. Высоко оценил Лучьян и его коллеги труды Ломоносова «О слоях земных», «Слово о явлениях воздушных...», «Слово о рождении металлов от трясения земли» и другие.

Поповский и Барсов создали литературный центр «Московский Парнас». При нём издавались журналы «Доброе намерение», «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение» с нравоучительной сатирой. И выпускались книги — работы Ломоносова, Поповского, Татищева, Прокоповича и других деятелей русской культуры.

Поповский немало сделал также для «Московских ведомостей». Он много писал и переводил, готовился издавать литературный журнал. Но слабое здоровье и стычки с врагами-реакционерами свели его в могилу... На поминках своего друга Лучьян и Ломоносов сказали о нём много добрых слов. После этого они ещё более сблизились — оба были за демократическое направление образования, придерживались антикрепостнических взглядов и беспокоились о российском просвещении.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПРАВЛЕНИЕ ПЕТРА III

В последние годы жизни Елизавета Петровна много болела. Виной тому были бесконечные ночные празднества с алкоголем и жирной пищей. Её мучали приступы астмы, диабет, часто случались эпилептические припадки, после которых она по несколько дней находилась в бесчувственном состоянии. Врачи не могли помочь ей. Стойко и смиренно переносила императрица все муки, а в минуты облегчения пыталась заниматься государственными делами.

5 января 1762 года её не стало. Перед смертью она успела исповедаться перед православным священником.

О смерти Елизаветы Петровны Лучьян узнал от соседей, когда вернулся с вечерней прогулки. Тяжело опустившись на скамью,

он схватился за сердце и тихо сказал:

— Лизанька... Моя Лизанька...

И потерял сознание. Слуги и соседи доставили его в госпиталь. Он впал в глубокую кому... Преподаватели и студенты, узнав о случившемся, целой толпой пришли в больницу, но их не пустили к нему — старик был в очень тяжёлом состоянии...

В Зимнем дворце стоял гроб с забальзамированным телом императрицы, и люди целый месяц приходили прощаться. Екатерина Алексеевна ежедневно стояла возле него в трауре. А её беспутный муж кутил с солдатами-голштинцами, а ночи проводил с любовницами, друзьями и угодниками в пиршествах и гулянках.

Будущие подданные перестали его уважать. У Екатерины же, наоборот, появилось много приверженцев — гвардейцев, дворян среднего достатка и вельмож. Елизавета больше не хотела видеть племянника своим наследником, но, будучи тяжело больной, не смогла решить эту проблему.

В первый день правления Пётр III послал прусскому королю Фридриху II грамоту с предложением «вечной дружбы» после Семилетней войны. Бывшие противники заключили перемирие, а затем — мирный договор. Фридрих II благодарил Петра в письме: «Я никогда не в состоянии заплатить за всё, чем вам обязан...» Ведь русская армия уже почти оставила его страну в руинах, а император остановил её дальнейшее наступление. А позже ещё и вернул пруссакам все завоевания: Восточную Пруссию с Кёнигсбергом и Кольберг. И заключил с ними военный договор против недавних союзников России.

Он ввёл в своей армии прусские порядки: разноцветную прусскую форму одежды, палочную дисциплину по образцу армии Фридриха II. Из ссылки вернули Бирона и Миниха. Хотя на государственных постах остались далеко не все, братья Разумовские и Шуваловы смогли избежать опалы. Пётр издал Манифест о вольности дворянства — это сословие освобождалось от обязательной военной или гражданской службы сроком не менее двадцати пяти лет. Была ликвидирована Тайная канцелярия, которую народ ненавидел со времён бироновщины.

Пётр нажил себе много врагов позорным мирным договором с Пруссией и преклонением перед Фридрихом, прусскими порядков в армии, дружбой с немцами-голштинцами и неприязнью к русской гвардии, разгульным образом жизни. Екатерина

же своей скромностью, приветливостью и приверженностью к православной религии обретала всё больше друзей и сторонников. И однажды она вместе с приближёнными решилась на заговор, главную роль в нём сыграли братья Орловы — Григорий и Алексей; первый стал её фаворитом. В перевороте, подготовленном к лету, должны были участвовать около десяти тысяч солдат Измайловского, Преображенского и Семёновского гвардейских полков.

Пётр сам подлил масла в огонь: заговорил о разводе с Екатериной и женитьбе на любовнице, а потом устроил жене скандал во время торжественного обеда в Зимнем дворце. Она посетила казармы, и солдаты присягнули ей на верность. Потом в Казанском соборе архиепископ объявил её самодержавной императрицей всея Руси. В Зимнем дворце в присутствии Сената и Синода Екатерину посадили на трон и она подписала высочайший манифест — обращение к народу. После этого столичный гарнизон двинулся на Петергоф, и все оделись теперь в русские мундиры. Муж безуспешно пытался вступить в переговоры с новой императрицей. Ему пришлось отречься от престола... Он был взят под охрану, а через неделю погиб в драке с одним князем.

После возвращения Екатерины II в Петербург подданные присягнули ей на верность. Тот день стал для столицы огромным праздником: солдат и простых людей в пивных заведениях бесплатно угощали водкой, пивом, хмельным мёдом и даже дорогими винами. Позже за всё выпитое во славу новой государыни огромную сумму заплатил Сенат.

Люди, которые возвели её на престол, были удостоены новых званий, получили денежные награды и крепостных крестьян.

В сентябре императрица приехала в Москву с сыном Павлом на коронацию.

Пока шла подготовка к торжеству, она посетила больницу, где лежал Лучьян, чтобы справиться о его здоровье. Там встретила Лукерью и Родиона, который недавно вернулся с войны и привёз в Москву полкового врача, чудо-лекаря, но и тот был бессилён помочь старику. Медики сообщили Екатерине, что каждый день борются за его жизнь, но ничего не могут сделать — он не идёт на поправку. За полгода очнулся всего один раз, после чего сразу потерял сознание...

— Ему осталось совсем мало... — вздохнул один из докторов, самый пожилой. — Ещё день — два от силы... Будьте готовы

к этому.

— Какое светило погаснет... — дрожащим голосом ответил другой.

Лукерья плакала. Екатерина обняла её, стала успокаивать.

Когда императрицу провожали, она увидела сидевшего на полу мужчину, который уткнулся головой в колени и беззвучно вздрагивал.

— Это Гришка — его слуга, — сказал ей Родион. — Дни и ночи сидит здесь и плачет...

Молясь о здоровье Лучьяна, императрица с тяжёлым сердцем покинула госпиталь...

КНИГА ДВАДЦАТАЯ. ЕЩЁ НЕМНОГО ПУТЕШЕСТВИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

— Что там такое, Гриша? Почему люди на улице кричат? — спрашивал Лучьян каждые пять минут, привстав с постели и удерживая повязку на голове, забыв, что Гриша — глухонемой.

Преданный слуга заботливо укладывал его обратно в постель. Лучьян был ещё очень слаб и почти ничего не помнил из прошлой жизни, а кое-какие обрывки воспоминаний ни о чём ему не говорили.

— Как ваше самочувствие, Лучьян Кристианович? — спросил, заходя в палату, один из врачей.

— Голова кружится... — вздохнул Лучьян, прижимая повязку ко лбу. — Что там за люди кричат?

— А это гуляния идут, — ответил врач. — Новую нашу императрицу короновали.

...В тот день состоялась коронация Екатерины II в Успенском соборе Московского Кремля. В торжестве участвовали все придворные чины. Царский поезд сопровождала прибывшая из Петербурга гвардия.

Для народа приготовили богатое угощение: на Ивановскую площадь в Кремле и на Красную площадь вынесли хлеб, жареных быков, баранов и другую провизию. Три ночи люди угощались вином и водкой. Им бросали медные и серебряные монеты из ста двадцати дубовых бочек.

Братья и друзья Григория Орлова хотели, чтобы они с Екатериной поженились, но дипломат Панин сказал ей на это: «Императрица

русская вольна делать что ей хочется, но госпожа Орлова царствовать не будет». К тому же Григорий вполне устраивал её в качестве фаворита — им он и остался. Но все годы правления Екатерина осыпала милостями его и братьев.

Чтобы в народе не было разговоров об убийстве Петра III, императрица издала высочайший манифест «О молчанье». Его читали во многих людных местах обеих столиц. В нём каждого предостерегали от разглашений каких-либо мнений об этом, грозя в противном случае судить по всей строгости.

Екатерина отстранила от службы чиновников, занимавших высокие должности при Елизавете Петровне и Петре III. Она хотела управлять государством лично и не зависеть ни от каких учреждений при дворе и других лиц.

Врачи много беседовали с Лучьяном, чтобы он хоть что-нибудь вспомнил. Но старик не узнавал навещавших его преподавателей, студентов и даже Лукерью с матерью, мужем и маленькой дочкой Аришей.

— Неужели вы не помните их? — спросил как-то доктор.

Лучьян покачал головой, а потом сказал тихо:

— У Лукерьи лицо такое знакомое... Её я помню, но смутно.

— Это замечательно, что помните, — обрадовался доктор. — Надеюсь, со временем ваша память восстановится совсем.

Старику рассказали, чем он занимался в предыдущие годы, но тот ничего не вспомнил — словно этого и не было. Правда, когда речь зашла про Елизавету Петровну, кое-что начал припоминать, правда, тоже смутно.

Дни в больнице тянулись медленно, и один походил на другой: утром — завтрак и лечебные процедуры, днём — обед и тихий час, вечером — ужин и прогулка в парке, беседы с врачами и посетителями, а потом — снова отдых. Перед сном Лучьян лежал, смотрел в потолок, разглаживая длинную бороду, и пытался вспомнить прошлое. Он был в здравом уме и даже языка не забыл, только вот память куда-то делась...

В одном из разговоров доктор обмолвился о том, что у старика есть квартира в Москве, и в тот же вечер застал его собирающим вещи.

— Куда вы? Вам пока нельзя покидать больницу...

— Я хочу к себе домой. Зачем буду занимать палату, когда здоров и есть где жить? Спасибо за всё.

— Нет-нет, вам надо сначала восстановить память...

— Мои слуги — моя память. Они всё помнят и помогут мне в случае чего.

Никакие уговоры врачей не помогли: Лучьян с Гришкой уехали на квартиру. Но медики уже не так сильно переживали за пациента: сердце у него перестало болеть, и он был действительно почти здоров физически.

Однажды, когда Лукерья с дочкой пришли его навестить, старик сказал:

— Я сегодня маму вспомнил... Во сне её видел — как она играет с моим младшим братиком. У меня ведь есть брат?

— Да, но он далеко, — ответила Лукерья, удивлённая и обрадованная тем, что у него появляются проблески в памяти.
— Вы с ним не виделись много лет...

Лучьян задумался и некоторое время что-то вспоминал, потом сказал:

— Лукерья... Лукеша... Я тебя называл Лукешей, когда ты была ещё девочкой...

— Ты начинаешь вспоминать то, что было, — улыбнулась она. — Да, я ведь жила у тебя в поместье, помнишь? Мы с тобой по грибы да по ягоды ходили!

— Я помню что-то такое... Да, помню...

Лукерья помогла ему прилечь на кровать и сказала:

— Отдыхай и не вспоминай больше ни о чём — всё потом само вспомнится. Доктор сказал, что тебе нужен покой...

Но он уже не мог спокойно отдыхать — воспоминания приходили в голову одно за другим и в памяти появлялись разные люди из его жизни... А начало этому положили мысли о самом дорогом — о любви к близким, к детям...

Ещё два месяца старик ломал голову, вспоминая свою прошлую жизнь. За ним ухаживали слуги, Лукерья; его навещали те же преподаватели и студенты. И вот в один прекрасный день он понял, что совсем выздоровел и всё помнит...

Переждав слякотную зиму, Лучьян и Родион с семьёй стали собираться в Петербург. Старик хотел возвратиться в поместье

и пожить какое-то время там. Надо было решить, чем заниматься дальше...

Из его крепостных, живших вольной жизнью, некоторые уже умерли. Встретившие своего доброго хозяина крестьяне поведали ему, что хозяйство процветает, урожай большой и всюду в поместье порядок и чистота.

В сенах, в сундуке лежали связки писем, адресованных Лучьяну — ему, как и прежде, писали из разных уголков Земли. И он пообещал себе, что прочитает всё и каждому ответит. И, пока жил в поместье, вёл переписку с людьми из десятков стран.

За это время он два раза выбирался в город по приглашению Екатерины — присутствовал на званом ужине и осматривал в Зимнем дворце картины голландских и фламандских художников, приобретённые императрицей у прусского коммерсанта Гоцковского. Это было начало Эрмитажа — сокровищницы художественных и культурно-исторических шедевров всего мира.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРОДОЛЖАТЕЛИ ДЕЛ ЛОМОНОСОВА

Лучьян приехал в Москву, чтобы помочь Михаилу Васильевичу, защитить его от козней немецких учёных, с которыми тот враждовал уже несколько лет. Старик помнил, как всё начиналось...

...Немецкий историк Байер выдвинул норманскую теорию становления Российского государства; он и его коллега Миллер утверждали, что восточные славяне были дикарями и только пришедшие на их землю норманны — Рюрик и его свита — создали у них цивилизацию и могучее государство. Ломоносов выступил против этой теории и раскритиковал труды этих учёных по истории России. «Каких гнусных пакостей не наколбродит в российских древностях такая допущенная в них скотина!» — сказал он.

На сторону Михаила Васильевича встали многие русские коллеги и присоединившийся к ним Лучьян. Члены Академии наук, преподаватели, работники и студенты Московского университета во главе с известным машиностроителем А. К. Мартовым пожаловались в Сенат на иностранных учёных, пытавшихся переписать их историю. Комиссия усмотрела в этом оскорбление, и некоторых обратившихся арестовали. Два года их держали в неволе, но они не отказались от своих слов. Нескольких из них побили плетью и сослали в Сибирь, а остальных оставили под арестом на неопределённый срок.

Поддержавшему Мартова Ломоносову тоже пришлось туго.

Духовенство требовало сжечь его, видя, что он своими сочинениями ослабляет авторитет церкви. Комиссия тоже посчитала, что учёного нужно казнить или, по крайней мере, выпороть плетью и лишить прав и состояния. Императрица Елизавета Петровна признала его виновным, однако от наказания освободила — ему лишь сократили жалование и обязали попросить прощения у профессоров. Миллер устроил из сцены покаяния Михаила Васильевича целую церемонию; тому пришлось отказаться от своих взглядов...

Однако и этого иностранным учёным было мало: они хотели совсем удалить Ломоносова из академии, критически отзывались о его работах. Но, так как учёного уважали и в России, и за границей, их старания провалились. Однако вскоре академиком по русской истории назначили Шлецера — его давнего недруга. Тому предоставили в пользование и документы академии, и императорскую библиотеку, и другие учреждения. Ломоносова отстранили от руководства географическим департаментом и на его место назначили Миллера. Он впал в сильную депрессию, и Лучьян, навещавший друга, готовил ему успокоительное и приговаривал:

— Пусть злословят... Мы ещё отстоим права русских людей... На меня в своё время и не такие гонения были...

Но Михаил Васильевич уже не смог выстоять против гонителей: он тяжело заболел и скончался. Перед смертью, чувствуя скорый уход, сказал другу:

— Жаль, что я не смог совершить всего того, что предпринял для пользы Отечества, для приращения наук и для славы Академии и теперь, в конце жизни своей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною...

Лучьян пообещал, что останется в Москве и отстоит честь и славное имя Ломоносова. Он собирался продолжить работу в Московском университете, где его уважали и студенты, и русские профессора и преподаватели.

За два дня до кончины Михаил Васильевич причастился, потом попрощался с женой, дочерью и другими присутствовавшими и во время обряда соборования отошёл в мир иной. На похоронах было много народа, и Лучьян, шедший в толпе к месту погребения своего друга — кладбищу Александро-Невского монастыря, — чувствовал пустоту и горечь в душе...

Лучьян со слугами переехал в московскую квартиру. С огромным трудом восстановился он в университете, так как немецкие

профессора не хотели допускать его к работе в вузе, зная, что старик пойдёт против них.

Примкнув к ученикам и последователям Ломоносова, Лучьян также отстаивал и развивал его идеи. Поповский, Аничков, Десницкий, Третьяков и другие утверждали, что русская наука и культура не зависят от теорий и концепций Запада. Но при этом они не отгораживались от западноевропейской науки, заимствовали и использовали всё лучшее из неё. И выступали против феодально-крепостнического строя. Власти преследовали русских учёных, подвергали цензуре и уничтожали их работы.

«Здесь всё идёт своим чередом, и я ничего исправить не могу... — с досадой думал Лучьян. — Сколько дел успел сделать, когда был правителем Солнечной системы! И на всех планетах жизнь изменилась в лучшую сторону. А Земля — какая-то особенная, тут всё движется само собой, и я ни с чем не смог совладать — будь то татаро-монгольское иго или крепостное право...»

Как и прежде, с утра он читал лекции, а после обеда присутствовал на каком-нибудь заседании или писал научную работу. Врачи велели ему побольше бывать на свежем воздухе, и старик часто прогуливался в саду или бродил по улицам Москвы, и на каждом шагу с ним здоровались, кланялись — его знали все. Иногда вместо того, чтобы сидеть в душной аудитории, Лучьян шёл со студентами гулять и на ходу читал лекцию; их можно было увидеть сидящими на берегу Москвы-реки и тихо, неторопливо беседующими.

Возвращаясь вечером домой, он почти сразу ложился спать. А под утро просыпался и лежал, прислушиваясь к звенящей тишине. Старик тосковал по брату, о котором теперь ничего не знал. Но однажды почтальон принёс письмо от него! С нетерпением Лучьян вскрыл конверт и стал читать.

Жалуясь на нападки недоброжелателей из-за прошлой деятельности брата, Лесмян больше с досадой, нежели со злостью, писал:

«...Мою фазенду подожгли с нескольких сторон. Это случилось ночью, и я даже не успел одеться — пришлось уходить в одной пижаме, прихватив кое-какие вещи. Мы со слугами перебрались в город. И мне не столько жаль дома и усадьбы (они сгорели дотла), сколько обидно оттого, что люди так меня не любят и готовы свести в могилу. И квартира в Грайюнкме не спасёт — нас и здесь найдут проклятые злопыхатели...»

Но Лучьян, хоть и беспокоился о брате, не чувствовал себя виноватым: во-первых, он только заботился о жителях Солнечной системы,

во вторых, отговаривал Лесмяна от возвращения на Юпитер...

После смерти Ломоносова его архив был конфискован графом Орловым и бесследно пропал. Но первый том труда Михаила Васильевича по русской истории издали Миллер и Шлецер. Лучьяну хватило беглого просмотра книги, чтобы убедиться, что они переписали работу на свой лад.

— Это работа Миллера, но никак не Ломоносова, — заявил он на заседании профессоров и преподавателей. — Михаил Васильевич был в корне не согласен с его теорией Миллера — а в этой книге якобы того же мнения!

— Вы обвиняете меня в том, что я переписал труд Ломоносова? — возмутился Миллер. — Это ваши домыслы и не более!

— Для тех, кто знал его и знает вас, здесь всё очевидно, — Лучьян посмотрел на Аничкова, Десницкого и Третьякова, и те кивнули. — Эта подделка бросается в глаза, как только начинаешь читать работу. Мы с Михаилом Васильевичем много раз обсуждали его труд, и я очень хорошо знал, о чём он пишет. А здесь упущено или, вернее, вычеркнуто много сведений о древнем прошлом русского народа — то, чего вы со Шлецером никогда не допустите к печати. И вообще всё, что тут написано, — вздор. Это не подлинная, а придуманная вами история.

— Всё так, — подтвердил Аничков. — В книге много разных имён князей и никакой связи, никакой преемственности между ними.

— Это очень недостойно — перевернуть русскую историю, господа учёные, — покачал головой Лучьян.

...Несколько дней спустя он пришёл домой раньше обычного и сказал слугам:

— Собирайтесь обратно в Петербург. Меня уволили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПУГАЧЁВСКИЙ БУНТ

Лучьян вернулся в свою петербургскую квартиру, где жили его друзья. Варвара и Родион тяжело болели, и Лукерье приходилось ухаживать за ними и заботиться о дочерях — Арише и приёмной маленькой Улечке, к тому же она вновь ждала ребёнка.

У покойного Ивана была внебрачная дочь Серафима от одной крестьянки, он её не растил, увиделся с девочкой впервые, когда ей исполнилось десять лет. Стал помогать деньгами, присылать скромные подарки по праздникам. Но через год умер. Дочка выросла умницей и красавицей. В восемнадцать

лет она потеряла и мать, скончавшуюся от рака лёгких. Через два года вышла замуж за казака и уехала с ним на Украину. Там у них родилась дочь Ульяна. Но муж погиб во время Уманской резни, когда вспыхнуло восстание гайдамаков, служивших Речи Посполитой, против её притеснений. И Серафима с малышкой приехала в Петербург к родственникам. Недавно она умерла от лейкоза. И Лукерья взяла Улю на воспитание...

Когда Лучьян переступил порог квартиры, к нему бросилась Аришка, обнялась с ним. Она сильно выросла и похорошела с того времени, когда старик видел её в последний раз: у неё были светлые, кудрявые волосы и голубые глаза.

— Какой ты стала красавицей, Аришка, — сказал он, взяв её на руки. — А я вам гостинцы привёз. Как вы тут поживаете?

— Я Улечку нянькаю, — улыбнулась девочка. — Ой, совсем забыла про неё...

Она соскочила на пол и убежала куда-то. Потом появилась с маленькой сестрёнкой на руках. У Улечки, завёрнутой в пелёнки, были густые тёмные волосики и карие глаза, она с интересом смотрела на старика.

Тут пришла Лукерья, обнялась с Лучьяном и стала кормить малышку. Хозяин навестил Варвару и Родиона, которые лежали в разных комнатах; оба были немощны, Родион кашлял день и ночь, и болезнь не давала ему нормально выспаться. Старик начал готовить им отвары, приносить лекарства из аптеки, и больным становилось легче, но ненадолго...

Через два дня Родиона не стало. Лучьян с крестьянами в поместье сколотили гроб из крепких досок и повезли его в город.

Лукерья держалась из последних сил; ей и плакать-то было нельзя, потому как неродившегося ребёнка могла угробить; она целый день просидела с матерью, уткнувшись ей в плечо. Лучьян и Гришка обмыли и приготовили к погребению тело Родиона, и на другой день его схоронили.

— Отмучился... — сказала Варвара Лучьяну на поминках. — Он уже ни спать, ни есть, ни говорить как надо не мог — всё этот проклятый кашель... Горло совсем распухло...

Потом они занялись своими делами. Лукерья два месяца спустя родила мальчика, и, пока она лежала в больнице, Лучьян и Варвара присматривали за девочками и навещали её. Уленька была бойкой, проворной; ползать, ходить она научилась раньше,

чем говорить, а к возвращению матери домой уже выговаривала целые имена.

Взобравшись на кровать и склонившись над свёртком из пелёнок, сестрёнки разглядывали лицо младшего брата, безмятежно спавшего у матери на руках.

— Как же ты его назовёшь? — шёпотом спросил Лучьян у Лукерьи.

— Когда-то Родион говорил: «Если у нас когда-нибудь родится мальчик, давай назовём его Ромочкой», — ответила она. — Пусть так и будет — Рома...

...Время летело быстро в домашних делах, заботах, и горе начало уже потихоньку забываться, как вдруг однажды Лучьян обнаружил Варвару мёртвой — она скончалась во сне. Это стало для него и Лукерьи страшным ударом, от которого они долго не могли оправиться...

Два лета стояла засуха, дожди не шли, что для северной земли было большой редкостью, и урожай на полях и огородах совсем оскудел. Лучьян даже не мог вволю попотчевать приезжавших к нему гостей, как прежде, потому что фрукты и овощи стали уже не такими сочными и вкусными. Он со слугами носил воду, поливал грядки, но урожай всё равно был плохим.

— Что же теперь делать? — спросил старик у крестьян в начале третьего лета, видя, что жара снова всё погубит.

Те не знали, что ответить хозяину. Но вдруг один из них, прозванный Гусяткой, подал дельную мысль:

— Я слышал от мужиков, что на юге, у Каспия, много плодородных земель и урожай там всегда большой. Туда сейчас многие едут, и не только русские, но и немцы с чехами. Для поселенцев разные блага уготованы: сами земли, освобождение от большинства податей, свободная торговля, рыбалка и охота. Неплохо бы было нам всем туда перебраться...

Лучьяну понравилась эта идея, но спешить он не стал: всё-таки переезд — дело серьёзное. Встретившись с Екатериной, старик рассказал ей обо всём, и они договорились, что через несколько месяцев его со слугами и крепостными отвезут в Царицын и там поселят в отведённом доме. А придворные императрицы будут приглядывать за здешним поместьем.

— Должна вас предупредить: летом там очень жарко, а зимой — необычайно холодно, — сказала Екатерина. — Это может плохо

повлиять на ваше здоровье.

— Не беспокойтесь, климат на меня не очень-то действует, — улыбнулся Лучьян. — В разных путешествиях я попадал в такой холод и жару, каких здесь и не бывает.

Оставив двух своих служанок для помощи Лукерье и девочкам, Лучьян с остальными слугами следующей весной отбыл в Царицын.

По приезде он убедился в том, о чём слышал не раз: Нижнее Поволжье стало большим огородом. Отсюда в Петербург и Москву везли овощи, фрукты, рыбу, икру, из Ахтубинской поймы присылали кабанов, диких коз, сайгаков, серых куропаток. Возле речки Мечетной, севернее Царицына, для животных построили зверинец.

Город окружали земляные валы и река Волга. Почти все дома в нём были деревянные, кроме трёх церквей и ещё нескольких строений — каменных. Лучьяна со слугами и крепостными поселили в просторном тереме на берегу. Старик с самого приезда хотел искупаться в реке, но сделал это лишь в начале лета, когда вода хорошо прогрелась. В конце мая началась жара, и слуги открывали окна в доме на целый день, а хозяин, смачивая куски ткани в холодной воде, прикладывал один ко лбу и раздавал всем остальные, чтобы тоже охладиться.

Гуляя по Царицыну и беседуя с жителями, он узнал о здешних промыслах. Особенно хорошо тут дела шли у купцов, которые получали доход от продажи рыбы. А бедняки кормились от посева вкусных дынь и арбузов и выращивали дикие яблоки и виноград.

Остаток весны и добрую половину лета Лучьян посвятил огородным работам — двор у него был большой, просторный, и вместе с крестьянами он вскопал землю, сделал грядки и занялся посевом. Много овощей посадил, не забыл и про картошку, которую очень любил. Большую часть двора отвели под огород, а в меньшей посадили несколько деревьев. Земля здесь была мягкая и плоды росли большие, сочные. Собрав хороший урожай, хозяин и крестьяне стали отдыхать.

В августе Лучьян посетил шёлковую казённую фабрику в семи вёрстах от ахтубинского верхнего устья, побывал в немецкой колонии Сарепте, в сёлах — Отраде, Бекетовке, Винновке и других, а после поехал на почтовую станцию, где беседовал

с караульными казаками. Один из них поведал ему, как беспокойно стало в Нижнем Поволжье в последние годы:

— Много беглых объявилось, и сладу с ними никакого нет — целыми шайками нападают на помещиков и купцов. И простой народ их принимает у себя, помогает. Вот только недавно один беглый крестьянин всё население всполошил. Казин его фамилия, может, слышали о таком? Он себя царём называл, Петром III — якобы спасся и теперь хочет вернуть престол. Но его арестовали и отправили в Чёрный Яр, потому как царицынский гарнизон тоже за него ратовал...

Лучьян знал о беглых крестьянах не понаслышке: его огород два раза чуть не обчистили ночью, хорошо, слуги вовремя подняли тревогу. Да и другие горожане постоянно жаловались на такие нападения.

Возле Царицына стали появляться разбойничьи шайки и грабить торговые суда. Потом пришли тревожные известия о бежавшем из казанской тюрьмы донском казаке Пугачёве, тоже выдававшем себя за покойного Петра III. Его сопровождало тридцатитысячное войско — яицкие казаки, крестьяне и работные люди. Захватывая один город за другим, они двигались на юг...

В Царицыне собрали гарнизон и выставили заслон по Волге — к северу от города, чтобы отразить нашествие. Но появился Пугачёв только летом следующего года. В городе началась паника; Лучьян видел, как люди на улицах шумно переговаривались, перекрикивались, бежали куда-то.

Вскоре волнения охватили половину страны. Императорский двор собирался бежать в Ригу. Пугачёв шёл на Дон, чтобы собрать там казаков и двинуться на Москву. В городах, к которым он приближался, случался переполох, воеводы и помещики пытались бежать, а простой народ ловил их, чтобы выдать новому «хозяину». Лучьян не покидал двора — молча смотрел на то, что творится в Царицыне. Слуги и крестьяне удивлялись терпению и мужеству старика и, хотя очень боялись пугачёвцев, не оставляли его.

— Дворян, помещиков убивают... Простой люд гибнет... — в отчаянии говорил Гусятка, мечась по комнате. — Надо уходить — пропадём ни за что ни про что...

— Ступайте, вас никто не держит, — ответил Лучьян, глядя в окно. — А я никуда не пойду. Ни в какой войне ещё не убежал от врага...

Пугачёв тем временем объявил указ: он давал крестьянам

свободу, жаловал их землями, лесными и сенокосными угодьями, рыбными ловлями, освобождал от рекрутских поборов и разных податей. Его армия быстро пополнялась: прибывали крепостные крестьяне, бурлаки, работные люди, гарнизонные солдаты, горожане, представители разных народностей страны...

В тот день, когда они подошли к Царицыну, Лучьян, его слуги и крепостные собрались во дворе и Гусятка сказал:

— Пугачёвцы уже совсем близко... Слышите, орудия бьют? Мы за тебя, хозяин, будем стоять до последнего.

И все толпой обступили Лучьяна.

— Я знал, что вы — мои верные друзья, — ответил он. — Спасибо вам. Я же, в свою очередь, готов отдать жизнь за каждого из вас.

...Комендант крепости, полковник Цыплетев, метался среди грохота орудий, подбадривал солдат и жителей города, которые столпились здесь же. На крепость и город падали ядра, бомбы, гранаты...

— Не сдавайтесь... На кону — ваша жизнь и милость императрицы!.. — говорил он. — Скоро придёт подмога — казаки с Дона...

С Сибирь-горы, где находилось войско Пугачёва, крепость виделась словно на ладони и было удобно её обстреливать. Однако орудия оттуда били очень сильно и уничтожили значительную часть его артиллерии и живой силы. А когда стало известно о приближении карательного отряда полковника Михельсона, пугачёвцы обошли крепость и двинулись на юг, к Сарепте, которую уже покинули жители. На другой день их разгромили, многих убили и пленили. Сам Пугачёв смог уйти, но через несколько дней его выдали свои же казаки.

Царицын переполнили взятые в плен участники восстания. Горожане видели расправу над ними: казнили трёх донских казаков и двух дворовых людей, многих высекли кнутом и плетью. И, так как продуктов на всех не хватало, пленных отправляли в другие города; по дороге большая часть их погибала. И повсюду происходили казни; вдоль дорог и на речных плотках стояли виселицы с телами.

И как-то на одной из улиц Царицына скопился народ: везли железную клетку с Пугачёвым, взятым в плен. «Я хорошо видел его смуглое лицо, — впоследствии рассказывал Лучьян об этой встрече. — Он был высокого роста, стоял распрямившись, крепко держась за прутья клетки и глядя прямо перед собою, но будто не видя толпы, что собралась посмотреть на него...

Думал о чём-то своём...» За клеткой шёл генерал-майор Суворов с солдатами, разговаривал с Цыплетевым, и старик услышал, как он сказал, что главного пленника повезут в Москву.

Избу Пугачёва в станице Зимовейской сожгли, скотину перебили, а жену и сына сослали на Соловецкие острова. А его самого после суда обезглавили на Болотной площади в Москве.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПОИСКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Всё случилось так, как предупреждала императрица — климат на юге страны плохо влиял на здоровье Лучьяна: зимой он страдал от морозов, летом — от жары. Но уезжать не особенно хотелось — старик уже привык к Царицыну, да и слугам здесь нравилось.

Весной и летом они много работали, а в остальное время года больше отдыхали. Долгими зимними вечерами все сидели в зале, беседовали, и Лучьян часто рассказывал о своей жизни. Ранние события, случившиеся несколько веков назад, он помнил плохо; из памяти стёрлись даже образы детей и внуков — Люмпана, Руслана, Власа, Кристиана, Монито, Виникуляра и других. Но всё же изредка старик видел в снах то, что давным-давно забыл.

Один такой сон приснился ему зимней метельной ночью. Они с княжичем Василием — сыном Дмитрия Донского — убегали из ордынского плена. Скакали на лошадях кружными путями, чтобы их не смогли найти. И после нескольких дней, проведённых в знойных степях, выехали на побережье моря. Едва только спешились, Василий начал спускаться по обрывистому берегу к воде.

«Вася, осторожнее! Не торопись!» — кричал Лучьян вслед.

Но княжич не слышал его. Он подогнул колени, съехал на корточках вниз, поднимая пыль, и вдруг... исчез!

Старик бросился за ним, увидел провал в скале и, добравшись до него, пролез внутрь. И оказался в тесной пещерке. Стены её были расписаны какими-то непонятными изображениями, а в углу находились останки человека. Василий, забыв про ушибленную ногу, рассматривал уже давно разложившийся скелет.

«Это первобытный человек, — сказал Лучьян, определив на глаз примерный возраст праха. — По-видимому, лежал здесь десятки тысяч лет...»

Опомнившись, старик оглядел ногу княжича, убедился, что перелома нет, и потихоньку вытащил парня наружу. Тот не

спешил уходить — так заинтересовал его склеп и наскальные рисунки.

«Васенька, времени мало... — умоляюще сказал Лучьян. — Надо идти...»

Они добрались до моря, искупались, набрали воды в ручье и поскакали дальше. Потом, пережив много трудностей и опасностей, оба забыли о склепе, а теперь, спустя почти четыре века, старик увидел его во сне...

И он всё чаще стал задумываться о таинственной пещере и сам удивлялся — зачем ему понадобилось это древнее захоронение?..

Увидев в окно подъезжавшую ко двору повозку, слуга тут же доложил об этом хозяину — графу Кириллу Разумовскому.

— Это, наверное, Лучьян Кристианович, — догадался тот. — Мы давно хотели увидеться.

Он радушно принял гостя и его слуг. И стал показывать им трёхэтажный дворец, в котором жил. Один фасад здания украшала лоджия, второй — балкон. Всё здесь было красиво и величественно.

— Много лет дворец находился в запустении, — сказал граф. — В Глухове случился страшный пожар, город сгорел дотла. И его пришлось перестраивать. Но много новых зданий возвели...

Во дворце было многолюдно — у Разумовского насчитывалось около трёхсот слуг. Он провёл гостей в свою огромную библиотеку, где ввысь уходили ряды книг на полках.

— Мне привозят русские, немецкие, французские, итальянские и польские газеты, — сказал граф и предоставил гостям свежую печать.

Видя, что Лучьян понимает всё, о чём написано в изданиях, Разумовский спросил:

— Вы знаете все эти языки?

Старик скромно кивнул. Он знал несколько тысяч языков, из них земных — более сотни.

Стол у графа был богат яствами: каждый день подавали целого быка, десяток баранов, сотню кур и другое в огромных количествах. Хозяин с аппетитом ел сам и потчевал гостей своими любимыми блюдами — борщом и гречневой кашей.

После обеда Лучьян сказал:

— Значит, нет больше Запорожской Сечи...

— Да, всех разогнали, — ответил Разумовский. — Верным императрице казакам выдали земли и офицерские чины, недовольных выслали. Кто-то ушёл в Турцию, кто-то — на Дунай...

— Многое поменялось... — вздохнул старик.

Они поговорили о новом управлении в губерниях: после пугачёвского бунта их стало вдвое больше, провинции, на которые они делились, упразднили и многих чиновников сместили с постов.

Лучьян посвятил графа в свои планы: он собирался отправиться на берег Чёрного моря и вновь отыскать тот склеп.

— Я не сомневаюсь, что там захоронен первобытный человек. Та пещера может рассказать о жизни древних людей очень много. Но, боюсь, не найду её, как и могилу моего сына Мечислава...

— Перед таким великим человеком, как вы, открыты все пути, — ответил Разумовский. — Главное, не отступайте. А я помогу вам чем смогу.

На юг ехали большой компанией. Кроме Лучьяна, графа Разумовского и их слуг, здесь были землекопы, повар, два преподавателя и студенты-добровольцы из Московского университета. Везли с собой всё необходимое: лопаты, ножи, ящики с продуктами, посуду, фляги с водой, шатры, доски для изготовления столов и многое другое. Лучьян определил приблизительное местонахождение той пещеры и по прибытии действительно узнал местность, где они с Василием проезжали, но теперь море подступило ближе, а обрывистый берег сменился пологим.

Археологи расположились на побережье: поставили шатры, выкопали яму для мусора, уборную и погреб для продуктов, заготовили дрова. И после долгих часов работы ужин показался им особенно вкусным. Ели суп, кашу, говядину, рыбу. Лучьян, привёзший муку, испёк оладья и угостил всех участников экспедиции. Он весь вечер вспоминал тот побег из плена и пещеру.

И на следующее утро повёл нескольких товарищей к её предполагаемому местонахождению. Он понимал, что и склеп, и останки давным-давно могло уничтожить землетрясение,

обвал или морской прилив. Не найдя никаких выемок на берегу, археологи начали раскапывать землю в предполагаемом месте пещеры. Работали лопатами и ножами. Но вместо склепа находили обломки глиняной посуды, кусочки сосудов. Лучьян вёл походный дневник и отмечал в нём каждый элемент. Поиски в другом месте тоже не увенчались успехом: там обнаружили только сгнившие остатки дерева, золу и угольки.

Старик отчаялся, но старался и виду не подавать. По вечерам, сидя у костра, он рассказывал археологам о том времени, когда появился Человек разумный:

— Это был другой мир... Вроде бы наш, но совсем иной. Люди научились ходить прямо и говорить. Степи и леса охотничьи роды поделили между собой. Кто-то продвигался дальше на север, осваивал новые территории... Население увеличивалось, и пищи требовалось всё больше; мужчины охотились на животных — загоняли к обрывам антилоп, мамонтов, носорогов, поджигали степи и луга, и пасшиеся лошади и бизоны погибали... Мне кажется, этот человек одним из первых появился здесь, на территории нашей страны. И его склеп принёс бы немалую пользу исторической науке...

Но исполнить мечту Лучьяну не удалось. Вскоре к нему прибыли люди — послы с его родины — и сообщили, что пропал без вести Лесмян. Он улетел на Землю на личном корабле год назад и не вернулся. И теперь его разыскивали слуги, работники и партнёры по бизнесу.

Лучьяну пришлось оставить раскопки и отправиться на поиски пропавшего брата...

ГЛАВА ПЯТАЯ. БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ

В Петербург он приехал сильно обеспокоенный и подавленный. Дома его встретила Лукерья, постаревшая, с морщинами вокруг глаз, но всё такая же красивая...

— Проходи, проходи... — радостно говорила она, беря поклажу старика. — Сейчас обедать будем. Рома, Уля, идите поздоровайтесь с Лучьяном!

Перед ним предстали мальчик и девочка. Ульяна была высокого для своих лет роста, румяной, с вьющимися русыми волосами и тёмными глазами. Роман же казался младше, чем есть — маленький, худенький, светловолосый... Старик обнял их обоих. И вскоре увиделся с Аришей, которая уже совсем выросла и стала настоящей красавицей.

За обедом он рассказал о том, что его беспокоило.

— Лесмян в эти годы был одинок, жил уединённо в своём загородном доме и ненавидел весь мир. Он писал мне гневные письма, обличая меня в разных грехах, а я не отвечал ему, и, наверное, зря... Надо было его как-то успокоить, поддержать... А теперь мой брат исчез. Здесь пока ничего о нём не удалось выяснить?

— Нет, — вздохнула Лукерья. — Как в воду канул... Сыщики с твоей родины весь Петербург поставили на уши.

— Наша планета велика, я даже не знаю, где его искать...

— Подожди немного. Если он не объявится, тогда присоединишься к сыщикам. Они и так уже ищут его во многих странах.

И Лучьян остался дома. Каждый день после завтрака он выходил на улицу, общался с соседями, узнавал от них новости, осведомлялся о поисках брата. А после обеда шёл на прогулку в парк, иногда — в сопровождении Ули и Ромы. Не спеша они брели по аллее, старик опирался на трость, а дети поддерживали его под руки.

Он стал их домашним учителем. Обучал русскому и французскому языкам, математике, географии и другим предметам. Так повелось, что старик занимался с ними поодиночке — сначала проводил урок у Ромы, потом к нему приходила Ульяна. Оказывая семье Лукерье огромное содействие в этом, он помогал ей и деньгами — ему снова начали присылать пенсию.

Гуляя по Петербургу, Лучьян удивлялся тому, как преобразился город: появились новые правительственные и общественные здания, корпуса учебных заведений, больниц, богаделен, гостиных дворов, казарм, домов богатых людей и так далее. В адмиралтейской части столицы возвели гостиный двор, набережные Невы одели в гранит, соорудили решётку Летнего сада. «И этот прекрасный, величественный город мы начинали строить будто вчера», — думал старик, вспоминая, как целые дни работал на здесь с Яковом, Павлом и другими.

Лучьян встретился с императрицей и узнал от неё, что брата нашли — он проживал в Северной Америке и пока не собирался ехать в Россию.

— Но как же, неужели Лесмян не хочет видеть меня? — обеспокоился старик.

— Пока не хочет, — ответила Екатерина. — Он сказал людям, нашедшим его, что бежал от стыда и позора, в котором

повинен его брат. Но мы с придворными сделаем всё, чтобы вы помирились.

— Благодарю вас, однако этого упрянца невозможно переубедить, — махнул рукой Лучьян. — Он вбил себе в голову, что во всех его бедах виноват я. Мой брат одинок, несчастен и придумывает разные глупости...

Чтобы отвлечь старика от тревожных мыслей, императрица предложила ему сопровождать цесаревича Павла с супругой Марией Фёдоровной, которые собирались в большое путешествие по Европе.

— Вы ведёте весьма однообразный образ жизни, и такая поездка хоть немного оживит вас, принесёт новые впечатления, — сказала Екатерина. — Вам обеспечат комфортную поездку.

Лучьян, подумав немного, согласился — вновь захотелось увидеть страны Европы спустя долгие годы. Придя домой, он сообщил Лукерье новости о своём брате и о предстоящем путешествии, и она помогла ему собрать вещи в дорогу.

— Дети, пока буду в отъезде, повторяйте то, что мы с вами прошли, — сказал старик Ульяне и Роме. — Повторение — мать учения. А я пока, может быть, научусь чему-то новому у европейских просветителей...

Путешествие проходило с огромной пользой и массой приятных впечатлений. Лучьян с Гришкой, Павлом и его супругой побывали в Италии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах, Франции, южной Германии.

Они знакомились и общались с европейскими дворами, осматривали музеи, посещали библиотеки и академии, встречались с известными писателями, художниками, учёными. Сам драматург Бомарше читал им только-только написанную «Свадьбу Фигаро»; учёный-энциклопедист Д'Аламбер, поговорив с цесаревичем, удивился его образованности. Когда же гости прибыли в придворный Венский театр, там отменили спектакль «Гамлет»: игравший заглавную роль актёр Брокман отказался выйти на сцену, объяснив, что неэтично показывать представление двойнику датского принца, сидящему в королевской ложе. Император Иосиф II согласился с ним и выдал ему пятьдесят дукатов. А в европейской прессе за Павлом закрепилось прозвище «российский Гамлет».

Всюду цесаревича и его окружение встречали с почётом, и это льстило молодому человеку и развязывало язык, и порой он

не следил за своей речью. В Неаполе, например, высказался о правлении Екатерины II так: «Какие могут быть законы в стране, где царствующая императрица остаётся на престоле, попирая их ногами!» То же говорил в Вене, Риме, Флоренции. В Париже, где Людовик XVI и Мария-Антуанетта приняли гостей очень душевно и устроили для них пышные празднества, Павел вновь стал жаловаться на стеснения и даже унижения, которым подвергался при дворе своей матери. «Неужели вам совсем не на кого опереться?» — спросил потрясённый Людовик. «Я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель: прежде чем мы оставили бы Париж, моя мать велела бы бросить его в Сену с камнем на шее», — ответил цесаревич.

Лучьян понимал его недовольство: несмотря на то, что он давным-давно перешагнул рубеж совершеннолетия, ему по-прежнему не давали занять престол.

В путешествии старик написал сочинение о взглядах европейских просветителей Дж. Локка, Вольтера, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескьё, И. Канта, о просвещённом абсолютизме, политике австрийского императора Иосифа II и его матери Марии Терезии и правлении прусского короля Фридриха II.

Вскоре после возвращения в Петербург Лучьян с Лукерьей и детьми присутствовал на открытии бронзового памятника Петру I в честь столетия восшествия великого государя на престол. Ульяна оделась в нарядный сарафан, который привёз ей из путешествия старик, а Рома держал в руках игрушечную саблю — тоже его подарок.

Создателя скульптуры Этьена Мориса Фальконе на торжестве не было — он уже давно переехал в Париж.

Военным парадом в честь торжества руководил князь Александр Голицын. Приплыла по Неве на шлюпке императрица, поднялась на балкон здания Сената и дала знак открыть памятник. Заиграли барабаны, и полотняная ограда с монумента была сброшена...

Лучьян поразился великолепием памятника. Пётр сидел на вздыбленной лошади, в простой одежде, с медвежьей шкурой вместо седла, с венком из лавра на голове и мечом у пояса. Конь стоял на скале, символизировавшей трудности, которые преодолел государь. «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782», — было написано на постаменте с одной стороны и «PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII», —

с другой.

Люди восхищённо переговаривались, оглядывая памятник, когда Екатерина II попросила взойти на балкон Лучьяна — живого свидетеля петровских преобразований, чтобы он ещё раз поведал народу о том времени.

Старик рассказал о детстве и юности государя, о его «потешном» войске, начале русского флота, строительстве Петербурга и всех делах, в которых сам участвовал.

— Пётр разбудил нашу страну от долгой спячки, при нём она стала намного сильнее, — подытожил Лучьян. — До каких только областей не дошли его преобразования!.. Такую деятельность трудно переоценить. Он был одним из самых великих людей в истории России...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЛУЧЬЯН И УЛЬЯНА

Ещё задолго до поездки Лучьян обратил внимание, что, беседуя с ним, Ульяна будто кокетничает. Когда он объяснял ей какую-нибудь тему, она задавала ему много вопросов: «А почему?.. А зачем?.. А правда ли, что ...?» и при этом словно заигрывала с преподавателем, то опуская глаза, то, наоборот, глядя в потолок. А старик считал это ребячеством... до недавнего времени.

Теперь Ульяна была прекрасной пятнадцатилетней барышней, и Лучьян с ужасом стал понимать, что влюбился в неё. Когда он только вернулся из Европы и занимался с ней русским языком, она вдруг отвлеклась и сложила кораблик из бумаги. Преподаватель попытался отобрать у неё игрушку, и девочка вдруг, смеясь, схватила его за руку, а потом отпустила. Лучьяна будто жаром обдало. Кое-как он довёл занятие до конца и спешно вышел в коридор, чтобы поговорить с Лукерьей.

— Лукеша, я больше не смогу давать уроки, — сказал старик. — Здоровье не позволяет... Сейчас опять мне плохо стало.

— Бедный... Мы тебя совсем замучили, — вздохнула Лукерья. — Мало того, что детки у меня озорные, так ты ещё и учишь их даром, ничего с нас не берёшь за это.

— Ну что ты, мы ведь свои люди! — махнул рукой Лучьян. — Давайте временно прервёмся, а потом, если поправлюсь, продолжим занятия.

Однажды за обедом Лукерья рассказала ему об Арише, которая в недавнем времени вышла замуж за крестьянина Фёдора Матвеева и переехала к нему в село Кобрино, находившееся в семидесяти вёрстах от Петербурга.

— Я их пока не навещала, а надо бы. Хоть одним глазком глянуть, как они там живут...

— Как-нибудь съездим, — пообещал Лучьян.

Некоторое время спустя он посетил своё поместье, где трудились его крестьяне, и взял с собой из погребов провизию для Арины. И через пару дней они с Лукерьей поехали к ней.

Кобринно было маленьким селом с ветхими домиками, в одном из которых жили Фёдор с Ариной и маленьким сыном Егоркой. Хозяйство они имели бедное, без скотины, всего несколько грядок огорода. Молодая женщина, согнувшаяся, словно старуха, встретила мать и Лучьяна, и они сразу поняли, что всё у неё плохо... С её мужем гости так и не поговорили — тот спал, и его не стали будить.

— Он пьян, — сказал Лучьян, присмотревшись к нему. — И часто прикладывается к бутылке?

— Нет, нет, просто сегодня они с мужиками что-то отмечали и выпили, — ответила Арина. — А так Федя не пьёт.

— Ох, дочка, чует моё сердце — всё у вас тут неладно... — вздохнула Лукерья, прижимая дочку к себе. — Гляди, как бы его совсем не споили.

«Здоровый мужик — а по хозяйству ничего не делает, вот и дом в таком плохом состоянии», — подумал Лучьян, глядя на покосившиеся стены и сломанные стулья. Он кое-как починил табуретку и решил после отправить сюда нескольких своих крепостных, чтобы навели порядок.

Домой оба возвратились в подавленном настроении, и за вечерним чаем Лукерья решила поговорить с Лучьяном.

— Я знаю, почему ты не хочешь учить детей дальше. Тебе нравится Ульяна.

Старик вздохнул и ничего не сказал.

— Да, девочка с каждым днём всё хорошеет, — продолжала она. — И я знала, что ты можешь влюбиться в неё. А во время последнего вашего занятия, слыша, как вы смеётесь, обо всём догадалась...

— Лукеша, я даже думать об этом не хочу, не то что говорить... — махнул он рукой. — Мне, старику, грешно заглядываться на молоденьких девушек, а она совсем ещё ребёнок...

— Послушай, что я тебе скажу, — Лукерья взяла его за руку. — Ты видел, как живёт Арина, какой у неё муж. И ты знаешь, как у

меня за неё сердце болит. А если и Ульяне попадётся такой же, я этого не выдержу... Старшая дочка сильная, она перенесёт любые тяготы, а младшая — нет... И я рада буду выдать её за тебя — тогда хоть успокоюсь...

— Лукеша, что ты говоришь... — ужаснулся он. — Как тебе такое в голову могло прийти...

— Я прошу тебя, спаси мою дочь, — заплакала Лукерья. — Она пропадёт, если не будет замужем за тобой. Недавно я нашла дочкин личный дневник и, пролистав его, не могла поверить своим глазам... У неё была несчастная любовь, которая уже погубила её. И я ничего не знала об этом...

Обняв её, Лучьян не сказал ни слова, но она поняла: теперь всё будет в порядке.

Ночью он долго размышлял над тем, что услышал от Лукерьи. Ему подумалось вдруг, что бедной женщине тяжело заботиться о родных детях, а тут ещё и приёмная дочь... Она устала и хочет освободиться от такой обузы, выдать Улю за надёжного человека. Только не верилось старику почему-то, что девчонка его полюбит...

Неизвестно, сколько Лукерья уговаривала дочь выйти замуж за Лучьяна, да и уговаривала ли вообще — казалось, девочку ничто больше не тревожит, ей было всё безразлично. Она страдала наедине с собой.

На свадьбе собралось много народа. В Петербург приехали старые друзья и знакомые жениха из других губерний и даже стран, здесь были и Кирилл Разумовский, и профессора Московского университета, и преподаватели со студентами. Лучьян и Ульяна оделись просто, не по-праздничному: он — в рабочий пиджак и порты, она — в белый сарафан. Никто не замечал юношу, шедшего в конце процессии: тот, опустив голову, тихо плакал...

В церкви жениха и невесту обвенчали: надели на пальцы кольца, и священник благословил их брак, они быстро поцеловались. Когда вышли на улицу, Ульяна встретилась взглядом с тем парнем, и на глазах её появились слёзы. Когда все ушли, он присел тут же, на ступенях, и уткнул голову в колени.

В поместье Лукерья встретила новобрачных с хлебом и солью. После её благословения они поклонились ей в ноги и все прошли в дом. Там стали подносить подарки супружеской паре, садиться за стол.

— Уля, — обратился к молодой жене Лучьян, — я хочу подарить тебе Кольцо Любящего Сердца. Очень давно, невообразимо далеко отсюда, на другой планете, мне преподнесли эту реликвию местные жители, чтобы подарил её любимой женщине...

Он достал из коробки переливающееся кольцо с блестящим розовым камнем и надел ей на палец. Приглашённые музыканты и артисты веселили народ, а гости пили вино за здоровье жениха и невесты.

— Знаешь, впервые за столько лет моё сердце растаяло... — тихо сказал Лучьян, обняв Ульяну. — Я счастлив. И хочу сделать счастливой тебя, хотя понимаю, как нелегко будет тебе со мной, со стариком... Давай проживём какое-то время вместе, и если ты не будешь счастлива, то разойдёмся.

Ульяна сидела молча, неподвижно и не слышала ни его слов, ни музыки и пения. В голове её звучал голос бывшего возлюбленного:

Зачем ты меня завлекала,

Зачем заставляла любить?

Должно быть, тогда ты не знала,

Как тяжело любви изменить!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. МЛАДЕНЧЕСТВО СЕМЁНА

Тихо и мирно жили в поместье Лучьян, Ульяна и Лукерья со слугами и крестьянами. Старик заботился о жене по-отечески и не проявлял той нежности, которую обычно проявляет супруг. Но в семье был мир, лад и спокойствие.

На четвёртый год совместной жизни у Лучьяна и Ульяны родился сын. Он появился на свет в день святителя Семёна, архиепископа Антиохийского, и по святцам ему дали имя. Малыш был здоровеньким, крепким, со светлыми вьющимися волосиками, с большими синими глазами.

За несколько месяцев до его рождения Лучьян, узнав о беременности Ульяны, устроил в поместье ремонт — отделал стены штукатуркой, побелил их и сделал в одной комнате детскую. И с появлением в ней жильца для старика началась счастливая пора: тот души не чаял в сыне. Каждый день проходил в радостных заботах, Семочку окружали вниманием родители, бабушка Лукерья, нянька Максимишна, Гриша и

другие. Но это избаловало мальчика — он рос жизнерадостным и добрым.

В заботах о сыне Лучьян стал забывать былые проблемы, и лишь когда Сёмочке исполнилось восемь месяцев, старик вновь встревожился — всё случилось в один день...

Утром пришёл попрощаться Рома. Год назад он поступил на военную службу и теперь уходил на вновь начавшуюся войну с Турцией. Юноша с умилением смотрел, как нянька кормит Сёмочку кашей. И, когда появился Лучьян, сказал ему:

— Какой чудесный у меня племянник!

— Всё, покушал наш карапуз, — улыбнулся Лучьян. — Максимишна, погуляйте теперь — погода сегодня на редкость хорошая.

Нянька взяла малыша на руки и, рассказывая ему какую-то прибаутку, ушла на улицу. А Лучьян показал Роме детскую комнату.

Это была светлая, просторная спальня со светло-голубыми стенами. Пол выложили обработанными дубовыми досками, постелили ковёр с разноцветными узорами. На стены повесили картины с причудливыми мирами, с детьми, натюрморты и пейзажи; прикрепили канделябры со свечами. Возле двери стоял шкафчик приятного синего цвета с картинками — для одежды. Справа от него находилась кровать с белоснежными простынями и подушками. Большое окно занавесили белыми и синими шторами.

— Присаживайся, — сказал Лучьян, собирая разбросанные по полу игрушки.

— Неужели ты сам так отделал комнату? — удивился Рома.

— Саму комнату — да, а вот шкафы расписывать приглашал художника — Скородумова Гавриила. Слышал о таком? Очень талантливый мастер. Каждый момент с нашим Сёмочкой мне запомнился... И как он стал поднимать и держать головушку, лёжа на животе, и как в первый раз улыбнулся... Когда я рассказывал что-то Ульяне и изобразил пение птиц, малютка вдруг засмеялся... Потом научился переворачиваться с боку на бок, ползать, хватать и держать игрушки, которые мы ему давали, сидеть в кровати. Теперь вот начал ходить. Он у нас очень умный и развитый.

— Да, это сразу видно, — согласился Рома. — Сёмочка —

одарённый малыш. Я и сейчас заметил, когда его кормили, что он уже сам держит чашку, кусочек хлеба. А говорить ещё не научился?

— Произносит лишь слова «мама», «папа», «баба», — ответил Лучьян, — и подражает разным животным: «мяу-мяу», «гав-гав», «бе-бе». А так пока ничего не говорит, рано ещё. Но всё понимает, всё-всё!

— Дай Бог ему счастья и здоровья в будущем, — пожелал Рома.

— Береги себя, Ромочка, — сказал старик, обнял и поцеловал его на прощание. — Пиши нам обязательно.

Не прошло и двух часов, как на пороге появился профессор Аничков — давний друг Лучьяна — с незнакомым мужчиной в чёрном плаще.

— Это Эрик Сингурсон — слуга твоего брата, — представил его Аничков после приветствия. — Привёз тебе письмо от него.

— А где же сам Лесмян? — насторожился Лучьян. — Почему не приехал?

— Мой хозяин живёт в Испании, — стал объяснять Сингурсон. — Сеньор Лесмян болен — врачи выявили слабоумие. Всем говорит одно и то же: что вы — предатель, из-за вас он лишился всего, что имел. И в письме, я уверен, уже в который раз обвиняет вас в этом.

Старик велел слугам накормить гостей и приготовить для них ночлег, а сам вскрыл конверт и стал читать послание брата. Тот писал витиевато, многословно, часто повторяясь и путаясь. Он обвинял Лучьяна в том, что по его вине всё потерял:

1. Лишился имени. Его инициалы запретили писать и произносить во многих государствах Юпитера.
 2. Утратил лицо. Изображения, портреты, фотографии Лесмяна в Ганакоре и ряде других стран уничтожались.
 3. У него не стало потомков. Власти преследовали их, принуждая отречься от дальнего предка, которого они и в глаза не видели.
 4. У него изъяли почти всё имущество и недвижимость, оставили только некоторые личные вещи и деньги, на которые он смог улететь на Землю.
 5. Репутация Лесмяна Смолоза была окончательно разрушена.
- За ужином Сингурсон рассказал Лучьяну о скитаниях его брата. В Ганакоре власти сократили ему пенсию, конфисковали

нажитое, а затем и вовсе обвинили в шпионаже и депортировали с планеты — таким образом, избавились от второго брата Смолоза. Некоторое время он странствовал по спутникам Юпитера, потом прилетел на Землю. Поселился в Северной Америке, в одном из индейских посёлков. Вскоре его вызвал к себе король Испании, поселил в своём дворце, где Лесмян теперь и жил, иногда выбираясь на отдых к морю, в Каталонию.

— Не сердитесь на брата — он не в себе, — сказал Сингурсон. — Ему предстоит долгое лечение.

— Я не сержусь, — пожал плечами Лучьян. — Мне его очень жалко...

Он долго думал о брате, о его печальной судьбе. А когда гости ушли на покой, отправился в детскую — посмотреть, уснул ли Сёмочка. Но тот ещё не спал — слушал сказку Максимишны и вертел в руках игрушечного утёнка.

— Ну, как тут наш малыш? — тихо спросил Лучьян.

— Всё хорошо, — ответила Максимишна. — Сёма покушал, потом мы с Лукерьей его искупали, только теперь вот никак спать не хочет...

Старик улыбнулся, взял в руки ножки сына и стал их массировать. Поводил пальцем от пяточки к пальчикам, затем — обратно. Погладил ножки от пяточек к коленкам и вверх по бёдрышку. Помассировал туловище, ручки, животик. Сёмочка расслабился и успокоился — лежал и еле заметно улыбался с полузакрытыми глазами. Лучьян осторожно повернул его на правый бочок и накрыл одеяльцем.

Максимишна потихоньку прилегла рядом с малышом, а отец погасил свечи, оставил только лампу, шёпотом пожелал спокойной ночи и направился к двери. Но на пороге остановился и оглянулся. Как же хорошо, уютно здесь! Приятный полумрак, лишь лампа отбрасывает тусклый голубой свет. Всюду спокойствие, всё стихло до утра. И в этой тишине Сёмочка уже, наверное, видит сны...

Малыш учился ходить самостоятельно, но порой падал и набивал шишку. В год с небольшим знал и имена близких, и названия домашних вещей и явлений. А когда начал бегать, взрослые потеряли покой: он носился по комнатам прятался, залезал под диваны и столы, в шкафы. И только Лучьян мог уговорить его спокойно поиграть. Сёмочка «кормил» игрушки с ложечки, строил башенки из кубиков, катал по полу машинки, которые

смастерил для него отец. В поместье часто бывали гости, и мальчик в два года научился, как взрослые люди, говорить слова приветствия, прощания и благодарности.

Вот Сёмочке уже три года. Он встречается и играет с ребяташками из окрестных деревень, качается на качелях, а зимой катается на санках. Лучьян берёт его с собой в поле, в лес, на речку, и сын интересуется растениями и животными, постоянно спрашивает: «Тятя, что это такое? Кто это?» Они купаются на мели, и отец поддерживает малыша, а тот барахтается в воде и смеётся.

В поместье приезжали приглашённые артисты, давали детский спектакль, и во время представления Сёмочка и его друзья подпевали и танцевали. Был у Лучьяна в гостях издатель Новиков, привёз целую кипу «Московских ведомостей» с журналом «Детское чтение для сердца и разума», в котором публиковались нравоучительные повести и рассказы, театральные пьесы, научные статьи — всё в живой и лёгкой форме.

Лучьян, наблюдая за тем, как растёт и развивается его сын, забыл о прежних своих огорчениях. Но одно всё-таки тревожило его: Ульяна стала меньше времени проводить с малышом. До полутора лет она кормила его грудью, купала, пеленала и укладывала спать, а потом вдруг как-то отдалилась, занялась домашним хозяйством, и теперь им больше занимались бабушка и нянька. Иногда мать уходила куда-то надолго и возвращалась за полночь.

— Улечка, что с тобой творится? — спросил у неё однажды муж.
— Неужели ты не хочешь больше видеть нашего Сёму?

— Нет, нет, я навсегда останусь его матерью, но с тобой в браке жить не смогу, — она взяла с комода кольцо, которое он ей подарил, и отдала ему. — Я люблю другого человека...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ДЕТСТВО СЕМЁНА

Ульяна собирала вещи к отъезду, а Лукерья, стоя у порога комнаты, говорила:

— Разве так можно, Уля... Уходишь не пойми к кому. А как же Лучьян, Сёмочка?

— Пусть идёт, — сказал, появившись в дверях, Лучьян. — Только сына я тебе не отдам — это единственная моя радость и утешение.

— Улечка, не пропадай, приезжай к нам, — со слезами просила Лукерья, обнимая приёмную дочь на прощание.

— На будущей неделе я вас навещу, — ответила Ульяна, вышла с пожитками во двор, села в повозку и уехала к своему возлюбленному.

Сёмочка весь день был заплаканный и шёпотом повторял: «Мама ушла... Мама ушла...»

— Мама придёт, — успокаивал его отец. — У неё просто сейчас дела, она обязательно вернётся...

Семён ходил в ближнюю деревеньку к ребятишкам, играл с ними, бегал по лугам и полям. Особенно отрадно было для Лучьяна то, что его сын, презирая всякую роскошь, запросто водится с крестьянскими детьми и предпочитает жить так же просто, как они.

Пока мальчика не отдали в школу, он целыми днями носился с оравой мальчишек и девчонок, лазил по деревьям, заборам и крышам, забирался в чужие огороды. А когда вечером Лучьян со слугами шли искать сорванца, то, бывало, долго блуждали по окрестности, спрашивали у деревенских, не видел ли кто его. Глухонемой Гришка, приставленный к Сёмочке как дядька, заглядывал во все уголки и звонил в колокольчик. И пропавший находился — босой, чумазый, с шишкой на голове (опять упал откуда-нибудь или стукнулся!) и очень довольный. И отец, вздыхая, вёл его домой отмывать и кормить ужином.

— Боюсь я за него — он такой сорванец... — вздыхала Лукерья.
— Или лоб себе расшибёт, или ногу ломает...

— Ничего, улица уже воспитала его как надо, — отвечал Лучьян.
— Я ему сто раз наказывал — бегать осторожно и никуда высоко не лазить.

Он приучал сына к работе, и Сёма с малых лет знал, каким трудом достаётся еда, и всегда бережно относился к ней. В то же время, видя, что отец часто даёт милостыню нищим, которые приходят к нему, начал понимать, что отказывать им — грех, и в будущем никогда не проявлял скупости.

Однажды, вернувшись с поля, мальчик увидел во дворе незнакомого мужчину — тот только что вошёл в ворота.

— Сёмочка, здравствуй! — обрадовался он. — Ты не узнаёшь меня?

— Нет...

— Я дядька твой — Роман!.. С войны приехал...

— У меня другой дядька, — ответил Семён. — Его Гришей зовут, он глухонемой. А про тебя я никогда не слыхивал.

Из дома вышли Лукерья и Лучьян. И, увидев, как Рома обнимается с ними, мальчик успокоился.

— Как это ты не слыхивал? — удивилась Лукерья. — Мы с твоим отцом всё время про него говорили и даже письма его читали при тебе.

— Он забыл просто, — сказал Лучьян, понимая, что у сына на уме пока одни игры и развлечения.

С началом учёбы в сельской школе образ жизни Семёна мало изменился: в свободные часы он всё так же бегал и играл с друзьями, ходил с ними в лес по грибы да по ягоды, пас лошадей по ночам. В школе, случалось, шалил и не слушался учителей, но его тяга к знаниям победила эти пороки.

Мальчик повидал многих людей, которые приезжали к отцу — известных и неизвестных, бедных и богатых, из России и других стран. Всех Лучьян встречал с теплом и любовью, и Семён в будущем стал таким же хлебосолом.

«Вдалеке видны крестьянские дома и пашни, — описывал в дневнике своё пребывание у них известный поэт Гавриил Романович Державин. — Здесь просторно, зелено — поля, леса, рощи...

Мы с хозяевами пришли в сад. Там было великолепно — деревья в цвету, ручеёк журчит... Меня угостили лучшими спелыми яблоками, которые Лучьян Кристианович сам снимал с деревьев.

В комнатах всё дышит прекрасным сельским воздухом. В зале на стенах висят карикатуры: кавалеры в губернских мундирах, дамы в огромных чепцах, в платках. Все картины написаны очень просто: суриком, вохрой, сажей и белилами. А в комнате у Сёмушки — большой его портрет: он сидит в нарядном костюмчике и играет на барабане...»

Лучьян несколько раз приглашал в поместье известного художника Кирилла Головачевского, и тот рисовал его сына в разных образах — то путника с палкой в руке, то всадника на лошади, то сельчанина в широкой рубахе.

За годы детства Семёна поместье и окрестности сильно преобразились. Всем в одном доме было тесно, и крепостные поселились в нескольких избах, которые Лучьян хорошо

обустроил. И своё жильё тоже обновил: выбелил стены в комнатах, покрасил двери и оконные рамы, выбросил старую мебель и купил новую. Во дворе он с крепостными выкопал пруд и канал, посадил много деревьев и кустов — вишню, красную смородину, крыжовник.

Роман, вернувшись с войны, стал жить у них. Он бросил службу, ничем определённым не занимался и вскоре начал выпивать. И, чтобы образумить молодого человека, Лучьян подыскал ему невесту — дочь дворянина Молодцова, хозяина соседнего поместья. Тот, полный, грузный мужчина, настоящий аристократ, видимо, не очень жаловал будущего зятя и отдал свою дочь за него только из глубочайшего уважения к старику. После свадьбы дяди Семён часто бывал у его тестя — когда на празднества приходил с отцом, а когда и просто так, в гости.

Дом Молодцова походил на дворец — с кабинетом, просторным залом, галереей и множеством комнат, обклеенных обоями разных цветов. Хозяин коллекционировал дорогие картины, статуэтки, монеты, минералы, собрал огромную библиотеку. А во дворе находился сад, цветники, огород и теплицы.

Через год после свадьбы своей дочери Натальи Молодцов купил кожевенный завод в Петербурге. Устроил в поместье праздник в честь этого и, хватив лишнего, умер...

— Он очень много пил спиртного, — сказал Лучьян Семёну. — Никакой организм столько не выдержит. Никогда не предавайся этому пороку.

Похороны прошли довольно скромно. Молодцов был вдовцом, и поместье унаследовали его дочь и зять. Но Роман не собирался заниматься делами своего покойного тестя, он понимал, что оставленных богатств хватит им с супругой на всю жизнь, и проводил дни в праздности, гуляя, читая книги и журналы и совершенно не заботясь о хозяйстве.

Лучьян по-прежнему с утра до вечера работал в огороде и в поле, а Семён, вернувшись из школы, помогал ему. Они удобряли и пахали землю, заборанивали поле с помощью лошади. Мальчик любил ходить с друзьями на рыбалку. Иногда навещал свою тётю Арину Родионовну, играл с её сыном Егоркой и дочерьми Надей и Машей, собирал с ними ягоды и орехи в лесу.

Ульяна жила в одном из сёл под Петербургом, в пятидесяти вёрстах от сына, со своим новым мужем, которого любила с отроческих лет, и у них родилось двое детей. Семья нищенствовала, но Лукерья, навещая, подкармливала её.

Лучьян передавал с ней гостинцы со своего огорода, прося не говорить, что это от него. Но Ульяна и так обо всём знала. Она приезжала навестить Семочку, но тот не хотел с ней общаться, относился как к чужому человеку, и это её расстраивало. А отец говорил сыну:

— Ты не должен обижаться на мать. Она развелась со мной, а тебя никогда не оставляла.

— Нет, она оставила нас обоих, — упрямо повторял Семён.

— Но она хотела забрать тебя с собой, — возразил Лучьян. — Ты просто не помнишь этого. А я не позволил ей... Мама любит тебя, очень любит, сынок.

Тот молчал, глядя исподлобья на отца.

— Пообещай мне, что будешь относиться к ней как к матери. Она, какая ни есть, всё же мать. И считает тебя своим сыном...

Сёмочка подумал, ещё раз посмотрел на отца и дал слово. А у Лучьяна словно камень с души свалился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В канун 1797 года погода сильно испортилась: стало холодно, сумрачно, пошёл снег с дождём. Лучьян и Семён ехали на повозке на похороны императрицы, изредка переговаривались и вспоминали её...

Под конец жизни Екатерина Великая чувствовала себя несчастной. У неё было много любовников, в том числе молодых, но всё это оказывались сиюминутные увлечения, а ей хотелось настоящей любви... Она мечтала умереть среди близких людей красиво, с цветами и музыкой. Но скончалась внезапно: идя по коридору, потеряла сознание и, несмотря на помощь доктора, промучившись в агонии, через несколько часов испустила дух. И сын Павел с супругой Марией Фёдоровной, целовавшие ей руки и просившие её благословения, не успели его получить. В минуту смерти императрицы придворные дамы и служанки, бывшие рядом, горько заплакали, и Павел с мокрым от слёз лицом вышел из комнаты.

Однако, придя в себя, он тут же велел двум придворным чиновникам собрать и опечатать бумаги своей матери и подготовить манифест о его восшествии на престол. Боялся, что она оставила завещание. Ведь Екатерина хотела видеть наследником внука Александра, минуя нелюбимого сына...

Тело императрицы неделю лежало в Опочивальне, при нём находилась Мария Фёдоровна, фрейлины и придворные

кавалеры. Каждый день над усопшей совершали обряд православной церкви. Затем перенесли её в Тронную комнату на парадную кровать, стоявшую на возвышении. И до самых похорон приходили проститься люди... Лучьян и Семён появились в числе последних.

...Траурная процессия под покровом ночи шла через весь город. Длинной вереницей двигались кареты, сопровождаемые лакеями и кучерами в чёрных одеждах. Огонь факелов таинственно освещал лица людей; они тихо и неторопливо переговаривались о чём-то. Когда толпа стала заходить усыпальницу, Лучьян остался на улице и придержал за руку Семёна: он знал, что Павел устроил перезахоронение своего отца и сам короновал мертвеца, и хотел уберечь от этого зрелища сына.

Так закончился «золотой век» Екатерины II.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. МЛАДШИЙ СЫН

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТРОЧЕСТВО СЕМЁНА

Лукерья под конец жизни сильно болела и почти не ходила. Однажды она упала в погреб и сильно ушиблась, её достали, уложили в кровать, лечили под руководством знакомого доктора, но старушка умерла через несколько дней. Служанки приготовили её к погребению; на похороны приехали Арина Родионовна и Ульяна со своими детьми. Семёна плакал; увидев, какой он бледный и какие у него красные глаза, Лучьян испугался и решил на время увести его из дома, но сын не хотел уходить.

Одна добрая женщина, присутствовавшая на похоронах, смогла уговорить мальчика пойти с ней в поместье Молодцова, где она временно поселилась. Там его познакомили с её дочерью Машей — неприметной светловолосой, сероглазой девочкой. Тогда Семёну было не до неё — он прилёг на диван и долго лежал, глядя перед собою, пока не заснул... Уже потом начал время от времени вспоминать о ней с большой симпатией. Но никак не мог найти повод, чтобы ещё раз увидеться...

Однажды они случайно встретились в лесу возле поместья Лучьяна. Оказалось, что Маша гуляла и заблудилась. Семён проводил её к матери, и в пути они поговорили, рассказали друг другу о себе. Так началась их трогательная и нежная дружба. Они каждый вечер встречались у пруда в поместье Молодцова. В ту пору, будучи ещё детьми, разговоры вели несерьёзные, наивные; он читал ей смешные истории и шуточные стихотворения, которые сам написал, приносил

из дома разные угощения. Но вдруг она перестала приходить...

Семён, подождав пару дней, отправился в дом Молодцова, но там висел замок. И мальчик вернулся домой. Когда он спросил у отца, где же теперь Маша с матерью, тот ответил:

— Уехали они, сынок. Далеко, в Новгородскую губернию, к родне, насовсем. Забыл сказать тебе об этом...

Видя, как Семёна скучает по девочке, Лучьян отправил её семье письмо с приглашением погостить у него. И зимой они приехали — отец, мать и Маша с сестрой и двумя братьями. На Масленицу ребята с нянькой Максимишной отправились в город. Там были на ярмарке, пили чай с блинами, смотрели выступления жонглёров, акробатов и кукольного театра, катались с ледяной горы. Семён неудачно упал; его привезли к отцу ушибленного, с вывернутой ногой, но довольного весёлыми гуляниями.

Через некоторое время после отъезда гостей Лучьян предложил Семёну пойти в гимназию при Московском университете. Тот сначала воспротивился: ему не хотелось уезжать в так далеко из родного поместья. Отец сказал лишь:

— У тебя ещё есть время подумать, недаром я завёл этот разговор так рано... Мне очень хочется, чтобы мой сын окончил Московский университет. Все учителя говорят, что ты одарённый... И учишься лучше всех в школе.

— В какой школе? — усмехнулся Семён. — В сельской. Где учеников — раз-два и обчёлся... А так способности у меня небольшие.

— Кто тебе это сказал? Сама императрица Екатерина однажды заметила, что ты умён и развит не по годам...

— Ей просто показалось.

Лучьян решил оставить мальчика в покое и вернуться к разговору несколько позже.

Семёну нравилось жить здесь, в поместье — учиться и трудиться. К четырнадцати годам он перенял от отца и крестьян все хозяйственные навыки, стал пригодным ко всякой мужской работе и сделался правой рукой отца, а в некоторых случаях уже и полностью заменял его.

Роман и Наталья со слугами жили то в городе, то в поместье. Они водились со знатными людьми и с семьёй самого императора.

Но однажды приехали к Лучьяну очень взволнованные...
Рассказали, что император Павел I погиб от рук заговорщиков.

— Многие напились за ужином во дворце, — вспомнил Роман.
— Стали ломиться к нему в комнату, высадили дверь и потребовали: дескать, сейчас же отрекайся от престола, мы не вынесем более твоего деспотизма! Павел долго ругался с ними, потом случилась драка и его ударили табакеркой в висок и задушили шарфом...

На несколько секунд воцарилось молчание, после чего Лучьян спросил:

— И что же теперь будет?

— А ничего... — ответил Роман, который, судя по голосу, тоже хорошо выпил. — На престоле теперь его сын Александр. Добро пожаловать в новую эпоху!

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЮНОСТЬ СЕМЁНА

Лучьян переехал в Москву не только чтобы отдать сына в гимназию при университете, но и чтобы общаться с Ульяной и помогать ей: после смерти мужа она с двумя детьми переехала в Москву и вместе с сестрой Ариной Родионовной стала работать в доме капитана-поручика и поэта Сергея Львовича Пушкина. Семён, видя, как отец любит его мать, больше не противился переезду.

Гимназия пришлась ему по душе, он быстро подружился со своими сверстниками, особенно близко — с Сашкой и Николкой, с которыми в душевных беседах исходил немало улиц. Да, парень скучал по своему поместью, по Машеньке, но здешняя бурная жизнь, захватив его, почти не оставляла времени для тоски. Семён за два года должен был освоить программу, рассчитанную на четыре-пять лет.

Он стал сам навещать мать, бывая в доме у Пушкиных. Там часто случались какие-нибудь курьёзы. Сын хозяина, маленький Саша, увидев гостя, прятался в бабушкину корзину, и мать искала его, потом вытаскивала, одевала и уводила на прогулку. Когда к родителям приходили друзья, тот мог спрятаться и за большим креслом и слушать беседы отца с известными литераторами. Сергей Львович любил говорить о своих знаменитых предках; некоторые из них упоминались в древних летописях. Малыш знал и о своём прадеде — Абраме Петровиче Ганнибале из Эфиопии, после долгого плена и скитаний оказавшемся в России и крещённом Петром I. Арина Родионовна, нянчившая Сашу и его старшую сестру Олю, рассказывала им много забавных

историй, песенок, сказок, так что даже почти взрослый Семён заслушивался ею.

Теперь он смог не только простить матери уход из семьи, но и полюбить её как родного человека. Они не раз говорили по душам, и юноша уходил от неё с двояким чувством — радости и раскаяния. Отец болел душой за бывшую жену и каждый раз расспрашивал сына о том, как она живёт...

Семён блестяще окончил гимназию, но на торжества по случаю выпуска не пришёл: умер его верный дядька Григорий, сильно хворавший под конец жизни, и парень сам готовил его к погребению, с отцом и слугами нёс и хоронил на кладбище.

Летом 1803 года Сёма поступил на философский факультет Московского университета: он предоставил свидетельство директора гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там науках и был принят сразу же.

Немного отойдя от горя — смерти Григория, юноша заметил, что отец чем-то расстроен, и спросил, что с ним. Лучьян нехотя рассказал о своём брате, который в письмах по-прежнему жаловался ему на свою горькую судьбу и обвинял его во всех грехах.

— Где он теперь? — спросил Сёма про Лесмяна.

— В Англии. Живёт в замке моего покойного внука Власа, с моими дальними потомками, потому как идти ему больше некуда...

— Некуда? Папа, ведь он твой брат... Неужели вы столько лет не можете помириться?

— Лесмяну ничего не докажешь, его ни в чём не убедишь. Я устал спорить с ним...

Семён глубоко задумался, весь вечер молчал, потом сказал отцу:

— Я еду в Англию, папа. До конца лета ещё есть время, а мне очень хочется посмотреть замок лорда Власа. Давно мечтал об этом...

— Что ты задумал? — насторожился Лучьян. — Прошу тебя, не беспокойся о нас с братом, мы сами всё решим...

— Мне хочется посмотреть замок и познакомиться с дальними родственниками, — упрямо затвердил юноша, и отец понял, что он не отступит.

— Хорошо, только возьми с собой кого-нибудь из друзей, чтобы я был спокоен.

Семён поехал с Сашкой и Николкой и сыном Арины Родионовны Егором. Они добрались до Петербурга, а оттуда на нескольких кораблях доплыли до Англии, посетив Швецию и Данию. Их тепло встретил старый Джеральд Смолос, банкир и хозяин замка, и его сын Генри, с которым парни быстро подружились. Впервые увидев своего дядю Лесмяна, Семён отметил, как тот внешне похож на Лучьяна.

В день приезда гостей хозяева устроили для них экскурсию по замку. Об этом Семён написал в дневнике, который тогда вёл:

«...Замок словно ещё готовится к очередному набегу, какие случались во времена мрачного Средневековья: со всех сторон он окружён глубоким рвом, а единственный деревянный мост, по которому можно пройти внутрь сооружения, на ночь убирают. Возле рва, по внешнюю сторону, выкопан глубокий колодец.

Над всем этим высится каменная стена с широкими зубцами, круглыми башнями и каменными балконами, а над ней возвышается главная замковая башня с развевающимся на ветру флагом страны.

Мост, по которому мы входили-выходили, опускают и поднимают привязанными канатами. Ворота тоже высокие, массивные. К ним приделано кольцо, чтобы прибывший гость, постучав им, вызвал сторожа.

«Раньше, когда здесь ходило много лихих людей, потомки Власа Смолоса также опускали железную решётку вот здесь, перед воротами», — сказал нам с друзьями Генри.

В пределах стен замка расположено целое селение с жилищем владельца, главной замковой башней круглой формы и маленькими уютными домиками, в которых живут слуги Смолосов; есть кузница, мельница, конюшни, погреб, кухня.

«Стены у главной башни очень толстые, — поведал Генри. — Не раз враги проникали во двор и население замка укрывалось в ней — там есть родник, который позволял выдержать долгую осаду...»

Мы прошли внутрь. В подвальном этаже башни находилась кладовая, на первом — главная зала, на втором — спальня хозяев, на третьем — горницы для детей и гостей. А на самом верхнем когда-то жил сторож. С его башни замок и окрестности видны как на ладони. Генри показал нам рог сторожа, в который тот трубил при каких-то важных событиях. Здесь же развевается флаг Власа Смолоса с изображением зарянки. На случай захвата противником всей крепости глубоко под

центральной башней был устроен подземный ход, который вёл в соседний лес.

А в мирное время хозяева обитают в каменном двухэтажном доме, который называется дворцом. На первом его этаже — парадная зала, на втором — жилые помещения.

Недалеко от центральной башни находится садик и цветник, где мы обычно проводим вечера. Это светлый оазис посреди мрачного Средневековья. Глаз радуется, когда видишь розы, лилии, зелёные травы, плодовые деревья, сочные гроздья винограда...

Возле стен замка находится старый памятник лорду Власу Смолозу, возведённый ещё при его жизни, отлитый из латуни. Глядя на этот кенотаф на картине XIII века, я заметил, что и теперь он хорошо сохранился, только немного потемнел».

Вскоре состоялась свадьба Генри и его избранницы Мери, на которую приехала и замужняя сестра жениха — Сьюзен. Погуляя весело, вино и пиво текли рекой, музыка лилась не умолкая.

В последующие дни Генри устраивал катания на лодках по озеру, и Семён с Лесмьяном обычно плавали вместе; юноша сам грёб вёслами и отказывался от помощи дяди. Он терпеливо слушал рассказы старика о его злоключениях и уверял, что Лучьян любит своего брата и не может сделать ему плохо.

Всех потомков Лесмьяна раскидало по Юпитеру и другим планетам Солнечной системы, а может, кто улетел и дальше. Потомки Лучьяна теперь тоже жили кто где, и на Земле они обитали не только в Англии, но и в десятках других стран, но были уже такими дальними, что потеряли связь с великим предком.

— Нас с братом предали забвению на родине, — сказал как-то Лесмьян племяннику. — И потомкам моим запретили знаться со мной. Но некоторые из них приезжали и помогали мне. Нам с братом очень много лет, столько даже у нас на Юпитере не живут. И потомки, умирая, завещали мне своё имущество. Оставили четыре квартиры, три автомобиля и загородный дом. Да только власти так меня гнобили, что я не выдержал...

— Мой отец никогда вас не предаст, — вздохнул Семён, — и не он виноват во всём случившемся — просто так сложились обстоятельства. Мне кажется, вам с ним надо поговорить с глазу на глаз — письма не решат ничего.

Лесмьян молчал, не зная, что ответить, а племянник пытливо

смотрел на него.

...Учебный год в университете начался несколько дней назад, а мальчики всё ещё не вернулись домой. Лучьян уже собирался отправиться на их поиски, когда на пороге появились его сын и брат. Старики молчали, глядя друг на друга, и Семён не выдержал и сказал:

— Ну же, миритесь!

И они подошли друг к другу. Лучьян улыбнулся брату, увидел радость в его глазах, и оба, прослезившись, крепко обнялись...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОБУЧЕНИЕ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Во время учёбы в университете Семён крепко дружил с Саней и Николкой, его верными друзьями также стали приезжие ребята: Матвей из Рязани, татарин Руслан из Чистополя и Володя из Коломны.

Все они поначалу одевались солидно — в университетский мундир: тёмно-зелёный кафтан с малиновым воротником и белыми пуговицами. Носили шляпу и шпагу. Лучьян заметил, как вырос, возмужал его сын, который, казалось, вот только лежал в колыбельке.

На факультете читались лекции по российской и латинской риторике в соединении с русской историей, по энциклопедии наук, по натуральной истории, по логике и метафизике, по всеобщей истории и другим предметам. За три года обучения Семён смог неплохо овладеть немецким и французским языками.

В университете готовили людей для Государственной службы. В нём состояли профессора, адъюнкты, магистры, прочие учителя и студенты. Здесь преподавали науки общие и особенные — для разных родов службы. Университет имел в распоряжении типографию и книжную лавку. У него была своя печать с Государственным гербом и надписью: Печать Императорского Московского Университета. Он находился на попечении государства. И постоянно что-то приобретал — покупал или принимал в дар от меценатов дома, дворы, мебель, музейные экспонаты и многое другое.

С самого начала обучения Семён занимался общественной работой. Он печатался в «Вестнике Европы», главным редактором которого был хорошо знакомый ему Карамзин, видевший талант юноши, тягу к письму и способствовавший его развитию. В ту пору Николай Михайлович начал писать

«Историю государства Российского» и часто совещался с Лучьяном по поводу того или иного эпизода в своём труде.

В марте 1804 года появилось Общество древностей российских, публиковавшее источники по древней истории — летописи, акты, рукописи. Семён, вступивший в него, стал посещать архивы разных музеев, ездить по городам, изучать старинные документы и произведения. Много материала он взял из московской и петербургской библиотек отца, да и вообще Лучьян тоже помогал университету чем мог.

На зимние и летние каникулы Семён ездил в своё родное поместье, виделся с дядей Лесмьяном, жившим там и смотревшим за хозяйством, со знакомыми из Петербурга и деревень. Однажды он встретился с тёткой Натальей и узнал от неё, что к Маше сватается много женихов и вроде как с одним она крепко подружилась.

— Я думала, ты станешь её суженым, — сказала тётя с сожалением. — Вы были такой хорошей парой...

— Она любит его? Ну, этого жениха? — спросил Семён.

— Наверное, любит. Иначе он не был бы званым гостем в её доме.

— А обо мне она не спрашивала?

— Нет...

Расстроенный, Семён уехал обратно в Москву и там решил уйти с головой в учёбу и работу, чтобы забыть о Маше. Понимал, что сам во всём виноват: не умел он дружить с девушками, и не помнилось ему уже, когда отправлял ей последнее письмо...

Юноши иногда собирались вместе, чтобы выпить пива и поговорить о жизни.

— Прямо как когда-то мой Влас с друзьями... — сказал Лучьян однажды, увидев дома сына с компанией. — Шесть веков прошло уж — а ведь всё помню... Они так же гуляли, пили вино, шутили и смеялись, и я чувствовал себя молодым среди них...

— Иди к нам, папа, — улыбнулся Семён. — Мой отец — мировой человек во всех смыслах!

Парни усадили старика рядом, налили ему пива и попросили рассказать о Каллир-Кадене. Он с удовольствием вспомнил своих университетских преподавателей и друзей, годы обучения, победы и неудачи.

— Папа стал одним из немногих почётных выпускников университета, — с гордостью поведал Семён. — Там учиться

гораздо сложнее, чем у нас, и получить диплом могут далеко не все, а выйти в почётные выпускники, то есть показать отличную успеваемость, способны лишь единицы.

За успеваемостью студентов следил инспектор, но Семён называл своим «главным инспектором» отца, который не давал ему прогуливать занятия и лениться и сам дотошнее преподавателей проверял его знания по предметам.

Книги в университетской библиотеке могли брать на дом только профессоры и преподаватели, но Семён, его друзья и знакомые не испытывали от этого неудобств — они пользовались библиотекой Лучьяна, ещё более богатой.

В июне 1805 года состоялось празднование пятидесятилетия Московского университета. Многие профессора и преподаватели произнесли речи. Выпускников впервые произвели в докторскую степень.

В июне 1806 года, перед самым выпуском Семёна и его товарищей, прошло торжественное собрание университета; одной из обсуждаемых тем стала история древних народов, проживавших на территории России. Здесь присутствовали Лучьян и Карамзин, прибывший из усадьбы Остафьево, где трудился над своим сочинением.

— Сейчас я пишу о правлении князя Владимира — того самого, что крестил Русь и при котором вы когда-то жили, — сказал он Лучьяну.

— Если понадобится моя помощь — всегда пожалуйста, — ответил тот.

— Я хотел пригласить вас с Семёном к себе. Вы хорошо отдохнёте в моей усадьбе.

— С превеликим удовольствием, — принял приглашение Лучьян. — Спасибо.

Они приехали воскресным утром и целый день пробыли в Остафьево. Лучьян в беседах с Карамзиным вспомнил князя Владимира, своих друзей — Елисея, Эне и Ростислава, семью последнего, его дочь — прекрасную Федору...

Очнувшись от воспоминаний, старик вышел во двор, где до этого времени гулял Семён, и не застал его. Они с хозяином, окликая пропавшего, стали искать его по всей усадьбе. И возле плетня Николай Михайлович остановился: юноша, прислонившись к

изгороди, безмятежно спал полулёжа. Подошедший отец с умилением посмотрел на него.

— Он устал... — сказал Карамзин. — Сколько учится, работает... Совсем, наверное, не спит дома...

— Чуть-чуть осталось — и на службу пойдёт... — ответил Лучьян.

...По окончании учёбы Семён получил аттестат с подписью правления и печатью университета. За успехи в учёбе его и некоторых других студентов наградили золотыми медалями. Профессора прочили ему блестящую карьеру и предлагали ехать учиться дальше в Германию, но он отказался:

— Если я и отправлюсь когда-нибудь в Европу, то только в качестве русского солдата.

В тот момент юноша и не предполагал, насколько быстро сбудутся его слова...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДОМА И НА СЛУЖБЕ

Во время обучения в университете Семён переписывался с дядей Романом, который участвовал в войнах с Францией, и знал о них в подробностях.

К власти пришёл незаконным путём, в результате переворота, и стал императором не только Франции, но и Итальянской республики Наполеон I Бонапарт — полководец, полноватый мужчина невысокого роста, очень самоуверенный и амбициозный. Он стремился заполучить всё новые и новые территории, и это встревожило русского и австрийского правителей. Они даже заключили между собой союз, чтобы ограничить его нарастающее влияние в Европе.

Между сторонами случилось несколько сражений. В ноябре 1805 года русские отряды одержали победу над французами при Кремсе. Потом вместе с австрийцами дрались с ними при Аустерлице и потерпели поражение. Австрия заключила мир с Францией. Мечтая создать всемирную монархию, Наполеон стал продвигаться на восток, покорил германские и прусские земли.

Сразу же по окончании университета Семён со своими товарищами влился в русскую армию, желая защитить Отечество от грозившей опасности. В декабре 1806 года они сражались с французами при Пултуске и никто не одержал победу. А в январе 1807 года русские разбили врагов при Прейсиш-Эйлау. Однако Наполеон натравил на противников турецкую армию. И они отступили к прусскому городку Тильзиту и переправились через Неман.

...Там, на плоту на середине реки, куда их доставили на лодках, встретились для переговоров императоры Александр I и Наполеон I. За ними с берегов наблюдали офицеры, солдаты и прочие. Два часа они любезно общались между собой и с приближёнными друг друга. На следующий день состоялась ещё одна их встреча, на которую прибыл и прусский король.

Семён, тоже находившийся в Тильзите, познакомился с адъютантом генерала Багратиона — Денисом Давыдовым, весёлым и лёгким в общении молодым человеком. Они сразу сблизились, рассказали друг другу о жизни. Давыдов был очень несчастлив в личной жизни — ему по разным причинам отказали в браке три женщины. Услышав от него историю о том, как он часами ждал возлюбленную под окнами балетного училища, где у неё шли занятия, Семён подумал: «А что я-то сделал для Маши? Ничего». И понял, что до сих пор не может её забыть...

После заключения мира с Францией и возвращения Наполеоном прусскому королю некоторых территорий русские войска вернулись в отечество. И Семён, проезжая Новгородскую губернию, решил навестить семью Маши — и задержался в доме её отца...

Лучьян сильно волновался, ожидая сына: однополчане давно вернулись в Москву, а его всё не было... И никто не знал, что с ним — все говорили, что пропал куда-то посреди дороги...

Но вот однажды утром Семён приехал домой — живой и здоровый, да ещё и с хорошей новостью.

— Папа, я, наверное, скоро женюсь... — прошептал он на ухо отцу, обнимавшему его.

В доме Головлёвых — Машиной семьи — Семён узнал, что родители так и не выдали дочь замуж — узнав жениха получше и поняв, какой он занудный и мелочный человек, она отказалась выходить за него. Возвращение Семёна в её жизнь стало настоящим подарком судьбы для девушки.

Свадьбу решили сыграть в Москве. Поначалу отец Маши, Василий Петрович, приезжал туда на какое-то время, беседовал с Лучьяном по поводу намечавшегося торжества, а незадолго до него продал дом под Новгородом и, прибавив кое-какие сбережения, купил квартиру в Москве и семья переехала на новое место. Свадьба удалась: было весело и шумно, и много народа собралось. Прибыли Ульяна с сыном и дочерью, Арина Родионовна с семьёй, Лесмян, всё семейство Пушкиных, почти все школьные и университетские друзья жениха, сослуживцы

и многие другие, приехал даже Генри из Англии — с женой и сестрой.

Во время гуляний Семён заметил, что мать больна — она сильно похудела, стала бледной... Это омрачило его праздник, и никак ему не представлялся случай уединиться с ней и поговорить обо всём...

— Мама, что с тобой? — спросил он её уже через несколько дней дома у Пушкиных. — Чем ты болеешь?

— Со мной всё хорошо, сынок, — ответила Ульяна и поцеловала его.

Семён долго расспрашивал мать, но так ничего и не узнал.

Лучьян тоже пытался поговорить с ней, но она молчала о своей болезни. Отец и сын ходили как в воду опущенные, Семёна не радовала новая супружеская жизнь.

— Ты не переживай, сынок, — сказал ему однажды старик. — У меня есть много знакомых докторов, которые смогут вылечить нашу маму, да и я всё-таки разбираюсь в медицине.

Каким же взрослым стал Семён за последнее время! Лучьян смотрел и будто не узнавал сына: высокий, статный, с вьющимися русыми волосами, с выразительными чертами лица...

Семён служил в Приказе общественного призрения, смотрел за устройством и содержанием воспитательных и сиротских домов, городских начальных школ, богаделен и других заведений, занимался благотворительностью.

Они с Машей жили у Лучьяна, но часто навещали её родителей. Между супругами не было ни ссор, ни обид, но всё же отец заметил, что Семён за что-то недолюбливает жену. Только потом, приглядевшись, понял: холодной и неискренней стала Маша, как и многие люди в светском обществе, в котором проводила время её семья. Там было много тщеславия и лицемерия.

Сам он не ездил на эти мероприятия, презирая притворство и наигранность, ненавидя сплетни. «Пустые мысли, холодные сердца...» — вздыхал Семён, провожая жену на очередной бал. Казалось бы, Маша — девушка из простой семьи, но нет, тоже полюбила всю эту роскошь высшего света. Да к тому же взяла моду говорить на французском, как и всё дворянство, чего молодой муж не понимал: зачем нужен этот язык в России, когда есть такой прекрасный, чудный, душевный русский?

— Не узнал я её душу как следует, — сокрушался он перед отцом. — Что же теперь делать? Разводиться? В детстве она была совсем другой...

— Погоди, не спеши, — ответил тот. — Авось уживётесь... Подумай как следует, прежде чем решиться на такое...

Но думать не пришлось: вскоре Маша сообщила, что беременна. Лучьян, окружив невестку заботой, попытался наладить отношения между супругами. «Ну, теперь она не будет так часто ходить на эти встречи», — думал старик. Однако сноха не собиралась менять образ жизни — всё так же гуляла, даже когда живот вырос...

В один из декабрьских дней 1808 года у Маши и Семёна родился мальчик, которого по святцам называли Петей. Лучьян был несказанно рад внуку; вот, казалось бы, сколько случилось таких радостных событий — рождение сына, внука, более дальнего потомка, — а будто в первый раз такое счастье...

О мальчике много кто заботился, кроме родителей — и дедушки, и бабушка — мать Маши, и нянька. Когда Петруша ещё не научился ходить, Лучьян с Максимишной стали брать его на прогулки по улицам Москвы — дед носил малыша на руках, показывал здания и вывески, рассказывал что-нибудь. Они проходили мимо барских усадеб с конюшнями, скотными дворами и амбарами, слышали хрюканье, мычание и ржание животных, и мальчик пытался воспроизвести эти звуки и смешил стариков. Мимо них по булыжным мостовым ехали кареты, и он цокал языком, так же, как и лошади — копытами по камням.

Иногда они навещали Пушкиных, и Петенька виделся с бабушкой Ульяной. Здоровье у неё совсем ухудшилось, и от врачей, которых вызывал к ней Лучьян, она отказывалась. Женщина сильно постарела, высохла, и старик понял, что у неё за болезнь... Он через Лесмяна вызвал со своей далёкой родины гениального доктора Юнариуса, но тот долго находился в пути и не успел прибыть вовремя...

1811 год стал особенно трагичным для Лучьяна и Семёна — за короткое время они потеряли трёх близких людей...

В мае старик забрал Ульяну из дома Пушкиных к себе, чтобы выхаживать и лечить её, и в один из вечеров она, поднявшись с постели, сказала ему:

— Прошу, не оставляй моих детей, хотя они уже и взрослые... Береги нашего с тобой Сёмочку и Петю... Спасибо тебе за всё...

— Ульяна, ты что? — испугался Лучьян, и в ту же секунду она

потеряла сознание...

Он вызвал врачей, женщину увезли в госпиталь, но не смогли спасти: на следующий день её не стало...

Маша умерла скоропостижно в начале июля, отравившись чем-то за ужином в доме друзей отца. Прибывший в Москву доктор Юнариус сделал ей вскрытие и сообщил, что в еду подсыпали яд. Попытки найти убийцу ни к чему не привели — на празднике присутствовало много людей, но никто ничего подозрительного не заметил, даже родители умершей; не было никаких доказательств против кухарки, да и Маша сама выбрала то блюдо.

Через месяц, едва только её похоронили и помянули, скончалась Максимишна, страдавшая от гипертонии...

Семён, раздавленный случившимся горем, в первые дни лежал на диване лицом вниз и ни с кем не разговаривал, не откликался на зов отца. Потом плакал вместе с ним, и тот утешал его...

— У тебя есть сын, — сказал Лучьян. — Подумай теперь о нём. Ты ему нужен.

Но однажды, придя домой с прогулки, он увидел, что Семён завязывает верёвку в узел.

— Ты с ума сошёл! — старик бросился к сыну, выхватил у него верёвку. — Как тебе такое в голову могло прийти!

— Мне тяжело, папа... — ответил тот. — Умерли три человека, которых я любил больше жизни... Как мне с этим жить?

— Кому ты сделаешь лучше, если удавишься? — строго спросил Лучьян. — Себе? Мне? Петеньке, который так любит своего отца? Нашим любимым женщинам, упокой Господь их души? Кому?.. Даже не думай покончить с собой! Если ещё и тебя не станет, у меня не выдержит сердце.

Семён молчал, потупив взгляд.

— Дай мне честное слово, что больше не примешься за такое.

— Даю...

После этого они немного успокоились, хотя долго ещё горевали по усопшим...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОТКРЫТИЕ ЛИЦЕЯ

В конце сентября Лучьян получил письмо из Петербурга — от дипломата и публициста Василия Фёдоровича Малиновского. Тот сообщал о скором открытии Императорского лицея в

Царском Селе, где должны были учиться дети дворян, и приглашал на мероприятие, прибавляя, что, если бы адресат согласился преподавать в нём, это была бы огромная честь для заведения.

Лучьян посовещался с сыном, и тот одобрил его намерение поехать к лицеистам:

— Тебе с ними будет весело, хоть немножко воспрянешь духом...

— И ты тоже не вгоняй себя в тоску и сына не расстраивай.

Перед отъездом они долго говорили по душам; Семён помогал отцу собирать вещи.

— За Петеньку не беспокойся, — говорил он. — Мальчик будет под присмотром. Здесь ведь у него, кроме меня, и бабушка с дедушкой... Стану побольше гулять с ним, играть, учить его говорить. Ты же спокойно занимайся своими делами.

— И всё равно начну тосковать — и по вам, и по нашим родным...

Они вновь вспомнили женщин и помолчали...

На следующий день Лучьян в кибитке отбыл в Петербург. Долго старик не путешествовал, не ездил из города в город — и осознал, как тяжело ему теперь переносить дальние поездки: глубокая, очень глубокая старость давала о себе знать. Дожил почти до Мафусаиловых лет — в прямом смысле...

По прибытии болело всё тело, и Лучьян отдыхал, отлёживался в своей квартире, расспрашивая слуг, живших там, о хозяйстве, об их делах. Через несколько дней он стал выходить на прогулку, общаться с соседями и прочими знакомыми, гулял на Невском проспекте и в парке.

Среди новых знакомых его был адвокат Осип Филиппович — высокий смуглый мужчина с бородой, спокойный, рассудительный. Он всегда скромно одевался, жил бедно, содержал жену и маленьких дочку и сына. Переводился по службе из города в город, пока наконец не осел в Петербурге. Новые знакомые обитали в том же доме, что и Лучьян, на первом этаже, почти по соседству с ним.

Как-то раз Осип пригласил его к себе в гости и заранее извинился, если хозяева чем-то ему не угодят. Старик взял с собой пирог, испечённый кухаркой, ватрушки и другие угощения для детей. Квартира у адвоката походила на каморку — маленькая, с бедной обстановкой, старыми вещами, — но всюду была чистота и порядок.

Жена Осипа, Ольга Тимофеевна, накормила Лучьяна ухой и грибным пирогом, а он взрослых и детей — принесёнными яствами. Столько сладостей за один раз они ещё никогда не видели, не то что не ели...

Девочке Саше исполнилось шесть лет. У неё были светло-русые волосы, тёмно-серые глаза, очень симпатичный носик и красивая складка губ, а во взгляде — столько душевности, что старик поневоле засмотрелся на неё. А мальчик Тимоша, трёх лет, походил на отца — такой же смуглый, с чёрными глазами.

За ужином велась тёплая, неторопливая беседа. Оба супруга с детства много слышали о Лучьяне, о его жизни и великих делах, и теперь им даже не верилось, что он сидит с ними за одним столом. Старик рассказывал о своём поместье, которое хотел посетить в ближайшее время, о Царскомельском лицее, где ему предстояло работать, спрашивал хозяев об их интересах и хобби. Узнав, что Осип коллекционирует старые книги, пригласил его семью в себе в гости и пообещал, что покажет гостю свою огромную библиотеку и подарит все понравившиеся издания.

Но вскоре Ольга уехала в Тобольск, чтобы позаботиться о больной матери. И, когда Осип уходил на службу, за детьми присматривал Лучьян и его служанки. Саша не расставалась со своей куклой Глашей, играла с ней в дочки-матери и спать клала рядом с собой. Старик читал детям сказки на ночь, рассказывал истории из своей жизни. И поневоле задумывался о том, какой Сашенька будет красивой и доброй девушкой и как повезёт её будущему мужу. Он купил для детей новую одежду: мальчику — костюмчик и рубашку, а девочку — платье и чулки. Вернувшись домой, Ольга сообщила, что мать почти выздоровела, ещё продолжает лечиться и собирается поехать на минеральные воды. Осип посетил библиотеку Лучьяна и, как было обещано, получил все понравившиеся ему книги.

Перед отъездом в Царское Село, где ему выделили помещение, старик пригласил семью пожить в своей квартире, что поначалу ошеломило супругов: как так, из каморки — и в большие, просторные апартаменты! Но они всё же перебрались, и Лучьян, предварительно посетив поместье, где всё оказалось в порядке, со спокойным сердцем собрал вещи и уехал.

«Благодатное место...» — думал Лучьян, прибывая в Царское Село. Здесь когда-то любила отдыхать императрица Екатерина Великая, здесь прошли лучшие годы детства и юности императора Александра, и сюда он порой бежал от шумной столичной жизни.

И тут создавалось закрытое учебное заведение для небольшого числа дворянских детей. Среди них был Саша Пушкин, и, ещё когда Лучьян уезжал из Москвы, Сергей Львович просил его присматривать за мальчиком и относиться к нему поосторожнее.

За лето и осень, прожитые в Царском Селе, будущие лицеисты подружились. Всего их было тридцать человек. В начале октября прошли приёмные экзамены; мальчики сильно волновались, но в конце концов все успешно сдали их.

И вот 19 октября в Екатерининском дворце состоялась торжественная церемония открытия Лицея в присутствии царя и его семейства, государственных деятелей, придворных лиц и прочей элиты. Директор и профессор выступили с приветственными речами.

Здание, в котором поселили Лучьяна, состояло из четырёх этажей. На первом жил он с инспекторами, гувернёрами и всем хозяйственным управлением. На втором находилась столовая, аптека, больница, канцелярия, конференц-зал. Третий был учебным: классы, кабинет физики, кабинет газет и журналов, библиотека, зал для отдыха и забав. Ну а последний занимали лицеисты. На дверях висели таблички с их номерами, именами и фамилиями. Комнаты разделили перегородками, в каждой была железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, рукомойник и столик, на конторке — чернильница и подсвечник со щипцами.

Кроме директора, учителей и гувернёров, здесь был надзиратель, помощник гувернёра, доктор и четыре человека при хозяйстве и бухгалтерии.

Лицеисты вставали в шесть часов утра, одевались, читали молитву. С семи до девяти — проводились учебные занятия. Потом мальчики пили чай с булкой, гуляли. С десяти до двенадцати — снова посещали класс. Затем второй раз гуляли. На обед в час дня съедали три блюда, запивали квасом и водой. После занимались чистописанием или рисованием. В три часа опять шли в класс. В пять — пили чай, гуляли, повторяли уроки, преподаватели подтягивали отставших. В половине девятого — ужинали. Насытившись, отдыхали и развлекались. И в десять — читали молитву и ложились спать.

По средам и субботам проводилось вечернее «танцеванье или фехтованье». Каждую субботу мальчики посещали баню. За ними ходило несколько дядек, чистивших сапоги, платье, прибиравших комнаты.

Домой лицеистов не отпускали, с родителями давали видеться очень редко. Но в остальном с ними обходились не очень строго:

предоставляли достаточно времени для отдыха, телесных наказаний не было, провинившегося только закрывали в его комнате на некоторое время, приставляя к двери часового. Лучьян относился к шалостям учеников спокойно и даже с юмором, и они ничуть не боялись доброго преподавателя. У каждого из ребят имелось прозвище: Пушкина называли Французом, Пущина — Жанно, Кюхельбекера — Кюхлей и так далее.

12 декабря, в день рождения императора, в лицее устроили бал с иллюминацией. Собравшиеся в зале сами выбирали из своего товарищества наиболее отличившихся в учёбе и поведении. На квартире гувернёра Чирикова прошло литературное собрание.

В те дни сложились первые строки стихотворений Пушкина, попавшие в рукописный журнал «Неопытное перо», созданный им самим, Дельвигом и Корсаковым.

Так жили лицеисты — в учёбе и забавах. А между тем наступала тревожная пора...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВТОРЖЕНИЕ

И император Александр, и многие русские люди понимали, что война с Наполеоном неизбежна. Суеверное московское общество считало её предзнаменованием появление в небе огромной мечеобразной кометы и наступление шестьсот шестьдесят шестого года со дня основания города.

Французы с лёгкостью взяли Португалию и Испанию, но её жители развернули широкое партизанское движение, подорвавшее силы врагов. А те захватили и Галицию, нарушив условия Тильзитского договора, что, конечно, насторожило русского императора. Наполеон собирался развестись с супругой и просил руки одной из сестёр Александра, но получил отказ. Впоследствии он женился на дочери австрийского императора.

В руках французов оказалась Голландия, половина Вестфалии, часть Тироля, Дания и другие территории. И только Россия оказалась для честолюбивого правителя преградой к созданию всемирной монархии... На какое-то время наступило затишье; французские и русские послы вели переговоры, ездили с поручениями от одного императора к другому.

Но вот Александр I, стремившийся к миру, потребовал от Наполеона вывести войска из Пруссии и Варшавского герцогства. Тот оскорбился и приказал своей армии атаковать русские границы без объявления войны...

Утром 12 июня 1812 года он со своими солдатами — французами, итальянцами, швейцарцами, австрийцами, венграми и другими — перешёл реку Неман. Узнав об этом, русский император попытался остановить войну, отправив Наполеону письмо, в котором предлагал провести переговоры, но тот отказался: «Я пришёл, чтобы раз и навсегда покончить с колоссом северных варваров!»

Александр I издал «Высочайший манифест» и воззвание «Первопрестольной столице нашей Москве», в которых призывал народ на борьбу с врагом. «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моём», — писал он фельдмаршалу графу Салтыкову. Вскоре император прибыл из Петербурга в Москву и появился перед народом на кремлёвской площади. «Веди нас, отец наш! — кричали русские люди. — Умрём или истребим злодея!»

Семён, написав письмо отцу и простившись с Петей, оставив его на попечение слуг, вместе с дядей Романом отбыл в действующую армию. К ней присоединились ополчения из Москвы, Калуги, Смоленска, Петербурга и Новгорода. Дворянство и купечество оказали ей материальную помощь.

В лицее тем временем приближались каникулы — в июле мальчики отдыхали. Но пришло известие о начале войны.

Учеников собрали в Большом зале, и Малиновский сказал:

— Войска Наполеона ещё только перешли границу. Но планы его велики: он хочет взять Москву и Петербург. И привёл большую армию, собранную из всех покорённых им народов...

Помолчав, он продолжил:

— Но я верю, что наши солдаты не отступят! Их любовь к Отечеству и преданность полководцам очень сильна. Русскими войсками командуют герои: Багратион, Витгенштейн, Барклай де Толли...

Ребята притихли, задумались...

Мимо Лицея из Петербурга в Москву шли русские полки. Мальчики, столпившись на крыльце, смотрели на них.

Вот с почтой принесли новый журнал — «Сын Отечества». Все собрались в газетной комнате, директор открыл его и стал читать статью «Послание к русским»:

— «Пусть поля наши порастут травой, пусть сёла наши опустеют, города наши падут в развалинах — сохраним единую только

свободу, и все бедствия прекратятся. Пусть земля наша, которую мы защищать не в состоянии, станет нам общею могилою, но мы умрём в свободном Отечестве!»

Ребята узнали, что автор публикации — их наставник Александр Петрович Куницын.

Некоторых навещали родители, привозили газеты с новостями, и мальчики читали их вслух. Все с восхищением слушали о героизме русских воинов. Сыновья генерала Раевского, участвовавшие в сражениях, были сверстниками лицеистов, и Кюхельбекер сказал:

— Как же так, они воюют — а мы здесь сидим! Нужно уходить в армию!

Он написал матери письмо, в котором подробно сообщил о своём намерении. Иван Пущин горько плакал, узнав, что его брат погиб в бою.

А назавтра пришло известие, что царь назначил нового главнокомандующего — М. И. Кутузова, пожилого, опытного полководца, которого выбрала Россия, русский народ...

К Лучьяну приехал Василий Петрович с женой, младшей дочерью (сыновья его отбыли в армию) и Петенькой, с ними — дочь Ульяны (а её сын ушёл в ополчение), профессор Юнариус и все слуги Семёна, кроме двух мужиков, оставшихся смотреть за московской квартирой. Старик передал короткое письмо от сына.

«Дорогой мой папа! — писал Семён. — Мне сейчас очень тяжело — на душе пусто... Не могу и не хочется жить без матушки моей, без Марьюшки, без Максимишны... День ото дня всё хуже и хуже... И на войну иду от безысходности — может, там найду свою смерть... Прошу тебя, позаботься о Петеньке, если сможешь...

Прощай, папенька...»

Повидавшись и поговорив с роднёй и слугами, Лучьян отправил всю компанию к себе в поместье, за которым по-прежнему смотрел Лесмян. И вскоре получил письмо от Осипа, который благодарил старика за всё и сообщал, что уезжает с семьёй в Белозерск: его отправляют по службе «с целью заготовить места для хранения разных сокровищ, которые хотели вывезти из Петербурга... на случай, если бы французы проникли» туда.

Каждый день мальчики собирались в газетной комнате и отмечали флажками на карте России линию фронта. Всё ближе и ближе к Москве подходили войска Наполеона...

— А посмотрите, как похожа эта линия на раскрытую пасть разъярённого льва! — заметил однажды Куницын. — Наполеон сильно рискует, засовывая в неё свою голову. Так что не падайте духом, господа. Не выдержит их армия здесь, вот увидите... Они вдали от своей родины, да ещё и зима скоро, холодная, суровая. И, самое главное, наших ведёт Кутузов. Так что эвакуации не будет. Мы останемся в Царском Селе и продолжим занятия.

Через несколько дней лицеисты услышали о подмосковном селе Бородино, возле которого произошла великая битва. В ней погибло более сорока тысяч русских солдат. У Лучьяна сжималось сердце от тревожного предчувствия, и не напрасно: в том сражении участвовал и был тяжело ранен Семён.

Бог миловал его в боях под Смоленском, хотя он и дрался в первых рядах. Оттуда русские отступали к Вязьме, оставив догоравшие развалины города.

17 августа в деревне Царёво-Займище Михаил Илларионович Кутузов провёл смотр войск. Располневший и постаревший, седой, с чёрной повязкой на глазу, он с братской любовью оглядывал бойцов в зелёных мундирах. Семён с волнением наблюдал за генералами — Барклаем де Толли, Ермоловым, Раевским, Багратионом...

— И как с такими молодцами отступать!.. — произнёс Кутузов, довольный бодрым и бравым видом молодых и пожилых солдат. «Приехал Кутузов бить французов!» — эта фраза, ставшая крылатой, облетела русские войска.

До полудня армии подошли к селу Бородино, что находилось в ста двадцати верстах к юго-западу от Москвы, и здесь Кутузов решил дать бой, хотя и понимал, что разбить французов не удастся: русских было в четыре раза меньше. Он хотел пока лишь подорвать мощь врага.

У села Шевардина начали сооружать редут, но достроить его не успели — появилась конница маршала Мюрата и солдаты генерала Компана. Русские канониры смело держали оборону и падали под ударами сабель... Благодаря их мужеству Кутузов смог не только расположить армии в соответствии с планом, но и укрепить позиции на левом фланге, соорудив там искусственные

земляные укрепления для артиллерии и для укрытия пехоты — так называемые флешы.

26 августа состоялось крупное, кровопролитное сражение под Бородино. Оно началось в шесть часов утра с выстрелов пушек с обеих сторон. Стремительно налетев на русских, французы потеснили их центр и левое крыло — Баркляя и Багратиона. Они сметали одних солдат, но на смену им выдвигались другие. Багратионовы флешы и Семёновские высоты были взяты. Потом противники с огромным трудом взяли батарею Раевского, но её отбили. Русскую линию прорвали.

Ядра свистели над головами сражавшихся. Грохот пальбы из пушек оглушал. «...Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых... — вспоминал участник битвы генерал-майор Н. Н. Муравьёв. — Картина ужасная! Стон и вопль смешивались со свистом перелетавших ядер и лопавшихся гранат. Истребление человеческого рода на сём месте изображалось во всей полноте, ибо ни одного целого человека и необезображенной лошади тут не было видно...» Французы несколько раз пытались взять батарею Раевского, но безуспешно. К шести часам вечера бой стал утихать.

В это самое время Семён был ранен в плечо и упал с лошади. Пополз через груды тел куда-то наугад, и чем дальше двигался, истекая кровью, тем больше затуманивалось его сознание. Совсем неподалёку взорвалось ядро, и он, оглушённый, ткнулся лицом в землю... И так остался лежать среди груды тел, полумёртвый, в крови...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ИЗГНАНИЕ

Очнувшись, Семён увидел, что лежит в какой-то маленькой, тёмной, прохладной комнатке, на матрасе, с перевязанной головой и плечом, а рядом стоит кувшин с водой. Потом обратил внимание, что кто-то передел его в простую крестьянскую рубаху и портки. Он попробовал приподняться, но не смог — очень ослаб.

Вот что-то скрипнуло, в комнатку прорвался луч света. Только теперь Семён понял, что находится в погребке — видно, его здесь спрятали от французов. К нему спустилась по лестнице совсем молоденькая девушка, лет шестнадцати, не больше. Она была очень хороша собою: светлые волосы и такое же светлое личико с большими зелёными глазами, и взгляд — по-детски наивный.

— Очнулся... Потерпи немного... — прошептала красавица, заново перевязывая его.

Он смотрел на неё мутным взглядом.

— Тебе надо покушать, — сказала она, подавая принесённую с собой миску. — Ты много крови потерял, почти два дня был без сознания...

— Не могу... Сил нет, — признался Семён и опустил голову.

Девушка приподняла его и стала кормить с ложки похлёбкой. Он был совсем бледным, дышал тяжело.

— Кто ты, как тебя зовут?

— Люба, Любушка я. Ложись теперь, тебе надо ещё отдохнуть, поспать...

— Спасибо, Любушка... Спасибо...

Он прилёг и задремал, а Люба получше укрыла его лоскутным одеялом и оставила отдыхать.

На следующее утро Семён проснулся уже в хорошем самочувствии, сил у него прибавилось, и поначалу он лежал, вспоминал недавние события и думал, что же делать дальше, а потом решил лезть наверх. Но тут Люба появилась сама — проворно слезла к нему вниз.

— Я ещё раз перевяжу тебя, — сказала она, держа в руках куски белой материи.

— Что же вы, простыни... мне на бинты? — прошептал он.

— Тссс... Лежи спокойно, — велела Любушка, ловко перевязывая его.

Она теперь казалась ему особенно красивой, всё было в ней прекрасно — и светлые волосы, и большие глаза, и шея, и белые натруженные руки...

— Как я сюда попал? — спросил он.

— Мои братья-мальчишки тебя принесли. Они наблюдали битву из-за рощи. Сколько людей погибло! Целая гора тел лежала. После боя ребята подошли поближе, заметили, что ты шевелишься, и забрали тебя...

— Вы мои спасители... — ответил он, с благодарностью глядя в её зелёные глаза. — А где ваши родители?

— Матушка в поле, урожай убирает, подальше от французов, их ведь много прибыло, и всё тут рядом околачиваются... — вздохнула Люба. — А батюшка ушёл в ополчение.

— А наши солдаты где? Неужели всех перебили?

— Ушли они, ушли назад... А французы на Москву идут. Может, уже и добрались...

До прихода матери Любы молодые люди успели много рассказать друг другу о себе. Семён расспросил её о семье — оказалось, что всего их шестеро детей, Люба — самая старшая. Потом она узнала о его жизни, о бедах, от которых он никак не мог оправиться.

Оба вылезли из погреба, и, когда все пришли с поля, Семён познакомился с хозяйкой Василисой Матвеевной, её сыновьями и младшей дочерью, поблагодарил мальчиков за спасение. За ужином мать заметила, как Люба и молодой человек поглядывают друг на друга, и всё поняла.

А на другой день, окрепнув совершенно, Семён собрался в путь — к партизанам, а затем — снова в армию. Любушка с матерью дали ему с собой еды. Прощаясь с девушкой, он сказал:

— Если останусь жив — отыщу тебя и женюсь. Хочешь ли ты, чтобы я вернулся?

— Возвращайся, — ответила она, — и поскорее.

Они обнялись. Потом Семён взял пожитки и глухими тропами стал пробираться к Звенигороду.

На совете генералов, состоявшемся 1 сентября в деревне Фили, Кутузов, теперь уже генерал-фельдмаршал, выслушав всех присутствовавших, принял решение оставить Москву без боя и временно отступить, чтобы сохранить и пополнить армию. «С потерю Москвы не потеряна ещё Россия», — сказал он. Было велено уничтожить в городе склады боеприпасов и провианта.

Всё правительство, кроме Сената, перенесли в Казань, и туда же переехали учебные заведения и перевезли казённые вещи. Руководил этим генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин. С начала войны он выпускал объявления для народа на простом языке, призывая отстаивать Отечество.

Во многих московских домах делали перевязочные материалы. Когда привезли первых раненых, горожане позаботились о них. Вскоре многие семьи стали уезжать; обозы заполнили дороги.

2 сентября на рассвете русские войска вошли в Дорогомиловскую заставу, миновали город и вышли у Коломенской. Жители, уходя из Москвы, стали поджигать свои дома, чтобы врагу не досталось ничего. Пожар разгорелся сильный. Люди, глядя на

заревом, крестились и говорили: «Горит родная мать наша, как свеча перед Богом».

В обед к Дорогомиловской заставе подъехали французы. Наполеон долго ждал депутатов с ключами от города, но так и не дождался. Наконец ему сообщили, что все высокопоставленные лица, всё дворянство и народ покинули Москву. Казалось бы, он взял город, но ничего хорошего его здесь не ждало... Пламя охватило всё — церкви, дворцы, дома жителей, сады, мосты и суда на реках; ветер разбрасывал по улицам горящие головни. Наполеон, стоя на балконе Кремлёвского дворца, с тревогой и тоской глядя на пожар, воскликнул: «Москвы нет более. Я лишился награды, обещанной войскам!.. Русские сами зажигают!.. Какая чрезвычайная решимость! Что за люди! Это скифы...» Вскоре он покинул Кремль, к которому тоже подобрался огонь, и отсиживался в загородном Петровском дворце до 9 сентября, пока пожар окончательно не утих.

Французские солдаты, которым император позволил грабить город, тем временем уносили имущество из храмов, дворцов и богатых домов, отбирали у жителей последнее, мучили измождённых людей. Из дома Василия Петровича забрали все ценные вещи, картины, которые он так долго собирал. Квартира Лучьяна, его библиотека с раритетами стали для врага одним из лакомых кусков; двое верных слуг старика, вооружившись, попытались оказать сопротивление французам и были убиты.

Наполеон долго не знал, где находится русская армия. До 20 сентября русские отступали, наконец остановились у села Тарутина, в восьмидесяти верстах к юго-западу от Москвы.

Там они построили лагерь из шалашей и землянок — между рекой Нарой, оврагом и лесом. Приходили из окрестных селений крестьяне, просили дать ружья с патронами для защиты от неприятеля, прибегали мальчишки за пистолетами. Лагерь быстро заполнялся солдатами. В числе других туда прибыл и Семён, знавший от партизан о передвижении русской армии. Кутузов заботился о её пополнении, обучении личного состава и обеспечении всем необходимым. За месяц с небольшим она увеличилась более чем вдвое.

Одновременно генерал-фельдмаршал разворачивал партизанскую войну в тылу врага, поставляя оружие крестьянам и создавая специальные летучие отряды для разведки и нападений на противника. 24 августа Денис Давыдов учредил первый партизанский отряд, и вслед за ним появились другие: казачьи, кавалерийские, мелкие, сборные, пешие и конные, мужицкие,

помещичьи и прочие. Но переходить в открытое наступление Кутузов не торопился, зная о бедствиях французов в Москве.

Там наступил страшный голод: большую часть припасов уничтожил пожар, а остальное утопили в реке жители. Отряды французов выдвигались в окрестные селения за продовольствием, и по дороге на них нападали партизаны, так что захватчики с трудом могли отъехать даже на пять вёрст от города. Они вынуждены были есть павших лошадей, кошек и ворон. Наполеон отправлял к Александру I послов с предложением мира, но ответа так и не получил.

6 октября состоялось сражение при Тарутине, где русские разбили французов. А на другой день Наполеон с войсками отбыл из Москвы, приказав маршалу Мортье взорвать Кремль и поджечь правительственные здания и казармы, и некоторые из них выгорели. Начавшийся дождь помешал французам исполнить всё задуманное, но жители и без того сильно пострадали.

Узнав об уходе врагов из Москвы, Кутузов обратился к образу Христа Спасителя: «Боже, Создатель мой... Наконец Ты внял молитве нашей... С сей минуты Россия спасена...»

На обратном пути захватчиков били русские партизаны и войска. Все — и солдаты, и крестьяне, и старики, и молодые люди, и даже женщины с детьми — стремились поскорее изгнать их всеми способами. 12 октября произошло долгое и кровопролитное сражение у Малоярославца Калужской губернии, в котором неприятель был разгромлен.

19 октября утром лицеисты заметили: профессора чем-то радостно взволнованы. И вот ребят пригласили в Большой зал.

— Друзья мои, сегодня, в первую годовщину нашего Лицея, получено долгожданное известие, — радостно объявил директор. — Наполеон покинул Москву!

Мальчики, счастливые, заулыбались, некоторые прижались к Лучьяну, которого очень полюбили, и директор тоже обнял стоявших рядом.

Замёрзшие, голодные, французы уже не шли, а бежали из России. Партизаны, появляясь часто и внезапно, крушили остатки их армии.

Наполеон отступал через Вязьму, Дорогобуж, Смоленск и Красный, а Кутузов шёл через Медынь, Быков, Ельню и Красный — южной, более короткой дорогой. Несколько сражений близ

Вязьмы и у Красного окончательно решили исход дела в пользу русских. Они взяли огромное количество пленных. Врага били партизаны, казаки, лёгкая кавалерия, крестьяне. До Смоленска добралась лишь половина вышедших из Москвы французов.

Овладев Полоцком и победив в битве при Чашниках, русские приблизились к реке Березине, почти догнав Наполеона. Тот так спешил, боясь оказаться в плену, что покинул свою армию и уехал в Париж. А русские 28 ноября легко взяли Вильну, захватили трофейное оружие, съестные припасы и военные вещи. Французы три дня спустя перешли пограничную реку Неман и покинули Россию.

11 декабря Александр I прибыл в Вильну и там встретился с Кутузовым, который подготовил рапорт о спасении Отечества. Император наградил фельдмаршала званием князя Смоленского и орденом Святого Георгия I степени. А на другой день правитель поблагодарил свою армию в лице генералов, с которыми увиделся. «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу», — сказал он. Состоялся бал, на котором перед государем повергли трофейные французские знамёна. Наградив командиров, он учредил для участников войны серебряную медаль «В память Отечественной войны 1812 года» с изображением Всевидящего Ока и даты «1812 годъ» на лицевой стороне и надписи «Не намъ — не намъ — а имени Твоему», взятой из Псалтири, на обратной стороне.

Её получил и Семён. Измученный битвами и уставший, он был всё же счастлив, вспоминая о Любушке, которую ему не терпелось вновь увидеть... В Вильне находился и его дядя Рома, и брат по матери Марк. Позже стало известно, что один брат покойной Маши погиб в плену у французов, а другой вернулся с войны живым.

21 декабря Кутузов обратился к армии с приказом перейти границу и победить неприятеля на его земле, не прибегая к мести за содеянное зло и бесчинства и хорошо обращаясь с мирным населением. А через четыре дня Александр I издал Манифест «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД

В конце декабря Лучьян, отпросившись у Малиновского и спросив согласия профессоров, преподавателей и лицеистов, уехал в Москву. Он прибыл в обгоревший, разрушенный город, в разграбленную и сожжённую квартиру, где нашёл тела своих верных слуг. И на другой день похоронил их, и долго ещё пребывал в скорби...

Так на родном пепелище старик встретил новый 1813 год. Месяц ушёл на восстановление жилья; в это время Лучьян узнавал о нуждах пострадавших и помогал им чем мог. Люди возвращались в Москву, в свои дома, сгоревшие, разрушенные и разграбленные варварами, отстраивали их, приводили в порядок хозяйство. Потом приехал Василий Петрович — и от пережитого горя — смерти дочери и сына, кражи картин, которые он собирал много лет — стал сходить с ума...

Лучьян вернулся в Петербург, там побывал в своей квартире и в поместье. Семья Осипа уже вернулась из Белозерска. Саша сделалась настоящей красавицей, аккуратной, опрятной, вежливой и скромной. Мальчики — Петенька и Тимоша — подросли, вытянулись вверх, и подстригли их одинаково — под горшок; оба болтали без умолку, особенно когда встречались друг с другом на квартире. Ольга Тимофеевна ждала ещё одного ребёнка.

Саше исполнилось восемь лет, но она ещё не знала грамоты, и Лучьян отдал девочку в пансион госпожи Миллер. Там её за четыре месяца научили читать по-русски, по-французски и по-немецки. Потом бедняжка два года проболела чахоткой, которую с большим трудом смог вылечить Юнариус с двумя ассистентами.

В одной из бесед с доктором Лучьян узнал о его дальнейших планах — тот решил остаться жить в России.

— Здесь просто необыкновенно хорошо, — сказал он. — Страна бедная, неразвитая, но как же тут тихо, спокойно — вдали от всей этой цивилизации...

— Поэтому и я когда-то сбежал сюда насовсем, — ответил Лучьян. — Да и брату моему здесь, как вижу, лучше живётся — теперь узнаю в нём прежнего Лесмьяна.

Русские войска перешли границу и соединились с прусскими. В середине января они взяли Варшаву, в конце февраля — Берлин, в начале марта — Гамбург, после вступили в Силезию, и всюду их ожидал очень тёплый приём.

Но вскоре всех омрачило известие о кончине славного вождя армии — Кутузова... В начале апреля он сильно простудился и не смог оправиться от болезни... Фельдмаршал умер в прусском городке Бунцлау, оттуда его тело перевезли в Петербург и захоронили в соборе Казанской Божией матери. Некоторое время русские войска отступали; они проиграли сражения при Лютцене и Бауцене и отошли к Эльбе.

Понимая, что противник вот-вот войдёт в его земли, Наполеон всё же не собирался сдаваться и продолжал драться с ним. А союзники один за другим перешли на сторону России и Пруссии: австрийский император, баварский и вюртембергский короли, великий герцог баденский... Русские и австрийцы начали наступать и победили французов в сражении под Кульмом.

Возле Лейпцига многочисленное войско, собранное Наполеоном, встретилось с ещё более крупной армией противника. Три дня шло сражение: гремели пушки и пятьсот тысяч воинов дрались на небольшом клочке земли. В той битве Семён был два раза ранен: одна пуля прошла навывлет через кисть руки, другая — застряла в плече, и потом в лазарете её вытащили. Союзники разгромили французов и обратили их в бегство. Так же закончилось и следующее сражение — при Ганнау. После этого Наполеона оставили последние подвластные ему правители.

В первый день нового 1814 года перешли Рейн русские войска, несколькими днями позже — союзные. Теперь они были на территории Франции.

Здесь даже народ в большинстве своём встал на сторону Александра I, а не Наполеона, к которому потерял всякое доверие. Новый главный начальник войск союзников — австрийский фельдмаршал князь Шварценберг — оказался человеком беспечным и нерешительным, и наступление замедлилось. К тому же защитники французской столицы под предводительством маршалов Мармона и Мортье дрались яростно и взятие города оказалось делом нелёгким.

...Но вот настал знаменательный день — 19 марта 1814 года, — когда русские и союзные войска вошли в Париж. Горожане восхищённо смотрели на русского императора и его армию и кричали: «Да здравствует Александр! Да здравствуют русские!» Бравый вид офицеров и солдат, их весёлость завораживали и пленяли местных жителей...

Французский престол вернули законному королю — Людовику XVIII. Был заключён всеобщий мир, по которому Франция получила те самые границы, что имела до 1791 года, а все государства, пострадавшие от власти Наполеона, получили компенсацию.

30 августа 1814 года Александр I издал манифест «Об избавлении державы Российской от нашествия галлов», в котором благодарил свой народ за подвиги во имя Отечества.

В сентябре Семён с большинством русского войска вернулся на родину, а дядя Роман с другими офицерами остался в Вене на время конгресса.

С огромным волнением Семён подъезжал к селу Бородино, где два года назад нашёл своё счастье. Любушка ждала его и хотела увидеть так же, как и он её. За ужином глава семьи Андрей Иванович ещё присматривался к молодому человеку, а после благословил их со своей дочерью на брак. Они отбыли в Москву, где им предстояло сделать ремонт в квартире и подготовиться к свадьбе.

Вскоре Лучьяну пришло от Семёна письмо, в котором тот сообщал, что собирается жениться, приглашал на свадьбу и просил благословения. Трудно передать, как обрадовало старика это письмо: его сын жив, здоров, да ещё и собирается жениться снова! «Господи, пошли им счастья, чтобы много лет они жили душа в душу...» — думал Лучьян. Он благословил Семёна в ответном письме, но приехать на свадьбу не смог — опухла стопа, и пришлось неделю пролежать в постели.

На свадьбе собралось мало народа — семья невесты и некоторые друзья жениха. А вскоре после праздника случился скандал между Семёном и Василием Петровичем, воспитывавшим Петеньку — дедушка не хотел, чтобы тот жил с мачехой, и отцу пришлось силой забрать его. Мальчик, темноволосый, кареглазый, стал так похож на мать...

В канун нового 1815 года сын, невестка и внук сами навестили Лучьяна и сообщили радостную весть: Любушка ждала ребёнка.

На Венском конгрессе были удовлетворены нужды европейских государств: некоторым вернули прежние границы, некоторые восстановили в своих правах; Россия получила за жертвы в войне герцогство Варшавское под названием царства Польского. Она с Пруссией и Австрией создала Священный союз для контроля за международным порядком.

Тем временем Наполеон, сосланный на Эльбу, бежал оттуда и даже вновь стал собирать армию, но был разбит английскими и прусскими войсками. Он отказался от французского престола и провозгласил императором своего сына — Наполеона II. И его до конца жизни отправили на остров Святой Елены.

Во время конгресса в Вене непрерывно шли праздники, проводились балы и вечерние собрания. На одном из ужинов Роман выпил столько вина, что организм не выдержал,

остановилось сердце... Его тело привезли в Россию, и похоронили на кладбище возле поместья Молодцова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ

Чем дольше они были вместе, тем больше Лучьян проникался проблемами лицеистов, их мыслями и идеями. Они оказались ребятами толковыми, остроумными, талантливыми.

Саша Пушкин знал Лучьяна с младенчества и поэтому, конечно, ничего от него не скрывал и считал своим человеком. А тот всё больше убеждался, что талант у мальчика — безграничный и неугасаемый. Однажды Саша рассказал старику, как гувернёр и гувернантка нашли его тетрадь с первыми пьесками и баснями, стали читать и назвали творчество ребёнка вздорным, посмеялись над ним — и тогда он сжёг рукопись в печи. Лучьян посоветовал не слушать их и никогда не уничтожать своё творчество, как бы ни критиковали его другие. И юный поэт, для которого каждое слово наставника было на вес золота, воодушевился сказанным.

Он читал старику свои первые стихи, и тот велел ему продолжать писать и делиться произведениями с публикой. И вот в июле 1814 года в «Вестнике Европы» было напечатано стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» — его первая публикация. Он признавался, что видит стихи даже во сне.

В марте 1814 года на сорок девятом году жизни скончался Малиновский. На похоронах, состоявшихся на Охтинском кладбище, присутствовал министр народного просвещения Разумовский, все служащие лицея и некоторые ученики.

Первое время после этого должность директора занимал австрийский профессор Гауеншильд — хитрый и скрытный человек, запомнившийся мальчишкам тем, что всё время жевал лакрицу. Потом на директорском месте временно оказался инспектор полковник Фролов — строгий, но не злой. Последним же директором стал писатель и педагог Егор Антонович Энгельгардт — добродушный, честный и благородный.

Лицеисты писали эпиграммы на преподавателей, с которыми конфликтовали. Иван Кузьмич Кайданов, историк, застал однажды Пушкина за чтением другу такого четверостишия и сказал: «Не советую вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать её. И вы, Пущин, не давайте волю язычку». Кроме того, мальчишки рисовали карикатуры — например, как толпа профессоров ползёт за милостями к Разумовскому.

Об одном курьёзном случае узнал сам император. Саша

Пушкин, приняв в потёмках пожилую фрейлину — княжну Волконскую — за её горничную Наташу, хорошенькую, милую девушку, поцеловал старушку. Она сильно возмутилась и даже пожаловалась Александру I, но прощение удалось выпросить с помощью извинительного письма. Узнав об этой истории, Лучьян со смехом сказал, что здесь пострадал мальчик, а не фрейлина.

«Мы, то есть я, Малиновский и Пушкин, затеяли выпить гогельмогелю, — вспоминал Иван Пуцин в своих мемуарах „Записки о Пушкине“. — Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, а именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный губернёр заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот после ужина всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же началисьпросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты».

Приехал Разумовский, и мальчикам сделали строгий выговор и постановили:

«1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы;

2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению; и

3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора в чёрную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске».

Но второй пункт со временем отменили, а третий и даже не вступил в силу.

Видя пирушки своих учеников, слыша звон чаш, Лучьян никак не протестовал и, конечно, никому не рассказывал об этом, но мягко предупреждал ребят, чтобы не пристращались к хмельным напиткам.

Полиция раскрыла несколько убийств, совершённых лицейским дядькой Константином Сазоновым. Публику известили: «Взят под стражу здешнюю городскую милицией служитель Лицея из вольноопределяющихся Константин Сазонов за учинённое им в городе Царское Село смертоубийство, в коем он сам сознался».

Мальчики во главе с Николаем Корсаковым стали издавать рукописный журнал «Лицейский мудрец». На первой его странице писали: «Печать дозволяется. Барон Дельви́г». А ниже: «В типографии Данзаса». И обещание: «Лицейский мудрец будет прилагать все старания свои, чтобы принести вам удовольствие». В журнале были стихи, эпиграммы, рассказы «О Наполеоне», изящная словесность, карикатуры и другое.

Пришло известие о приезде в лицей Гавриила Романовича Державина, и учитель словесности Галич велел Пушкину написать стихи, чтобы прочитать их перед великим поэтом. Разумовский устроил репетицию, на которой Саша прочёл «Воспоминания в Царском Селе».

Много важных лиц приехало на встречу с Державиным. И вот появился он, облачённый в мундир. Сначала шёл экзамен — проверка того, чему лицеисты выучились за время учёбы. Именитый гость мирно дремал, а когда стали читать и хвалить его стихи, пробудился.

«Наконец вызвали меня, — вспоминал Александр Пушкин. — Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Затем в честь гостя устроили торжественный обед. Позже тот скажет, что «скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который ещё в Лицее перецеголял всех писателей».

«Я сделал ещё приятное знакомство! с нашим молодым Пушкиным, — рассказывал поэт Василий Андреевич Жуковский в письме к П. А. Вяземскому. — Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности». Пушкин брал у Жуковского уроки стихосложения, но позже тот подарит ему свой портрет с фразой на оборотной стороне: «Победителю-ученику от побеждённого учителя».

Много наслышанный о сыне Лучьяна Руслане, который был прототипом Еруслана Лазаревича из сказки, Саша сделал его героем ещё одного произведения — поэмы «Руслан и Людмила». Здесь главный герой представлял таким же, каким являлся и на самом деле — смелым, благородным, доблестным воином, стремящимся совершить подвиг. Лучьян читал поэму уже после

выпуска лицеистов, в Москве — вместе с Семёном и его детьми, — и вспоминал далёкое, мрачное время. То были

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

— а как живо отозвалось в душе далёкое прошлое, родное прошлое!

В Лицей приезжал и Карамзин. «Пари, орёл, но не останавливаясь в полёте», — сказал он Пушкину. Тот уже стал членом молодого литературного союза «Арзамас», который вёл борьбу за просвещение; в нём состояли Жуковский, Вяземский, дядя Саши — Василий Львович. «Сказать правду, — писал Николай Михайлович своей жене, — здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть».

По заказу двора Пушкин написал стихотворение к торжеству, за это императрица подарила ему золотые часы с цепочкой.

Ребята составили сборник своих стихотворений, который называли «Духом лицейских трубадуров».

В мае 1817 года прошли выпускные экзамены Царскосельского лицея: проверили знания учеников по латинскому языку, разным словесностям, географии, истории и другим предметам.

Были напечатаны аттестаты учеников. Большую золотую медаль вручили Владимиру Вольховскому, вторую золотую — Александру Горчакову. 9 июня 1817 года в присутствии императора состоялась церемония выпуска первых двадцати девяти лицейских воспитанников. Они получили разные чины в армии, в гвардии, в коллегиях согласно своим успехам в учёбе.

Лицейский хор спел прощальную песнь на слова Дельвига: «Шесть лет промчались, как мечтанье...». Затем директор надел юношам на пальцы чугунные кольца в честь их крепкой дружбы. И напоследок прозвучала лицейская клятва: «...и последний лицеист один будет праздновать 19 октября...».

Выпускникам не хотелось расставаться с добрым своим наставником Лучьяном, они проговорили всю ночь накануне прощания, и старик успокоил ребят, сказав, что разлучается с ними не навсегда — все знали, где находится его поместье и квартиры в Петербурге и в Москве, куда он теперь направлялся...

— Приезжайте ко мне в любое время, и, если даже меня не окажется дома, мои слуги примут вас с большим теплом, накормят и напоят, предоставят ночлег...

Юноши обступили Лучьяна, и он обнял и поцеловал каждого из них.

«В тот день, — вспоминал Пущин в „Записках о Пушкине“, — после обеда, начали разъезжаться; прощаньям не было конца. Я, больной, дольше всех оставался в Лицее. С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уже не застал его, когда приехал в Петербург».

Лучьян побывал в петербургской квартире, где по его просьбе жил Осип с семьёй, расспросил об их нуждах, узнал, что всё у них благополучно. Саша хорошела с каждым днём, и старик теперь вновь залюбовался ею — прекрасным юным цветком... Она вновь обучалась в пансионе, была прилежной и старательной.

— Поеду навещу Семёна, — сказал ей Лучьян. — Давно его не видел... И Петеньку, и Любочку... Но спокоен теперь за сына — у него жена хорошая, заботится о нём. У них ещё один мальчик родился, уже третий... Чем смогу — помогу им, с маленькими детьми трудно ведь, хоть это и счастье...

И он поцеловал девочку. А на другой день на бричке отбыл в Москву.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. СЕМЬЯ СЕМЁНА

Семён очень изменился за два года: пополнел, отрастил пышные бакенбарды. Он так отремонтировал квартиру, что было любо-дорого посмотреть: стены оклеены узорчатыми обоями, сложена новая печь, куплена удобная мебель... Самую просторную комнату сделали детской. Там находились старые шкаф и комод, кровати мальчиков, коврики, детский стульчик, умывальник, шкаф для белья, письменный стол и этажерка для книг. На стульчике сидели Созон или Андрюша, когда мать кормила их.

Любовь сама заботилась о детях, воспитывала, и кормилицей им была она. Пожилая няня — Дарья Ивановна — вместе с хозяйкой мыла детей, водила гулять, присматривала за ними, когда мать отлучалась. Молоденькая горничная Леночка убирала комнаты, помогала Любове стирать и чистить одежду. Бабушка Василиса Матвеевна, часто навещавшая внуков, привозила им сшитые ею тёплые носки, варежки, шарфики.

Когда приехал Лучьян, Андрюше было три месяца. Он плакал часто, даже когда уже поел и справил нужду, не унимался и во время качания на руках или в люльке. Дедушка понял, что у него что-то болит, и привёл докторов, которые осмотрели малыша, объяснили, какие лекарства и когда давать, как ставить компресс. Лучьян стал каждый день гулять с детьми, научил сноху правильному пеленанию — более свободному.

В один из вечеров он и Семён сидели у камина, разговаривали.

— Какая Любочка хозяйственная, простая, добрая!.. — сказал Лучьян. — Береги её как зеницу ока... Ну а Петенька, он привык к новой маме?

— Привык, — ответил Семён. — Я поначалу боялся, что он невзлюбит мачеху — а она сама с таким добром к нему отнеслась, с такой заботой, что он сразу мамой её назвал. Петька беспокойный, ты сам видишь, озорничать любит, а когда попадается мне под горячую руку — она тут же за него заступает. И каждый вечер перед сном обязательно целует его.

— Видишь, как всё хорошо сложилось... А ты жить не хотел. И мне, старику, радостно, что у вас тут благодать...

Теперь Семён чувствовал себя счастливым. Хотя и трудности, и неприятности были на службе, и Василий Петрович постоянно донимал его — этого он тоже не утаил от отца.

— Что ему нужно от тебя? — спросил Лучьян.

— Свести меня в могилу — вот что ему нужно... Раньше он навещал Петеньку и всё говорил мне, что я предал покойную супругу, женившись ещё раз. И как-то пришёл сильно пьяный и затеял драку; я вытолкал тестя на улицу и велел слугам не пускать его больше сюда. Так он стал видаться с Петенькой, когда тот гулял, и говорить всякие гадости про меня... И постоянно подбрасывает нам под дверь записки с угрозами...

— У него не в порядке с головой. Ты не беспокойся, я поговорю с ним.

На следующий день Лучьян отправился к Василию Петровичу. И дома у него узнал от собравшихся людей, что хозяин накануне удавился. Напился до состояния белой горячки и наложил на себя руки...

Лучьян помог Головлёвым с похоронами и дал им денег на разные нужды.

Так шла дальше жизнь старика — тихо, размеренно, рядом с любимыми внуками, в которых он души не чаял... Через год после его приезда Любовь родила ещё одного мальчика, которого назвали по святцам Коленькой.

Родители относились к детям с такой же добротой и заботой, какую сами получали в детстве. Мать почти всё время проводила с ними, и отец общался и игрался с сыновьями, когда приходил со службы. Он казался строгим, но на самом деле был добросердечным и чутким человеком. От детей не скрывали его служебные дела, успехи и неудачи, при мальчиках Любовь могла поругать Семёна, они могли даже повздорить, но обязательно тут же мирились.

Игрушки у ребят были такие же, как и в других дворянских семьях — солдатики, лошадки-качалки, луки и стрелы и так далее. Мальчики любили подвижные игры — горелки, жмурки, чехарду. Иногда играли в тройку лошадей: Петька ставил в детской три стула, привязывал к ним верёвки и вместе с малышами дёргал за них, цокая языком, как кони — копытами...

Лучьян посещал с сыном званые обеды и вечера и там увиделся с его старыми друзьями, познакомился с новыми. Больше всего Семён общался с братом по матери Марком, Денисом Давыдовым, Вингором Вирсоном и Михаилом Загоскиным.

Военная карьера Марка и Семёна развивалась довольно успешно: первый был поручиком, а второму дали уже чин полковника; оба служили честно и добросовестно, и командование и сам император возлагали на них большие надежды.

Денис Давыдов, несмотря на неприятности (у него отняли чин генерал-майора, потом всё-таки вернули), тоже легко продвигался по службе, стал начальником штаба одного из русских корпусов. Лучьян и Семён присутствовали на его свадьбе — он женился на Софье Чирковой, девушке миловидной, скромной и очень умной.

Вингор Вирсон — муж сестры покойной Маши — был высоким, статным молодым человеком с прекрасным голосом, он выступал в опере, и Лучьян с Семёном не раз посещали его концерты. Когда Семён стал говорить о творчестве отца Вингора, писателя Карла Вирсона, Лучьян перебил сына:

— Я даже не слышал о таких произведениях... Ты говоришь, они издавались?

— Да, но Карл родом не из России, — ответил Семён. — Знаешь,

откуда он? Из Лаконии.

Лучьян стал что-то припоминать...

— Из той страны, где вы когда-то жили с Джованни и его семьёй,
— продолжал Семён. — Где правил царь Дормидонт.

— Подожди, как же это возможно? Как Вирсоны сюда добрались?

— Не знаю... Мне кажется, здесь не обошлось без профессора Юнариуса. Он ведь их хороший друг. И, главное, сам прилетел издалека...

Молодой писатель Михаил Загоскин совсем недавно переехал из Петербурга в Москву. Во время войны он состоял в ополчении. Несколько лет жил в Петербурге, где написал несколько пьес. Последним местом его службы была Императорская Публичная Библиотека. Интерес к истории Отечества, к минувшей войне сплотил Михаила и Семёна и сделал их верными друзьями.

Вскоре из Англии приехал Генри Смолоз. Две ночи они с Семёном пили вино и беседовали, потом отправились в английский клуб, где пристрастились к карточным играм. Но после нескольких визитов мужа туда Любовь прекратила его ночные посиделки.

Лучьян собрался ехать в своё поместье под Петербургом, но Семён и Любовь стали уговаривать его пожить у них ещё. И не зря уговаривали... Через некоторое время они заметили, что с ним что-то не так: по ночам он не спал, сидел на кровати, весь в поту, бледный, кашлял, прикрываясь рукой. Сноха готовила ему отвары, давала лекарства, но ничто не помогало — старик уже задыхался от сухости во рту...

Семён вызвал врачей, они осмотрели его, расспросили о самочувствии, и один доктор сказал:

— Цвет лица у вас синеватый... Видно, что-то с сердцем.

У Лучьяна была высокая температура, и что-то сдавливало грудь, и дышать становилось трудно. Узнав об этом, врачи сразу же забрали его в больницу.

— Не волнуйтесь, — сказал он встревоженным внукам, — дедушка подлечится и вернётся...

А сам уже сомневался в том, что останется жив...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ЛЕЧЕНИЕ

Лучьян целые дни лежал в палате, глядя на мелькавшие белые халаты врачей, слушая крики, хрипы, стоны больных... Семён и

Любовь навещали его каждый день.

Прибывший вскоре Юнариус осмотрел старика, взял у него кое-какие анализы. С их родины прибыла команда опытных докторов, и на общем совещании решили делать Лучьяну операцию.

— Как и предполагалось, у вас больное сердце, — сказал ему Юнариус, когда они остались наедине. — Но эта операция даёт большую надежду не только на дальнейшую жизнь, но и на выздоровление.

Доктор помолчал, с тревогой посмотрел на Лучьяна и продолжил:

— Как же я хочу вылечить вас... Там, на нашей родине, одна власть сменяет другую, и ваше имя осталось в прошлом для большинства, но не для меня. Вы были моим кумиром с детства, я собирал ваши фотографии, доставал ваши книги, конспектировал их... И по сей день горжусь знакомством с вами — величайшим политиком, учёным всех времён и народов, военным деятелем, спасителем Солнечной системы... И я не дам вам умереть.

Он поцеловал старику руку и вышел из палаты.

На другой день Лучьяна раздели и доставили в операционную. Там ему привязали руки и ноги, дали лекарство, и он заснул... Был уверен, что уже не проснётся, но после очнулся в светлом кабинете. Два дня ничего не ел и почти не пил. Юнариус каждый день осматривал его и брал анализы.

У Лучьяна пропал аппетит, он стал рассеянным. При выписке из больницы Юнариус взял старика под свой контроль, назначил лекарства и перевёл пациента на растительную пищу, написав список продуктов, которого тот должен был придерживаться всю оставшуюся жизнь: много овощей и фруктов, овсяная каша, травяные и овощные пряности вместо соли и так далее. Любовь каждый день готовила специальные блюда и кормила его.

Юнариус и другие доктора часто навещали его, проверяли состояние здоровья, смазывали шов от операции специальной мазью. Любовь водила свёкра гулять во двор. На второй месяц после операции он стал в одиночку выходить на улицу.

Вскоре после выписки Лучьяна в семье случилось прибавление — родился мальчик, которого назвали Русланом, как и главного героя полюбившейся всем пушкинской поэмы. Дедушка помогал воспитывать и его.

Семён давно уже хотел сделать ремонт в поместье отца и теперь вместе с Петькой отправился в Петербург. Их не было больше месяца, а вернулся Семён один, без сына, очень встревоженный... И на вопрос Лучьяна, где его внук, рассказал вот что...

...Петька полюбил мачеху с первой их встречи, а теперь, в отрочестве, понял, что любит её не как мать, а как женщину. Он не собирался говорить об этом никому, даже дедушке, хотя и с трудом держал свои чувства в тайне.

Прибыв в поместье, Семён прошёлся по дому, где он вырос, оглядел внимательно каждую комнату, наметил план ремонта и вместе с Петькой и крепостными мужиками поехал в город за материалами. Кое-где они заменили двери и окна, потом полезли чинить крышу. Слуги Лучьяна белили стены, обклеивали комнаты обоями. И однажды вечером, когда отец с сыном после работы выпили вина и разговорились, Петька перестал следить за языком и сказал про мачеху:

— Я люблю её... Люблю, понимаешь? Как женщину... Ещё в детские годы, когда она меня спать укладывала и целовала на ночь, чувствовал к ней что-то такое и сердце замирало... А сейчас уже не боюсь в этом признаться.

— Да ты с ума сошёл... — тихо ответил Семён и потрогал лоб сына. — Какая дикость... Если ты не дурак, я просто не знаю, как всё это назвать...

Он покачал головой и вышел из комнаты.

Петька не спал всю ночь — собирал вещи, чтобы до пробуждения отца и слуг отправиться в путь. Но, когда зашёл на кухню взять еды в дорогу, столкнулся с Лесмьяном.

— Куда ты собрался? — спросил тот, наливая себе квасу. — Ещё темень, поспи...

— Мне надо ехать. Загляну в петербургскую квартиру, погуляю по улицам, приведу мысли в порядок...

— Я беседовал с твоим отцом, объяснил ему, что ты пошутил, и он уже почти не сердится. И ты больше не говори таких глупостей.

— Но это правда!

— Ты совсем ещё мальчик... — ответил Лесмьян и вздохнул. — Сядь-ка, поешь со мною.

Он накормил Петю оладьями, затем дал ему денег в дорогу, уверенный, что тот действительно поедет в петербургскую квартиру, и отрок вывел со двора коня и один ускакал в город.

Когда Семён и Любовь прибыли за ним Петербург, то не нашли его в квартире, слуги сказали, что он вообще там не появлялся. Супруги обратились в полицию, обыскали весь город, но безуспешно — Петя словно в воду канул. Они понадеялись, что мальчик вернулся в Москву, однако и там его не нашли.

Лучьян так разволновался, что вновь попал в больницу в плохом состоянии. И во время одного из визитов Семёна сказал ему, что тот должен был говорить с сыном помягче. Сам он не считал влюблённость Пети чем-то страшным, полагая, что это лишь одна из его подростковых причуд.

Все надеялись, что мальчик скоро объявится. Но время шло, а от него не было никакой весточки... Ни московская, ни петербургская полиция не могли его найти.

После исчезновения Пети Лучьян ещё три года с перерывами лежал в госпиталях — его тут же забирали, когда ему становилось хуже. Любовь бывала у него утром и днём, а Семён заходил вечером.

Через три месяца после пропажи мальчика под дверью московской квартиры нашли записку:

«Живу хорошо, не беспокойтесь за меня. Дедушке Лучьяну привет. Петя».

Семён поставил на караул слуг, если вдруг сын (или его товарищ) принесёт ещё одно послание, но никто больше не появлялся.

Во время одного из визитов Семёна Лучьян расспросил: что нового на службе, у друзей, в светском обществе? А сын ответил цитатой:

— «Что нового покажет мне Москва? Вчера был бал, а завтра будет два».

— Что же это за стихотворение? Не слышал такого...

— Это комедия моего университетского друга Александра Грибоедова. Недавно были напечатаны отрывки из неё, но я читал её всю целиком, когда гостил у него.

И Семён рассказал сюжет этого произведения. Грибоедов точно описал современное общество. Люди боялись не пороков, а общественного осуждения: «...грех не беда, молва не хороша». В почёте были не личные качества человека, а деньги и чины.

Все прожигали жизнь «в пирах и мотовстве». А единственный положительный герой Чацкий, осуждавший это общество и не желавший, как все здесь, прислуживаться и раболепствовать, был объявлен сумасшедшим и с позором покинул Москву.

— Истинная правда... — сказал Лучьян. — Если бы объявился такой человек, его в самом деле прогнали бы. Потому что правда многим глаза колет...

— Это похоже на изгнание тебя с твоей родины два века назад...
— вздохнул Семён.

Через какое-то время пришло известие о смерти императора Александра I, потом — о неудачном восстании декабристов на Сенатской площади в Петербурге, об их аресте. Борясь с самодержавием и крепостничеством, они создали «Союз благоденствия» в Москве и «Северное общество» в Петербурге, разработали планы реформ после ожидаемого переворота. Заговорщики собирались захватить Сенат и нового императора Николая I в день принесения ему присяги. Но он был уже предупреждён о готовившемся восстании и подавил его с помощью своих войск. По всей России стали проходить аресты; после следствия пятерых главных декабристов приговорили к смерти, сто двадцать человек сослали на каторгу или на поселение в Сибирь.

— Они не заручились поддержкой народа, в этом их большая ошибка, — сказал Лучьян. — Но, что-то мне подсказывает, многие теперь встанут на борьбу с самодержавием...

Лёжа в больнице, он читал «Историю государства Российского» Карамзина и вспоминал давно ушедшие времена, людей, которых знал. Действие в двенадцатитомном сочинении шло от древнейших времён до 1612 года. В мае 1826 года автор скончался, и Лучьян даже не смог побывать на его похоронах...

Всё семейство уже отчаялось найти Петьку, как вдруг в один из сентябрьских вечеров того же года в палату к его деду вбежал один из врачей.

— Лучьян Кристианович, вас хочет видеть юноша, он называет себя вашим внуком. И не один пришёл, а с другом.

— Пустите, пустите их... — волнуясь, сказал старик.

...И вот на пороге стоял Петька, красивый, возмужавший, небогато, но прилично одетый, вместе с Сашей Пушкиным... Они расспросили Лучьяна о здоровье, потом каждый рассказал ему о себе: внук — о работе в сапожной мастерской, а бывший ученик — о своей четырёхлетней ссылке на юг, в которую его

отправили за вольные стихи. Старик почти всё время сидел молча, не веря тому, что увидел Петю. А когда оба собрались уходить, он остановил внука:

— Куда же ты? Я опять переживать буду... Зачем ушёл от отца, от матери? Они ведь так тебя любят...

— Переживать за меня не надо, — успокоил его Петя. — Я не бедствую, не голодаю. За работу получаю честное жалование, мне дали хорошую комнатку. Скоро вновь навещу тебя. Выздоровливай.

Он поцеловал бабушке руку и вышел вместе с Сашей. А Лучьян долго ещё сидел на кровати, глядя вслед им покрасневшими от слёз глазами...

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ВЫ МНЕ НУЖНЫ»

Отец и мать всегда уделяли много внимания Саше, Тимоше и Вале. От родителей Саша переняла любовь к Богу и Отечеству, вместе с ними постилась, читала Евангелие, исповедовалась. Она знала, что её крестили на сороковой день жизни; мама любила вспоминать то солнечное февральское утро... Дочка не помнила то время, когда её вывозили на прогулку в коляске, но помнила, как они с мамой катали братишку и сестрёнку. Родители с детьми ходила в парк, в рощу; такое уединение с природой успокаивало и радовало девочку.

Лучьян стал близким, родным Саше человеком. Он заботился о ней и её родных, но сам появлялся редко, живя то в Царскосельском лицее, то у сына в Москве, и она порой сильно скучала по нему... Его квартира казалась жильцам надёжным убежищем, где никто не посягнёт на их благополучие.

Успешно окончив пансион госпожи Гофман, Саша начала готовиться к поступлению в Екатерининский институт. Но у Осипа на службе возникли проблемы: девушка заметила, что отец встревожен чем-то — и однажды узнала, что он ведёт дело против крупного помещика, вора и мошенника, родственника графа Аракчеева — приближённого императора... Конечно, ничего хорошего это не сулило... И его опасения подтвердились: Осипа отстранили от работы и вместе с семьёй выслали в город Усть-Сысольск, а затем — в Никольск Вологодской губернии.

Они жили в старом доме, в маленькой квартирке. Саша много трудилась — вела хозяйство с родителями, продолжила самостоятельно учиться, занималась английским и французским языками, давала уроки Тимоше и Вале, стала обучать и чужих

детей, чтобы хоть немного заработать. Благодаря Осипу в Усть-Сысольске появились первые библиотеки и любительские театральные постановки. Он рассказывал дочери, как в молодости в Тобольске руководил театром. И она, увлѣкшись этим, поставила пьесу «Филаткина свадьба», которую публика смотрела с большим интересом. Потом отца перевели в город Кемь Архангельской области, а после — на Соловки. Семья терпела трудности, лишения, но Саша была уверена, что всему виной обстоятельства, нисколько не сомневаясь в справедливости самодержавия.

— Где же она, справедливость? Где? — возразила как-то ей мать.
— Государю нет до нас дела — и не будет.

— Он ещё ничего не знает о наших бедствиях, — успокоила её Саша. — А надо бы нам с тобой обратиться к нему самому. «Несть бо власть, аще не от Бога».

— Где же ты его, государя, сыщешь? — спросила мать.

Саша вместе с ней, братом и сестрой отправилась в Петербург, а оттуда — в Царское Село, где и встретила императора, гулявшего в саду. Мать с волнением наблюдала, как дочь общается с Александром I — мужчиной среднего роста, с бакенбардами; и по его глазам она поняла, что этот человек всё-таки может сострадать...

— Сударыня, отправьте мне, пожалуйста, прошение через почтовое ведомство, — мягко сказал он, выслушав девушку, — дабы подобное обращение к государю не стало обычаем. Я же, со своей стороны, обещаю пересмотреть это дело и вынести справедливый приговор.

Саша так и поступила. У матери и детей теплилась надежда, что отец скоро вернётся из ссылки и все заживут прежней жизнью. Но этого не случилось, хотя государь велел определить Осипа в его собственную канцелярию. Аракчеев не послушался императора и только перевёл ссылку из Соловков в Архангельск. Но там тот смог наладить материальное положение и даже кое-какие деньги стал отправлять семье в Петербург.

С матерью, братом и сестрой Саша вновь поселилась в квартире Лучьяна. Здесь их застали две новости: о смерти императора и восстании декабристов. Узнав о расправе над ними нового императора Николая I, Саша заволновалась — новый правитель был человеком жѣстким и суровым, и неизвестно, что ждёт её отца теперь, при нём... От Лучьяна приходили письма: он болел, лежал в больнице, спрашивал о делах семьи, всё ещё ничего не

зная о её скитаниях... Собравшись ехать к нему в Москву, Саша твёрдо решила ничего не говорить старику о своих бедствиях — хотя бы первое время.

После того, как Лучьяна навестил в больнице внук Петя, тот стал чувствовать себя лучше, даже пошёл на поправку. Юнариус по-прежнему каждый день обследовал его или беседовал с ним, расспрашивал о самочувствии. Однажды он взял у старика маленький кусочек кожи с пальца на обследование и пояснил:

— Здесь ваши клетки. Видите эти микроскопы с Юпитера? Они настолько мощные, что мы сможем разглядеть каждую клеточку, потом сделаем анализ и таким образом определим общее состояние вашего организма.

— До чего дошла техника... — удивился Лучьян.

— И это говорите вы — повивавший на своём веку столько гениальных изобретений и сам, между прочим, изобретатель! — тоже изумился Юнариус. — Мне кажется, что после полётов в далёкие звёздные системы и благополучного возвращения вас вообще ничто не должно удивлять.

— В том-то и дело, что, летая в космосе, мы мало внимания уделяем своему организму, — сказал Лучьян про себя и других юпитериан, — мало задумываемся над тем, как можно спасти его от старения и смерти. А ведь всем охота жить...

Он вернулся в палату, прилёг на кровать и задремал. Если раньше ему хватало на сон одного-двух часов в сутки, то теперь старик крепко спал целую ночь и ещё мог заснуть на час после обеда. И всё время чувствовал усталость — не из-за какой-то болезни, просто его тело изнашивалось...

Проснувшись, он какое-то время лежал в постели, думал про семью Семёна. У них с Любовью было уже пятеро детей: Созон, Андрюша, Коля, Руслан и Ульяна. Первая дочка, о которой так мечтала мать, появилась на свет совсем недавно. Забота о ней и сыновьях забирала у Любви всё время и силы, и к Лучьяну время от времени приходил Семён, но и он стал появляться реже — целые дни пропадал на службе, там ему недавно дали чин полковника.

Старик лежал в палате совершенно один и впервые ощутил одиночество так остро... Раньше он всегда находился среди людей, куда-то спешил, что-то делал — а теперь... У сына — своя семья. А Лесмян — хорош брат! — так ни разу и не приехал,

не навестил, хотя было известно, что тот в добром здравии и живёт всё там же — в поместье под Петербургом.

— Лучьян Кристианович, к вам пришла какая-то девушка, — сказал, появившись, один из врачей. — Сказала, что её зовут Сашей.

— Саша... Саша... — стал вспоминать Лучьян. — Кто же это такая?..

Он знал девочку по имени Саша — дочку Осипа, и вроде бы всё... Сколько времени её не видел! Теперь-то она уже стала настоящей девушкой... Неужели приехала к нему?..

— Скорее приведи её сюда, — велел Лучьян, волнуясь.

И вот на пороге появилась симпатичная девушка небольшого роста, в тулупе и тёплом платке, с узелком и корзинкой в руках.

— Сашенька, милая моя... — Лучьян встал, подошёл к ней, расцеловал в обе щеки и провёл к себе, они присели на кровать. — Я так беспокоился о вас... Вы столько времени не отвечали... Что случилось?

Саша внимательно посмотрела на него. Она с детства была не приучена лгать, а этому человеку тем более не могла говорить неправду — и сбивчиво, коротко рассказала ему обо всём...

— Да, Аракчеев — тот ещё негодяй, — ответил Лучьян после. — И не он один — почти все императорские чиновники такие. Подожди чуть-чуть, скоро я выйду из больницы и всё решу, вызволю Осипа из ссылки... А ты что же, одна приехала?

— Да, — кивнула Саша. — Мама с Тимошей и Валею остались в Петербурге. Я за вас беспокоилась...

— Что ты, Сашенька, — улыбнулся он. — Я своё уже отжил, не надо за меня тревожиться.

Но ему стало приятно, что она вспомнила о нём и приехала. Да ещё, оказалось, пирожков привезла, которые испекла вместе с мамой.

— Давай вдвоём съедим их, — предложил Лучьян, и девушка, будучи голодной, согласилась.

Пока ели, он рассказал ей о том, как лежал всё это время в больнице и врачи боролись за его жизнь, как к нему недавно приходил Петенька, пропавший два года назад, и своим визитом очень обрадовал старика.

— Теперь знаю, что у него всё в порядке. И у меня спокойнее на душе. Только вот я не сказал о нём ни Семёну, ни Любви.

Как думаешь, это правильно? Ведь они тоже переживают за мальчика.

Саша удивилась тому, что такой мудрый человек спрашивает совета у неё, но после недолгого молчания ответила:

— Мне кажется, пока не стоит говорить о нём родителям. Когда он придёт к вам ещё раз, спросите у него, можно ли рассказать.

— Верно! Так и сделаю, — обрадовался Лучьян.

Он достал из тумбочки чистый лист бумаги и написал записку Семёну и Любви:

«Накормите Сашу и приготовьте ей постель. Она какое-то время поживёт у вас. Отец».

И записал адрес на обратной стороне.

— Вот, передашь это Семёну, они с семьёй тебя примут у себя, поживёшь у них сколько надо. Я прослежу, чтобы ты не голодала.

— А можно я переночую здесь? — спросила Саша. — Посижу на стуле в коридоре...

— Что ты, разве можно так себя угроблять? — ответил Лучьян. — Или ты Семёна с Любой стесняешься? Нечего их бояться. Ступай к ним — выпишься, отдохнёшь... Там у них детки маленькие — так ты попроси дать ваты, заткни уши, закройся в комнате — и спи.

Он вздохнул, опустил голову.

— Вот так, Сашенька... У всех свои дела, заботы... Никому я стал не нужен.

— Вы мне нужны, — сказала она вдруг. — Выздоровливайте поскорее...

Лучьян с удивлением посмотрел на неё. И почувствовал такую теплоту, нежность в душе... Сашенька и раньше была ему как родная, а теперь и вовсе стала самым близким человеком. И он мог ей довериться, поговорить по душам, спросить совета...

Первую ночь она провела у него в палате, для этого врачи по его просьбе принесли туда ещё одну кровать. Саша спала крепко, а Лучьяну, смотревшему на неё, казалось, что она замёрзнет под тонким одеялом. Он взял своё, потолще, тихонько подошёл к ней и укрыл.

В ту ночь старик почти не спал и весь следующий день заботился о девушке, кормил тем, что давали ему самому, рассказывал о своих планах: скоро покинет больницу, уедет в своё поместье доживать остаток дней в тишине и спокойствии...

— Может быть, вы лучше вернётесь в петербургскую квартиру?
— спросила Саша, беспокоясь за него. — Мы вынуждены жить у вас, потому как больше нигде...

— Живите, живите дальше в этой квартире! — ответил он. — Я оставляю её вам, всё равно ведь там не появляюсь. Мне лучше в поместье...

Он отправил девушку к своему сыну и снохе, и она поехала. Супруги радушно приняли её, накормили ужином и распорядились приготовить ей уютную постель в отдельной комнате. А на другой день они всей семьёй отправились к Лучьяну — проведать его и показать ему маленькую Ульянушку.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЛУКЪЯН

Это было самое волнительное событие в жизни Юнариуса: ему предстояло создать точную копию своего кумира. Он понимал, что Лучьян, хоть и выздоровел, выписался из больницы, может отойти в мир иной в любой день — его организм стал уже очень хрупким и не мог побеждать болезни.

Суррогатной матерью доктор выбрал служанку Капитолину. Объяснил ей, что хочет стать отцом, но ребёнок будет зачат неестественным путём. И пообещал хорошо заплатить. Ей пришлось согласиться, чтобы не потерять работу и крышу над головой...

Юнариус совершил искусственное оплодотворение в своей лаборатории. И после этого всю ночь бродил по городу, забыв даже о маленькой племяннице, ждавшей его дома. А наутро он посетил знакомого священника, всё честно рассказал ему и попросил помощи и совета. Но тот не понял, о чём идёт речь.

— Ты хочешь сказать, что согрешил? Но ведь ребёнка-то зачал в согласии с женой... Или она тебе ещё не жена?

— Да, она мне не супруга. Но дело не в этом. Я сделал его таким путём, каким никто ещё не создавал человека... Не могу понять, насколько велик мой грех...

Батюшка недоумевающе смотрел на него.

— Может быть, всё это прервать? — спросил доктор. — Дать ей выпить чего-нибудь, чтобы прекратить беременность...

— О чём ты говоришь... — грустно покачал головой священник.
— Зарождается новая жизнь, там, в твоей женщине, начинает жить человек, такой же, как мы, только совсем маленький... И ты готов его погубить? Да, пусть это было прелюбодеяние, но ребёнок-то в чём виноват?

«Дело здесь не в прелюбодеянии...» — хотел возразить Юнариус, но вместо этого поцеловал батюшке руку и удалился. Он осознал, что его никто не поймёт — это ведь совершенно новое явление...

Доктор пытался поговорить с одним своим другом и коллегой, надеясь, что хотя бы тот его поймёт. Не сразу он завёл разговор на нужную ему тему. Сначала они беседовали о новшествах в медицине, потом — о долголетию.

— А как ты смотришь на то, чтобы победить смерть? Чтобы человек жил вечно? — спросил Юнариус.

— Нет смысла говорить о том, чего мы никогда не добьёмся... Как ни сильна наша, юпитерианская, медицина, победить старение и смерть организма она не может... Всё равно человек изнашивается и умирает.

— А ты представь, что такой способ есть. Старый человек умирает — а учёные создают вместо него копию, на свет рождается его генетический близнец, только в другом времени...

— Это невозможно. Дружище, как можешь ты, образованнейший человек, говорить такие глупости?

— Если я об этом мечтаю, значит, это исполнимо. У меня в голове не укладывается: юпитериане покорили такие высоты в науке и технике — а смерть победить всё ещё не смогли!

— Потому что это естественное явление.

Конечно, беспокойство Юнариуса не могли не заметить Капитолина и маленькая племянница Анна, но он говорил им, что тревожится за своих больных. Доктор следил за ходом беременности служанки, наблюдал, как растёт её живот, что-то записывал в дневник, по ночам о чём-то размышлял, сидя на кухне...

Когда у неё начались схватки, он посадил её в заранее приготовленную карету, и ямщик на всей скорости погнал в больницу... Пока проходили роды, Юнариус, стоя в коридоре, читал молитвы. От волнения едва не упал в обморок; его усадили в кресло, напоили водой.

Наконец объявили, что Капитолина родила мальчика. Осторожно взяв младенца на руки, доктор снова разволновался — и в то же время почувствовал небывалый прилив сил... Малыш, названный по его совету Лукьяном, смотрел на него большими зелёными глазами. Это был взгляд самого Лучьяна Смолоза... «Нет, я никогда никому не смогу рассказать о том чуде, что мне удалось совершить, — подумал Юнариус. — Люди не поймут этого, в лучшем случае я окажусь в сумасшедшем доме...»

Он с Капитолиной стали для малыша настоящими родителями. Заботились о нём, кормили и поили, меняли пелёнки, с тревогой следили за его здоровьем... Они жили в большой, просторной квартире, которую доктор снимал у одного богача.

Когда мальчику исполнился год и он уже начал бегать, у Семёна и Любви случилась трагедия: погиб сын Пётр. Его прозвали «московским Робинот Гудом»: по ночам юноша с друзьями грабил в переулках зажиточных людей, а после их одежду и вещи отдавал нищим и бродягам. Полиция занялась розысками шайки, усилила патрули в городе. Встревожился сам император: здесь он тоже увидел протест против крепостничества... Два месяца парней не могли поймать; несколько раз их пытались задержать, но они расстреливали полицейских из пистолетов и скрывались. В одной из перестрелок Пётр и два его друга погибли, а остальных арестовали, отдали под суд и позже отправили на каторгу.

Юнариус собрался на похороны и поминки, Капитолина хотела идти с ним, взяв и малыша, но доктор отговорил её:

— Что вам там делать... Траур, скорбные лица, плач... Это сильно действует на психику... Малыш очень расстроится. Я пойду один, немного посижу у них и вернусь.

Он боялся, как бы во время прогулок с мальчиком Капитолина не встретила самого Лучьяна: тот может заметить, как Лукьянчик похож на него в детстве. Но потом страх улетучился: вряд ли были и сохранились его детские портреты, да и сам старик уже, наверное, не помнил, как выглядел тогда.

Юнариус и Лучьян давно не виделись и поэтому после похорон Пети и траурного застолья долго разговаривали. Кумир доктора, бледный, ещё более похудевший, много расспрашивал его о жизни, затем пригласил вместе с семьёй к себе в гости. Тот ответил согласием, но всё же не пришёл... И боялся, что старик сам наведается к ним... Однако Лучьян сильно болел и не мог даже выйти со двора. И не смог прийти на похороны свояченицы Арины Родионовны, умершей от сильной простуды.

Когда он стал поправляться, Юнариусу пришло приглашение на их с Сашей свадьбу — планировалось после венчания в церкви посидеть в небольшом кругу родственников и друзей. Капитолина приготовила для праздника своё хорошее платье. Но доктор притворился больным, и все остались дома.

В полтора года Лукьян уже хорошо ходил и бегал, и Юнариус много гулял с ним. Особенно малыш любил набережную Москвы-реки, Александровский сад и Воробьёвы горы. Он был очень любознательным, постоянно спрашивал доктора о чём-то, и тот подробно отвечал ему. Иногда они вместе ставили дома кукольные спектакли по мотивам прочтённых сказок. Теперь хорошо стал проявляться характер мальчика — такой же добрый и мягкий, как у самого Лучьяна: каждая сказка у него оканчивалась хорошо, независимо от того, как было в книге. Это казалось доктору необычным: его кумир, совсем маленький, сидит у него на руках и называет папой...

Но Юнариус сильно тревожился, боясь разоблачения, и даже сны видел нехорошие. Так, один раз приснилось, будто он идёт по улице — а на него из всех окон осуждающе смотрят люди и говорят: «Безбожник, думает, что может управлять человеческими жизнями... В суд его!.. На виселицу!..» В другой раз привиделось совещание докторов, на котором один из коллег поднялся с места и грозно воскликнул, кивнув на него: «Среди нас — преступник! Он пошёл против законов природы!» И все вскочили и бросились на Юнариуса...

Он просыпался в холодном поту, приходил в себя, пил воду, потом смотрел на спавшего в кровати Лукьяна, наклонялся, целовал его — и понимал, что ради малыша готов на любую жертву...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ В ПОМЕСТЬЕ

Лучьян вместе с молодой женой бежал от городской суеты к спокойной, размеренной жизни в поместье.

Семён отделал дом — любо-дорого глянуть! Настоящий дворец. Его украсили снаружи колоннами и скульптурами. И возле много чего построили: кладовые, конюшни, баню и другие помещения. Совсем недалеко возвели церковь, чему Лучьян был очень рад.

Прихожую в доме сделали просторной, освободили от лишнего хлама. Зал и другие комнаты побелили, наклеили там светлые обои и поставили новые диваны, кресла, столы, кадки с растениями, горшки с цветами, повесили люстры. В спальнях старые, узкие кровати заменили широкими, с балдахинами. В кухне облицевали печь каменной плиткой.

От дома к саду вела аллея, и в конце её находилась прекрасная беседка. Про неё Семён ничего не говорил. «Неужели это сделал Лесмян?» — подумалось Лучьяну. Он расспросил служанок, и те подтвердили его догадку. Старик заскучал по своему брату... Тот совсем недавно уехал — и неизвестно куда...

Для супругов началась тихая, размеренная, счастливая жизнь. Они много времени проводили в парке, что располагался за садом — прогуливались, общались, любовались природой. Там стояло несколько деревянных скамеек, и Лучьян с Сашей присаживались на них, отдыхали, предавались мечтам. В парке росли берёзы, клёны, липы, ели и сосны, посаженные Лесмянном.

Кроме того, он сделал на пруду купальню, построил на берегу чайный домик, а в огороде — оранжерею, в которой можно было круглый год выращивать овощи, фрукты и ягоды. А библиотека в доме пополнилась множеством интересных книг.

— Мне стыдно признаться, но я обижался на брата, что он меня ни разу не навестил в больнице, — сказал как-то Лучьян Саше. — Но в какой вид Лесмян привёл моё старое, заброшенное поместье!.. Душа радуется!

Старик просыпался рано, на заре. Полежав немного в постели, вставал. Накидывал халат, подходил к божнице с иконами и читал молитву. Утром супруги пили чай, ходили в церковь на обедню, а после возвращения — завтракали, чаще всего яичницей и бутербродами. И целый день вместе со слугами и крепостными работали в доме, в огороде и саду, в поле, прерываясь на еду. На обед и ужин съедали по два блюда и иногда — десерт. Из первого Лучьян особенно любил борщ, из второго — гречневую кашу и пироги. Вечером, закончив работу, муж с женой беседовали о чём-нибудь или погружались в чтение. Спать ложились рано, с наступлением сумерек. Она засыпала быстро, а он какое-то время лежал в раздумьях, обнимал её, такую любимую, родную, и радовался, что теперь они вместе навсегда...

К ним приезжали Семён и Любовь с детьми, родители, брат и сестра Саши, Юнариус, друзья из окрестных сёл и деревень и из Петербурга. Хозяйева иногда приглашали артистов, и в поместье устраивали целые спектакли, на которые собирались люди из ближайших селений. Лучьян приобрёл много лошадей, коров, коз, собак, кошек и кроликов. Вместе с сыном и внуками он ходил в баню, они парились берёзовыми вениками; летом Семён

любил после этого окунаться в озеро, а зимой — бросаться в снег. Позже он сделал для отца ванну в доме.

Один такой поход в баню закончился для Андрея трагично. У мальчика было больное сердце, и его отговаривали от посещения парилки. Но он всё-таки пробрался туда один, когда баня топилась. И Семён потом нашёл сына мёртвым на лавке...

Вновь горе пришло в семью. С большой скорбью родные готовили к погребению, хоронили и поминали усопшего...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «ИСТОРИЯ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Чувствуя большое призвание к педагогической деятельности, Саша захотела открыть частный пансион и поделилась этой мыслью с Лучьяном. И он ей помог: нашёл помещение для занятий (в том же доме, где была его квартира и где теперь жили мать, брат и сестра жены), оплатил аренду и купил туда несколько столов и стульев. Но супруга преподавала там совсем недолго: вскоре к ней явились люди из инспекции и спросили документы о высшем педагогическом образовании. И за неимением их пансион пришлось закрыть.

Лучьян собрался ехать в город, чтобы вновь открыть учебное заведение — уже под своим именем (у него необходимое образование было), но Саша остановила его, сказав, что будет заниматься литературным трудом, в частности переводами. Она знала французский и немецкий языки, а также английский, хотя последний ей пришлось ещё подучивать и для закрепления говорить на нём с мужем. В её переводе было издано сочинение Иосифа Дроза «Искусство быть счастливым» и опубликован рассказ Фенимора Купера «Красный разбойник». В то же время знакомый граф Д. Н. Блудов помог ей вернуть отца из ссылки.

Всё больше времени Саша стала проводить в городе, и Лучьян всё понимал: молодой и одарённой супруге скучно было в поместье. «Вот теперь она бы и нашла себе мужа, — думал он, — красивого, молодого... Зачем я, старик, сдался ей?..» Жена посещала светские мероприятия, подружилась с дамами из высшего общества. Вскоре в её переводе вышла детская книга Джона Эйкина и Анны Летиции Барбольд «Семейные вечера, или Собрание полезных и приятных рассказов для юношества».

На одном из вечеров Саша разговорилась с графиней Д. об «Истории Шотландии» Вальтера Скотта для английских детей, и та предложила ей написать историю своей страны наподобие его произведения. Жена рассказала об этом Лучьяну, и он предложил свою помощь и очень обрадовался: теперь они

будут больше времени проводить вместе! Ведь каждый раз, когда она уезжала в город, старик не находил себе места, слонялся ночью по дому точно привидение, скучая по ней...

— Я расскажу тебе всё, что видел и знал, всё, что помню, — пообещал он. — Но только при одном условии: чтобы ты ни разу не упомянула в книге про меня.

— Но как же... Почему? — растерялась она.

— Неудобно. Люди скажут: своего мужа прославляет! А я ничего такого не сделал, чтобы меня прославлять...

Саша, конечно, удивилась, но потом поняла, что иначе Лучьян поступить не мог: он всегда был очень скромн.

Первые главы книги — о древних славянах и первых русских правителях — Рюрике, Олеге, Игоре, Ольге и Святославе — она писала по историческим источникам («Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и роману-эпопее Лесмьяна «Рюриковичи»). А о Владимире уже вспоминал сам Лучьян.

Он рассказал о том, как князь, решив принять новую, истинную веру, встречался и подолгу беседовал с послами из разных стран и наконец выбрал христианство, крестился сам и крестил русских людей, занялся просвещением своего народа, возведением церквей, благотворительностью...

Лучьян полтора века не был на Руси: жил и работал у себя на родине, путешествовал, летал на другие планеты; за это время здесь, конечно, многое поменялось. Киевская Русь достигла своего расцвета при Ярославе Мудром, которого рассказчик знал ребёнком и юношей, и Владимире Мономахе, с которым ему не довелось встретиться... О Юрии Долгоруком повествователь отозвался лаконично: назвал только одну его заслугу — основание Москвы. Он заметил, что супруга преувеличивает достоинства и заслуги князей, но ничего ей не сказал: значит, она видела в людях только хорошее, и это было замечательно.

Муж поведал Саше о своём племяннике — богатыре-великане Амизе, о друге Илье, о жене Анне и сыне Руслане. И вдруг приуныл, вспоминая их — заскучал по ним, давным-давно покинувшем его... «Значит, Анна была хорошей женой... — догадалась Александра. — Вот бы мне стать похожей на неё...» Она всё явственнее понимала, какой великий человек её супруг... О походе князя Игоря на половцев Саша знала не только со слов Лучьяна — читала ещё «Слово о полку Игореве».

С болью старик вспоминал о нашествии татар, о владычестве татаро-монгольского ига на Руси. Он был свидетелем их первого появления — вместе с Лесмяном в русско-половецком войске дрался против них на реке Калке, едва не погиб, но брат уволок его полуживого в овраг и там привёл в сознание.

— Русские князья враждовали друг с другом, жили разобщённо, — говорил Лучьян Саше. — Поэтому и захватили их земли проклятые варвары. Сколько людей они перебили, сколько селений пожгли!

Он поведал о своём внуке Власе, жившем с семейством в Англии — как тот прибыл на Русь биться с татаро-монголами, но пал от руки западных захватчиков — тевтонцев — на Чудском озере. Потом вспомнил, как с Лесмяном мстил татаро-монголам, придя на службу к Батыю и тайно воюя с его подданными — грабителями и убийцами. Добрым словом Лучьян помянул великого князя Александра Невского, мудрого и храброго правителя.

...Наш герой вновь надолго покинул Русь — ему предстояло провести большую работу по освоению Солнечной системы, победить в долгой и тяжёлой войне опаснейших врагов — алгольцев, похоронить мать, жену и сына Кристиана...

Вернувшись на Русь в середине XIV века, Лучьян поселился в Москве, при княжеском дворе, воспитал князя Дмитрия Ивановича, а потом и его детей, несколько раз ездил в Орду — в качестве посла, пленника, заложника, участвовал в битве на поле Куликовом, где князь сражался против татар рядом со своими воинами. За это (и не только) старик очень его уважал, говорил, что никого из правителей русских народ не любил так, как Владимира Мономаха, Александра Невского и Дмитрия Донского.

О феодальной войне между внуками Дмитрия Саша писала, опираясь в основном на сочинение Карамзина — в то время Лучьян совершал полёты в дальние звёздные системы, собирая подписи их правителей, чтобы Солнечная вступила в союз, противостоявший алгольцам и космическим пиратам, но в итоге она так и не вступила...

О первом русском государе — Иване III — рассказчик отзывался сдержанно, подмечая не только его рассудительность и дальновидность, но и трусость. Но Саша, к удивлению мужа, написала, что этот правитель «освободил нас от власти татар». Сам-то Лучьян помнил, в какую панику тот ударился перед нашествием хана Ахмата; из его семейства лишь два человека — мать Мария Ярославна и сын Иван Иванович — не испугались;

наследник даже участвовал вместе с войском в стоянии на реке Угре, избавившем Русь от татаро-монгольского ига.

Муж рассказывал Саше о своём сыне Монито, который сам всего добился в жизни: в отроческие годы начал работать, нажил кое-какое состояние, выучился в немецком университете, потом женился и надолго отбыл с семьёй в Бразилию, где обзавёлся хозяйством. После смерти жены приехал с детьми в Англию, там купил поместье. И во время визита в Германию стал жертвой инквизиции: его бросили в тюрьму и страшно пытали за купленную им неугодную книгу, и во время пыток он скончался...

Сын Монито — Джованни — был сподвижником царя лунной страны Лаконии Дормидонта. Лучьян сравнивал троих деспотичных правителей — Генриха VIII, Ивана Грозного и Дормидонта — и отзывался о последнем с уважением: за внешней суровостью тот прятал безграничную любовь к своим подданным, к своему народу; он сделал Лаконию высокоразвитым государством, просвещённым, с новейшими технологиями. Ивана Грозного рассказчик оправдывал тем, что в детстве бояре сломали ему психику, но в целом относился к нему отрицательно, говоря, что многие его жестокости не оправданы. А Генриха VIII, казнившего своих шесть жён, считал настоящим чудовищем.

Лучьян показывал жене письма от брата и друзей, чтобы она смогла лучше почувствовать, понять ту эпоху. И Саша писала об Иване Грозном то, что узнала от супруга, правда, очень сжато.

Во время работы над книгой автор прочла немало исторических произведений: «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» Н. М. Карамзина, «Предслава и Добрыня» К. Н. Батюшкова, «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» Ф. Н. Глинки, «Роман и Ольга» и «Изменник» А. А. Бестужева-Марлинского, «Татьяна Болтова» и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича, «Симеон Кирдяпа» Н. А. Полевого, «Рассказ моей бабушки» А. П. Крюкова, «Изгнанники» И. Т. Калашникова, «Чёрный ящик» и «Русский Икар» К. П. Массальского. Они выходили в альманахах либо отдельными книгами, которые покупал для Саши Лучьян.

Так, во многом ей помогла повесть «Изменник» при написании глав о Смутном времени. Позже она читала произведение о Богдане Хмельницком и слушала воспоминания мужа о жизни на Хортице, об освободительной войне украинского народа. (Примерно в то же время с Лучьяном беседовал Н. В. Гоголь, работавший над повестью «Тарас Бульба».)

Старику нравилось то, что жена писала живым языком, с душой, с эмоциями, с любовью к своим маленьким читателям. В книге цитировались и документы, и стихотворные произведения.

Когда автор дошла до времени Петра I, Лучьян рассказал ей о начале регулярной армии и русского флота, о реформах этого правителя и событиях, случившихся в те годы. Он в целом неплохо отзывался о царе, но обвинял его в смерти сына Алексея. Очень большое впечатление у Саши оставила поэма А. С. Пушкина «Полтава».

На этом был закончен первый том её работы.

С огромной любовью Лучьян рассказывал жене о своей воспитаннице Лизаньке — Елизавете Петровне, о том, как он заботился о ней и как она смогла вернуть от временщиков престол с помощью солдат Преображенского полка. А с каким вдохновением старик поведал об основании Московского университета, о годах преподавания в нём!

При написании глав о походах Петра I, о Семилетней войне, о русско-турецких войнах, о походе русской армии в Италию и Швейцарию Саша пользовалась дневниками участников этих событий — Якова Родионова, Родиона и Романа Яковлевых, — которые по просьбе отца привёз Семён.

Об императрице Екатерине II Лучьян отзывался в целом хорошо, но недолюбливал её из-за привилегий, данных дворянству. Когда он рассказывал о восстании Пугачёва, его слушателем был и Пушкин, который в это время как раз писал «Капитанскую дочку».

О войнах против Наполеона автору поведали Семён и его друзья, гостившие у Лучьяна. Они с ностальгией вспоминали молодость. А об остальных событиях она писала уже сама. Рукопись оканчивалась на 1825 годе.

В своей книге Саша процитировала стихотворные произведения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова и других поэтов.

У Лучьяна за время воспоминаний перед глазами пролетела целая жизнь. А его супруга поняла, за какого великого человека она вышла замуж, и очень гордилась этим. И мечтала о собственных детях, но не хотела обременять мужа, который уже совсем ослаб и часто болел...

Дописав произведение до времени нашествия татар, Саша показала рукопись критику Петру Александровичу Плетнёву, преподававшему историю и литературу детям императора. Тот заинтересовался рассказами и даже стал обращаться к ним во время своих занятий. А автору выдали денежное пособие, с тем чтобы она продолжала свой труд.

Саша начала бывать на вечерах у Плетнёва, где собирались известные писатели и поэты, и там познакомилась с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским и другими, и все относились к Саше с большим уважением и называли в её молодые годы не иначе как Александрой Осиповной.

Первое издание «Истории в рассказах для детей» вышло в шести частях в 1837 году. Книга была посвящена дочери императора великой княгине Ольге Николаевне. Её напечатала за свой счёт Российская Академия в количестве тысячи двухсот экземпляров.

Демидовская комиссия, присуждавшая премии за лучшие произведения, выдала Александре Осиповне две тысячи пятьсот рублей в 1838 году за первые четыре части и почётный отзыв в 1841 году за последние две части. Рассматривательный комитет Российской Академии отметил, что её сочинение «...согрето любовью к отечеству, обращено к нравственной пользе и может заохотить детей к внимательному чтению русской истории». Было сказано также о прекрасном литературном языке простоте изложения. Отзыв подписали члены Академии И. А. Вельяминов, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, В. И. Панаев, Б. М. Фёдоров. «Лёгкость изложения, чистый язык, удовлетворительное объяснение событий, более же всего искусство сочинительницы приноравливаться к детскому понятию — всё это заслуживает одобрения людей просвещённых...» — писал о книге рецензент Н. Г. Устрялов.

Книгу хорошо приняла публика, одобрили периодические издания — «Современник», «Отечественные записки», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела». «В её слоге есть истинная простота, жизнь и чувство того, чем увлекается детский игривый ум», — отмечал П. А. Плетнёв.

Весь тираж быстро раскупили. Приобрёл экземпляр и А. С. Пушкин. «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и невольно зачитался. Вот как надобно писать!» — сообщал он Александре Осиповне в записке в день своей дуэли.

«История...» была высоко оценена критиками Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским и В. Г. Белинским. Последний рассказал в статье о её достоинствах и недостатках. Рассказ автора, по его мнению, «...до того картинен, жив, увлекателен, язык так прекрасен, что чтение её „Истории“ есть истинное наслаждение — не для детей, которым чтение истории какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, — а для молодых, взрослых и даже старых людей». Среди достоинств книги отмечена и максимальная приближенность к современности. А недостаток — то, что между правителями нет почти никакой разницы, все они представлены положительными людьми, оправданы их плохие дела. А народные выступления против несправедливой жизни в стране названы «разбоем», «моровой язвой». И всё же это произведение — «...важное приобретение для русской литературы: так богато её сочинение другими достоинствами, между которыми первое место занимает превосходный рассказ и прекрасный язык, обличающие руку твердую, опытность литературную, основательное изучение предмета, неутомимое трудолюбие», — подвёл итог в своей статье В. Г. Белинский.

Книга пользовалась таким успехом, что её постоянно переиздавали — и со временем она сделалась настольной книгой для семейного чтения. По ней изучали историю дети-гимназисты. Императрица Александра Фёдоровна назначила автору ежегодную пенсию в четыреста рублей.

Посещая вместе с женой гимназии Санкт-Петербурга и знакомые семьи, Лучьян видел, с каким интересом читают и узнают дети о правителях русских, об их делах и свершениях. И был рад успеху супруги — даже больше, чем она сама.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ ПОМЕЩИКОВ

Лучьян заботился о своих слугах и крепостных, о крестьянах окрестных селений — он дал деньги на постройку школы, больницы и богадельни в уезде. В окрестностях появилось много других поместий. Жившие по соседству помещики и сельчане часто приглашали старика на застолья и праздники, но он редко навещал их — сильно болели ноги. Зато сам любил принимать гостей. Он повесил в зале портрет Семёна и Пети, написанный другом семьи, художником, после Отечественной войны — на нём отец сидит на стуле, а сын стоит возле него, и они рассматривают какой-то рисунок.

Семён теперь приезжал чаще и принимал большое участие в жизни поместья. Получив звание генерал-майора и выйдя

в отставку летом 1836 года, он стал много путешествовать, ездить по театрам, на балы и званые вечера и задумался о собственной усадьбе. У них с Любовью после Ульяны родился сын Дионисий, а через год после отставки отца — последний ребёнок, Костенька, их любимчик, которого баловали больше, чем других детей.

В тайнике у Саши лежало Кольцо Любящего Сердца, которое подарил ей Лучьян. Он часто вспоминал слова Нострадамуса о том, что встретит женщину, которая искренне его полюбит и будет готова посвятить ему жизнь. Это время настало...

В её отсутствие старик работал на огороде и в оранжерее. И теперь начал выращивать апельсины, лимоны, персики и абрикосы. Семён привозил ему журналы: «Вестник Императорского русского общества садоводства», «Плодоводство», «Промышленное садоводство и огородничество», «Сад и огород» и другие. Также Лучьян высаживал липовые, дубовые и берёзовые рощицы.

Он теперь любил тишину и покой. И отмечал только два православных праздника. На Рождество ходил в церковь, подавал милостыню нищим. На Пасху накрывал в своём дворе столы и принимал у себя сельчан, помещиков, гостей из города и проходивших мимо странников.

Семёна за выслугу лет наградили поместьем в Подмоскowie. Внуки рассказывали Лучьяну, что его загородный дом высокий, просторный, светлый. Там есть камин, возле которого глава семейства любит сидеть вечерами. Зал украшен колоннами, а спальня хозяев отделана искусственным мрамором. В комнатах много ковров на полу и стенах. В поместье растут фруктовые деревья, ягодные кустарники, распахан огород. В конюшнях — несколько лошадей.

Любовь, заботясь о детях, нанимала домашних учителей, которые давали им уроки музыки, рисования, лепки и другие — всё это преподавалось для общего развития.

Семён любил принимать друзей в своём поместье. И сам старался их развлечь. Они пили всё подряд: вина, коньяк, ром, водку, пиво, русскую наливку. Лучьян говорил с сыном по этому поводу, предупреждал, что тот и здоровье своё погубит, и детям плохой пример подаст.

Семья Семёна, одна из самых известных и уважаемых в Москве, часто приглашалась на балы и праздники, где встречалось всё русское дворянство — и пожилые, и молодые люди, разного достатка и званий. Отец и старшие сыновья особенно любили

бывать у соседского помещика — графа Василевича: кроме балов, там давались театрализованные представления, да и компания собиралась очень весёлая и душевная. Сосон подружился с одной из дочерей графа, Лизой, им нравилось вдвоём гулять на природе.

Сыновья Семёна любили ездить на охоту. Иногда их сопровождали слуги или деревенские мужики. Промотавшись целый день по лесу, с наступлением ночи они разводили костёр на какой-нибудь поляне, жарили мясо подстреленных животных, разговаривали, смотрели на мигавшие звёзды в небе...

Следуя тогдашней моде, Сосон, Коля и Руслан одевались небрежно, жилеты и рубахи не застёгивали до конца, волосы зачёсывали кое-как. Колю в лице прозвали «учёным»: он носил очки, был очень начитанным юношей и в будущем действительно хотел заниматься наукой — анатомией; сам, без помощи кого-либо, в 1836 году поступил на факультет врачебных и медицинских наук Московского университета и успешно окончил его три года спустя.

Лучьян пытался разыскать брата или хотя бы узнать о нём что-нибудь целых десять лет. С этой целью он обращался к Семёну и его друзьям, ко многим своим гостям из Петербурга, наконец, даже к царю, но безуспешно: Лесмян как в воду канул. Отчаявшись увидеться с ним в этой жизни, старик только молился о его благополучии.

И вот в мае 1839 года ему пришло письмо из Крыма: оказалось, брат живёт в доме уже покойного Генри Смолоса, а до этого несколько лет жил в Англии, у дальних потомков Лучьяна, всё в том же замке. Он писал, что болеет и пока не может приехать.

«Здесь целебный воздух и море... — рассказывал Лесмян. — Каждый вечер я люблю сидеть на берегу, опустив ноги в воду, и думать о жизни...

В последнее время стал понимать, что жил неправильно. Всё время бежал за чем-то, откладывал своё счастье. Мне всего, что имел, было мало; признаюсь, что сильно завидовал тебе, расстраивался оттого, что всю жизнь оставался в тени брата, что тебе всё давалось и доставалось легче, чем мне, и я не понимал — почему так? Только теперь понял, что ты всегда был доволен своей жизнью — и судьба посылала тебе за это всё новые и новые награды. А я почти никогда не был по-настоящему счастлив.

Напиши мне, как ты живёшь, что происходит в твоей жизни.

Но сначала передай большой привет своей жене Сашеньке, Сёмочке, его жене, детям и всем, кто тебя окружает...»

Прочитав это письмо, Лучьян даже расплакался. Он тут же поделился радостью с Сашей, которая находилась дома, со своими слугами и крестьянами, а потом — и с Семёном, когда тот приехал к нему. И поторопился написать ответное послание, полное любви к младшему брату, заботы о нём.

«Я рад, что ты проводишь время на свежем воздухе, — отвечал старик. — Прошу тебя, следи за здоровьем — поменьше бывай на солнце, не ешь жирную пищу, помни о своём больном желудке...

Не вспоминай и не думай о плохом. Во всяком возрасте нужно жить одним днём — сегодняшним, а в нашем — особенно. И я сделал много ошибок, но не сожалел о них, а просто извлекал урок. И ты начни новую жизнь. Прости всех, кто обидел тебя, прости себя за ошибки, которые допустил, и живи дальше...»

Лучьян рассказал в письме об успехах Саши, о семье Семёна, о своём поместье. Потом, в заключение, написал, что очень хочет увидеться с братом, но тоже болеет и не может осилить дальнюю дорогу. Брат Семёна Марк Матевич как раз собирался ехать в Крым по служебным делам и вызвался передать послание Лесмянцу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЛЕННИК СВОЕГО ТВОРЕНИЯ

Капитолина скончалась, когда Лукьяну исполнилось шесть лет. Для семьи её смерть была страшным ударом. Хотя она уже долго болела, все очень надеялись, что выздоровеет... Юнариус с племянницей Анной и сыном похоронили её и первое время пребывали в мрачном расположении духа, почти не общались друг с другом.

В семь лет Лукьяна отдали в частный пансион I разряда, там он учился с детьми состоятельных дворян. Они изучали французский и немецкий языки, танцы, этикет, музыку, фехтование. Мальчику нравилось там, но ещё больше полюбились ему домашние занятия, которые проводил с ним и Анной доктор.

Он обучал их естественным наукам — астрономии, физике, химии, биологии, физической географии. И то, что рассказывал, выходило далеко за пределы гимназических знаний и было куда интереснее.

Юнариус поведал о зарождении и развитии астрономии, о методах исследования неба, о великих учёных-астрономах

— Аристотеле, Аристархе Самосском, Николае Копернике, Джордано Бруно и других, о планетах Солнечной системы и их спутниках, о малых телах — астероидах, кометах, метеорах и метеоритах, о звёздах, назвал все, которые знал. Дети получили представление о том, как составлялись календари — солнечный, юлианский, григорианский. Они вместе находили в небе созвездия, наблюдали в телескоп за далёкими планетами.

Физика тоже интересовала Лукьяна. Вместе с доктором он проводил опыты со световыми и звуковыми явлениями, с магнитом. Особенно запомнилось мальчику повторение опыта Ньютона. Они занавесили окно в комнате и оставили маленькое отверстие для солнечного луча. И пропустили его через трёхгранное стёклышко — призму, — и на стене появилась разноцветная полоска — спектр.

— Радуга! — восхитился Лукьян.

— Да, это призма разложила белый цвет на составляющие его цвета, — объяснил Юнариус.

И он с помощью ещё другой призмы собрал цвета снова в один луч.

Доктор рассказывал о деятельности учёных-химиков — Роберта Бойля, Михаила Ломоносова и Антуана Лавуазье, о том, как с помощью химии получали лекарства, открыли горное дело и металлургию. Анна и Лукьян узнали об известных в то время элементах и их свойствах. Вместе с Юнариусом они проводили опыты по получению химических реакций.

С младенчества Лукьяна интересовала жизнь животных и растений. Доктор рассказал детям про обитателей холодной тундры и жаркой пустыни, высоких гор и морского дна. Повадал о деятельности шведского учёного Карла Линнея, классифицировавшего все живые организмы. Дети рассматривали в микроскоп растительные клетки.

— А как животные общаются между собой? — спросил однажды Лукьян.

И Юнариус прочитал ему целую лекцию о языках запахов, движений и звуков.

Он преподавал детям и географию. Они узнали от него о климате и природе Евразии, Африки, Северной Америки, Южной Америки, Австралии и Антарктиды, об открытиях великих путешественников — Христофора Колумба, Васко да Гамы, Фернана Магеллана и других. На карте мира, висевшей в его комнате, Лукьян отметил их маршруты.

За несколько лет Юнариус сильно постарел, поседел, превратился в дряхлого старика. Он жил в постоянном страхе — что будет разоблачён и наказан за клонирование человека. В самом деле, вдруг общество не примет его творение и сурово расправится с ним?.. Доктор успокаивал себя тем, что здесь никто не знает о таком явлении, да и если заметят, что Лукьян похож на Лучьяна — мало ли на свете двойников? Но однажды он вновь сильно встревожился...

В тот вечер всё шло обычным чередом. Юнариус только-только вернулся с работы и собрался поужинать, как вдруг в дверь постучали. Не ожидая ничего дурного, он открыл — и замер: перед ним, опершись на трость, стоял Лесмян... Оба какое-то время молчали, разглядывая друг друга, потом гость спросил:

— Позволишь войти?

— Но... я уйду... — испуганно ответил доктор. — Мне срочно надо быть в больнице...

В это время в коридор вышел рыжеволосый паренёк лет пятнадцати.

— Ты хотел скрыть его от всех? — указал на него Лесмян. — Он для этого и был зачат в пробирке?

— Ты что... всё знал? — изумлённо пробормотал Юнариус.

— С самого начала. У меня много шпионов... И как же теперь думаешь жить?

— Папа, о чём он говорит? — насторожился Лукьян.

— Не обращай внимания, это мой коллега, по работе пришёл, — поспешно объяснил доктор и, захлопнув дверь в квартиру, остался с гостем на лестничной площадке. — Послушай, я всё это сделал без злого умысла... Наоборот, Лучьян — мой кумир; когда он болел, я хотел, чтобы старик жил дальше, и создал его заново...

Юнариус уже приготовился к долгому и тяжёлому разговору, но Лесмян вдруг сказал:

— Бог тебе судья. Я пришёл совсем по другому поводу.

— П-по другому?.. — растерялся доктор.

— Я собрался лететь на Юпитер, чтобы восстановить там честное имя моего брата. На него много злословили, его выгнали оттуда и забыли о нём. Потом преследовали меня, и мне тоже пришлось перебраться сюда... Когда-нибудь нас с ним ещё вспомнят, и

я не могу допустить, чтобы о Лучьяне, добром, честном и справедливом человеке, будущие поколения думали плохо. И теперь пока под чужим именем хочу отправиться к себе на родину. Ты можешь сделать мне новый паспорт?

Юнариус побледнел, он хотел что-то сказать, но запнулся.

— Да, да, я знаю, что в молодости ты занимался подделкой документов, — кивнул Лесмян. — Мне многое про тебя известно... Так что, поможешь мне?

— Помогу...

— Тогда завтра я за тобой заеду. Мы сначала отправимся на Луну в компании нескольких людей. Там хорошо подготовимся к полёту на Юпитер, сделаем корабль побольше, оформим все документы. Завтра в девять вечера я буду здесь. Соберитесь пока в дорогу.

...После ухода гостя Юнариус долго ещё стоял в раздумьях на лестничной площадке. Он расценил это обращение как шантаж и другого выхода, кроме как помочь Лесмян, не видел. И, вернувшись в квартиру, велел ребятам готовиться к отъезду и добавил:

— Не спрашивайте меня ни о чём. Позже сами всё узнаете.

На другой день доктор объявил на работе, что уезжает, потом пришёл в пансионат и забрал оттуда Лукьяна насовсем.

В девять часов вечера за ними и Анной прибыл Лесмян, и они на дилижансе двинулись в сторону Коломны. Ехали часа три; уже давным-давно стемнело, когда миновали лес, оказались на какой-то поляне — и там увидели гигантскую железную «птицу»; Юнариус сразу понял, что это космический корабль. Все вышли из кареты, Лесмян расплатился с извозчиком и провёл спутников на борт судна. Они поднялись по трапу и вошли в салон, где уже собралось много людей.

Здесь был Марк Матевич — главный разведчик Лесмяна — с женой, тремя сыновьями и тремя дочерьми; тут находился учёный Эмиль Вирсон с женой и годовалым сыном; в креслах расположились три конструктора с Юпитера, сделавшие этот корабль и собиравшиеся в дальнейшем создать другой, более мощный, для полёта на Юпитер. Вели судно два пилота.

Лесмян усадил спутников в свободные кресла и сел сам. Железная дверь автоматически закрылась, послышалось гудение двигателя. Прошло две-три минуты — и «птица» оторвалась от земли и устремилась в космос...

Не веря своим глазам, Лукьян рассматривал в иллюминатор пробежавшие внизу равнины, горы, озёра, моря, острова...

Пассажиры некоторое время молчали, затем понемногу разговорились. Лукьян стал прислушиваться к их беседам. Они обсуждали последние новости, говорили о модной одежде и вещах, сплетничали. Эмиль Вирсон открыл шампанское и стал разливать его в бокалы.

— Давайте выпьем за наше светлое будущее, — сказал он. — Мы летим в прекрасную страну, где заживём счастливой жизнью.

Отведав шампанского, люди немного развеселились. Один Юнариус сидел грустный и задумчивый — он понял, что стал пленником своего творения и не может выкарабкаться из этой трясины... Сколько ему ещё быть марионеткой в руках Лесмяна?

Серый шар заметно приближался, увеличивался — и вот он навис над кораблём, стали хорошо видны его холмы и кратеры. И Лукьян подумал: «А где же мы здесь будем жить? Это ведь одна большая пустыня...»

— А теперь — сюрприз для почтеннейшей публики! — сказал Лесмян. — Господа пилоты, закройте-ка нам иллюминаторы!

Металлические пластины снаружи закрыли всем обзор. Дети перешёптывались: что же за «сюрприз» им приготовили? Прошло несколько минут, железки отодвинули — и люди ахнули... Внизу в полумраке проносились леса, поля, реки, озёра...

И вот показался искусственно освещённый приморский город — тысячи маленьких домиков, между которыми, как муравьи, сновали люди. Корабль пошёл на посадку...

Он опустился в маленьком посёлке. Оттуда путники на двух дилижансах добрались до города Канабаса.

Все жили сначала в гостинице, потом — на съёмных квартирах. И занимались здесь тем же, чем и раньше в России; проблем с трудоустройством и учёбой не возникло. Лесмян, сняв для себя апартаменты в центре города и поселив Юнариуса с Лукьяном и Анной в маленьком частном домике на окраине, оплачивал их проживание.

Лукьян стал обучаться в духовной семинарии вместе с сыном Марка Ивором. Он многое узнал о Лаконии из трудов Эмиля Вирсона, который часто приходил к Юнариусу в гости:

«Кроманьонцы на юге Лаконии», «Условия существования первобытных общин», «История лаконийского языка», «История и правители Лансонов» и других. И быстро выучил лаконийский язык, очень похожий на русский (здесь было много переселенцев из России). Ивор написал поэму «Сказание о вигунтах», а позже — роман «Дух античности», посвящённый Канабасу, который напоминал античный город — с такими же старинными зданиями и руинами. А Лесмян перевёл на русский язык «Песнь о царе Дормидонте», сложенную неизвестным автором в конце XVI века; в ней говорилось о возведении города Дормидонта, о войне за Лансоны и о последних годах правления великого царя; среди её героев были Лучьян с внуком Джованни.

Вскоре Лукьян, Ивор и его старший брат Симон открыли свою обувную мастерскую. Они вместе с Лесмянном, Юнариусом, Марком Матевичем и Эмилем Вирсоном материально обеспечивали постройку корабля для полёта на Юпитер; его возведение затянулось на несколько лет. И всё отчётливее понимал доктор, как согрешил, клонировав человека, взяв на себя тем самым роль Творца, хотя Лесмян ни разу больше не говорил с ним об этом...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЖУРНАЛ «ЗВЁЗДОЧКА»

После успеха «Истории...» Александра Осиповна захотела выпускать детский журнал — и рассказала о своём желании мужу.

— Что ж, коли тебе интересно, издавай, — ответил Лучьян. — И я помогу чем смогу.

И вскоре она обратилась в Главное управление цензуры с просьбой разрешить выпуск детского журнала. Через полтора месяца пришёл положительный ответ: император знал Александру Осиповну как человека преданного властям и умеющего воздействовать на читателей и поэтому отнёсся к её намерениям благосклонно. А императрица даже позволила ей адресовать журнал «благородным воспитанницам всех институтов её величества».

«Увлекаемая надеждой испросить благословения Божьего на труды мои и оттого действовать устами на умы и сердца этих милых созданий, которыми красится мир, полный разочарований, я забываю о трудностях, какие, вероятно, буду часто встречать на этой новой для меня дороге», — сообщала Александра Осиповна в письме к хорошему знакомому, известному учёному Я. К. Гроту.

Она назвала журнал «Звёздочкой». Возможно, потому, что

так обращался к ней иногда Лучьян — «моя путеводная звёздочка». Её помощниками стали Плетнёв и Грот. Первый занимался типографской работой, реализовывал продукцию, консультировал Александру Осиповну по литературным вопросам, он написал программу издания. А второй, живший далеко, в Гельсингфорсе, присылал в журнал свои рассказы и стихи.

Большинство материалов печаталось на русском языке, но были здесь и французский, английский, латынь (для биологических названий). Рассказы, стихотворения, критика, смесь — всё размещалось без постоянной рубрики.

«Звёздочка» выходила двумя отдельными изданиями с подзаголовками: «Журнал для детей младшего возраста» и «Журнал для детей старшего возраста». В ней проповедовались идеи, созвучные концепции власти С. С. Уварова «православие — самодержавие — народность».

Поэтические произведения, опубликованные там, почти все посвящались религии. Большинство их было подписано криптонимом или анонимно, но Лучьян иногда узнавал автора по стилю или начальным буквам. Прозаических произведений печаталось столько же, сколько и стихотворных. Все они несли в себе поучение, прививали нравственные ценности.

Число подписчиков росло медленно, и Александра Осиповна обращалась в редакции других изданий письма с просьбой оказать поддержку. О «Звёздочке» публиковались объявления в прессе. Издатели журнала распространяли брошюры с информацией о нём в литературных салонах своих знакомых. И просили помощи у цензурного комитета.

Однако тиражи по-прежнему распродавались плохо. Александра Осиповна решила обратиться за помощью к государству, чтобы распространить журнал через учебные заведения, подчинявшиеся Министерству народного просвещения. Она отправила несколько прошений в адрес С. С. Уварова, П. А. Ширинского-Шихматова, П. А. Вяземского. И получила положительные ответы. По просьбе императрицы многие учебные заведения подписались на «Звёздочку», и она получила широкое признание.

Летом 1844 года Александра Осиповна совершила поездку в Москву со своей горничной Катериной и друзьями — Ольгой Дмитриевной, Николаем Дмитриевичем и отроками Лизой и

Валерианом. Они ехали в дилижансе через Новгород, Тверь и Клин, через многие деревни и станции. И в каждом селении вспоминали исторические события, которые там произошли. Прибыв в Москву, путники решили остановиться у Семёна, но его квартира была заперта; дворник сказал, что он с семейством отправился в Крым — присмотреть за домом английских Смолозов в отсутствие хозяев. И тогда друзья сняли на неделю квартиру у пожилой француженки.

Они посетили соборы Кремля — Успенский, Благовещенский, Архангела Михаила, побывали в Оружейной палате. И передали москвичам несколько писем из Петербурга. Обедали у одной дамы, потом гуляли с ней в Александровском и Нескучном садах. Поднимались на колокольню Ивана Великого, с которой город виделся как на ладони: дома, башни, церкви, извилистая Москва-река, сады на её берегах... Затем ездили в Коломенское, тоже богатое садами. По возвращении Николай Дмитриевич увиделся со знакомым профессором, и компании устроили экскурсию по Московскому университету. Одно письмо из столицы передали купцу, чей дом находился в живописном местечке Кунцово, хозяин пригласил гостей на обед, а после все вместе гуляли по его усадьбе и рисовали пейзажи в альбомах.

Напоследок путники съездили в Троице-Сергиеву лавру. Там осмотрели монастырский двор с десятью церквями, Успенским собором, дворцом (так называемыми царскими чертогами), митрополичьим домом, кельями, больницей, домами Духовной Академии, садом; посетили собор и отслужили молебен у гроба Святого Сергия.

Об этом путешествии Александра Осиповна написала книгу «Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву», представлявшую собой путевой дневник, обращённый к её сестре. Лучьян с большим интересом ознакомился с произведением. Много читать врачи ему запрещали, зрение совсем уже испортилось, но всё равно каждый день он на часок-другой погружался в мир художественной литературы. И теперь словно наяву увидел Москву с её памятными местами и понял, как соскучился по ней...

Ранее вышла ещё одна книга Александры Осиповны — «Чтение для детей первого возраста». «Особенно достойны внимания и даже удивительны те статьи, в которых она для начинающих развивает географию, историю, арифметику и даже грамматику», — было написано в анонимной рецензии на неё в «Современнике». Прочитав отзыв, Лучьян узнал по стилю Белинского. Во многих семействах по этой книге давали первые уроки детям.

Лучьян основал в селе возле своего поместья школу для крестьянских детей. Она располагалась в заброшенной избе. С помощью местных мужиков и ребятишек старик отремонтировал её, залатал крышу, починил двери и окна. В ней собиралось около сотни учеников, мальчиков было больше, чем девочек. Лучьян стал обучать их чистописанию, чтению, родному языку, литературе, арифметике, истории, географии и Закону Божьему. Он выдал каждому учебники по всем предметам, чернильницы и перья, дети начали пользоваться книгами, журналами и газетами из его библиотеки, изучать географию по хорошим картам и глобусам. Их удивлял необыкновенный ум, образованность и кругозор учителя. Но из-за сельскохозяйственных работ обучение проходило лишь с ноября по апрель — дети помогали родителям работать в огороде и поле, пасти скотину.

Лучьян и Александра собрали библиотеку с величайшими произведениями Древнего Мира, Средневековья и Нового времени. Здесь были Библия, Коран, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Лунь юй» Конфуция, «Эпос о Гильгамеше», «Исповедь» Аврелия Августина, средневековый эпос — «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Старшая Эдда», «Песнь о моём Сиде», «Тысяча и одна ночь», «Круг Земной» Стурлусона, «Божественная комедия» Данте и многие другие книги.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ПОЕЗДКА В КРЫМ

Доклад о версиях гибели динозавров, подготовленный молодым преподавателем Московского университета Николаем, сыном Семёна, привёл к гибели его самого.

Прочитавший этот труд пожилой профессор Гольдштейн раскритиковал автора, сказал, что он не опирается ни на какой конкретно источник, а просто передаёт рассказы, которые бытуют среди историков и археологов. И добавил, что как преподаватель и особенно как учёный Николай — откровенно негодный человек и ему следует поискать себе другое поприще. Коля, для которого научная деятельность была смыслом всей жизни, сильно оскорбился и не раздумывая вызвал профессора на дуэль. Тот удивился, однако же согласился стреляться.

Николай написал родителям и деду Лучьяну прощальные письма. Они с Гольдштейном нашли секундантов среди своих друзей, достали оружие, кареты, пригласили врача, отыскали место для дуэли — поляну неподалёку от поместья Семёна, обсудили условия поединка. Друзья пытались помирить их, но Коля был так обижен, что даже думать не хотел об этом.

Прибыв в назначенный день на поляну, они оставили в карете

врача, вышли на поляну и поклонились друг другу. Секунданты зарядили пистолеты и отмерили барьеры шагами.

Потом противники по команде обменялись выстрелами с места. «Сходитесь», — велели им, и они двинулись друг к другу. Гольдштейн предоставил Николаю право стрелять первым. Тот выстрелил и лишь слегка задел локоть противника. Профессор же вслед за тем попал Коле в грудь, и молодой человек повалился замертво. И врач понадобился только для того, чтобы помочь отнести тело в карету...

Николая похоронили на сельском кладбище, вблизи поместья Семёна. Его оплакивали родители, поздно узнавшие о дуэли, братья, сестра, племянники, профессора, преподаватели, студенты... Лучьян, узнав о гибели внука, сильно убивался, а Александра Осиповна тихо плакала и повторяла: «Жизнь человеческая принадлежит только Богу и государю, а всё остальное — преступная гордыня...»

Гольдштейна судили и, ввиду его преклонного возраста и плохого здоровья, лишь отстранили от заведования кафедрой, сохранив остальные положения и звания. Семён затаил на него жгучую обиду и поклялся себе отомстить ему за сына. Однако не успел: профессор несколько месяцев спустя умер от рака.

Хотя Семён был уже пожилым человеком и здоровье его со временем ухудшалось, он вместе с женой каждый день ездил на балы и званые вечера. Они посещали салоны Е. М. Хитрово и её дочери Д. Ф. Финкельмон, Е. П. Елагиной, З. А. Волконской и Е. А. Карамзиной. Там в выходные собиралось до пятидесяти человек, обсуждали политику, литературу, театр, читали поэтические произведения, давали концерты, оперные и драматические спектакли. Гости пробовали себя в стихосложении, рисовании и музицировании, оставляли на память в альбоме хозяйки посвящения, цитаты, стихотворения, рисунки.

Однако в каком-то из салонов господа обучили Семёна разным играм в карты, ему понравилось это развлечение, и он потом во время каждого визита оставлял жену с её подругами и присоединялся к игравшим, а когда принимал гостей у себя, почти всё время перекидывался с мужчинами в вист, преферанс, бостон. Впоследствии это пристрастие сыграло с ним злую шутку.

Прослав замечательным игроком в карты, Семён стал посещать игорные клубы — Английский, Дворянский, Купеческий и Немецкий. И однажды внезапно проиграл большую часть своего

состояния. Он не верил своим глазам, знал наверняка, что где-то его перехитрили: шулеры использовали разные уловки, чтобы увидеть карты соперника... Но об этом уже поздно было думать. Проигравший выплатил всё, что имел с собой, и остался должен ещё огромную сумму денег.

Когда Семён, придя домой, рассказал о случившемся жене, она схватилась за сердце. И долго потом ругала мужа: как это он, почтенный дворянин шестидесяти с лишком лет, не понимает, что такие игры ни к чему хорошему не приводят, они запрещены законом, и хорошо, если его друзья и бывшие сослуживцы не узнают об этом позоре...

— Глаза б мои на тебя не смотрели! — бросила Любовь напоследок.

Эта фраза показалась Семёну особенно обидной. Куда же ему теперь деваться? Уехать в своё поместье? Или к отцу?.. Он готов был провалиться сквозь землю. И решил на время отлучиться из дома — и сам развеется, и жена за это время остынет. Сначала хотел поехать к Лучьяну и рассказать обо всём, чтобы тот хоть как-то поддержал сына, но потом понял, что это не дело — расстраивать больного отца, плакаться ему, как маленький мальчик. И в бричке вместе с кучером Лукой и его сыном, мальчиком-лакеем Ивлием, отправился в Крым, в пустовавший дом Смолозов из Англии, собираясь пожить там несколько дней, успокоиться, обдумать своё поведение, сделать для себя нужные выводы...

Семён любил гостить в этом уютном двухэтажном жёлтом здании с колоннами и теперь пробыл здесь намного дольше, чем рассчитывал. Лето уже подходило к концу, но он и слуги успели вдоволь накупаться в море и позагорать. Потом барин стал подолгу гулять в одиночестве по Ялте и её окрестностям, а Лука с Ивлием, предоставленные самим себе, делали что хотели. Они играли в лото и домино в просторном зале, купались в большом бассейне во дворе. Ивлией во время прогулки познакомился с двумя мальчишками из соседнего села, ловившими на море рыбу.

Однажды он ходил к ним в гости и по возвращении увидел на лугу хозяина с девушкой-крестьянкой: они вместе дремали обнявшись на мягком сене. Мальчик поспешил уйти оттуда и потом никому об этом не рассказывал, не желая разрушать семью барина и навлекать на себя неприятности...

В Москву путники вернулись перед зимними праздниками. Там уже начали ставить ёлки. На витринах кондитерских появились деревца, наряженные фонариками, игрушками, пряниками, конфетами и пирожными. И Семён в тот радостный день пришёл домой в костюме Деда Мороза, с живой ёлкой и целым мешком подарков для детей и внуков (у него к тому времени были уже три внука — Афоня и Назар от Созона и Аркадий от Коли). Любовь встретила мужа с прежней приветливостью и теплотой, они обнялись. Потом она сообщила:

— Созон покрыл твой долг. Только, чур, к картам больше не прикасаться — даже в салонах! А к клубам чтобы и дорогу забыл!

И он с большой радостью пообещал ей это.

Вскоре им пришло письмо от Лучьяна из Петербурга. Он рассказывал, как вместе с Александрой и её пожилыми родителями встречал праздники в городе.

Хозяева заблаговременно купили и поставили ёлку посередине просторной гостиной, прикрепили к ветвям свечи, развесили лакомства и игрушки. И пригласили на праздник дворовых детишек. Так шумно здесь ещё никогда не было! Ребята пришли в восторг, увидев наряженное, мерцавшее деревце. А когда Александра указала им на подарки под ним, те с восторженными криками бросились вперёд и чуть не свалили ёлку. С трудом остановив их, Лучьян раздал подарки. Дети постарше получили книги и туалетные вещи, дети помладше — игрушки, маленькие книжки и конфеты.

Гости веселились вокруг ёлки, водили хороводы, плясали, играли и прятались друг от друга. А потом начали срывать с ветвей сладости и игрушки, и хозяева с беспокойством следили, чтобы они не поцарапались, ничего себе не повредили.

Вскоре из магазина привезли подарок от Лучьяна и Александры её родителям — два очень удобных кресла с целой горой подушек, чтобы старикам было ещё комфортнее по вечерам пить чай и беседовать.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАКАТ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛУНА — ЮПИТЕР

Юнариус скончался на шестом году проживания в Канабасе. Будучи уже юношей, Лукьян видел, что он чем-то обеспокоен, чего-то боится. Пытался узнать от него, но тот лишь говорил: «Тебе только кажется. О чём мне беспокоиться? Живём мы тихо, мирно, всем обеспечены. Так и должна проходить старость...»

Но парень не согласился с ним: отроческие, юношеские годы казались ему тревожным, затяжным сном. Конечно, Лакония была прекрасной страной, но в России он обжился, привык... А ракету, на которой они собирались лететь на Юпитер, уже достраивали...

— Ты боишься Лесмяна? — спросил Лукьян у доктора однажды.

— С чего ты взял...

— Зачем же мы прилетели с ним сюда и теперь должны будем отправиться на Юпитер?

— Я хотел вырастить вас с Анной по-человечески, чтобы вы ни в чём не нуждались. На нашей с Лесмяном родине вы выучите местный язык и получите прекрасное образование, найдёте достойную работу...

Но самому Юнариусу не суждено было вернуться туда — через несколько дней после того разговора его обнаружили мёртвым на берегу моря. Он скончался от сердечного приступа.

На похоронах и поминках Лукьян не сдерживал слёз, оплакивал своего доброго воспитателя и наставника со всей болью и горечью, что накопились в его душе.

Потом уже, когда он стал отходить от горя, одна за другой его стали посещать навязчивые мысли. Отчего у доктора болело сердце? О чём он тревожился? Кто-то, видимо, медленно «убивал» старика, заставляя нервничать, бояться чего-то... Но кто? Лесмян? Лукьян не был уверен в этом. Однако твёрдо знал одно: профессор ему что-то недоговаривал.

Анна, жившая теперь в другом городе, Орбуче, с мужем Аристоном и маленькой дочкой Асей, смогла приехать только после похорон Юнариуса. Лукьян хотел сначала упрекнуть её, но потом одумался: разве ей сейчас легко с маленьким ребёнком, разве может она вот так сразу отлучиться куда-то...

Известный здесь конструктор Сингуляр руководил постройкой космического корабля. На столе в его кабинете стояла модель будущего судна. Лукьян любил её рассматривать — маленькую, размером с бокал, ярко-красного цвета, с миниатюрными иллюминаторами... А в это время над городом вырос оригинал, точно такой же по виду, но больше раз в пятьсот.

В назначенный день на стартовой площадке собрались все, кто должен был лететь на Юпитер: Лесмян, Лукьян, Анна с семьёй, Эмиль Вирсон с семьёй, Ивор Матевич (решивший попытать счастья на далёкой планете) и, наконец, сам Сингуляр. На отлёт пришло посмотреть несколько тысяч горожан. Взойдя по трапу

следом за своими спутниками, Лесмян повернулся к толпе, помахал рукой и воскликнул:

— Спасибо тебе за всё, Лакония! Твоё гостеприимство не будет забыто!

Компания разместилась в самой просторной из кают. Корабль загудел и плавно взлетел. Через несколько минут пассажиры наблюдали в иллюминатор бело-голубую Землю и маленькую серую Луну, стремительно удалявшиеся от них...

Грайюнкм остался тем же мегаполисом, гигантским, с бешеным ритмом жизни, только ещё увеличился в размерах. Наши путники, оказавшись там, долго не могли привыкнуть к многолюдным улицам, быстрому и плотному движению пешеходов и транспорта, высотным зданиям, уходившим в небо...

Квартиры Лесмяна уже не было и в помине, на месте его старого дома высился новенький небоскрёб.

— Я как чувствовал, когда улетал отсюда, что и мою квартиру, и ферму сотрут с лица планеты... — вздохнул старик. — Мой загородный дом тогда сожгли... А может, его отстроили и живут в нём другие люди... Что ж, давайте обратимся в «Фонд помощи нуждающимся», если он ещё существует.

По прибытии в организацию путники предъявили свои документы. Работники фонда стали изучать их.

— Лесмян Смолоз... Подождите, вы, кажется, не нуждаетесь в помощи, — сказал один из сотрудников, ища что-то на компьютере.

— Как же не нуждаюсь? — удивился Лесмян. — У меня ни денег, ни крыши над головой...

— Поезжайте в банк, где вы раньше хранили деньги, — ответил работник. — Там у вас на счету запредельная сумма.

Лесмян подумал, что здесь какая-то ошибка. Но всё же, оставив спутников в фонде оформлять пособия, направился в банк.

...Семьдесят лет назад, покидая Юпитер, он оставил там на счету немного денег — остатки от прежних сбережений. И со временем накапливались проценты, сумма росла в геометрической прогрессии... И теперь Лесмян был самым богатым человеком в стране.

Такое известие, конечно, поразило его. Старик тут же вернулся в фонд и велел спутникам не оформлять пособия — теперь он сам сможет им помочь.

Лесмян купил трёхкомнатную квартиру в спальном районе, поселил в ней друзей, а для себя приобрёл участок за городом, в живописном местечке, и построил там двухэтажный дом.

Он вскопал землю, посадил семена овощей и фруктов, поставил на огороде три пугала, чтобы птицы всё не поклевали, каждый день заботливо поливал грядки.

Друзья часто навещали его. Однажды Лесмян показывал Лукьяну, Ивору и маленькой Асе старинные вещи, которые он всегда возил с собой. Это была монета с изображением его далёкого предка — Арона Смолоза, часы на цепочке, модель фрегата, портретные миниатюры родителей и братьев, вырезка из газеты с его фотографией в юности и многое другое. Старик собрал настоящий музей.

ГЛАВА ВТОРАЯ. НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ

Обеспечив спутникам безбедную жизнь, Лесмян постарался увеличить свой и так огромный капитал, занявшись предпринимательской деятельностью. Он стал владельцем сетей продуктовых гипермаркетов «Луктус» и «Магнес», где сбывал продукцию со своей фермы. И со временем сделался большим скопидомом и скупцом. Работникам своих предприятий и фермы платил мало, премий не выдавал. А спутникам, прилетевшим с ним на Юпитер, велел искать работу и обеспечивать себя. Им пришлось выучить местный язык.

Проблем с трудоустройством в Грайюнкме не было. Лукьян устроился швейцаром в отель, Ивор — наборщиком в типографию, Аристон — курьером на почту, пожилой Эмиль Вирсон — библиотекарем, а Сингуляру удалось получить место в Центре космических исследований. Женщины не работали — вели домашнее хозяйство и воспитывали детей.

Лукьян работал в международном отеле «Альба» в центре Грайюнкма. Для этого он прошёл специальные курсы. Ему и другим новичкам дали испытательный срок. Всем постояльцам — из Ганакоры, других стран и континентов Юпитера, с других планет — надо было угодить. Но, к счастью, Лукьян умел общаться с ними. Испытательный срок прошёл успешно.

Познакомившись поближе с персоналом отеля, он подружился с горничной Лорелеей, русоволосой, синеглазой девушкой, умной

и трудолюбивой. Однако Лукьяна покорило в первую очередь её обаяние. Она была студенткой медицинского института, училась на последнем курсе, а здесь подрабатывала. Мать у неё работала учителем в гимназии. Отец, учёный-биолог, погиб несколько лет назад.

Лукьян долго добивался Лорелею. У него был серьёзный соперник — везунчик Феликс, бабник, хвастун, авантюрист. Он, казалось, стремился не завоевать девушку, а лишь победить других её ухажёров для повышения самооценки. Оба ходили с ней на танцы, участвовали в поэтическом конкурсе. Лорелея выбрала Лукьяна из-за его мягкого характера, искренности, отзывчивости, хотя Феликс тоже очень ей нравился. Но, к счастью, она умела разбираться в людях.

В первую годовщину их знакомства Лукьян сделал любимой предложение и получил согласие. Они сыграли скромную свадьбу, на которой присутствовало лишь несколько родственников невесты и сожители жениха. Лесмяна на торжестве не было — он уезжал по делам в другую страну. Сразу же после женитьбы Лукьян переехал к Лорелее.

Вернувшись из командировки, Лесмян удивился этому. Он привык властвовать, привык, что жившие в его квартире люди — всё равно что слуги: им прикажи — вмиг исполнят. Кто они без него в большом городе? Да никто, и звать их никак! А тут один взял и отделился, ушёл из-под его влияния... И не просто ушёл — даже на свадьбу не пригласил! Когда старик заговорил об этом с обитателями квартиры, Ивор возразил ему:

— Да ведь он никого специально не приглашал, мы просто все собрались здесь за столом, поужинали, поговорили — вот и вся свадьба. Не обижайтесь на Лукьяна.

Но всё же неприятный осадок в душе у Лесмяна остался. А после, когда они изредка встречались у него на квартире, Лукьян выглядел таким счастливым — просто сиял! И новости рассказывал очень хорошие: вместе с женой сделал ремонт в квартире, обучился вождению, взял автомобиль в кредит, она ждёт ребёнка... Старик понял, что завидует ему. Сам-то он не был счастлив. Всё время думал о работе и деньгах, переживал, сердил на подчинённых и конкурентов.

Через несколько месяцев после свадьбы Лукьяна женился и Ивор — на работнице столовой его типографии Кондите. Потом он стал корреспондентом газеты «Грайюнкм курсор», издал сборник своих стихотворений — любовных и философских, а также повесть «Подворье», посвящённую командировке в дальний, глухой уголок Ганакоры. Вскоре после свадьбы, на

которую Лесмян, к счастью, попал, Кондита сообщила мужу, что беременна. Они переехали на съёмную квартиру.

Лукьян видел, что Лесмян огорчён и отъездом Ивора, и жалел старика. И однажды взял его с собой в театр, чтобы тот познакомился там с какой-нибудь пожилой дамой из высшего общества. Главную роль в спектакле играла молодая, талантливая актриса Маргола-Магнития. Но во время представления Лесмян заснул, и вообще в тот вечер он не обратил на неё особого внимания. Только после, увидев её по телевизору, заинтересовался ею...

Маргола-Магнития окончила Высшее кинематографическое училище Грайюнкма, снялась в нескольких фильмах, активно играла на сцене театра. Была уже очень знаменитой. Обладала властным, жёстким и самолюбивым характером. Исполняла роли деловых дам, светских львиц, женщин из шоу-бизнеса.

Лесмян проникся к ней симпатией, а потом и вовсе влюбился. Посмотрел фильмы с её участием, стал ходить на спектакли и дарить ей пышные букеты цветов, писать актрисе письма по электронной почте и в соцсетях. Долго завоёвывал девушку. А когда предложил ей выйти за него замуж, она поняла, какая шикарная жизнь ждёт её вместе с ним, и дала согласие. Свадьбу отметили скромно, в узком кругу — жених и невеста устали от внимания и хотели просто отдохнуть.

Во всех трёх новых семьях родились мальчики, с перерывом в несколько месяцев: сначала у Лукьяна и Лорелеи — сын Вениамин, потом у Ивора и Кондиты — сын Милан, а после у Лесмяна и Марголы-Магнитии — сын Беркос. Всех троих в младенческом возрасте крестили.

Маргола-Магнития не любила мужа, и мать, домохозяйка, вдова богатого бизнесмена, убедила её, что для личного счастья можно завести любовника. И молодая жена поступила так, но уже после рождения ребёнка.

Лесмян чувствовал себя теперь самым счастливым человеком, он даже будто помолодел. Каждый день после работы спешил домой, в новую квартиру, купленную для семьи, зная, что там его ждут жена и малыш со светлыми волосами и синими глазами, очень-очень похожий на него. И они будут играть вместе, отец покормит сына из бутылочки, а потом искупает в ванночке, напевая какую-нибудь весёлую песенку...

Когда Милану исполнилось два года, трагически оборвалась жизнь его отца Ивора.

Лесмян однажды выискал на карте огромное месторождение золота в пустыне. В старые времена никто не хотел ехать туда из-за необыкновенно засушливого климата и жары, а теперь и вовсе считали сведения об этих богатствах мистификацией. Но Лесмян всё же решил попытаться счастья и собрал экспедицию за золотом. Вместе с ним в путь отправились Лукьян, Эмиль, Ивор и Аристон.

Они несколько суток добирались на автомобиле Лесмяна, вели его по очереди. В городке неподалёку от пустыни запаслись водой и провизией. Потом три дня вели раскопки. Лесмян следил за тем, чтобы воду не выпили раньше срока. И всё же она кончилась, когда путники находились в глубинах пустыни. Лукьян и Ивор отправились в городок за новыми запасами, в пути увидели куст с бутонами и колючками, под ним — лужу, и Ивор попил из неё. И вскоре в судорогах умер на руках у друга. Позже при вскрытии тела выяснилось, что он отравился соком ядовитых цветов, росших в пустыне.

Золото Лесмян так и не нашёл. По поводу смерти Ивора он ничего не говорил, но переживал сильно. И после его похорон вновь занялся своими делами, однако о жене и маленьком сыне покойного не забыл — помогал им материально.

Сохранилась личная анкета Лесмяна, заполненная в 1855 году по нашему летоисчислению. В ней указан его рост — сто восемьдесят девять сантиметров по нашему измерению. Названы по именам родственники: родители — Кристиан и Грета, братья — Лучьян и Гельян, сыновья — Амиз, Акияз, Данила, Феофан, Савва и Беркос. Любимая вещь — медная монета с изображением далёкого предка Арона Смолоза. Кумир — очень богатый царь Грайпонт, живший две с половиной тысячи лет назад. Главное увлечение — коллекционирование денежных купюр разных стран. Внешний вид: шляпа, большие очки, тёмно-синий фрак, чёрные туфли, трость в руках.

В то время Лесмян заинтересовался своей родословной. В детстве он слышал от отца, что тот является прямым потомком основателя Грайюнкома Грая Фортиса. Кристиан рассказывал, что его дедушка был известным учёным-ботаником, а папа — морским капитаном, пропавшим без вести. О предках матери Лесмян знал мало, но надеялся что-нибудь ещё выяснить о них.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЙНА ЛЕСМЬЯНА И ЛУКЬЯНА

Лесмян отдал Беркоса в элитный детский сад Грайюнкома под названием «Матрицибус», чтобы тот привыкал к коллективу.

Там о нём заботились опытные нянечки, он вовремя кушал, гулял, спал. У малышей была большая культурная программа: развивающие игры, детские передачи по телевизору, художественная самодеятельность. А Вениамина и Милана продолжали воспитывать дома родители.

Мальчики виделись часто — по выходным, праздникам, а иногда и по будням, когда вся компания собиралась на старой квартире Лесмьяна. Они втроём крепко подружились и уже не представляли своей жизни друг без друга. С ними любили нянчиться старшие дети — сыновья Эмиля Вирсона Алекс и Маркос и его дочь Алиса, а также дочь Анны Ася.

Взрослые с ребятами часто ездили на природу. Ставили палатки где-нибудь на поляне или на берегу реки, разжигали костёр, жарили шашлыки и готовили сэндвичи, играли в подвижные игры, купались, загорали... Потом сидели у огня, грелись, тесно прижавшись друг к другу, вспоминая что-нибудь хорошее, беседуя о чём-нибудь или распевая песни.

Лукьян знал, что Лесмьян — родной брат Лучьяна Смолоза, бывшего когда-то Президентом Солнечной системы, и что тот живёт под Петербургом вместе с женой.

Иногда, оставаясь в одиночестве, молодой человек размышлял о жизни. Знал, конечно, что Лесмьян — крупный магнат, когда-то был политиком и блестящим учёным. Но зачем он появился в их с отцом жизни и до сих пор как будто держит Лукьяна возле себя?.. Юнариус и раньше всё принимал близко к сердцу, но после того странного разговора с гостем, которого мальчик не слышал, словно помешался! Начал бояться чего-то! И стал подчиняться старому скряге. И сгубил его этот необъяснимый страх... И почему Лесмьян взял их с собой в дальний путь и не оставляет Лукьяна и Анну даже после смерти доктора? Парень с трудом верил в происходившее с ним: космические полёты, пребывание в далёких мирах... Только теперь, к тридцати годам, он осознал в полной мере, какая странная у него жизнь — просто огромный детектив...

Однажды у Лесмьяна сильно поднялось давление. Служанка вызвала врача, и тот, осмотрев больного, послушав его через трубочку, сказал:

— Вашему организму не хватает кислорода. Рекомендую вам почаще гулять на свежем воздухе.

Лукьян посоветовал ему съездить в санаторий. Тот уговорил его ехать с ним: Маргола-Магнития, снимавшаяся в какой-то

любовной мелодраме, не могла сопровождать мужа. Оставив мальчиков с Лорелеей, они отправились в пригородный санаторий «Немус», в котором лечили пожилых людей.

Там Лесмян прошёл водные процедуры — полежал в разных ваннах, ему сделали массаж, напоили лекарствами, и вскоре он почувствовал себя лучше. И во время обеда сказал Лукьяну:

— Ты смотришь так, будто хочешь спросить меня о чём-то и не решаешься...

И тот поведал ему о своих размышлениях. И спросил, зачем тот держал возле себя Юнариуса и держит теперь его. Лесмян помолчал немного и сказал:

— Твои родители тебе не родные по крови. Юнариус действительно создал тебя, но в пробирке. Ты — клон моего брата Лучьяна Смолоза.

Лукьян был поражён. И едва-едва взял себя в руки. Он хорошо знал, что такое клонирование, об этом здесь, в Ганакоре, говорили много, правда, клонировали не людей (это преследовалось по закону), а только животных.

Лесмян рассказал ему, как долго болел Лучьян и как доктор Юнариус, давний и преданный поклонник, боясь потерять своего кумира, сделал его копию, а выносила малыша женщина, которую он справедливо считал своей матерью.

— Я всего лишь попросил твоего отца помочь мне с оформлением документов, когда собрался лететь на Юпитер, — вспомнил старик. — Он боялся, и напрасно, что я отдам его под суд за клонирование. И сам следовал за мной как преданный пёс.

— А мы-то с Анной зачем были тебе нужны?

— Просто жалел вас, — ответил Лесмян. — Молодые, неприспособленные к жизни, потерявшие обоих родителей. Муж Анны Аристон поначалу не вызывал у меня доверия. А ты... Ты — точная копия моего родного, любимого брата. Неужели думаешь, что я расстанусь с тобой?

— Зачем ты вообще решил лететь на Юпитер?

Лесмян рассказал, как два века назад чиновники Сатурна и Юпитера оклеветали Лучьяна, не дававшего им грабить подвластные народы, и изгнали с родной планеты, а его самого, попытавшегося позже восстановить честное имя брата, тоже выслали оттуда. Теперь он решил снова побороться за справедливость.

— Почему же ты мне так долго не говорил, что я — клон? — удивился Лукьян.

— Кто знает, как бы ты повёл себя тогда, в юности... — задумался Лесмян. — Тебе могли быть в тягость мысли, что ты не такой, как все, ты бы мучил себя этим. А сейчас у тебя есть работа и семья, живёшь как обычный человек. И спокойнее можешь принять такое известие.

— Да, в чём-то ты прав, — согласился Лукьян. — Если бы я узнал такое в юном возрасте, то наверняка ушёл бы в отшельники, не чувствуя себя полноценным человеком. Клон — это даже не сам человек, а его копия. Сейчас я сделался мудрее и затворником не стану, но всё же мне очень не хочется, чтобы кто-то знал о моём происхождении... Лесмян, прошу тебя, не говори об этом никому...

— Я и до этого молчал, — вздохнул тот, — пока ты меня не разговорил... Нет, ты не прав. Клон — это человек, абсолютно такой же, как все, просто зачатый другим способом. Все люди, появившиеся в результате искусственного оплодотворения, были взяты из пробирки. Их только в Грайюнкме десятки тысяч...

Лесмян успокоил Лукьяна и уложил спать, понимая, как перевернул его мировоззрение этот разговор. Тот действительно был шокирован, что является точной копией самого Лучьяна Смолоза. Но Капитолина и Юнариус навсегда остались для него родными мамой и папой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. БУНТ

Лесмян не любил бывать на корпоративах, которые устраивали его работники, считая это пустой тратой времени. Но однажды всё-таки появился на одном из праздников, вызвав у подчинённых радость, удивление, смятение, даже настороженность: ведь он, наверное, не просто так пришёл — хочет сказать что-то важное...

Лесмяна сопровождали Лукьян и шесть директоров его компаний. Сначала наградили лучших работников, и только потом руководители вышли на сцену. Старик волновался — он давно собирался сказать это и теперь рисковал своей репутацией, а может быть, и жизнью...

— Дорогие друзья... Мне нужно сообщить вам кое-что. Я — родной брат Лучьяна Смолоза, известного учёного, педагога, путешественника, космического первопроходца, благодаря которому между планетами установился контакт,

главнокомандующего в Великой Освободительной войне против алгольцев и Президента Солнечной системы...

Лесмян поведал о том, как брат заботился о народах Солнечной системы, стремился к справедливости и был изгнан за это с планеты чиновниками-казнокрадами и всем высшим обществом, испорченным властью и деньгами...

— И теперь Лучьян вынужден скрываться на другой планете. Когда я попытался заступиться за него, тоже был выслан отсюда. Позже возвращался на Юпитер, пытался восстановить его доброе имя, но меня не стали слушать, только угрожали и несколько раз пытались убить. Однако сейчас другие времена. Сегодняшнее поколение больше стремится к честности и объективности, и ему я доверяю...

На самом деле Лесмян доверял только своему авторитету. В последние годы он снискал огромное уважение у ганакорцев, к его словам прислушивались. Но сейчас люди не знали, как реагировать на сказанное: со времён президентства Лучьяна Смолоза прошло два века, власти предали его имя забвению, даже в Интернете о нём было мало информации. На празднике присутствовали журналисты, папарацци и всё записывали на камеры и диктофоны. Когда оратор окончил речь, все зааплодировали, обрадованные только тем, что компании не прекращают свою работу. А Лесмян обманулся, решив, что в лице подчинённых нашёл сторонников. И начал обдумывать выступление на следующем корпоративе...

Но через несколько часов он был арестован полицией, когда подходил к зданию, в котором работал. Взяли под стражу директоров его компаний и Лукьяна. Блюстители порядка допрашивали их, пытаясь выяснить, зачем они публично говорили о Лучьяне Смолозе. И узнали, что Лесмян хотел реабилитировать брата, а остальные тут ни при чём. Но всех продержали в следственном изоляторе почти полгода. Арестантов навещали их семьи и друзья. Однажды приехал мэр Грайюнкма, чтобы поговорить с Лесмянном с глазу на глаз.

— Чего вы добиваетесь? — возмущённо спросил он. — Разве вам плохо живётся? Ваш брат пострадал по собственной вине! Он пошёл против законов, которые издавна чтит наше общество! Теперь вас, как особо опасного бунтаря, поместят в колонию на всю жизнь. И не думайте, что сможете откупиться, даже всем своим состоянием!

— Отпустите хотя бы Лукьяна и моих подчинённых — они ни в чём не виноваты, — попросил Лесмян.

— Следствие разберётся, — ответил мэр. — А вы, если не хотите до конца своих дней находиться в тюрьме, должны публично покаяться и признать, что были неправы. Тогда вас посадят под домашний арест. Всё-таки это более лёгкое наказание...

— Я ни в чём каяться не собираюсь! — воскликнул Лесмян. — Брата не предам, какое бы наказание мне ни назначили.

— Что ж, господин Смолоз, вы сами подписали себе приговор, — вздохнул мэр и ушёл.

Однако психиатр признал Лесмяна невменяемым и отправил на принудительное лечение. А его спутников отпустили, правда, первое время за ними велась слежка.

Мэр велел подчинённым конфисковать все деньги Лесмяна, но тот заморозил свои счета и, когда о них спрашивали, прикидывался слабоумным и лишь мычал.

Однажды Лорелея узнала, что глава города в скором времени посетит военную выставку, и решила отправиться туда в надежде лично просить его о снисхождении к Лесмян. Но в одном из залов, где мэр вместе с приближёнными осматривал бронетехнику, собралась огромная толпа, и женщина с трудом смогла пробиться вперёд. И вдруг возникла страшная давка. Охранник мэра достал пистолет и несколько раз выстрелил в воздух, чтобы разогнать людей, и ещё раз нажал на курок — случайно. Пуля попала в солнечное сплетение Лорелеи, и она упала. Все отодвинулись назад и, толкаясь, налетая друг на друга, в ужасе покинули здание. А мэр и его подчинённые, осмотрев экспонаты, спокойно сели в автомобили и уехали.

Лорелею забрали врачи, но она скончалась по дороге в больницу, не приходя в сознание. О её смерти известили мать, мужа и сына. На похоронах Вениамин и бабушка рыдали, убивались, а Лукьян, хоть и тоже был в слезах, сохранял спокойствие и раздумывал о чём-то.

Он знал, как погибла жена, кто виновен в этом... И вскоре приехал на служебной грузовой машине в Центр космических исследований, встретился с Сингуляром и стал упрашивать продать ему одну из пушек, которыми оснащали космические корабли для борьбы с пиратами.

— Но они не продаются, — удивился Сингуляр. — Зачем тебе такое опасное оружие?

— Мне очень-очень нужно, — ответил Лукьян. — Это дело жизни и смерти. Сингуляр, друг, выручай, я потом тебе всё объясню. Сейчас у меня очень мало времени...

— Послушай сначала меня, — велел Сингуляр. — Это должно остаться между нами...

Он рассказал, что на последнем свидании Лесмян на зашифрованном языке, понятном только узкому кругу лиц, поведал ему, где находятся деньги, обналиченные им — в трёхстах километрах от Грайюнкма, в городке Обиусе, в специально арендованном помещении. Туда же по его приказу доставлен пассажирский космический корабль. Часть денег Сингуляр погрузил в него, а остальное старик велел оставить для санитаров, с которыми обо всём договорился: в условленное время они сбегают вместе с ним из психбольницы, едут в Обиус, там делят между собой несметные сокровища и покидают страну. Всем своим спутникам Лесмян велел в назначенное время находиться в Обиусе, в космическом корабле.

— Так что в скором времени мы должны будем ехать туда, — сказал Сингуляр.

— Значит, ты точно не пострадаешь из-за пропажи пушки! — воскликнул Лукьян. — Прошу тебя, дай мне её! Это очень важно!

Конструктор был в недоумении: зачем молодому человеку так понадобилось оружие, тем более что они вот-вот улетят с планеты?.. Но тот ничего не объяснял, просто просил... умолял...

В конце концов Сингуляр сдался, выписал Лукьяну пропуск на склад, тот въехал туда на грузовике, погрузил в кузов пушку и двинулся в центр города.

Подъехав к десятиэтажному зданию мэрии, он припарковался чуть поодаль от него, по другую сторону площади, в середине которой возвышался памятник мэру, поставленный ему за «заслуги» в благоустройстве города. Вышел из машины и направился к дому. Хотел лишь узнать, здесь ли глава города и на каком этаже. Но как было это сделать, не вызвав подозрений?..

На проходной его спросили, кто он и по какому делу прибыл, Лукьян ответил, что должен встретиться со своим «приятелем», охранником мэра, но пришёл рано, поэтому подождёт. И присел на диванчик. Мимо него проходили важные люди, политики, чиновники, послы, и всех молодой человек провожал грустным, потерянным взглядом. И вот появился глава города с двумя охранниками, один из которых и убил Лорелею. Они зашли в лифт и уехали на шестой этаж — так показало табло. Лукьян быстро покинул здание.

Он забрался в кузов грузовика, зарядил пушку и, прицеливаясь, выстрелил из неё в ту область шестого этажа, где находился лифт. Видимо,

орудие попало бракованное. Первый снаряд не долетел до здания — разбил вдребезги памятник главе города и взорвался где-то в кустах; второй снёс ворота мэрии и разлетелся уже во дворе; а третий угодил точно в цель, дом со страшным грохотом обрушился...

Пока люди были в панике и ещё не подросла полиция, Лукьян выскочил из машины, кинулся к остановке, вскочил в трамвай с другими пассажирами. Доехал до вокзала, взял билет на поезд, проходивший мимо Обиуса, отбывавший буквально через несколько минут...

Когда он добрался до космического корабля, там уже находилась вся компания: Лесмян, Маргола-Магнития и её мама, Беркос, Вениамин, Кондита и Милан, Анна с мужем и дочкой, Эмиль Вирсон с женой и тремя детьми и Сингуляр с двумя пилотами... Санитары к тому времени успели забрать деньги и покинуть город.

Наряд полиции из Грайюнкома уже подъезжал к Обиусу, когда корабль с громким гудением, оторвавшись от взлётной площадки, устремился в небо...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ. КНИГИ И ЖУРНАЛЫ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ

Александра Осиповна хотела адресовать журнал «Звёздочка» только подросткам, а для детей младшего возраста издавать другой, под названием «Искорка». Она писала Я. М. Гроту: «Это дало бы мне гораздо более удобств наполнить большее отделение, или „Звёздочку“, которая остаётся теперь неудовлетворительной потому, что шестнадцатилетние девушки и двенадцатилетние дети не могут любить одного чтения, а у меня много пропадает материалов, которые очень хороши были бы для первых, но невыгодны для вторых». Но издала только две книжки журнала.

В 1849 году издательница временно прекратила выпуск «Звёздочки», потом возобновила его — уже для детей младшего и среднего возраста. И создала новый журнал «Лучи» — для девушек. В январе 1850 года вышел первый номер. Он начинался с письма от редактора: «Нашим читательницам». Издание имело две цели — образование и развлечение, потому как «утомлённый ум имеет нужду в отдохновении, или опечаленное сердце — в утешении». Александра Осиповна приводила правила, по которым следовало жить женщине. Супруга должна была стать отличной хозяйкой и рукодельницей и славить мужа. Саморазвитие считалось одной из главных

целей. Автор хотела воспитать из читательниц хороших хранительниц домашнего очага, набожных, любящих супруга, преданных царю.

Со временем у журналов появилась строгая рубрикация: разделы «Словесность», «Науки», «Новые книги» и «Смесь». В «Словесности» публиковалась проза и стихи, соответствовавшие интересам читательниц и воспитывавшие их. В «Науках» размещались публикации по истории, в основном русской, и материалы по естественным наукам. В «Новых книгах» перечислялись издания с характеристикой и описанием. «Смесь» состояла из небольших статей. Выпускалось и приложение к журналу — руководства по рукоделию.

Кое-чем «Звёздочка» и «Лучи» отличались друг от друга. Первый журнал, например, был иллюстрированным. А во втором печатались биографии исторических лиц, стихотворения на французском и английском языках. В «Звёздочке» материал подавался упрощённо и больше для развлечения.

Произведения публиковались часто под псевдонимами или анонимно. Среди авторов были архиепископа Неофит, в миру — Н. В. Неводчиков, и помещик В. В. Верещагин, друг отца Александры Осиповны.

Супруга рассказывала Лучьяну о письмах от благодарных читательниц и зачитывала отрывки из них. Девочки с интересом знакомились с новыми журналами и ждали с нетерпением следующего номера. Сначала выписывали «Звёздочку», потом, повзрослев, ещё и «Лучи», и все издания сохраняли в домашней библиотеке — для младших братьев и сестёр, для будущих поколений.

В середине 1860-х годов Александра Осиповна перестала издавать журналы. Но долго ещё работала над книгами.

«История России» переиздавалась шесть раз. Выходила и в разных вариантах, под другими названиями: «Исторические рассказы», «Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для маленьких детей», «Священная история в разговорах для детей», «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей». Также автор написала учебник «Сокращённая русская история» для гимназисток.

В 1856 году вышла книга Александры Осиповны «Первое чтение и первые уроки для маленьких детей», адресованная дошкольникам и посвящённая детям императора; прообразом её стало сочинение французской писательницы госпожи Тастю

«L'education maternelle». Она была рассчитана на преподавание без учителя — матерью или наставницей, в домашних условиях. В первой её части детей обучали азбуке и чтению, во второй — чистописанию, и в третьей — арифметике. Всё это давалось в форме диалога воспитательницы с ребятами. В книге разместили много рисунков.

В 1876 году вышли «Рассказы для детей из естественной истории» — маленькая энциклопедия, одобренная Учёным Комитетом Министерства народного просвещения для библиотек младших классов. Она знакомила учеников с ботаникой, зоологией, геологией, географией. Для лучшего запоминания материала в ней цитировались стихотворения В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, Н. М. Языкова, басни И. А. Крылова, помещались чёрно-белые рисунки.

В 1878 году были изданы «Рассказы о священной истории для крестьянских детей», в 1881 — «О молитве Господней для маленьких детей», «Русским детям», «Рассказы для детей первого возраста с картинками в тексте».

Не одно поколение обучалось по книгам Александры Осиповны. Хотя это были скорее не учебники, а научно-популярная литература, дети по ним лучше понимали и запоминали исторический материал. Плетнёв в письме к Гроту замечал, что без её пособия «...стыдно составлять учебную книгу Русской истории...».

Александра Осиповна прививала детям хорошие качества, трудолюбие, бережное отношение к природе, к живым существам, уважение к культуре предков. Она делала это и в своих обращениях к ребятам, и в беседах мальчиков и девочек со взрослыми в рассказах. Всё излагалось очень простым языком, понятным детворе. Прототипами персонажей этих историй часто были знакомые ей малыши. Её книги долгие годы служили для воспитания детей и семейного чтения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РОКОВОЙ ЮБИЛЕЙ

Семён к старости сделался тучным из-за мучной, сладкой пищи, продолжительного сна и неподвижного образа жизни. Иногда ему становилось трудно дышать, он не мог подняться с кресла. И завидовал себе молодому — каким был красивым, стройным, ловким! Теперь же старался не смотреться в зеркало, считая себя отвратительнейшим человеком на свете.

Всё реже ходил на прогулки, перестал посещать званые вечера и балы, да и у себя устраивал праздники нечасто, больше не ездил верхом. Увидев однажды своё отражение в витрине

магазина, ужаснулся — он походил на огромный шар, в котором соединилось всё — и руки, и ноги, и туловище, и такая же круглая голова с двойным подбородком...

К счастью, в это время у него гостил бывший однополчанин, который и повёл его к своему знакомому доктору, лечившему пожилых людей. И тот посадил Семёна на строгую диету. Велел есть хлеб только ржаной, мясной суп с зеленью, капустой и кореньями, избегать мучных кушаний в любом виде, отказаться от пива, из мяса употреблять в основном телятину и птицу. По его рекомендации пациент стал соблюдать режим дня, рано ложиться спать и вставать, гулять каждый день и носить повязку от тучности, которая удерживала живот, не давала ему обвиснуть. Было, конечно, трудно выходить из-за стола не наевшись, утром хотелось поваляться в постели, а после прогулок кололо в боку, но Любовь строго следила, чтобы муж выполнял все предписания доктора. Семён не очень похудел после этого лечения, однако лицо его вновь разгладилось, он почувствовал себя здоровее и свежее и стал более подвижным.

Семидесятилетний юбилей Семёна праздновали у него в поместье. Съехались все его дети, кроме Руслана, жившего за границей. Прибыли старые друзья — их уже не так много осталось в живых; среди них — генералы И. Л. Шаховской, И. И. Васильчиков, А. П. Ермолов, Е. А. Головин, А. И. Гудович и другие. Лучьян и Александра Осиповна, которых все очень ждали, находились ещё в дороге. Именинник сообщил, что английские Смолозы прислали бутылку вина урожая 1765 года, и в разгар торжества открыл её. Ему первому выпала честь выпить бокал этого напитка. Он вдруг почувствовал себя очень плохо и направился в ванную комнату, где вскоре сыновья обнаружили его мёртвым. Все поняли, что вино было отравлено. Через несколько часов, вскрыв тело, патологоанатом подтвердил это...

В день похорон поместье Семёна хорошо убрали и распахнули ворота настежь. Собралась огромная толпа — родственники, друзья, знакомые, сослуживцы покойного. Все снимали головные уборы, кланялись его вдове и детям, говорили слова соболезнования. Потом двинулись на кладбище. Гроб несли Созон, Дионисий, Константин и деревенские мужики. Следом за ними шли люди с венками в руках, факельщики, хор певчих и духовенство. Родные усопшего добирались пешком, в каретах и пролётках. Шествие замыкали крепостные и бедняки. В церкви возле кладбища священник совершил отпевание. Когда гроб опустили в могилу и забрасывали землёй, у Лучьяна, убитого

горем, несколько раз подкашивались ноги, но его удерживали супруга Александра, Любовь и Ульяна.

На поминках гости ели блины с яйцами, икрой и сметаной, рыбу, пили клюквенный кисель и вспоминали Семёна, его доброту, благородство, скромность и великолепное чувство юмора. Священники молились о его душе. Любовь стала раздавать милостыню нищим. Так же помянули новопреставленного и на девятый, двадцатый и сороковой день.

Лучьян и Александра Осиповна после девятидневных поминок вернулись в Петербург — пришло известие о смерти её отца. Мать сильно тосковала по нему и через несколько месяцев тоже скончалась. Они полвека прожили душа в душу...

Семён не оставил завещания, так как не собирался в скором времени умирать, но при жизни много раз говорил, что передаст поместье Дионисию: все дети, кроме него, уже съехали от родителей, устроились на новом месте. Как же складывалась их судьба в то время, когда скончался отец?

Созон был полковником, уже несколько лет жил в Санкт-Петербурге, в строгости воспитывал двоих сыновей — Анастаса и Назара. Первый учился в военной гимназии, готовился к поступлению в Михайловское артиллерийское училище, то есть собирался идти по стопам отца. А второй, ученик обычной гимназии, пока ещё не знал, кем будет, но очень интересовался естественными науками и медициной.

Руслан за три года до смерти отца переехал с женой и дочерью в Вену, преподавал на историческом факультете Венского университета. Он увлекался главным образом археологией, публиковал в газетах и альманахах статьи по истории первобытного общества. Регулярно писал письма родителям и дедушке Лучьяну в Россию. В одном из них, присланном за несколько месяцев до смерти отца, сообщал, что удочерил ещё одну девочку — ребёнка своего погибшего друга и коллеги.

Ульяна несколько лет назад полюбила одного из крестьян своего отца и против воли родителей обвенчалась с ним в церкви. Чтобы не конфликтовать с Семёном и Любовью, не желавшими породниться с крепостными, они с мужем переселились к Лучьяну. Там у них родилась дочка, названная Дашей. Вскоре мужа Ульяны забрали в рекруты. И она воспитывала ребёнка без него, жила в поместье у дедушки, и тот заботился о них.

Дионисий окончил Славяно-греко-латинскую академию, знал

несколько иностранных языков. Он много путешествовал, вместе с купцами плывал по Волге и Оке, торговал мехами и тканями. Потом вернулся в поместье и начал ухаживать за ним вместо больного папы. Семён понял, что сын станет рачительным хозяином. Когда отец умер, Дионисий был ещё холост.

Константин недавно окончил Александровский лицей в Царском Селе и теперь жил там же, в Петербурге, в квартире Лучьяна, работал верстальщиком в типографии. Он состоял в тайном революционном кружке и занимался написанием и распространением листовок, в которых призывал к освобождению крестьян от барского гнёта. Этому посвящал и свои публикации в газетах — анонимные или подписанные псевдонимом «Костя Берилус».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА

У Лучьяна было около трёхсот слуг и крепостных — семейства Берёзкины, Анисимовы, Павловы, Карпенко, Гороховы, Ковалёвы, Яковлевы, Балаковы, Глуховские, Боровчуки, Васильевы, Глебушкины и другие. Некоторые служили ему очень давно. Он со своими людьми держался на равных, заботился о них, с сочувствием относился к их бедам, работал вместе с ними в поле, был им как родной отец, нянчил и помогал воспитывать многих крестьянских детишек. И крепостные очень прижились в его поместье, не чувствовали себя ущемлёнными, зависимыми, наоборот, каждый день видели доброе отношение барина к себе.

Но таких хозяев в империи почти не осталось. Подавляющее большинство крестьян помещики притесняли, угнетали, те иногда устраивали волнения, но их быстро подавляли. Однако и Александр I, и Николай I хотели в будущем отменить крепостное право, уменьшавшее производительность труда крестьян, но боялись вражды со стороны дворян. А Александр II понял, что это неизбежно, и не стал медлить...

Он создал секретный комитет, преобразованный позднее в главный, с которым обсуждал намечавшуюся реформу, принимал от редакционных комиссий законопроекты по улучшению быта крестьян. И 19 февраля 1861 года подписал Манифест об отмене крепостного права и утвердил «положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». 5 марта документ обнародовали.

Крестьяне стали свободными людьми. Но земля, на которой они жили и работали, по-прежнему принадлежала помещикам. Те должны были дать им в пользование участок — «полевой

надел», за который следовало заплатить деньгами или работой. И бывшие крепостные, и дворовые люди (освобождённые без надела), не имевшие ни копейки, оставались в зависимости у барина ещё на два года. Крестьяне отработывали лишь пятую часть долга, остальное выплачивало государство, которому они должны были всё вернуть в течение сорока девяти лет.

Временнообязанные, как теперь называли «освобождённых», встретили реформу безрадостно, с недоверием. В марте — мае устраивали сильные волнения в губерниях, говорили, что помещики и чиновники «подменили» данную царём «настоящую волю» и что не надо подписывать никаких договоров с ними.

В письме к Лучьяну его внук Дионисий жаловался, что крестьяне все поголовно уклоняются от подписей в соглашении — уставной грамоте, хотя он научил их писать свои фамилии; некоторые просто ставят крестик или галочку, чтобы никто не мог доказать, что это их подпись. Молодой помещик готов был обратиться к мировому посреднику и решить всё «старым барским способом» — поркой непокорных людей. Но старик тут же отправил к внуку своего знакомого, добропорядочного чиновника, которому удалось замять конфликт и доходчиво объяснить крестьянам, что никакого подвоха в подписании уставных грамот нет и хозяин точно отпустит их через два года.

Лучьян был готов освободить своих людей без всякого выкупа. Но большинство их осталось жить и работать в поместье, а несколько семейств, перебравшиеся в Петербург, часто навещали его. Ему по-прежнему приходили письма из всех уголков Земли, приезжали гости, знакомые и незнакомые, много наслышанные о нём, и он всех привечал.

Весной 1863 года большинство крестьян получило маленькие и плохие наделы, на которых ничто не росло. И временнообязанных перевели на выкуп. В нечернозёмных губерниях это сделали в основном по требованию помещиков, а в чернозёмных — по взаимному соглашению.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БОРЬБА ЗА ЗАМОК

Корабль благополучно, без перебоев долетел до Земли. Лесмян велел пилотам держать курс на Россию, Петербург, приземлиться возле поместья Лучьяна. Но, когда судно уже снижалось над планетой, двигатель неожиданно забарахлил, и главный пилот сказал:

— Наверное, не получится совершить посадку там...

— Сажай где придётся, — ответил Лесмян. — До Петербурга доберёмся по суше или воде. Здесь всегда что-то случается с двигателем, когда подлетаем к планете...

Корабль приземлился на пустынном берегу острова Уайт возле побережья Англии. Там, осмотрев двигатель, Сингуляр и пилоты поняли, что его нельзя отремонтировать, так что дальше придётся добираться сушей и морем. Путники забрали из судна все вещи, которые могли унести (Лесмян и Лукьян несли деньги), и ушли.

В порту Райда они сели на пароход, направлявшийся в Портсмут. И во время плавания Лесмян рассказал спутникам о своих дальнейших планах. Он намеревался вновь поселиться в старинном замке внучатого племянника — лорда Власа Смолоза. Его далёкие потомки, жившие в нём, примут гостей с большой радостью, считал старик.

В Портсмуте Лесмян нанял несколько четырёхколёсных кэбов, вся большая компания разместилась в них, и они вереницей двинулись в Брайтон. Поздним вечером экипажи прибыли туда, путники закупились кое-какой провизией и отправились дальше — к замку, до которого оставалось не более тридцати километров. По обеим сторонам дороги тянулся густой лес, луна освещала пустынную дорогу, повозки ехали плавно, ровно. Люди увидели замок издалека — он крепким, могучим, грозным великаном возвышался над всем, что его окружало. В нескольких сотнях метров от него они миновали широкий ручей, возле которого на поляне стоял постамент какого-то памятника с оставшимися на нём каменными сапогами.

— Вот ведь вандалы! — возмутился Лесмян. — Здесь был памятник Власу Смолозу, долго стоял, а теперь его снесли... Что ж это за разбойники здесь живут! Какие недостойные потомки у Лучьяна!

Замок охраняли несколько здоровенных стражников с ружьями в руках. Они ходили туда-сюда вокруг его стен, прислушиваясь к тишине, вглядываясь в темноту, изредка негромко переговариваясь между собой. Появление экипажей сильно обеспокоило их; когда кэбы остановились, они столпились вокруг прибывших, настороженно, испытующе глядя на них.

— Мне нужно увидеть хозяина замка, — сказал стражникам Лесмян. — Я родственник Власа Смолоза.

— Хозяин спит, он не велел тревожить, — ответил один из них, невысокий толстяк с тупым взглядом. — Убирайтесь туда,

откуда прибыли.

Лесмян, не привыкший к такому обращению, опешил. Чтобы какой-то сторож говорил ему такое!..

— Ты сам уберёшься, когда твой хозяин узнает, кого прогоняешь!

Стражники негромко, приглушённо засмеялись. Толстяк снял с плеча ружьё, ткнул им в плечо Лесмяна.

— Иди отсюда, покуда цел, старик! Здесь не богадельня, чтобы сирых и убогих привечать!

У Лесмяна сжались кулаки. Он уже собрался кинуться на своего обидчика, но Лукьян жестом успокоил его, осторожно отвёл дуло ружья в сторону и сказал:

— Уважаемые господа, не сердитесь на нас. Мы не разбойники и не бездомные. Старый господин сказал правду — мы являемся родственниками Власа Смолоза. У нас очень важное дело к вашему хозяину. Мы здесь проездом из одного города в другой и очень нуждаемся в его помощи. Будем крайне признательны, если вы дадите ему знать о нашем визите.

Он долго уговаривал стражников сообщить о прибывших владельцу замка, и те долго не соглашались, прогоняли путников. Наконец, когда Лесмян наделил их всех деньгами из своих запасов, один из сторожей отправился известить хозяина о приезде гостей.

Через несколько минут в воротах замка предстал высокий, полный старик с седой шевелюрой и большими усами, в халате и со свечой в руке.

— Рудольф Свиндлер, — представился он. — Чем обязан?

Лесмян, подойдя к нему, поведал о себе и о людях, сопровождавших его, рассказал о поломке космического корабля и попросил пустить переночевать скитальцев. Свиндлер внимательно выслушал гостя и сказал:

— Но это не замок лорда Власа, вы ошиблись. Он принадлежит нашему семейству, и построил его мой дальний предок Гарольд Свиндлер. А лорд Влас — это всего лишь придуманный герой старинных легенд...

— Как же придуманный, когда я сам его видел — как и вас сейчас!
— воскликнул Лесмян.

— Да вы сумасшедший... — тихо проговорил Свиндлер.

Лесмян понял, что в замке теперь живёт чужое семейство. Если они его купили, тогда ещё ладно, а если захватили силой,

выжили хозяев? Нужно сейчас же во всём разобраться...

— Здесь многие из окрестных селений подтвердят, что это замок лорда Власа. Кто вы и как смогли стать его владельцем?

— Я ведь только что сказал: его основал мой дальний предок...
— сердито сжал зубы Свиндлер. — Послушайте, убирайтесь отсюда немедленно, иначе вам нездоровится!

— Ничего, я всё равно доберусь до правды, — пообещал ему Лесмян. — Однажды вас и ваше семейство вышвырнут отсюда как щенков.

Под смех стражников он вернулся к экипажам и велел кучерам гнать обратно в Брайтон.

Три дня они жили в таверне на окраине городка. Там вести распространялись быстро, и вскоре все знали, что приехали настоящие родственники лорда Власа. На третий день к ним пришёл его дальний потомок, сын дочери Джеральда Смолоза. Это был сэра Луи Мэтр, седоволосый господин небольшого роста, элегантно одетый — в чёрном костюме и цилиндре, с моноклем на глазу, известный чайный магнат, выращивавший чай в теплицах и торговавший им. Путники узнали от него, что в замке лорда Власа действительно проживает чужое семейство, хитростью захватившее владения по поддельным документам и выжившее оттуда хозяев. Оно настолько влиятельное, что даже Мэтр, богатый человек, имеющий широкий авторитет, ничего не может сделать — все чиновники, которых он отправлял к ним для проверки документов у новых владельцев, утверждали, что всё в порядке.

— Ясно, что их подкупили, — сказал Лесмян. — Ну ничего, теперь я сам возьмусь за это дело. Мы выведем проходимцев на чистую воду. Мне самому замок не очень нужен, но не могу смириться с тем, что в нём поселились и живут чужие люди, которые оскорбили и предали забвению род Смолозов.

Сэр Мэтр пригласил путников к себе на постоянное жительство — он жил один в двухэтажном доме, семьёй не обзавёлся, и там хватало места на всех. Лесмян с большой радостью и благодарностью принял его предложение, и в тот же день все переселились к магнату. А на другой день он устроил мужчин к себе в компанию: Лесмян стал одним из управляющих, а остальные занялись торговлей чайной продукцией в разных городах Англии; женщины начали вести домашнюю работу — готовить еду, стирать, убираться. Все были довольны тем, что вновь нашли приют.

Они познакомились со многими жителями городка, в том числе с образованным и деловым мэром города Хэмптоном, задумчивым, степенным судьёй Висманом, добродушным доктором Глэндом, рассеянным, чудаковатым профессором Кавердом и другими. Лесмяна удивляло, как с такими честными и принципиальными, на первый взгляд, людьми ещё не раскрыта афера, о которой известно во всей Юго-Восточной Англии — видно, старик Рудольф — опытный мошенник, с многолетним стажем. Но всё-таки нужно было с помощью новых знакомых разоблачить самозванцев. И Лесмян подал в суд на семейство Свиндлеров.

На следствии жители замка представили все документы, свидетельствовавшие о том, что они — его хозяева. Однако легенда о том, что их семейство уже несколько веков владеет этим замком, сочинённая кем-то из них, развеялась: было указано, что Рудольф оформил владения на себя лишь три года назад, в 1857 году.

На суде присутствовало всё большое семейство Свиндлера и другие его родственники, жившие с ним в замке — старики, мужчины, женщины, подростки, дети. Ознакомившись с материалами следствия, показаниями свидетелей (среди которых были Мэтр и другие потомки Лучьяна), судья Висман вынес приговор: всё оставить без изменений, пока не найдётся старший законный владелец замка — Лучьян Смолоз, который лично на суде сможет подтвердить, что никому не продавал его.

Лесмян не был уверен даже в том, что брат жив, а если даже жив, то как можно тащить больного, еле живого старика за море? И всё же написал ему письмо, в котором не сообщал ничего о замке, а лишь интересовался его здоровьем. Время шло, после отправления послания минуло несколько месяцев, а ответа не приходило. Лесмян переживал.

«Может быть, письмо перехватила его жена, Александра Осиповна? — думал он. — Не знаю, как она ко мне относится, но, может быть, захочет огородить Лучьяна от многих, в том числе от меня. Ему теперь покой нужен... А вдруг брата уже нет в живых?»

От последней мысли Лесмяну стало совсем плохо...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

У Мэтра давно уже болело сердце, но он не говорил об этом своим постояльцам и работникам. Лишь в беседе с Лесмяном однажды обмолвился об этом. Он не тревожился из-за своей болезни, не считая её серьёзным недугом. И занимался своими

делами, переживая только об урожае чая и торговле. Сердечный приступ случился у него дома ночью, женщины обнаружили его утром мёртвым. Незадолго до смерти он написал на всякий случай завещание, в котором передавал свой дом и компанию Лесмянну.

Первое время наследник даже не вспоминал о замке, который отобрали у Смолозов чужаки — налаживал торговлю и воспитывал сына. Но позже вновь ему вновь стало обидно, что с потомками Лучьяна так обошлись, и захотелось восстановить справедливость. Маргола-Магнития устроилась в Королевский театр, играла в спектаклях «Госпожа Бовари», «Гордость и предубеждение», «Джейн Эйр», «Отец Горио», «Красное и чёрное» и других и, если не была довольна теперешней участью после успеха в Ганакоре, то, по крайней мере, смирилась со своей судьбой. Когда Лесмян рассказал ей о намерении продолжить войну со Свиндлерами, она удивилась:

— Зачем тебе это нужно? Ты получил такой хороший дом с землёй... И торговля приносит большой доход. Неужели этого недостаточно?

— Дело здесь не в имуществе, а в репутации рода Смолозов, — ответил он. — Я не дам опорочить его. Пусть эти жулики поскорее уберутся оттуда!

Лесмян несколько раз собирался плыть на корабле в Россию к брату, но всё откладывал путешествие — был загружен делами в компании. Тогда он решил отправить вместо себя Аристона, Сингуляра и двух пилотов.

— Вы должны будете не только найти Лучьяна, но и постараться привезти его сюда, если только он не в совсем плохом состоянии, — напутствовал их Лесмян. — За это я заплачу вам большие деньги. Знаю, что это долгое и довольно трудное дело, поэтому не ограничиваю вас во времени.

Они не отказались от поручения, хотя тоже не одобряли его затею. Но Сингуляр решил добираться в Россию не на морском корабле, а на космическом, и перед стартом хорошенько осмотреть его ещё раз и отремонтировать.

— Плывите на морском судне, — настаивал Лесмян. — Космическое уже совсем неисправно — хоть вы и отремонтируете его, оно всё равно рухнет в полёте. Послушайте меня, не рискуйте своими жизнями.

— Мы много лет занимаемся сборкой космических кораблей и сможем обеспечить надёжный полёт, — возразил Сингуляр. — И потом, в Россию и обратно лучше добираться по воздуху. Лучьян

вряд ли вынесет долгое плавание по морю, но считанные минуты пути по воздуху обязательно выдержит.

Этот довод показался Лесмьяну настолько разумным, что он даже обрадовался. Но добавил:

— Смотрите, чтобы никого не угробили...

Аристон взял с собой жену и дочку. Компания собралась в дорогу, попрощалась со всеми и отправилась на остров Уайт к космическому кораблю.

Лесмьян надеялся, что всё пройдёт успешно. Но через несколько дней его спутники и подчинённые узнали трагическую весть. Когда он вернулся домой из деловой поездки, Лукьян встретил его в дверях и схватил за воротник:

— Убийца! Ты убил мою сестру!

Подошли их сыновья.

— Папа, папа, успокойся, иначе тебе опять плохо станет, — сказал Вениамин и увёл отца.

— Что случилось? — спросил поражённый Лесмьян у Беркоса.

— Космический корабль упал где-то в Нидерландах, — сообщил тот. — Все наши разбились...

Через несколько дней тела погибших были привезены в Брайтон и похоронены на городском кладбище.

После случившейся трагедии Лесмьян вновь на какое-то время забыл о замке Власа Смолоза и думал только об этом несчастье, сопереживал Лукьяну. Он долго выпрашивал у него прощение, говорил, что хотел отправить путников морским путём и отговаривал их от полёта. Тот долго не мог его простить, а потом, хоть и простил, всё равно стал хуже к нему относиться.

Шли годы. Вениамин, Милан и Беркос выросли, умнели, жадно впитывая знания, которые давали им учителя школы Брайтона и родители. Все трое были довольно спокойными, послушными мальчиками, хотя и совершенно разными: Вениамин имел более жёсткий, волевой, упрямый характер, Милан — бесконфликтный, уступчивый и мягкий, и Берка — тоже, хотя иногда добивался своего хитростью. Милан в двенадцать лет потерял мать (Кондита умерла от туберкулёза), остался круглым сиротой, и Лесмьян взял его на воспитание и заботился о нём так же, как о родном сыне. В то же время у Вениамина скончалась бабушка и он замкнулся в себе, стал более серьёзным и молчаливым.

Лукьян приложил все силы для того, чтобы Вениамин после окончания школы смог поступить в Брайтонский университет, совсем новый, основанный несколько лет назад, но очень престижный. И, хотя сын делал отличные успехи в учёбе, отец нанял пожилого профессора, чтобы тот занимался с ним дополнительно. Он неплохо подготовил юношу к поступлению, однако Вениамин так и не стал студентом: вскоре он вместе с Миланом и Беркосом по прежнему поручению Лесмьяна отправился в Россию — и они не захотели возвращаться оттуда.

Приплыв на корабле в Санкт-Петербург, друзья сразу же двинулись в поместье Лучьяна. Легко и быстро добрались до него в нанятой бричке. Постучались во двор, объяснили выглянувшей из-за калитки девчонке-прислуге, что хотят видеть хозяина, и их впустили. Парней встретила пожилая женщина в кокошнике — хозяйка поместья, Александра Осиповна, спросила, кто они такие и что им нужно. Когда Беркос сказал, что он племянник Лучьяна и приехал навестить дядю, она, кажется, поверила, но сказала строго:

— Он очень болен и не может долго разговаривать. Я пойду подготовлю его к вашему визиту.

Старушка ушла в дом. Через несколько минут появилась на крыльце и сказала:

— Заходите, хозяин хочет вас видеть. Но не утомляйте его.

В одной из комнат на постели сидел худой, слабый старик в серой пижаме, с длинной белой бородой, с покрытыми морщинами лицом и руками. Когда юноши вошли, он даже не сразу их увидел, только по шагам понял, что гости уже тут. Когда они поздоровались, Лучьян ответил на приветствие, долго вглядывался в их лица, но видел только смутные очертания. И лица племянника не смог разглядеть, как ни старался. Все трое назвали свои имена.

— Берка... Беркос... Здесь, на Земле, нет такого имени, — сказал старик. — Оно было у нас в Ганакоре.

— Я и родился там, — ответил Берка. — Мы все втроём родом оттуда.

И он поведал дяде о годах детства, о том, как Лесмьян пытался восстановить на Юпитере честное имя брата и сам пострадал из-за этого, о перелёте на Землю и о жизни в Англии. Вениамин с удивлением смотрел на Лучьяна: тот был очень схож внешне с его отцом, черты лица — совершенно такие же, правда, Лукьян

ещё не поседел, не облысел и не покрылся морщинами. И имена они носили почти одинаковые!

— Я рад, очень рад, что Лесмян жив, здоров и даже руководит такой крупной компанией, — улыбнулся Лучьян, выслушав историю племянника. — Сколько лет беспокоился о своём братишке, не имея от него никаких новостей... А теперь у меня словно камень с души свалился.

— Только он сейчас обеспокоен одним делом... — Берка решил перейти к главному и рассказал дяде о поселившихся в замке лорда Власа Свиндлерах, о борьбе Лесмяна с ними и о решении суда. — Так что отец очень хочет, чтобы вы приехали, дядя...

— Он никуда не поедет, — ответила стоявшая в дверях Александра Осиповна. — Вы совсем разум потеряли — хотите везти больного человека в такую даль! Что за глупость снова пришла в голову этому Лесмяну?

— Берка, милый мой, я бы поехал, но здоровье не позволяет, — виновато улыбнулся Лучьян. — Видишь, лежу целый день на кровати, не могу подняться без помощи других. Веришь ли — во двор нет сил выйти, не то что куда-то ехать...

Берке стало стыдно — и за отца, и за себя, что пытается исполнить его глупые прихоти.

— Простите меня, — сказал он. — Дядя, мы не знали, что вы так больны... И потом, я сам не поддерживаю эту затею отца, исполняя его повеление только из уважения к нему...

— Мы сейчас вас накормим, — ответил Лучьян. — И вы поживёте у нас. Посмотрите, как красиво тут! Леса, луга, речка рядом, парк очень красивый! Как хорошо отдыхается! А надоест затишье — в город выберетесь, погуляете.

Юноши поначалу не хотели задерживаться в его поместье, но теперь им так понравилось здесь, так захотелось отдохнуть после долгого, утомительного путешествия, что они согласились пожить у него. Начали помогать хозяевам по дому, работать в огороде и поле и так прижились тут, что скоро поместье стало для них родным. Иногда ездили в город, чтобы прогуляться по Невскому проспекту, пообщаться с такими же молодыми людьми, побывать в театре.

И вот однажды, когда Милан заметил, что они уже зажились у Лучьяна и пора им возвращаться в Англию, Беркос ответил:

— Друзья, может быть, вас удивит то, что сейчас скажу... Но я никуда отсюда не поеду. Лучше здесь свою хату выстрою и буду жить. Мне так надоело всё время находиться под влиянием

отца, делать только то, что он хочет, выслушивать его вечные претензии... А здесь живу свободно и счастливо...

— Я бы тоже не хотел отсюда уезжать, — поддержал его Вениамин. — Несколько дней назад в театре познакомился с прекрасной, образованной, очень достойной девушкой, и мы почти сразу поняли, что не можем друг без друга... И семья у неё благородная, самых высоких нравов... Нет, отца я буду навещать, но жить хочу здесь.

— Что ж, значит, и я остаюсь с вами, — радостно ответил Милан.
— Куда я без вас... Тем более что и мне нравится здесь.

Когда они сообщили о своём решении остаться в России Лучьяну, тот очень обрадовался и велел им жить у него. Но парни решили при первой же возможности поселиться отдельно и не злоупотреблять гостеприимством старика.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПОИСКИ СКЛЕПА

Прошёл год, два со дня отъезда юношей в Россию. Отцы терпеливо ждали сыновей и их друга Милана, но те не возвращались... Наконец Лесмян написал письмо в поместье брата с расспросами: прибыли ли мальчики и всё ли с ними в порядке?

К тому времени Вениамин женился и переехал к родителям жены на Садовую улицу, Милан тоже познакомился с какой-то барышней и собирался под венец, они снимали комнату на Выборгской набережной, так что у Лучьяна остался один лишь Берка. Он подружился с девкой-прислужгой Устиньей и в будущем хотел обручиться с ней. Устроился продавцом в сельскую лавку, в свободное время занимался хозяйственными делами в поместье, новая жизнь ему очень нравилась. Но пришло письмо от отца из Англии, Александра Осиповна прочитала его и передала Берке.

— Мне и вправду уже пора ехать, дядя, — сказал он Лучьяну. — Загостился я у вас. Папа ждёт меня, беспокоится.

— Не торопись, — ответил Лучьян. — Живи там, где тебе лучше. А отца ты можешь просто навестить.

Он понимал, что характер у его младшего брата тяжёлый, не каждый с ним уживётся.

Когда в выходной день Вениамин и Милан приехали в поместье, Берка рассказал им о письме из Англии. Посоветовавшись, парни решили, что нужно поехать к Лесмян и Лукьяну и всё им объяснить. Вениамин с Беркой поплыли на корабле к своим

отцам, оставив дома Милана, занятого приготовлениями к свадьбе.

Прибыв в Брайтон, они узнали, что Лукьян обзавёлся новой семьёй — женился на княжне Людмиле из Москвы, с которой познакомился во время её путешествия по Англии, и у них уже подрастало маленькое чудо — дочка Ксения. Лесмян случайно встретил старика Свиндлера на сельскохозяйственной выставке, они вновь поругались, потом подрались, и теперь на лице у Лесмяна красовался здоровенный синяк. У Марголы-Магнитии обнаружился талант ещё и в пении, и теперь она колесила по стране с гастрольями и не смогла повидаться с сыном.

Отцы очень обрадовались приезду сыновей, у них будто камень с души свалился. Правда, потом, во время разговора с Беркой, Лесмян начал возмущаться, что тот так своевольно поступил: не только не привёз Лучьяна в Англию, но и сам поселился у него!

— Дядя очень болен, — пытался оправдаться юноша. — Ты бы видел его! Он во двор выйти не может, куда же поедет в таком состоянии?

— Ты видишь синяк? — отец ткнул пальцем себе под глаз. — Это мерзавец Свиндлер мне поставил. И я с ним ещё разберусь. Раз родной сын не смог мне помочь, я сам как-нибудь найду способ выгнать проклятое семейство из замка!

Берка не узнавал папу: тот был так занят своими повседневными делами, своей выгодой, что даже не потревожился о больном брате... Лесмян ещё долго ругал сына за безалаберность, легкомысленность, но тот уже не сильно переживал из-за этого: он твёрдо решил, как ему жить дальше...

Через три дня после приезда юноши тайком от Лесмяна отправились обратно в Россию. Лукьян проводил их в порт, благословил в дорогу, пообещал, что серьёзно поговорит с Лесмянном об их дальнейшей судьбе, и сообщил, что в скором времени хочет сам приехать в Москву: жена Людмила собирается вернуться на родину, а он всё равно не задержится в чайной компании — она вот-вот развалится.

Прошло несколько лет. Три друга жили своей жизнью, иногда встречаясь, чтобы погулять вместе, посидеть в каком-нибудь кабаке, поговорить о жизни. Все трое остались без высшего образования. Вениамина тесть устроил секретарём в Морское министерство. Милан работал извозчиком, а Берка — уборщиком и истопником в типографии. Лукьян, как и говорил, перебрался с женой и дочкой в Москву, и сын теперь чаще виделся с ним.

Его супруга Людмила, ставшая писательницей и издавшая книгу «Молодость цезаря Октавиана Августа», очень заинтересовалась преданием о первобытном человеке по прозвищу Великий Ум, рассказанным ей мужем, а ему, в свою очередь, когда-то поведал его Лесмян. Ровно век назад лучшие археологи России уже вели поиски в Крыму, где, по некоторым сведениям, он захоронен, но безуспешно. Но Людмила теперь постоянно вспоминала о нём. К тому же они с мужем были много наслышаны о последних новостях в археологии — об открытии Альтамиры Марселино де Саутуолой и нахождении Трои Генрихом Шлиманом. Их очень заинтересовали эти находки, кроме того, Лукьян знал, что и Лесмян, и Вениамин с друзьями тоже увлекаются древностями. И решил организовать экспедицию в Крым, но главной её целью сделал не нахождение склепа, а примирение Лесмыяна и Берки (был уверен, что общее дело и интересы их сплотят) и совместный летний отдых на море. Он снял в Ялте просторный дом и созвал туда родственников и друзей из России и Англии.

Лесмян, пытавшийся спасти гибнущую торговую компанию и сверх меры занятый её делами, всё же смог приехать на недельку в Крым, чтобы немного отдохнуть. И здесь встретил сына Берку. Отец с трудом его узнал — так он возмужал и изменился внешне. Все трое друзей прибыли сюда с семьями. У Лукьяна была семилетняя дочь Ксюша, у Вениамина — две дочери-погодки, Соня и Маша, немного младше Ксюши, у Милана — трёхлетний сын Егор, а Берка только ждал прибавления — у жены округлился живот. В Ялту приехала также внучка Лучьяна Ульяна с дочерью Дашей и тремя маленькими внуками — Митей, Настей и Сенечкой. Дети очень подружились между собой и целые дни проводили вместе — гуляли, играли в подвижные игры, купались в море под присмотром взрослых, загорали.

Однажды вечером, после ужина, взрослые и ребята пили чай во дворе и Лесмян рассказывал всем о жизни старика Веллиса по прозвищу Великий Ум и о поисках его захоронения. У него была трагическая судьба: трое сыновей погибли в юные годы, после умерла жена, и он ушёл странствовать вместе с братом и племянниками. Более трёх десятилетий они кочевали по Европе, племянники за это время выросли, обзавелись семьями. Последние несколько месяцев Веллис жил, по сведениям археологов, где-то на территории Крыма, здесь и был похоронен. В первобытное время его почитали и помнили, передавали сведения о нём из поколения в поколение, и спустя почти тридцать тысяч лет один охотник оставил иероглифическое послание о древнем человеке для потомков. Оно было найдено скифами и расшифровано античным

историком Геродотом. Этот старик, по преданию, являлся великим мудрецом, понимавшим законы природы и приведшим человечество к вере в единого Бога. Давалось и его описание: высокий, сухощавый, с длинными седыми волосами и бородой, с продолговатым лицом и большими сильными руками, при ходьбе опиравшийся на палку. Говорилось, что он похоронен на побережье моря. Лучьян и княжич Василий в конце XIV века наткнулись где-то здесь, в Крыму, на древний склеп, скорее всего, тот самый.

Лукьян не рассчитывал, что экспедиция будет серьёзным, долговременным предприятием, и собирался прожить тут всего два-три месяца, однако учёные, наслышанные о поисках первобытного захоронения, тоже приехали в Крым со своими коллегами и рабочими. Здесь собрались самые известные в то время русские археологи: А. С. Уваров, И. Е. Забелин, Н. П. Кондаков, А. Ф. Лихачёв, В. В. Радлов, Д. Я. Самоквасов и другие. Лесмян и Берка помирились, стали теплее относиться друг к другу, и отец решил задержаться тут до конца лета.

Раскопки велись в пригороде Ялты, возле небольшой деревушки на берегу моря. Археологи нашли осколки старых разбитых сосудов, но те представляли собой небольшую ценность. Больше ничего отыскать не удалось.

Лесмян и здесь продемонстрировал свои предпринимательские способности. Они с Лукьяном и Беркой открыли закусочную «Обед с динозаврами», находившуюся прямо в пещере на морском побережье, оформленную в первобытном стиле. Вениамин, Милан, Берка и их жёны нарисовали красками на стенах разные сцены из жизни доисторических людей — охоту, рыболовство, собирательство и так далее. В меню была в основном растительная пища, но иногда женщины готовили и мясо. Всё это Лесмян покупал на рынках. Он привёз несколько дубовых столов и стульев, факелы для освещения и чучела динозавров и первобытных людей. Посетителей приходило много, и даже когда лето закончилось и отдохавшие уехали, закусочную стали посещать местные жители. Хозяин решил задержаться тут ещё.

Когда осенью наступили первые холода, Берка сказал отцу:

— Папа, оставь ты свою чайную компанию, всё равно она уже отжила своё, и переезжай к нам в Петербург. Дядя Лучьян очень ждёт тебя, наверное, вам много нужно сказать друг другу.

Лесмян пообещал сыну уладить в скором времени дела в Англии и вернуться в Россию. И они закрыли закусочную, потому как

уже надвигалась зима, а в пещере не было отопления, и на следующий день уехали из Крыма.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. СМЕРТЬ ЛУЧЬЯНА

Лесмян прибыл в поместье к брату поздней осенью, в пасмурный ноябрьский день, когда листья с деревьев уже опали. Лучьян к тому времени совсем ослеп, но, когда Берка, не предупреждая его, ввёл к нему в комнату своего отца, сразу почувствовал, что пришёл важный гость. А услышав голос братишки, даже заплакал от радости.

— Лучьян, братец мой... Сколько лет мы не виделись... — говорил Лесмян, обнимая его, и тоже не сдерживал слёз.

— Куда же ты запропал так надолго? — спрашивал Лучьян. — Я ведь думал, что даже проститься с тобой не успею... Мне совсем чуть-чуть осталось жить, в чём ещё душа держится...

— Ну, это ты брось, — отвечал Лесмян, присаживаясь к нему на кровать. — Поживём ещё с тобой...

И они не спеша поведали друг другу о своей прежней жизни. Лучьян с беспокойством послушал рассказ брата о нескольких годах жизни на Юпитере (Лесмян упомянул и о Лукьяне — не как о клоне, а как о сыне доктора Юнариуса) и, узнав о попытке восстановлении своего честного имени, грустно покачал головой:

— Там сейчас никому ничего не докажешь. Жизнь сильно изменилась у нас на родине. А мне здесь лучше, спокойнее...

Он окликнул служанку, проворную пухлую девку, и велел ей приготовить комнату для Лесмяна.

В декабре к Лучьяну прибыло почти всё семейство. Приехал генерал Созон с женой, помещик Дионисий с женой, четырьмя дочками и двумя сыновьями, Константин с женой и двумя сыновьями-подростками. Созон был очень болен — недавняя русско-турецкая война, гибель сына и долгие безуспешные поиски его могилы сильно подкосили здоровье.

В конце месяца в поместье приехали из города Вениамин и Милан с семьями. В тот день всё большое семейство собралось в просторном зале, женщины испекли к обеду пироги с мясом, картошкой и грибами, приготовили щи, выставили на стол все угощения и домашнее пиво. Лучьян, ничего не видя, нащупывал рукой головушки детей, которых к нему подводили, и угощал их пряниками, конфетами, печеньем и прочими сладостями.

В самый канун нового года жена Берки Устинья родила здорового, крепкого мальчика Афоню.

На Рождество все вместе ходили в церковь, на повозке привозили туда Лучьяна. Его посетило много славильщиков, и он всех одарил сладостями. К детям приходили соседские ребята, водили с ними хороводы, танцевали, игрались.

На Масленицу всё семейство участвовало в гуляниях. Дети катались с горок на санках, коньках, в деревянных корытах. Лесмян и Созон помогали им строить снежный городок. В конце праздничной недели они с весёлыми криками и песнями сожгли соломенное чучело. И блинов все поели вдоволь — со сметаной, маслом, сболтанным молоком.

В начале весны Дионисий с семьёй уехал обратно в Москву — готовиться к свадьбе дочери с сыном какого-то столичного чиновника, запланированной на июнь. В начале апреля в поместье прислали открытки с приглашениями на неё. Лучьян не смог из-за плохого здоровья поехать на праздник, Александра Осиповна под его диктовку написала молодожёнам письмо с поздравлениями.

На Пасху родители крестили маленького Афоню. Его крёстным стал Вениамин, а крёстной — Даша, дочь Ульяны. К празднику освятили воду, испекли куличи, покрасили яйца. Играли и резвились на улице дети с подростками, пели и плясали взрослые, кто-то играл на гармонии, звонили церковные колокола, и у людей было светлое, радостное настроение.

В начале июня умер от сердечного приступа Созон. В тот вечер он пошёл прогуляться в лес и долго не возвращался; посланные за ним Милан и Беркос нашли его мёртвым на поляне. Узнав об этом, Любовь Андреевна, жившая в Москве, стала чахнуть, здоровье её резко ухудшилось, и через несколько месяцев она тоже скончалась.

В конце мая 1881 года праздновалось пятидесятилетие литературной деятельности Александры Осиповны, в городской квартире Лучьяна собралось великое множество людей из разных изданий и просветительских обществ, чтобы поздравить её. А вскоре, уже в поместье, у неё случился инсульт и она умерла, отдыхая после утренней прогулки.

Лучьян сильно рыдал, убивался по ней, трогал лицо, волосы, одежду жены, приговаривая:

— Голубушка... Голубушка моя... На кого же ты меня покинула...

Зачем я-то ещё живу? Господи, возьми мою душу тоже...

Во время приготовлений её к погребению и похорон с Лучьяном разговаривал сначала Лесмян, затем — священник; много горя у него случилось за всю жизнь, но сейчас он так изводил себя, что больно было смотреть — видно, Александру Осиповну любил особенно, всей душой, и очень привязался к ней. Оставшись без жены, стал медленно угасать, словно догорающая свеча. Похудел ещё сильнее, кожа задубела, кости выступали из-под неё, зубов совсем не было.

В конце августа 1882 года Лесмян под диктовку брата написал его завещание. Нажил тот не так много и надеялся, что имущество родные и близкие разделят по совести. Поместье передал Ульяне, её дочери и внукам, а также Лесмяну и Берке. Большая, просторная квартира в Петербурге — семьям Созона, Дионисия и Константина. А денежные средства, бережённы́е им на всякий случай, — Вениамину и Милану и их семьям.

Тогда же Константин на новое изобретение — фонограф — записал прощальную речь Лучьяна, в которой тот подводил итоги своей жизни. Эта запись, к сожалению, не сохранилась — вскоре Лесмян забрал её себе, и неизвестно, что с ней стало потом. Но Лукьян почти дословно помнил сказанное.

Лучьян говорил о своей жизни как о необычайно долгой, насыщенной событиями — ему довелось хлебнуть гораздо больше горя и радости, чем обычному человеку. А грешил он, по собственному мнению, тоже немало. И признавался, что очень устал жить, смерть для него — лишь облегчение.

Упомянув вскользь главные события в своей жизни (открытие юпитерианам космоса в X веке, спасение систем Солнечной и Альфа Центавра от алгольцев в XIV веке, освоение Солнечной системы и налаживание контакта с цивилизациями других звёздных систем, президентство над Солнечной системой), Лучьян главным своим достижением называет создание большого семейства и воспитание потомков. У него за всю жизнь было семеро сыновей (Люмпан, Мечислав, Руслан, Кристиан, Монито, Виникуляр и Семён), хотя могло быть гораздо больше, если бы не вечные странствия и загруженность делами, и эти сыновья дали огромное потомство, много хороших, достойных людей, которые сделали мир лучше.

Он с горечью заметил, что у России теперь тяжёлый период: самодержавие вот-вот падёт, а кто будет новым правителем и чего от него ждать — неизвестно. Главное, чтобы народ был сплочённым, люди стояли друг за друга... Тогда ему любые

беды станут нипочём. Русские люди сильны духом, любимы и хранимы Богом, их никогда никому не сломить.

В заключение Лучьян велел потомкам (человечеству) любить друг друга, делать добро друг другу, чтить и соблюдать заповеди Божьи, и тогда все беды отступят от них.

В начале сентября Лесмяну пришло письмо от Лукьяна из Москвы. Тот просил помощи и заступничества. Три года он работал печатником в типографии, в последний год хозяин плохо платил ему зарплату, много недоплачивал, а потом вдруг уволил его, отказавшись выплатить положенное. Лукьян несколько раз ходил в типографию, просил отдать долг, но получал отказы. Во время последнего визита начальник рассердился и выгнал бывшего работника, а тот сгоряча пригрозил, что разберётся с ним. И через три дня ночью типография сгорела дотла — кто-то поджёг её. Лукьян не имел к этому никакого отношения, но хозяин и другие работники слышали его угрозу. Он был вызван в суд, но не пошёл туда. В ответном письме Лесмян велел ему срочно приезжать с семьёй в Петербург.

В последний день Лучьян проснулся рано и велел Ульяне разбудить всех, кто был в доме. Когда взрослые и дети собрались у его постели, он перекрестил их и сказал: «Живите счастливо, долго, не ссорьтесь, воспитывайте детей». Все по очереди ответили ему: «Прости нас». Он улыбнулся: «Бог простит». Потом все ушли к себе, чтобы ещё немного отдохнуть, а старик остался лежать в одиночестве...

Закончив утренний обход поместья, Лесмян вернулся в дом, собираясь поговорить с братом о дальнейшем управлении хозяйством, но тот был уже мёртв... Взяв его похолодевшие руки в свои, Лесмян опустил на стул возле кровати и заплакал... Сколько они пережили вместе, как любили друг друга, какой крепкой нитью были связаны всю жизнь! А теперь Лучьяна больше нет и никогда уже не будет... Лесмян почувствовал себя таким одиноким, словно у него никого больше не осталось...

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл малыш Афоня с ивовой дудочкой в руках — наверное, хотел, чтобы дедушка подудел в неё, поиграл с ним. Тот встал со стула, взял внука на руки и вместе с ним вышел из комнаты, поплотнее закрыл дверь. Когда он встретил в коридоре Ульяну, у него язык не повернулся сказать о случившемся.

— Не заходите пока к Лучьяну, не тревожьте его — пусть поспит,

наберётся сил. Я поеду в город за доктором.

А сам поехал за гробовщиком. В городе заказал гроб и на обратном пути встретил Лукьяна, его жену и дочь, направлявшихся в поместье. Попросил друга зайти с ним в кабак, чтобы поговорить наедине. И там с глазу на глаз сказал ему:

— Я помогу твоей беде и спасу тебя от тюрьмы, если и ты не бросишь меня. Обещаю тебе в дальнейшем не только свободу, но и достойную работу и жильё, если сейчас поможешь мне. Будешь ли безоговорочно выполнять мои поручения, какими бы странными они тебе ни показались, и ни о чём меня не спрашивать?

Лукьян был удивлён, но он знал, что на Лесмяна можно положиться, да и другого выхода не видел, поэтому после недолгих раздумий ответил:

— Да.

Они пожали друг другу руки в знак скрепления устного договора.

Лесмян отвёз жену и дочь друга в гостиницу, а сам заехал в какой-то магазин, купил там белый халат и докторскую маску, и они с Лукьяном отправились в поместье. В бричке тот по велению старика оделся во всё это. Лесмян представил его семейству как доктора и провёл в комнату, усадил на стул возле кровати Лукьяна и велел просто сидеть и молчать. А сам несколько раз за день выходил из комнаты, извещал близких о здоровье больного, принимал у них еду для него и, вернувшись в комнату, отдавал её Лукьяну. Тот молчал, хотя и сильно беспокоился.

Он сразу понял, что перед ним лежит покойник — старик был неестественно бледным, а к вечеру совсем побелел. Но, что самое удивительное, очень походил на него самого — как будто это Лукьян невероятно постарел и теперь умер...

Вечером Лесмян, управляя повозкой, съездил за гробом, потом подъехал не ко двору поместья, а к парку, и там выгрузил ящик. Вернулся в дом. И, когда все легли спать, взял свечу и велел другу следовать за ним. Они вышли во двор, старик достал в сарае две лопаты, и оба двинулись в парк. Там, под деревьями, вырыли глубокую яму. Лукьян ни слова не сказал, пока они копали, но с большой тревогой и испугом смотрел на спутника. Вернувшись в дом, Лесмян завернул в холст тело брата, и они принесли его в парк и положили в гроб, который заколотили и, сбросив в яму, закидали землёй.

А наутро родные не обнаружили дома ни Лучьяна, ни Лесмяна, ни «доктора». На столике возле кровати лежала записка:

«Дорогие мои, Лучьян пошёл на поправку, и мы с ним отправились на лечение в одну из больниц Петербурга. Ему сейчас нужен покой, и вам, после пережитых потрясений, тоже. Не волнуйтесь за нас, через месяц вернёмся.

Ваш Лесмян».

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ ЛУЧЬЯНА МАЛОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ В ЗАМКЕ

На корабле большую часть пути была качка, и Лукьян чувствовал себя скверно.

— Тебе надо будет всего лишь выступить в суде, — сказал ему Лесмян. — Представишься Лучьяном Смолозом и попросишь выселить из замка семейство Свиндлера. Я побелю пудрой твои волосы и бороду, и тебя никто не отличит от него...

— У тебя брат умер, — ответил Лукьян, — а ты вместо того, чтобы сообщить об этом родным, достойно похоронить и помянуть его, гоняешься за каким-то замком!

— Не мог я оставить этого так! — воскликнул Лесмян. — Проклятый мошенник Свиндлер незаконно выселил из замка настоящих Смолозов, чьи предки жили там более шести веков, и выгнал меня! На такое нельзя закрывать глаза! А про Лучьяна я всем расскажу, когда вернёмся в Россию, и мы помянем его...

Высадившись в Брайтоне, они поселились в таверне и почти сразу отправились в суд. Там Лукьян под диктовку Лесмяна написал исковое заявление на Свиндлера. Через несколько дней их и ответчика вызвали на заседание суда.

Рудольфа Свиндлера, старого и немощного, привезли на инвалидной коляске. Новый судья Фейр, молодой и неопытный, сильно волновался оттого, что ему предстояло разбирать дело самого Лучьяна Смолоза. Прокурор зачитал обвинение: Свиндлеры двадцать пять лет назад, подкупив судью, по поддельным документам завладели замком Смолозов в окрестностях Брайтона и выгнали законных жильцов; на богатого и влиятельного главу семейства, сэра Рудольфа, никто из потомков Лучьяна не осмелился подать иск в суд. Лукьян поведал, что давно не был в Англии и не знал, что тут

происходит, но к нему в Россию приехал Лесмян и рассказал о Свиндлерах. Он представил суду документы Лучьяна Смолоза, по которым тот являлся владельцем замка.

На последующих заседаниях открылась правда о покойном судье Висмане — взяточнике, стремившемся не вынести справедливый приговор, а содрать с клиентов побольше денег, иногда он умудрялся получить кругленькую сумму с обеих сторон. Выяснилось, что документы Свиндлеров на замок — фальшивые, нашли даже того, кто их делал. Рудольф ничего уже не мог сказать в своё оправдание и сидел обхватив голову руками. Адвокат просил суд о снисхождении к старому, больному человеку.

Судья постановил удовлетворить требования Смолозов, признать виновным Рудольфа Свиндлера в мошенничестве и ввиду преклонного возраста назначить ему условное наказание, вместе с семейством выселить его из замка.

— Ты молодец, — сказал Лесмян Лукьяну в коридоре после оглашения приговора. — Видел, как люди трепещут при упоминании имени Лучьяна? Мой брат был великим, трудно осознать насколько... Вот суд и расшевелился, докопались наконец до правды...

— Не выселяйте нас, пожалуйста! — обратилась к ним жена Рудольфа. — Куда мы пойдём с пожилыми родственниками и малышами?

— Когда мы приезжали в замок, вы не дали нам даже переночевать, — ответил Лесмян. — Убирайтесь прочь!

— Послушай, может, правда не будем их выселять? — сжалился Лукьян. — Мы выиграли суд, все теперь знают о твоей правоте, и нам нужно возвращаться в Россию, а они пусть живут там и дальше!

— Не надо жалеть всяких проходимцев! — возразил Лесмян. — Иначе они будут думать, что им всё дозволено. Наплодили детей и давят на жалость... Я сказал — нет!

...Через три дня Лесмян и Лукьян перебрались в оставленный Свиндлерами замок.

Старый следователь Адамсон уже давно собирал компромат на Рудольфа, собираясь предъявить его в суде. Нашёл даже свидетелей и улики отравления им трёх человек из семейства Смолозов. Пообщавшись с Лесмянном, он узнал, как умер Семён. И тут же навестил подозреваемого, жившего с семьёй в таверне, и устроил настоящий допрос. У того сдали нервы, и

он всё рассказал — как послал в Россию отравленное вино от имени английских Смолозов, надеясь избавиться от Лучьяна и его сына, — и признался в лишении жизни ещё трёх человек. Рудольфа вновь судили и теперь приговорили к пожизненному заключению. Через два месяца он умер в тюрьме от сердечного приступа.

Лукьян надеялся, что в скором времени они с Лесмьяном вернутся в Россию, но его спутник хорошо обжился в замке, нанял слуг и целыми днями сидел над какой-то рукописью. А по вечерам оба сидели у камина и пили вино или портвейн.

— Я написал родным в записке, что мы через месяц вернёмся, а самому неохота ехать туда... — сказал Лесмьян однажды. — Что хорошего меня там ждёт? Жена, зацикленная на дорогах нарядах и украшениях. И непослушный сын, для которого слово отца — пустой звук. А здесь мне так хорошо, уютно, спокойно, я могу поработать над своими мемуарами...

— А я, наоборот, скучаю по семье, — вздохнул Лукьян. — Сейчас жена дочку, наверное, спать укладывает... Когда Ксюша была маленькой, рассказывали ей сказки, а теперь Мила просто приходит поговорить с ней перед сном...

— Да, вы счастливые... — улыбнулся Лесмьян. — И сам ты добрый, как мой брат Лучьян... Я не хочу отпускать тебя от себя, потому что ты во всём — копия моего любимого брата, которого больше никогда не увижу... Он был Лучьян Великий, а ты — Лучьян Малый... Твоё выступление в суде очень нам помогло, восстановило справедливость, проклятого старика Свиндлера наказали как положено... Теперь же буду помогать тебе во всём...

Лукьяна тронуло такое отношение Лесмьяна к нему. Они проговорили до поздней ночи, старик рассказывал ему о своём детстве, которое успел запечатлеть в своих мемуарах. После этого Лукьян задумался: а что же Лучьян, неужели никто не напишет книгу о жизни такого прекрасного человека? Нет, про него книг в Солнечной системе — море, но то всё какие-то эпизоды из его жизни, а полного её описания нет! А каким интересным, захватывающим получился бы такой роман!

Когда Лукьян рассказал об этом Лесмьяну, тот ответил:

— Но ведь я и начал писать мемуары, чтобы рассказать всем о своей семье, о брате... В них и будет история нашей с ним жизни, их когда-нибудь издам, если буду жив...

«Нет, нужна объективная история о Лучьяне, — подумал Лукьян. — Хоть Лесмян и ценный свидетель, но он во многом завидовал брату, это чувствуется, и не может беспристрастно судить о нём... Я сам соберу как можно больше нужных сведений и напишу роман, даже если это займёт всю мою жизнь...»

Однажды Лесмян принёс из банка целый чемодан золотых монет и сказал:

— Это остатки от моей выручки в чайной промышленности. Пересидим здесь зиму — а там видно будет...

— Зиму?! — опешил Лукьян. — Какую зиму? Нас уже наши родные, наверное, по всему Петербургу ищут!

— Ладно, езжай, — кивнул Лесмян. — И попади в руки к полицейским. Они ведь тоже тебя разыскивают!

Лукьян закусил язык и решил больше не пререкаться с ним. Случай с поджогом редакции сильно его напугал, он панически боялся тюрьмы, а с Лесмянном был, кажется, в безопасности...

Потянулась долгая и скучная зима. Два друга иногда делали со слугами какую-нибудь работу, но по большей части отдыхали. Лесмян писал мемуары, а Лукьян читал книги из библиотеки замка. Разгуливая по огромному зданию, он заглядывал в потайные комнаты, однажды пробрался в подвал и обнаружил там несколько картин с изображением Власа, его семейства и приближённых, замка и окрестностей. На одной из них, в позолоченной раме, лорд стоял в доспехах и красной мантии. На полотне XIII века красовался памятник ему, находившийся тогда возле замка.

«Хорошо, что эти картины не выбросили, а просто спрятали, — подумал Лукьян. — Хотя Свиндлер, наверное, понимал, насколько они ценны...»

В другой раз он обнаружил в библиотеке очень старую, раритетную книгу «Tales of Lord Vlas», написанную готическим шрифтом, с узорами и иллюстрациями. В ней рассказывалось о том, как хозяин управлял замком, ходил в военные походы, как жили другие знатные люди, рыцари, ремесленники, крестьяне.

— Эта книга напечатана в типографии Уильяма Кекстона ровно четыре века назад! — с восторгом рассказывал Лукьян Лесмян. — Здесь собраны сказания о лорде Власе известных и неизвестных авторов. Как же интересно!

— Если хочешь, бери себе, — ответил Лесмян. — Это антиквариат, очень ценная книга!

В начале весны их навестил сэр Флемминг Смолоз — племянник покойного Мэтра, владелец небольшого магазина морепродуктов в Брайтоне. Это был пожилой почтенный господин с белой бородкой, с тросточкой в руках и моноклом на глазу. Они с Лесмьяном подружились и стали ездить друг к другу в гости, вместе выбирались за покупками в Лондон, играли в крокет на просторной поляне возле замка. В мае, собравшись плыть обратно в Россию, Лесмьян попросил Флемминга и слуг присматривать за замком, обещая им каждый месяц присылать жалование, и те согласились.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПОМИНКИ ПО ЛУЧЬЯНУ

Как только Лесмьян и Лукьян сошли с корабля в Петербурге, их обступил целый отряд сыскной полиции.

— Лучьян и Лесмьян Смолозы, если не ошибаюсь? — спросил один из полицейских. — Наконец-то вы объявились! Ваши родственники ищут вас уже полгода!

— Да, мы уезжали по заграничным делам, — ответил Лесмьян.

— Они ждут вас в вашей квартире, — сказал полицейский Лукьяну.

— Благодарю, мы всё им объясним, — кивнул Лесмьян. — Не беспокойтесь об этом больше.

Путники взяли извозчика и быстро домчали до места.

В просторной квартире находились Ульяна с дочерью и четырьмя внуками, Константин с женой и двумя сыновьями, Маргола-Магнития, Беркос, Вениамин, Милан и другие. Появление Лесмьяна и Лукьяна вызвало целый переполох. Все бросились к ним, и они надолго оказались в объятиях родных. Ульяна и Константин называли Лукьяна дедушкой, пытались увести его в сторону, усадить в кресло, чтобы он отдохнул.

— Вы что, какой он вам дедушка? — удивился Вениамин. — Это мой отец! Папа, где ты был так долго? Мы везде тебя искали!

— Мои дорогие, успокойтесь! — воскликнул Лесмьян. — Дайте мне всё объяснить!

Все понемногу затихли, и он сообщил:

— Мой любимый брат и ваш дед Лучьян Смолоз умер в сентябре прошлого года. Мы с Лукьяном похоронили его и отправились по одному очень срочному делу в Великобританию, не успев вам ничего сообщить. Лукьян — клон моего брата...

Все пришли в недоумение. На какое-то время в комнате повисло молчание, затем Константин спросил:

— Что значит «клон»? Что за глупости?

Лесмян, прохаживаясь между родственниками, рассказал о том, как доктор Юнариус создал Лукьяна в лаборатории и как они долго хранили в тайне, что тот — клон. Публика была взволнована, ошарашена, все долгое время переговаривались.

— А как же наш дедушка Лучьян? — спросила Ульяна. — Его похоронили без отпевания и не поминали? Как вы могли так поступить?

— Да, это совсем не по-человечески! — согласился Константин. — Какое такое дело за границей для вас оказалось важнее деда Лучьяна?

Лукьян молчал, опустив голову.

— Я хорошо подготовил брата к погребению и похоронил, — ответил Лесмян. — Поедьте в поместье, там находится его могила. Мы поставим ему хороший памятник...

Все двинулись к выходу, поражённые услышанным и недовольные самоуправством Лесмяна. Ульяна и Константин, взявшись под руку, вышли на улицу в слезах, стали успокаивать встревоженных детей и внуков. Одна за другой отъехали кареты с людьми в поместье Лучьяна.

Прибыв в знакомый до боли уголок и дождавшись, пока все там соберутся, Лесмян провёл родных к могиле брата в парке.

Ульяна, плача, упала на колени и погладила рукой землю; дочь подняла её. Константин молча утирал слёзы. Беркос, Вениамин и Милан тоже рыдали. Детишки всхлипывали. Лесмян хмуро и отрешённо смотрел в одну точку. Лукьян понимал, что был всего лишь орудием в его руках, но прятал от всех глаза, чувствуя огромную вину.

Потом Ульяна с Дашей и служанками приготовили поминальный обед и все собрались в доме, за столом, вспомнили усопшего добрым словом.

— Родные мои, вы можете ненавидеть меня после этой истории, — сказал Лесмян, взяв рюмку водки. — Я и сам считаю, что достоин презрения... И всё-таки дайте мне сказать о брате... Он был величайшим человеком. Проложил дорогу в космос, возглавил войну против страшных врагов — алгольцев, сделал столько полезного во время своего президентства, написал множество научных трудов... Да разве перечислишь все его

заслуги и просто хорошие дела! Судьба испытывала моего брата и трудностями, и горями, и властью, и деньгами, но он оставался добрым и простым человеком...Упокой, Господи, душу раба Твоего Лучьяна, и прости согрешения его вольные и невольные, и даруй ему Царствие Небесное...

И все выпили не чокаясь...

На следующий день Лесмян и Лукьян заказали в городе памятник Лучьяну. Потом зашли в храм и поставили свечку за упокой его души. Позже на могиле установили гранитную плиту с крестом и надписью:

«ЛУЧЬЯН СМОЛОЗ

23.IX.952 — 7.IX.1882

Тепло души твоей осталось с нами...».

Пробыв несколько дней в поместье, Лесмян и Константин с семьями и Лукьян отправились в Москву. Лукьяну не терпелось увидеться с женой и дочкой. Маргола-Магнития, игравшая теперь в Большом театре, торопилась на очередной спектакль и тянула туда за собой мужа.

— Тебя всё ещё ищут в Москве и Петербурге, — предупредил Лесмян Лукьяна. — Говорят, очень большой ущерб причинил пожар... Так что побудешь ещё Лучьяном Смолозом, все его документы я тебе передал.

— Но ведь ты сообщил всем, что он умер и похоронен, — ответил Лукьян. — И я больше не буду делать ничего противоправного, мне и так стыдно!

— Ладно, но тогда не жалуйся, если на много лет, может быть, даже навсегда попадёшь в тюрьму или ссылку! — рассердился Лесмян. — Неблагодарный, я всего лишь хочу тебя спасти! О его смерти знают только наши родные и слуги, и я позабочусь о том, чтобы эта новость широко не распространялась.

Лукьян не поверил ему: как это возможно, когда Лучьяна знали и любили весь Петербург и Москва? Но потом он представил, как просыпается утром на тюремных нарах, вдалеке от жены и дочери, и понимает, что, может быть, и не увидит их больше...

...Людмила и Ксюша встретили его на пороге квартиры на Арбате, повисли у него на шее.

— Мои милые, любимые... — шептал он, целуя их. — Как я по вам скучал... Каждую ночь мне снились...

— Где ты был столько времени? — спросила Людмила. — Никакой весточки от тебя... Мы не знали, что думать...

— Мы с Лесмьяном ездили в Англию по делам, — ответил Лукьян.

Людмила накормила его. Он долго рассказывал о своих приключениях. Потом, отправив дочку спать, признался жене:

— Мне грозит тюрьма... Бывший начальник не будет разбираться, кто на самом деле поджёг его редакцию, он сделает всё, чтобы посадить меня за решётку... Может быть, Лесмьян прав — мне нужно жить дальше под именем Лучьяна Смолоза?

— Да, только так ты сбережёшься... — ответила жена, прильнув к нему. — Завтра же поедем на другую квартиру, потому что здесь тебя уже несколько раз искала полиция...

На следующий день Лукьян снял домик в Замоскворечье, и семья перебралась туда. Избушка была небольшой, деревянной, но добротной и очень уютной. Она состояла из сеней, кухоньки и трёх комнат; в одной из них глава семьи поселил жену, в другой — дочь, а третью сделал своим рабочим кабинетом. Там находились шкафы с книгами, рабочий стол с кожаным креслом и журнальный столик.

Вскоре Лукьян, Людмила и Ксюша побывали в Большом театре на спектакле «Бесприданница», в котором Маргола-Магнития играла Хариту Игнатьевну, и в университете, где учились сыновья Константина — Степан и Андрей. Они много гуляли с друзьями по летнему позеленевшему городу: по многолюдным Пречистенскому и Тверскому бульварам, возле Чистых прудов и много где ещё.

Лесмьян с женой принимали у себя Константина с сыновьями и Лукьяна с женой и дочерью, все пили чай, и Маргола-Магнития рассказывала о недавней коронации Александра III в Москве и народных гуляниях. Сыновья Константина пообещали устроить Лукьяна в журнал «Репей», где публиковался Степан — там требовался корреспондент.

— Но я должен буду появиться там под именем Лучьяна Смолоза, — предупредил Лукьян. — Жить под собственным для меня теперь опасно...

— Мы знаем — и представим тебя как Лучьяна Смолоза, —

заверил его Степан. — Дед Лесмян уже предупредил всех наших, что не сносить тому головы, кто будет болтать про тебя...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. МОСКОВСКИЕ БУДНИ

Редакция журнала «Репей» находилась на Малой Дмитровке, в подвальном помещении. Спустившись по ступеням и пройдя по узенькому, тёмному коридорчику вслед за Степаном и Андреем, Лукьян очутился в маленькой, тесной комнатке, где шумно обсуждали что-то несколько человек и было сильно накурено.

— Илья, мы нашли тебе корреспондента, — сказал Степан после приветствия. — Это наш прадед Лучьян Смолоз. Очень опытный журналист!

К Лукьяну подошёл полноватый лысый мужчина невысокого роста, представился:

— Илья Алексеев, главный редактор журнала «Репей». Надо же, сам Лучьян Смолоз... Я думал, вы со Степаном — однофамильцы и он придумал родство с вами...

Лукьян пожал руки всем работникам редакции. И вдруг одним из них узнал своего бывшего начальника Шарончикова, и сердце ушло в пятки... «Что этот тип здесь делает? — подумалось ему. — Он же был начальником типографии...» Тот тоже очень подозрительно разглядывал его...

Алексеев рассказал Лукьяну об издании, где ему предстояло работать.

Журнал объёмом в тридцать две страницы выходил каждую субботу. Он стоил недорого и был очень популярен, у него имелись корреспонденты в разных городах. В нём обличались взяточничество, казнокрадство, злоупотребление властью, несправедливый суд и так далее. Но имена чиновников и названия городов, где это происходило, не назывались, вместо них придумывались прозвища. Иногда печатались зарубежные новости.

Лукьян начал вести переписку с читателями из разных городов и на основе этого создавать заметки, очерки, фельетоны на злободневные темы. Свои публикации он подписывал: «Л. М.» (Лукьян Малый).

Шарончиков, работавший в журнале художником-карикуристом, разорился на прежнем месте и вынужден был закрыть типографию. Однажды он подошёл к Лукьяну и сказал:

— Что, думал, я тебя не узнаю? Это ты спалил мою типографию, гад!

— Какая типография, о чём вы? — сделал удивлённое лицо Лукьян.

— Не притворяйся дурачком, ты прекрасно всё знаешь, — скорчил гримасу Шарончиков. — Если не возместишь мне ущерб в ближайшую неделю, я тебя сгною в тюрьме!

У Лукьяна всё похолодело внутри. Но кто-то из работников, услышавший этот разговор краем уха, позже сообщил Алексееву, что Шарончиков угрожает новичку. Главред вызвал обоих к себе и сказал:

— Ты что, Шарончиков, с ума спятил? Кто тебе дал право так разговаривать с Лучьяном Смолозом — известным, уважаемым человеком?

— Извините... — пробормотал тот. — Я спутал его с другим...

— Лучьян Кристианович, простите, пожалуйста! — взмолился Алексеев. — Он сам не знает что болтает! Если хотите, мы его уволим, чтобы больше вам не мешал...

— Нет-нет, увольнять не нужно, — ответил Лукьян. — Пусть только не пристаёт ко мне со всяким вздором.

И Шарончиков отделался строгим выговором. А Лукьян не мог нарадоваться: как же всё-таки здорово быть Лучьяном Смолозом!

Сыновья Константина дружили со студентом медицинского факультета Московского университета Антоном Чеховым, публиковавшем свои очерки в журналах — он и ввёл Степана в журналистику. Они вместе гуляли или собирались с товарищами у кого-нибудь дома, обсуждали последние новости, читали свои сочинения. Чехов с интересом слушал лекции профессором-медиков и вёл врачебную практику. В марте 1884 года ему пришлось лечить и Степана, отравившегося касторовыми семенами, которыми его угостил один извозчик.

Жена Константина Варвара сильно болела и была прикована к постели. Муж и сыновья заботились о ней, никогда не оставляли её без внимания. Но главу семьи тревожило не только здоровье супруги: прислушиваясь к разговорам сыновей, он понял, что те ведут революционную деятельность... И однажды неподалёку от дома нашёл рукописную листовку с идеями марксизма — и узнал почерк Андрея.

— Что ж вы делаете? — спросил Константин, показав её дома сыновьям. — По каторге соскучились?

— А кто нас так воспитал? — парировал Степан. — Ты сколько лет работал в оппозиционной газете, мама рассказывала про своего отца, участника декабристского движения, который много лет находился в ссылке... Да и самодержавию скоро конец, оно изжило себя...

— Вы хоть мать пожалейте... — вздохнул отец и ушёл.

По окончании университета Чехов пытался устроиться педиатром в одну из детских клиник, но безуспешно. И он повесил на дверях своей квартиры табличку «Доктор А. П. Чехов» и стал лечить приходивших пациентов и ездить домой к тяжелобольным. Некоторых лечил бесплатно. Хотел помочь и матери Степана и Андрея, но она оставалась в тяжёлом состоянии...

В Москве появилось электричество и первые телефоны, и Лесмян смог установить аппарат у себя и Лукьяна, и они стали перезваниваться.

Лукьян часто навещал Лесмяна. Маргола-Магнития почти каждый вечер ездила на репетиции и представления, и муж оставался дома один. Он писал мемуары, рассказывал в них о счастливой жизни с первой женой Гелмой, о сыновьях Амизе и Акиязе. От него Лукьян узнал много интересного о живших давно Смолозах.

Например, старший сын Лучьяна Люмпан, прославившийся как великий волшебник, на самом деле не сильно увлекался магией, но обладал дальновидностью и проницательностью, решал все трудности мудро, продуманно и, где возможно, с юмором. Он долгие века был известен во всей Солнечной системе, о нём сложили огромное количество легенд и преданий, порой неправдоподобных, сказочных, но строились они в основном на реальных событиях. Народная молва превратила старика в мистического героя. Ещё в Средние века по нашему летоисчислению начали появляться легенды о его призраке, появляющемся на улицах ночью и пугающем людей за то, что забросили могилу чародея. Однако найти точное место захоронения никто уже не мог. А имя Люмпана стало нарицательным, но имело в разных уголках Солнечной системы разные значения: «бродяга», «отшельник», «волшебник» и так далее.

— Так что слово «люмпен», введённое Марксом для обозначения

низших слоёв населения, произошло от имени моего племянника, — сказал Лесмян.

Он вспомнил про своих сыновей-близнецов. Амиз и Акияз имели крепкое здоровье, богатырское телосложение и высокий рост. Акияз погиб во время экспедиции на Марс, не дожив до пятидесяти лет. А Амиз уже в пожилом возрасте внезапно стал увеличиваться в размерах — видимо, чересчур наевшись каких-то витаминов, его рост превысил нормальный человеческий в два, три, четыре раза... Он к тому времени овдовел, дети разъехались кто куда, и одному жилось несладко, пришлось расширять и достраивать вверх дом, чтобы поместиться в нём. Позже старик смог даже жениться снова, но всё равно чувствовал себя неуютно в кругу людей — как среди лилипутов... И однажды Амиз с отцом и дядей отправился на Землю, где стал жить свободнее и где за ним закрепилась слава богатыря-великана. Лукьян, слабо веривший в эту историю, всё же записал её в свою книжку с материалами о Лучьяне.

Поведал Лесмян и о своих сыновьях, которых когда-то давно сделал вне брака.

Когда они с Лучьяном шли через Волжскую Булгарию как беженцы перед нашествием Чингисхана, их какое-то время сопровождала вдова с тремя детьми, и с ней Лесмян прижил ещё одного мальчика, которого она назвала Даниилом. Перед битвой на Калке отец отправил их на север, и следы семьи затерялись. Только через несколько лет он нашёл её в Новгороде. Даня был очень похож на него в детстве — такой же светловолосый и синеглазый. В юном возрасте участвовал в Невской битве и Ледовом побоище. А потом братья Смолозы вели скрытую войну у татаро-монголов, сбежали от них в Скандинавию и улетели на свою планету. И Лесмян больше не видел зазнобу и сына, не знал, что с ними...

В 1530-х годах в Галиции у него случился кратковременный роман с девушкой Саломеей и она забеременела, но он, уехав в Германию, не знал об этом и больше её не видел. Его сын Феофан в детстве хорошо играл на музыкальных инструментах и хотел стать бродячим музыкантом. Уехав от матери вместе с купцами в Москву, мальчик познакомился с юродивым Василием Блаженным, крестился, отучился в монастырской школе и пришёл на службу в Покровский собор. Критиковал опричнину, говорил Ивану Грозному в глаза правду о его жестокости. Во время нашествия Девлет-Гирея на Москву обманом заставил орду повернуть назад, сказав, что государь собрал против неё большое войско и хочет напасть. Через несколько лет Феофан был удушен неизвестными в переулке ночью; по слухам, это

царь подослал к нему убийц в отместку за давние обиды. Иван Грозный вспоминал, что священник называл имена своих родителей — Лесмян и Саломея.

Лукьян расспрашивал собеседника об «эликсире бессмертия», который пили они с братом четыре века назад, но тот мало что знал об этом.

— Производитель держал его рецепт в секрете... Жидкость была зелёного цвета, неприятного, горького вкуса... По-моему, в ней содержался меламед — это горькая трава, растущая только на Юпитере, в малых количествах, её сразу не найдёшь...

Заметив, что Лукьян интересуется его жизнью и родственниками, Лесмян спросил:

— Ты всё-таки хочешь написать книгу о Лучьяне?

— Не знаю, получится ли у меня... Но я хочу собрать для неё материал.

— Что ж, ладно... Я помогу тебе чем смогу. Но, чтобы собрать хотя бы основные сведения о Лучьяне, ты должен посетить Юпитер и Сатурн... Кстати, как у тебя дела на работе?

— Да никак... Работники ругаются постоянно, юмор в журнале второсортный, да и мне надоело уже злословить в этих фельетонах...

— Ну и увольняйся!

— Как — «увольняйся»? А жить на что?

— Я получаю пенсию с Юпитера за Лучьяна, на неё и будешь жить. Займёшься исследованием его жизни. Мы с ним не всегда были вместе, я мог чего-то не знать о нём или забыть, вот ты и восполнишь пробелы... Увольняйся и ничего не бойся!

Но Лукьяну и не пришлось самому увольняться: вскоре журнал «Репей» закрыли как оппозиционный.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПОЕЗДКА В КИЕВ

Лесмян отдал Лукьяну все сохранившиеся письма брата: и 1583 года — об освоении Сибири, и 1640-1650-х годов — с Хортицы, и 1743 года — о воспитаннице Лукеше и императрице Елизавете Петровне. А также доклад Лучьяна о Екатерине II о просвещении в Европе и дневник Семёна, который тот вёл в юности, привезённый из поместья Дионисием.

Через некоторое время Лесмян предоставил Лукьяну две папки с очерками — времён Позднего Средневековья и Возрождения. Он, Лучьян, Монито, Зил Рахман, Эл Книльхт, Феодор Карлоне,

Леонид Солонис, монах Елизар и другие вели повествование о событиях того времени. Рассказы, написанные на других языках, были переведены Лесмьяном на русский. Старик перевёл также письмо матери Лучьяну в Каллир-Каден.

Кроме того, он ездил в поместье Ульяны и привёз оттуда книги брата «История древних цивилизаций» и «История Средних веков».

— Ну вот, достал для тебя всё, что возможно, — сказал Лесмьян Лукьяну. — Дерзай, пиши свой роман!

— Спасибо огромное, ты мне очень помог, — ответил тот. — Но написать хороший роман о таком человеке чрезвычайно трудно... Мне придётся ещё много где побывать и многое изучить, чтобы приступить к этому делу...

По рассказам Лесмьяна Лукьян смог определить, где были похоронены Смолозы, жившие несколько веков назад. Могилы Люмпана и его сына Бруно находились неподалёку от Киево-Печерской лавры, погребение Мечислава — под Любечем, Амиза — возле села Осещины под Вышгородом, Руслана — у села Адамовки под Славянском, Власа — на берегу Чудского озера, под Гдовом, Даниила — в Новгороде. Но вряд ли их теперь получится найти, спустя столько времени...

— Получается, Люмпан, Бруно, Мечислав и Амиз похоронены недалеко друг от друга! — сказал Лукьян. — Все лежат на берегу Днепра на севере Украины.

— Да, эта земля поглотила наших старших сыновей... — вздохнул Лесмьян.

— Хотелось бы мне там побывать... — задумался Лукьян. — Хоть и не увижу их могил, но всё равно интересно...

— Поезжай и посмотри эти места, если хочешь, — ответил Лесмьян. — В Киево-Печерской лавре лежат мощи Нестора, праправнука Лучьяна, там тебе про него много расскажут. По-моему, где-то в монастыре хранилась и повесть о жизни Люмпана на древнерусском языке, спроси о ней у монахов...

Лукьян нанял бричку и отправился в Киев. В дороге читал новый роман жены «Под властью Тиверия». Она писала очень увлекательно, и с книгой время в дороге проходило незаметно. Ехали четыре дня, миновав Калугу, Брянск и Конотоп.

По прибытии в Киев Лукьян поселился в гостинном подворье Киево-Печерской лавры, где привечали паломников, давали им

еду и ночлег за малую плату, а то и даром; чтобы возместить затраты, они выполняли разные работы в монастырском хозяйстве. Имелись там и более удобные и чистые гостиницы с платными номерами, которые обслуживали монастырские послушники. На подворье находились жилые помещения, кухня, столовая, бесплатная больница и контора для справок.

В конторе Лукьян познакомился со старым монахом Демьяном, сообщил, что хочет посмотреть захоронения своих родственников — Нестора Летописца, его деда и прадеда, найти летопись о жизни прадеда — Люмпана. Монах провёл гостя через катакомбы к Ближним пещерам, показал мощи Нестора в гробу.

— А про деда и прадеда нам ничего не известно, — сказал он. — И про его детство тоже нет никаких сведений...

Лукьян рассказал ему то, что знал от Лесмяна: родители у Нестора умерли рано, он жил с дедом и прадедом, после смерти деда пришёл в монастырь, а прадед дожил свой век неподалёку от него, в избушке, срубленной правнуком.

— Только могилы их едва ли сохранились, — ответил Демьян. — Восемьсот лет прошло, всё поменялось... Вы зайдите в Выдубицкий и Ионинский монастыри, что неподалёку отсюда, к югу, и спросите там, может быть, что-нибудь узнаете...

Лукьян поблагодарил его за экскурсию и отправился гулять по городу. По совету собеседника зашёл в два мужских монастыря, спросил о могилах Люмпана и Бруно, но там ничего не слышали про этих людей и такие древние захоронения.

Он долго гулял по набережной Днепра, по Цепному мосту, по Старому Подолу, Крещатику, Александровскому спуску, по саду Купеческого собрания, видел много достопримечательностей, радовался тёплой, солнечной погоде.

В последующие дни Лукьян побывал в Осещине и Любече, но про захоронения Смолозов ничего не узнал. Берега Днепра заросли травой и кустарниками, и в некоторых местах путник чуть не провалился в болото.

Вернувшись в Киев, он стал свидетелем открытия памятника Богдану Хмельницкому на Софийской площади. На постаменте, напоминавшем степной курган, с надписью «Волим под царя восточного, православного», великий полководец укрощал своего коня и указывал рукой, в которой держал булаву, на северо-восток.

Не открыв ничего нового о захоронениях Смолозов, но всё же довольный поездкой, Лукьян через несколько дней вернулся в Москву. Он привёз своим родным сувениры: жене — браслет с гравировкой «Милой Милушке», а дочери — чернильный набор. И долго рассказывал им о своём путешествии. Потом узнал от них замечательную новость: Лесмян, используя свои связи, помог Ксении поступить в Московское училище ордена Святой Екатерины.

Лукьян навестил его, подарил привезённую из Киева табакерку и поблагодарил за помощь Ксении. Он рассказал другу о поездке, потом узнал печальную новость: умер сын Семёна Руслан, известный учёный, живший в Вене.

— А от чего он скончался? — спросил Лукьян.

— Да с желудком что-то случилось, — ответил Лесмян. — Он, как и его отец, любил поест, всё сметал со стола... Константин давно уже хотел навестить брата, но не мог оставить больную жену, даже с сыновьями, и на похороны не поехал...

Старик рассказал также, что сыновья Константина, окончившие университет, целыми днями пропадают на какой-то конспиративной квартире и отец сильно тревожится за них, скрывая всё от жены, говоря, что мальчики работают.

— Угробят они себя, — добавил Лесмян. — Вон, «Террористическая фракция» пыталась убить царя, да ничего не вышло — раскрыли их, пятерых повесили, а остальных на каторгу отправили. Надеюсь, наши сыновья не станут ничем таким заниматься...

— Дай-то Бог... — вздохнул Лукьян и сложил руки в мольбе.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ В ЕВРОПУ

Настал чёрный день, когда Степана, Андрея и их друзей, арестованных по подозрению в революционной деятельности, по решению суда отправили в ссылку в Забайкалье. Прощаясь с ними во дворе тюрьмы, Константин заплакал и сказал:

— Что ж вы, остолопы, наделали... И себе жизнь сгубили, и нас, стариков, в могилу загоните! Что я теперь матери скажу? Она ведь про ваше подполье ничего не знает...

— Отец, не плачь, — ответил Степан. — Не убивайся за нас, мы не пропадём. А матери скажи, что по работе уехали, придумай что-нибудь...

— Берегите себя, — добавил Андрей.

Отец удивился спокойствию и хладнокровию сыновей. Он растил их, воспитывал как подобает, у мальчиков были свои страхи и

капризы, порой ему казалось, что они слишком тревожны и всё принимают близко к сердцу, но как оба изменились в последнее время, какая выдержка в них появилась!

Вернувшись домой, Константин сообщил жене, что сыновья надолго уехали по работе в другой город, но это звучало так фальшиво, неубедительно...

— Где мальчики? Что с ними? — спросила Варвара, взяв его за руку.

Он молчал — не мог ни обмануть, ни сказать правды...

— Костя, они живы?

— Да... Их по приговору суда сослали в Забайкалье за революционную деятельность...

Эта новость стала для Варвары ударом, от которого она уже не смогла оправиться. С каждым днём бедная женщина чувствовала себя всё хуже и хуже. Чехов по-прежнему навещал её, выписывал лекарства, Константин покупал их, дни и ночи проводил у постели супруги, но ей ничего не помогало. Однажды ночью она скончалась во сне...

Лесмян и Лукьян помогли безутешному вдовцу с похоронами и поминками. На них приезжали Ульяна, Дионисий, Вениамин, Милан и Беркос. Константин ходил чернее тучи, и родственники не могли найти слов, чтобы утешить его. Только Лесмян вспомнил, скольких жён, детей, внуков похоронил, и добавил:

— Здесь только время вылечит...

Они с Лукьяном каждый день навещали Константина, выводили его на прогулки. Их сыновья Вениамин и Беркос не хотели связываться с революционерами, жили по-семейному, трудились от зари до зари, чтобы прокормить семьи (Беркос имел уже четырёх сыновей), и отцы были спокойны за них.

Однажды Константину пришло письмо из Крыма от пастуха Ермолая, который утверждал, что является сыном Семёна Смолоза! Писал, что его мать Василиса, крестьянка, часто вспоминает о визите известного помещика в их село и называет того отцом своего сына. А сам он ни на что не претендует, хочет только познакомиться с родственниками по отцу, даже научился грамоте, чтобы написать им письмо, и с огромными усилиями достал адрес брата.

— Будь осторожен, вдруг это мошенник! — предупредил Константина Лукьян. — Семён, видите ли, к ним в село приезжал...

— Нет, это могло быть на самом деле, — вдруг возразил тот. — Ермолай упоминает в письме, что ему сорок один год, а папа действительно ездил в Крым, если посчитать, сорок два года назад. Он тогда проиграл крупную сумму в карты, и мама выгнала его из дома, это я помню, и отец поехал в Ялту, там в доме английских Смолозов пожил до зимы, потом вернулся и помирился с мамой. Неужели у него хватило духа изменить ей?..

— Да его и видно было, что ходок, — кивнул Лесмян. — Всё время подмигивал чужим жёнам на обедах и в театре...

В ответном письме Константин пригласил Ермолая в Москву, чтобы познакомиться, поговорить с ним и выяснить всю правду.

Он собрался ехать в Вену, навестить Викторию, вдову умершего Руслана. Лукьян вызвался сопровождать его. Лесмян пообещал им присмотреть за квартирой Константина и приютить Ермолая, если тот приедет раньше них.

Во время долгого пути в Вену в дилижансе Лукьян читал Константину новую книгу Людмилы «Нерон». Оба были восхищены её талантом, заинтересованы повествованием и потрясены коварством и жестокостью римского императора.

Виктория жила на левом берегу Дуная в старом пятиэтажном доме, в четырёхкомнатной квартире, вместе с дочерью, зятем и тремя внуками. Она плохо говорила по-русски, и прибывшие Константин и Лукьян общались с ней по-немецки. Женщина рассказывала о своей большой семье, о научной и преподавательской деятельности мужа, о его изданных и неизданных трудах. Потом расспросила Константина о том, как живут братья и сестра Руслана в России. Втроём они сходили к нему на могилу, потом поставили ему свечку в церкви. После чего долго гуляли по городу, осматривая достопримечательности.

Константин не видел брата больше двадцати лет и был опечален, что не успел с ним встретиться. Он хотел помочь его вдове, может быть, даже перевезти её в Россию, но теперь убедился, что она живёт благополучно, ни в чём не нуждается, о ней заботятся.

После Вены двое друзей побывали в Париже, где проходила Всемирная выставка, приуроченная к столетию взятия Бастилии. Она расположилась в центре города: на Марсовом поле, набережной Орсе и на другом берегу Сены — в районе дворца Трокадеро и на эспланаде Дома инвалидов. На неё

собрались десятки тысяч людей из сорока стран. Их перевозили по специально построенной узкоколейной железной дороге. Посетители восхищались трёхсотметровой металлической Эйфелевой башней, которая была в то время самым высоким сооружением в мире. Любовались роскошным Дворцом промышленности, увенчанным женской статуей, олицетворявшей Францию. Рядом находилась Галерея машин — огромное трёхпролётное здание с двадцатью трёхаршинными арками и смотровой платформой, транспортировавшей более двухсот гостей по всем павильону длиной в четыреста двадцать метров. Шестьдесят две тысячи экспонатов распределили на девять групп и восемьдесят три класса.

Наши путники посетили там машинный отдел, осмотрели мощную углеподъёмную машину, автомобили с бензиновыми двигателями и трёхколёсную коляску с паровым двигателем. В отделе электричества они увидели осветительную технику, электрические лампочки, телефоны и фонограф. А в русском отделе, в большой галерее Дворца промышленности, — коллекцию русских почв В. В. Докучаева и В. И. Вернадского, фарфоровые и фаянсовые изделия М. С. Кузнецова, продукты разных предприятий.

В тёмное время суток выставку освещали электрические фонари, а также электрический маяк и пара ярких прожекторов с вершины Эйфелевой башни. В один из вечеров Лукьян и Константин посетили концерт симфонического оркестра под управлением Н. А. Римского-Корсакова. На другой вечер они побывали в русском ресторане на первой платформе Эйфелевой башни и познакомились там с писателем Александром Дюма-сыном. Хорошо поели, выпили пива, разговорились, и Лукьян рассказал собеседникам о своём замысле — написать роман о жизни Лучьяна.

— Самого Лучьяна Смолоза? — удивился Александр. — О, вы пытаетесь объять необъятное. Это такой великан, такая глыба! И всю его жизнь описать невероятно трудно. Я бы не отважился на подобное.

Лукьяну стало неудобно: раз даже известный писатель не замахнулся бы на такой роман, то и ему нечего об этом думать! И он решил только собрать материал о Лучьяне и передать его действительно талантливому, опытному литератору, у которого найдутся и силы, и желание написать это произведение.

Вернувшись домой, Константин познакомился с семьёй, которую поселил у него на квартире Лесмян. Ермолай, русоволосый и

бородатый мужик, приехал с матерью — старушкой маленького роста, женой — темноволосой и смуглой женщиной, четырьмя детьми: девочкой-подростком, маленькой девочкой, маленьким мальчиком и малышом в чепчике. Все были одеты просто и бедно.

Ермолай по-братски обнял Константина. Тот вглядывался в его лицо, искал сходства с отцом, но не нашёл.

— Моя мать Василиса, жена Марья и дети Аня, Лена, Коля и Мишутка, — представил Ермолай своих родных.

Константин накрыл на стол и пригласил всех ужинать.

— Про то, что мой отец — Семён Смолоз, я сам узнал не так давно, — рассказывал Ермолай. — Приезжал в село помещик — это я знал с детства, а фамилия его стала мне известна только два-три года назад.

— Барин обронил возле нашего дома вот это, — Василиса показала медальон с изображением красивой женщины. — Моя мама тогда запретила мне видеться с ним, но я была уже брюхатая...

— Это же моя мать! — удивился Константин, рассматривая медальон. — Ну отец, не знали мы, что он такой гуляка... И что, больше вы с ним не виделись?

— Нет, и он не знал, что я забеременела, — ответила Василиса.

Ермолай расспросил Константина о братьях и сёстрах, с удивлением узнал, что всего у отца было девять детей. Хозяин рассказал гостям о своей жизни и случившемся недавно горе.

— Навестим мы твоих сыновей, — попытался утешить его Ермолай. — Вместе поедем в Забайкалье и увидимся с ними...

— Нет, не дадут нам с ними увидеться... — вздохнул Константин.

— Там даже передач не принимают...

На следующий день он повёз брата и его семью в поместье Дионисия. Ермолай хотел познакомиться со всеми Смолозами и посмотреть места, где жил отец. Познакомив братьев, Константин рассказал Дионисию историю Василисы и Ермолая, и тот с трудом, но поверил ему. Гости остались здесь на несколько дней. Ермолай был весёлым, простодушным, радовался как ребёнок тому, что нашёл родню, много играл с детьми, помогал хозяевам по дому, работал в огороде.

Однажды его нашли под деревом мёртвым — он скончался от сердечного приступа. Дионисий взял на себя похороны.

Константин спросил у него, что теперь делать с семьёй Ермолая, и тот ответил:

— Они останутся у меня, я позабочусь о них, как же иначе, ведь это семья брата...

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОЛЁТ НА ЮПИТЕР

Лесмян и Лукьян приезжали на поминки по Ермолаю. Всех поразила его внезапная смерть.

— У него давно уже болело сердце, — говорила Василиса.

— Вам надо было приехать ко мне раньше, — сокрушался Константин. — У меня много хороших знакомых врачей, его могли вылечить...

— Однако твою жену никто не вылечил, — заметил Лесмян. — Такова, значит, судьба Ермолая, пусть земля ему будет пухом...

Когда Лукьян вместе с ним вернулся в Москву с поминок, он спросил друга, есть ли теперь возможность полететь на Юпитер, чтобы собрать материал о Лучьяне.

— Да, — ответил Лесмян. — Поедем в поместье Ульяны, дождёмся прилёта почтового корабля и попросим экипаж взять тебя с собой. Тебе лучше всего появиться на Юпитере под именем Лучьяна Смолоза.

— Но как ко мне отнесутся там? — встревожился Лукьян. — Не закидают ли камнями?

— Успокойся, ничего с тобой не случится, — махнул рукой Лесмян. — Многие уже не помнят Лучьяна, а те, кто помнит, хорошо к нему относятся. Простой народ его всегда любил, а власти сто раз уже поменялись, и им нет дела до него. Так что не бойся, лети...

— Может быть, ты полетишь со мной? — умоляюще спросил Лукьян.

— Какой же ты всё-таки трусливый, — засмеялся Лесмян. — Ладно, что с тобой делать, полетим вместе... Может, больше и не представится случая побывать на родине...

Они сообщили своим жёнам, что собрались на Юпитер по делам, и пообещали как можно скорее вернуться. Потом собрали вещи и поехали в Петербург на поезде.

У Ульяны было уже шесть внуков, старшие ходили в школу и выполняли со взрослыми всю работу на огороде и в поле. Лесмян точно рассчитал время прилёта корабля, и, когда ночью тот опустился над помещьем, путники уже ждали его с

вещами. Они развели в поле костёр — знак просьбы сесть на землю, и судно плавно опустилось рядом. Друзья поспешили к нему.

— Возьмите нас с собой на Юпитер! — попросил Лесмян, встретившись с экипажем. — Нам очень нужно туда попасть...

— Мы должны только отдать вам пенсию, — ответил пилот. — Пассажиров не перевозим.

— Забирайте её себе! — сказал Лукьян. — Если мало, заплатим ещё! Только возьмите нас с собой, мы должны сделать важное дело на Юпитере и только с вашей помощью можем туда попасть...

Пилоты долго упирались, но в конце концов путники уговорили их. Все взошли на корабль, двери закрылись, и судно взлетело и взяло курс на газовый гигант.

— Здесь всё равно скоро зима начнётся, — сказал Лесмян, расположившись в кресле. — Пересидим это время на Юпитере и вернёмся к своим...

Корабль стремительно уносился от Земли, синий шарик уменьшился до размеров песчинки и пропал. Пилоты тихо переговаривались о чём-то. Лесмян задремал. Лукьян думал о предстоящих исследованиях: он собрался посетить и Сатурн, чтобы найти великие произведения о Лучьяне и ознакомиться с ними — всё-таки были же люди, писавшие о его жизни! В иллюминаторе красно-жёлтый шарик Юпитера вырос за время полёта и закрыл собою пространство...

Оболочку пролетели, как обычно, закрывшись железными пластинами, а когда их отодвинули, внизу уже виднелись небоскрёбы Грайюнкма...

Путников высадили возле почтового отделения, и они, вызвав воздушное такси, отправились в гостиницу. Там поспали и, пробудившись, пошли на завтрак.

— Книги Лучьяна сейчас есть в любом книжном магазине, — сказал Лесмян, когда они ели в кафе. — На них уже нет никаких запретов. Ты вряд ли найдёшь все его труды, но большую часть их отыщешь. Я помогу тебе чем смогу — отправлюсь в политическую библиотеку, поищу там статьи брата. У меня есть бессрочный пропуск от этого учреждения, может быть, он уже не работает, но как-нибудь выкручусь...

— Спасибо, с меня пиво, — ответил Лукьян.

— Этого мало, — вздохнул Лесмян. — Напишешь хороший роман — и мы квиты.

...Весь транспорт в Грайюнкме уже давно стал воздушным, но движение на улицах всё более уплотнялось: город заполнили туристы.

Лукьян посетил несколько книжных магазинов и нашёл в них все книги Лучьяна, которые могли быть опубликованы здесь, на Юпитере: «Путешествие в другой мир», «На правильный путь», «Не в силе Бог, но в правде!» (об Александре Невском), «В логове захватчиков», «Повесть о сыне моём — храбром Руслане», «Поход на Константинополь», «Странствия под северным сиянием», «Книга о матери» (в шести томах) и «Воспоминания о великом князе» (о Дмитрие Донском); также ему попался роман писателя К. Надиги «Волшебник с морского побережья» (о Люмпане).

Едва дотащив до гостиницы эту кипу книг, он залез в Юпинет и стал читать отзывы о произведениях Лучьяна. Писали о них очень положительно, отмечали необыкновенный талант автора. В Сети было много информации о нём, исследования его биографии и разных видов деятельности, но всё это ограничивалось жизнью на Юпитере и Сатурне, и никто здесь не знал, как он жил потом на Земле...

Лукьян прилёг на диван с книгой о Люмпане, стал читать, замечая, что немного подзабыл ганакорский язык. Но каким интересным оказался этот роман! В одной главе встретились и Лесмян с Амизом и Акиязом.

Произведение было дочитано уже до середины, когда скрипнула входная дверь и на пороге появился Лесмян.

— Всё готово, — сказал он и вручил Лукьяну папку. — Пропуск мой сработал...

В папке находились ксерокопии дневника Лучьяна о путешествиях в другие звёздные системы и публикации «С юбилеем, Лучьян!» Зила Рахмана и «Новый эликсир» Алексиса Марсея.

— Спасибо тебе, — сказал Лукьян. — Я как раз читаю роман, в котором ты — один из героев.

Лесмян взял книгу, повертел в руках.

— Очень древнее произведение... Я уже наизусть его знаю.

Они пропустили обед и теперь заторопились на ужин. Взяли супы, гарниры с мясом, холодные закуски и напитки, сели за стол и первое время ели молча. Потом Лесмян предложил:

— Может, завтра сходим в Каллир-Каден? Там Лучьян долгое время преподавал, был ректором, тебе много про него расскажут...

— Но мне ведь опять придётся выдавать себя за него? — спросил Лукьян. — Как же они будут рассказывать Лучьяну о нём самом?

— Скажешь, что у тебя амнезия и ты всё забыл, — посоветовал Лесмян.

...Во дворе факультета, где преподавал Лучьян, было многолюдно и шумно — студенты что-то искали в учебниках, заучивали, обсуждали. Лесмян заговорил с одним профессором и узнал, что здесь сессия — выпускной курс сдаёт государственный экзамен. Зайдя внутрь здания, Лукьян увидел на стене огромный портрет Лучьяна.

— Простите, вы что-то ищете? — спросил у него один из преподавателей.

— Да... Мне нужно узнать побольше о преподавательской деятельности Лучьяна Смолоза. Может, есть здесь кто-нибудь, кто общался, работал с ним?

Преподаватель посмотрел на портрет Лучьяна, потом — на Лукьяна.

— Вы очень похожи на него! Родственник?

— Да, но дальний... — замялся Лукьян.

К собеседникам подошёл Лесмян.

— А это сам Лесмян Смолоз, если не ошибаюсь! — воскликнул преподаватель. — Мы вас тоже помним...

Вокруг них начали собираться профессора, преподаватели, аспиранты, студенты, технический персонал... Все пытались разглядеть прибывших родственников Лучьяна.

Потом охрана кое-как расчистила дорогу к самой большой аудитории и декан факультета провёл гостей туда. Аудитория быстро заполнилась людьми, сидячих мест не хватило, и многие стояли в проходах. А Лесмян несколько часов рассказывал с трибуны о жизни и деятельности Лучьяна на Земле и отвечал на вопросы, но скрыл, что брат умер.

Потом гости долго сидели в деканате в окружении преподавателей и слушали рассказы старейших профессоров, знавших Лучьяна, о нём. Лукьян записывал всё на диктофон, купленный для такого случая. На прощание ему и Лесмяню подарили несколько новых

книг об университете, и в одной из них были истории из преподавательской деятельности Лучьяна.

— Что, не осмелился назваться им? — спросил Лесмян, когда они вышли на улицу.

— Язык не повернулся... — пробормотал Лукьян. — А ты не сказал, что он уже умер...

— Правильно, потому что тогда бы во всей Солнечной системе узнали о его смерти и слетелись на Землю, — ответил Лесмян.

— Поместье Ульяны не выдержит стольких гостей. И тебе, наверное, ещё придётся называться его именем...

На следующий день они побывали в Кирифе. Хотя город совершенно обновился и старых зданий не сохранилось, Лесмян прекрасно знал, где находился дом учителя Мелфия, в котором он появился на свет, где располагался дом Смолозов, построенный позднее, и духовная школа... На центральной площади путники увидели старый гранитный памятник «Семья»: на скамье сидели мужчина и женщина с младенцем на руках, а по сторонам от них стояли два мальчика-близнеца. Лесмян долго рассматривал этот памятник, и слёзы бежали по его лицу...

— Вот и остался я один... — вздохнул он и положил руку на голову гранитного младенца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОЛЁТ НА САТУРН

Вернувшись в Грайюнкм, Лукьян стал искать в Юпинете билет на космический корабль на Сатурн, где тоже можно было найти много сведений о Лучьяне.

— Оформляй билет на своё имя, — предупредил его Лесмян. — Хотя на Лучьяна там уже не охотятся, но всё равно так спокойнее будет... Может, мне с тобой полететь?

— Нет, не нужно! — ответил Лукьян. — Отдыхай здесь. Я тебя и так уже замотал...

Он купил билет на корабль среднего класса, летевший на Сатурн около трёх часов. И приобрёл флешку и электронный наручный переводчик, который мог переводить с сатурнианских языков на ганакорский и обратно тексты — которые в него вбивали, с фото, видео- и аудиозаписей. В пути успел поужинать и посмотреть старый фильм «Лучьян и Гельян», который скачал для него Лесмян.

Леопальд ещё больше вырос, он простирался на сотни километров, оставаясь крупнейшим городом Солнечной системы.

Транспорт здесь тоже двигался только по воздуху, а дороги на поверхности были разделены на три части: для лилипутов, великанов и средних существ. Небоскрёбы уходили в облака, и у Лукьяна, когда он смотрел на них, кружилась голова. В центре мегаполиса находился небоскрёб «Лучьян Смолоз», ставший теперь полностью бизнес-центром — его не снесли, несмотря на гонения на Лучьяна.

Лукьян обошёл много книжных магазинов и нашёл интересные художественные произведения, рекомендованные Лесмьяном: трилогию С. Зеппа «Первопроходец», трилогию М. Салли «Противостояние», роман М. Винтифа «Опасный мир», документальные книги «Встреча планет» и «Встреча звёздных систем». Он отыскал также произведение Лучьяна «Нибиру» и часть труда «Солария» в Соларнете, а книги «Моя родословная» нигде не оказалось. «Да, сильно, видно, цензура постаралась...» — подумал Лукьян.

Он пообедал в торговом центре, прогулялся по магазинам и поехал отдыхать в гостиницу. Там с помощью электронного переводчика ознакомился с размышлениями из книги «Солария» и среди напутствий потомкам нашёл странное повеление. Рассказав о старинном обычае «отдавать Солнцу» умерших потомков рода шумерских богов и перечислив героев, которых бог Самсун «сопроводил к Солнцу», Лучьян просил, когда он умрёт, сделать следующее:

«Вывезите моё тело в космическое пространство и толкните его к Солнцу, чтобы мы слились с ним в одно целое...»

На следующий день Лукьян отправился в политическую библиотеку, зарегистрировался там и нашёл несколько интересных заметок журналистов Солнечной системы, Альфы Центавры и Алголя, речи Эжена Камиасты — о последствиях алгольской оккупации и Великой Освободительной войны, о восстановлении пострадавших звёздных систем и объединении их в один большой союз. Потом в гостинице он скачал сериалы об этом: «Освободительная война», «Наше единство» и «Звёздные миры».

Долго Лукьян искал учебник Лучьяна «История Солнечной системы», но нигде не нашёл — ни в книжных магазинах, ни в интернет-магазинах, ни в библиотеках.

Несколько дней он собирал в разных интернет-архивах новости времени президентства Лучьяна Смолоза в Солнечной системе — газетные и журнальные публикации, теле- и радиовыпуски новостей — и скидывал их на флешку.

Лукьян смотрел телевизор с субтитрами на ганагорском языке и понимал, как всё изменилось в Солнечной системе со времени президентства Лучьяна. Если тогда все планеты были сплочённой, дружной семьёй, победившей страшных алгольцев и достигшей небывалых успехов в разных отраслях науки, техники и промышленности, то теперь обособились, у Сатурна лишь с Юпитером осталась связь — торговая.

В одном из космопортов Леопальда произошёл взрыв, погибло около трёхсот человек. И таможенники стали тщательнее проводить досмотры.

Когда Лукьян отбывал обратно на Юпитер, они долго копались в его сумке, и папка с отсканированными политическими публикациями показалась им подозрительной. Пассажира с вещами привели в диспетчерскую, там стражи порядка посмотрели, что у него записано на флешке, и спросили, зачем ему нужен этот материал о Лучьяне Смолозе и других политиках. Привели переводчика, знавшего ганагорский язык. Но Лукьян молчал: неизвестно ведь, как отнесутся к его исследованию жизни Лучьяна... Устав от безрезультатного допроса, блюстители закона повезли задержанного в отделение полиции. Там ещё раз пытались поговорить с ним, но он не сказал ни слова. А когда его бросили в камеру к другим задержанным, стал плакать:

— На Земле смог избежать тюрьмы — так здесь посадили...

На следующем допросе переводчик сообщил ему:

— Вас подозревают в шпионаже, и вам лучше рассказать всё начистоту...

Лукьян, подумав, рассказал, что хочет написать книгу о своём предке, который был чиновником во время президентства Лучьяна Смолоза, и собирает для неё материалы.

— Ваши показания может кто-нибудь подтвердить? — спросил следователь.

— Нет, никто, — ответил он.

Его отправили обратно в камеру.

Во время следующего допроса Лукьян попросил сообщить о нём в гостиницу Грайюнкома, где жил Лесмян — может, тот сумеет что-нибудь предпринять... Время шло, близился суд, и было страшно — как бы не приговорили к смертной казни или пожизненному заключению!

Однажды, когда он спал, сквозь сон услышал знакомый голос:

— С вещами на выход!

И зазвенел ключ в замке. В коридоре рядом с надзирателем стоял Лесмян.

— Лесмян, мой дорогой... — забормотал Лукьян, не веря своим глазам.

Он выбежал в коридор и крепко обнял своего друга.

— Я все связи поднял, чтобы тебя выпустили, — проворчал Лесмян. — И устал уже всем объяснять, что ты не шпион...

— Как же я тебе благодарен! — сказал Лукьян, глядя его по плечу. — Думал, пропаду здесь ни за что ни про что...

Полицейские, извиняясь, отдали им вещи освобождённого. И друзья поехали в гостиницу. Там Лесмян лёг поспать, а Лукьян стал читать трилогию С. Зеппа «Первопроходец»; он был восхищён добротой и благородством Лучьяна, его храбростью и выдержкой во время полёта к Земле на самодельном корабле.

Вернувшись в Грайюнкм, друзья договорились с космическими почтальонами, что те возьмут их в свой следующий рейс к Земле. Лукьян нашёл в Юпинете схему первого космического корабля, построенного Лучьяном, и распечатал её.

— Просто гениально, — сказал он. — Я бы никогда до такого не додумался... Надо же так всё рассчитать, чтобы корабль не сломался в горячей оболочке Юпитера и пролетел ещё восемьсот миллионов километров!

И поведал другу об отрывке из «Соларии», в котором Лучьян велел сжечь его тело на Солнце.

— Это был всего лишь миф, — ответил Лесмян. — Достойнейших героев, по преданию, кремировали на Солнце, хотя это всё враньё, в космос тогда никто не летал...

— А как же узнали о Солнце? — спросил Лукьян. — Ведь его закрывает оболочка!

— Эти мифы были написаны уже после полётов в космос, — объяснил Лесмян. — Всё это выдумка... Но, если Лучьян так хотел, исполним его волю...

Юпитер отдалился медленно, и корабль со всех сторон окутала тьма.

— Чувствую, что не вернусь больше на родину, а всё равно не жалко, — сказал Лесмьян.

— На Земле нас ждут наши родные, — ответил Лукьян. — Как же я по ним соскучился...

И они стали молча смотреть в иллюминатор — когда же там появится бело-синий шарик... Но, не дождавшись, задремали. А потом Лукьян проснулся и толкнул друга в бок: корабль подлетал к прекрасной, окутанной белой пеленой, ставшей им навеки родной планете Земля.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «ПРОЩАЙ, ЛУЧЬЯН!»

Высадившись в том же поле, откуда и взлетали, Лесмьян и Лукьян переночевали у Ульяны и утром поехали в город. Они навестили своих сыновей и узнали страшную новость: умерла жена Беркоса Устинья. Её уже похоронили, и бедный вдовец всё время плакал. Когда отец обнял его и стал успокаивать, он сказал:

— У неё случилась апоплексия... Вечером во время прогулки потеряла сознание... Её привезли в больницу, там ей стало ещё хуже... Когда я навещал жену, она выглядела хорошо, будто просто спала... Врач говорил, что проживёт недолго, а мне не верилось... Она умерла на следующий день...

— Дитячко мой... — всхлипнул Лесмьян, прижимая его к себе. — Кабы я знал, что у вас случится такое горе, никуда бы не летал...

Лукьяну вновь стало неловко: ведь это он попросил друга полететь с ним...

Они с Лесмьяном задержались в Петербурге до девятидневных поминок, помогли их провести и после отбыли в Москву.

Вернувшись домой, Лукьян обнял жену и совсем уже взрослую дочь, рассказал им о своём путешествии, потом расставил по полочкам привезённые книги и сказал:

— Теперь мне нужно сделать большую работу — перевести весь привезённый материал на русский язык, а потом уже искать автора, который напишет роман о Лучьяне...

Однажды он пришёл к Лесмьяну, когда тот был дома один, и поделился наболевшим:

— Нам надо помочь сыновьям Кости. Ты ведь смог вытащить меня из тюрьмы на Сатурне, а здесь мы — Лучьян и Лесмьян Смолозы, известные, влиятельные люди, ты видел, как к нам в суде в Англии относились...

— Пожалуй, можно, — кивнул Лесмян. — Если их не выпустят совсем, то хотя бы срок уменьшат...

Они, рассказав всё жёнам, отправились в село Погребенское Забайкальского края, где отбывали наказание сыновья Константина.

— Там многие умирают от болезней, много захоронений, вот и название у села такое, — сказал Лесмян в дороге.

У Лукьяна всё сжалось внутри от его слов...

Прибыв на место, друзья добились встречи с начальником колонии-поселения и сообщили, что хотят навестить своих родственников — Степана и Андрея Смолозов.

— Так они же умерли... — сказал начальник спокойно и буднично, как о сущем пустяке. — Старший простудился и долго болел, а младший пытался бежать и был подстрелен, помер, истекая кровью...

Он показал гостям захоронения, там среди деревянных крестов они нашли два, на которых кто-то криво нацарапал: «Степан Смолоз» и «Андрей Смолоз».

— Костя с ума сойдёт от горя... — вздохнул Лукьян. — Как мы ему такое сообщим?

— Не беспокойся, я сам поговорю с ним, — ответил Лесмян. — Бедные мальчики, покойтесь с миром...

Вернувшись в Москву, он сообщил Константину о смерти сыновей и вместе с ним оплакал их и помянул. Потом Лесмян несколько дней жил у него, заботился о нём, Лукьян каждый день навещал их, они беседами отвлекали бедного мужчину от горя.

— За что мне такое? — спрашивал он, плача. — В чём я так провинился? И жену, и детей потерял...

И стал тайком выпивать, но Лесмян заметил это и остановил его, после нескольких наставительных бесед с ним Константин бросил пить, взялся за ум и вернулся к работе. Позже Лесмян и Лукьян съездили с ним в Погребенское, забрали тела Степана и Андрея и похоронили их в Москве рядом с матерью.

Лукьян стал переводить книги Лукьяна и о Лукьяне на русский язык. Лесмян обучил его тому языку, на котором были написаны книги с Сатурна, помогал ему с переводами и проверял их. Целыми днями Лукьян работал в своём кабинете, Людмила

приносила ему туда завтраки, обеды и ужины и приходила глубокой ночью с напоминанием, что пора уже спать. Он до того увлёкся работой, что перестал видеть, как живут и что делают жена и дочь. Однажды ночью узнал от супруги, что у Ксюши появились сразу два ухажёра и она не может выбрать кого-либо из них.

— Один — Иван Тимошин, поэт, из богатой дворянской семьи, — рассказала Людмила. — А другой — Григорий Кондратьев, ремесленник, сын крестьян. Дочь любит стихи Ивана, его галантность, воспитанность, но говорит, что он слишком манерный. Григорий не так воспитан, но добр и простодушен...

— С кем ей хорошо, с тем пусть и будет, мы не можем за неё решать... — ответил Лукьян.

Однажды вечером он поговорил с дочерью по душам. Она рассказала ему о своих ухажёрах и показала изданный недавно сборник стихотворений Ивана «Самоцветы». Отец просмотрел его, восхитился красотой и изяществом слога молодого поэта. Потом спросил:

— А Григорий, значит, ремесленник? Что же изготавливает?

— Он кладбищенский скульптор, — ответила Ксения. — Делает памятники.

Лукьян сначала помрачнел, а потом подумал, что и этим надо кому-то заниматься, ненужных профессий не бывает...

— Ладно, дочка, мы с мамой не будем вмешиваться, давать тебе советы в таком деле, — сказал он. — Будь с тем, кого сама выберешь, а мы уж примем его как родного... Ты у меня совсем взрослая стала...

Отец обнял её и поцеловал в лоб.

В последующие дни Лукьян увиделся с обоими ухажёрами дочери, приходившими к ней на обед. Иван, всегда опрятный, аккуратный, ухоженный, в нарядном костюме, был интересным собеседником, образованным, с широким кругозором. Григорий, одетый бедно, не соблюдал этикет так хорошо и не стремился блеснуть знаниями, но проявлял душевность и весёлость.

Однажды Лесмян пришёл к Лукьяну и сказал:

— Надо бы выполнить волю покойного брата, оглашённую им в «Соларии». Прошло почти двенадцать лет, как он умер, пора это сделать... Собирайся, мы едем в Петербург.

Лукьян, едва сдерживая волнение, стал собирать вещи в дорогу. Да уж, всякое было на его веку, но увидеть такие «похороны»!..

Лесмян знал, когда прилетят почтальоны с Юпитера, и незадолго до этого они с Лукьяном выкопали гроб с телом Лучьяна и понесли его в поле, где обычно появлялся корабль. Друзья разожгли костёр, и вскоре судно появилось в небе и медленно опустилось на землю. Пилоты вышли из кабины, и Лесмян известил их:

— Лучьян Смолоз умер. Вам больше не придётся привозить ему пенсию... — и показал на гроб.

— Умер? Но кто тогда он? — один из пилотов кивнул в сторону Лукьяна.

— Лукьян, клон Лучьяна Смолоза, — ответил тот и предъявил свои документы.

— У нас к вам последняя просьба, — сказал Лесмян. — Нужно «отдать Солнцу» тело Лучьяна согласно его завещанию...

И он зачитал экипажу отрывок из «Соларии». Пилоты переглянулись, вздохнули и вместе с путниками погрузили гроб на корабль...

Приблизившись к Солнцу на такое расстояние, чтобы самим не обгореть и не сломать судно, пилоты остановили его, и гидравлическая пушка, в которую поместили гроб, выстрелила им в ослепительно яркое Солнце, и он тут же исчез...

— Прощай, Лучьян! — воскликнул Лесмян и помахал рукой яркому светилу. — Ты стал символом нашей Солнечной системы, и Солнце приняло тебя к себе!

Корабль развернулся и полетел обратно к Земле. Лукьян с содроганием думал, что теперь от Лучьяна ничего не осталось — Солнце спалило гроб с его останками. А сколько хорошего он оставил после себя! И сколько поколений будут ещё помнить его...

Свадьбу Ксении решили отпраздновать в поместье Ульяны, и туда стали съезжаться все Смолозы и их друзья.

Иван, стоя перед зеркалом, примерял то один галстук, то другой, но все они ему не нравились.

— Какой же мне надеть?.. — спросил он у Лукьяна.

— Надень синий, — посоветовал тот и приложил галстук к груди молодого человека. — Ай да красавец! Выше нос, у тебя сегодня ответственная миссия свидетеля!

— Дядя Лукьян, почему она выбрала его? — сморщился Иван. — Я же так хорошо ухаживал за ней, столько стихов ей посвятил!

— Ваня, да разве женщины любят за что-то? — улыбнулся Лукьян.
— Женская любовь — это загадка... Но ты ещё найдёшь своё счастье, уверяю тебя!

С улицы послышался голос Григория:

— Дядя Лукьян! Ваня!

— Всё, пойдём, жених зовёт, — сказал Лукьян, помог Ивану завязать галстук, и они вышли из комнаты.

Во дворе их ждали жених и невеста, свидетельница — близкая подруга невесты Наталья, Людмила, Вениамин, Милан и Беркос с семьями и многочисленными Смолозы — семьи Лесмяна, Ульяны, Дионисия, Константина и Ермолая. Константин и Беркос кое-как оправались от смерти жён и даже нашли себе новых спутниц жизни — и правильно: пока человек жив, он должен кого-то любить и кто-то должен любить его.

Видя счастливые лица гостей, Лукьян думал: «Какое же славное семейство, славный род — Смолозы... Нет, не зря жил на свете Лучьян — оставил нам великое наследие и прекрасных потомков, и имя его будет согревать нас, как тёплое, ласковое солнце с неба...»

ЭПИЛОГ

В начале XX века от болезней ушли из жизни Дионисий, Ульяна и Константин. Дети и внуки Дионисия и Ульяны постепенно разъехались из их владений, семья Афанасия, сына Созона, сменила адрес в Петербурге, и связь Лукьяна с потомками Лучьяна оборвалась. Он слышал лишь, что в 1905 году крестьяне разгромили поместье Дионисия, убили его вдову и сына.

Лесмян в начале века много путешествовал за рубежом. Он занимался китобойным промыслом вместе с Флеммингом Смолозом, совершил плавание на плоту через Атлантический океан из Англии в Бразилию вместе с Лукьяном, Беркосом, Вениамином и Миланом, искал алмазные копи в Мексике и золотой клад в Карибском море, но ничего не нашёл.

В 1907 году жена Лукьяна Людмила умерла от язвы желудка. Ксения с мужем и дочерью переехала в Нью-Йорк. Григорий стал известным скульптором и теперь украшал своими работами дворцы, университеты, театры, консерватории и другие заведения. В 1914 году во время путешествия семьи в Италию на пароходе он умер от инсульта. Несколько лет спустя бывший поклонник Ксении Иван разыскал её и сделал ей предложение,

они поженились и прожили вместе тридцать лет, до смерти мужа, а потом она ещё десять лет доживала одна.

У Беркоса и его новой жены Лилианы родилось трое детей: Максим, Серафима и Георгий. Максим освоил профессию лётчика и погиб при испытании нового самолёта в 1915 году. Беркос был убит во время вооружённого восстания в Петрограде в октябре 1917 года. Лесмян до революции купил дачу под Рязанью, ездил туда с семьёй отдыхать, и там в 1919 году, во время Гражданской войны, его жену, невестку и двух внуков расстреляли белые за укрывательство красноармейца, сам же он находился в то время в Москве. В 1920 году Вениамин и Милан с семьями эмигрировали в Париж, где оба вскоре умерли.

Лукьян несколько лет жил в Петербурге, основал там институт печати и стал преподавать в нём русский язык и литературу. Получил звание профессора-литературоведа. Студенты очень любили старика за добрый и весёлый нрав. Во время Первой мировой войны он добровольно работал санитаром на фронте, оказывал бойцам первую помощь и лечил их в лазарете. Во время революции его институт закрыли и он вернулся в Москву.

Лесмян и Лукьян, скрывая свою принадлежность к дворянству, поменяли инициалы и стали братьями Солнцевыми — Леонидом и Лукьяном Константиновичами. В 1922 году Лукьян женился на пожилой даме Яне Стефановне из чешского дворянского рода, строгой и властной. Он любил её и слушался во всём. Они счастливо прожили вместе четырнадцать лет до самой смерти жены. Лукьян работал внештатным корреспондентом в газете «Правда»: писал статьи о новой экономической политике, об образовании СССР, об индустриализации и коллективизации, о внешней политике Советского Союза, о советской культуре.

Лесмян преподавал историю в нескольких московских университетах. В 1925 году во время командировки в Луганск он познакомился со студенткой Марией, в том же году она родила от него сына Филю. Старик взял их к себе в Москву и женился на своей возлюбленной. И в следующем году издал свои мемуары под названием «В тени». Продав старую дачу под Рязанью, купил новую возле Домодедова. С 1931 года семья жила в так называемом Доме на набережной, где поселились многие представители советской элиты. Филя учился в школе № 25, прозванной «Сталинским лицеем». Он был очень развитым мальчиком, отличником, много читал и писал художественные произведения, ходил в разные кружки и вёл общественную работу, много путешествовал во время каникул. В 1940 году его родители развелись и мальчик переехал с матерью в Новгород к её брату. Там их и застала Великая Отечественная война.

В оккупации они работали в госпитале, выхаживали пленных советских солдат, тайком переправляли их за линию фронта. Филя стал комиссаром партизанского отряда. В октябре 1941 года он погиб в перестрелке с немцами, а его мать покинула город и перешла линию фронта. В апреле следующего года парня посмертно наградили орденом Красного Знамени.

Во время войны Лесмян, несмотря на плохое здоровье, много трудился вместе с другими москвичами: участвовал в строительстве баррикад и маскировке зданий от фашистских бомбардировщиков, тушил зажигательные бомбы на крыше. Посещал военные госпитали, приносил туда свои вещи, беседовал с бойцами, помогал медсёстрам перевязывать их. В августе 1941 года во время авианалёта был сильно ранен, но его успешно прооперировали и вытащили из тела осколки снаряда. Не раз ему предлагали эвакуироваться, но он отказывался. Потом переехал на дачу и прожил там пять лет, иногда выбираясь по делам в город. В марте 1944 года старик посетил освобождённый Новгород, встретился с учителями и товарищами Фили и поставил памятники погибшим подпольщикам.

Лукьян в 1941 — 1943 годах был в эвакуации в Куйбышеве. Там он познакомился с писательницей Любовью, создававшей, как и Людмила, исторические произведения о героях Древнего мира. Они прожили в гражданском браке несколько лет, потом расстались. Вернувшись из эвакуации, Лукьян посетил Краснодарский, Харьковский, Нюрнбергский и другие судебные процессы над немецкими военными преступниками и их пособниками и написал об этом в газету.

После войны Лесмян стал жить со своей бывшей студенткой, известной актрисой Галиной, которую уже давно добивался. В январе 1947 года в своём дачном посёлке он подрался с напавшими хулиганами и застрелил одного из них из револьвера. Был арестован и по приговору суда на два года отправлен в колонию-поселение в Читинскую область. Там вместе с другими заключёнными и нанятыми рабочими строил новые дома. В январе следующего года поехал на грузовике с водителем в соседний посёлок за стройматериалами, в дороге они столкнулись с автоцистерной, и обе машины с людьми сгорели. Лесмяна предали земле на местном кладбище. Через несколько лет юпитериане нашли его могилу, вывезли останки на родину и захоронили там.

В начале 1950-х годов Лукьян женился на молодой вдове Таисии, работнице завода, и усыновил двух её сыновей — Дмитрия и Клина. У них ещё родилась дочь Алёнка. Отец

воспитал их всех в любви, дал им хорошее образование и много помогал уже во взрослой жизни. Дмитрий стал политиком, Клим — архитектором, а Алёна — актрисой. «Гостеприимный, отзывчивый человек! Он привечал у себя родственников и друзей, никому не отказывал в помощи», — вспоминал Василий, младший брат Фили по матери, вместе с ней и бабушкой навещавший Лукьяна.

Старик ездил в Казахстан, жил там некоторое время, наблюдал за освоением целины, общаясь с рабочими, крестьянами, специалистами и отправляя публикации об этом в газету. Во время правления Хрущёва и Брежнева он брал интервью у многих политиков, учёных, писателей, художников, артистов, космонавтов и так далее, был гостем теле- и радиопередач. Часто говорил о надобности создать роман о жизни Лучьяна Смолоза, но никто из писателей не решился взять на себя такую ответственность.

В 1964 году Лукьян в последний раз летал на Юпитер. И там, в Грайюнкме, на Большом слёте планет Солнечной системы, проводившемся раз в семь лет, представлял Землю. Перед многотысячной аудиторией читал лекции по геологии, географии, биологии, истории и демографии планеты, о науке и технике, литературе и искусстве землян. «Города здесь поражают своими масштабами, — писал он в дневнике. — В Лучелане, например, живёт сто пятьдесят пять миллионов человек. В городе двенадцать аэропортов, четыре космопорта, двадцать семь автовокзалов и двадцать четыре речных вокзала. Тут очень много небоскрёбов, так что, когда смотришь вверх, кружится голова. На улицах — толпы жителей города и туристов. От пёстрых вывесок рябит в глазах. От громкого гула воздушных автомобилей и вертолётов звенит в ушах...» Он посетил могилу Лесмяна, похороненного в родном Кирифе; этот склеп был известной достопримечательностью, и каждый день к нему приходили толпы народа. О Лучьяне здесь по-прежнему помнили, и многие населённые пункты, предприятия, учреждения продолжали носить его имя.

Во время Афганской войны Лукьян ездил в горячие точки и писал в газету о военных операциях. Он видел много страданий и смертей солдат и мирных людей, сам не раз попадал в опасные ситуации и решил оставить деятельность корреспондента. И в конце 1980-х годов вновь стал преподавать в вузе. У Таисии обнаружили рак лёгких, и муж пытался вылечить её, возил по лучшим клиникам, но безуспешно: она скончалась...

В 1993 году Лукьян познакомился со студенткой Верой, она писала у него диплом, потом училась в аспирантуре и вела

вместе с ним лекции. Он был её кумиром с детства, девушка читала его публикации в газете и научные труды, смотрела телепередачи, где тот выступал, и мечтала познакомиться. Когда Вера окончила аспирантуру, они поженились и у них родился сын Руслан.

— ...Вот так всё и было, — сказал мне Лукьян Константинович, когда я вновь посетил его в декабре 2004 года. — Писателей много, а того, кто напишет про жизнь Лучьяна, так и не нашлось. Я очень надеялся, что это сделает Филя, который был необыкновенно талантлив, но он погиб... У меня нет должного таланта, и к тому же болею и не знаю, сколько ещё проживу... Мне хочется, чтобы этот роман создал ты — очень уж понравились принесённые тобою рассказы и повесть... Но тебе нужно набраться жизненного опыта, прежде чем начать работу над произведением. Я обеспечил тебя всеми материалами о Лучьяне, которые мы с Лесмьяном собрали и перевели на русский язык. Ну что, возьмёшься за это дело?

— Возьмусь, — ответил я, и мы пожали друг другу руки.

2008 — 2020 гг.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>